

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1

Москва
2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 1

Moscow
2021

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0

All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М.,
академик РАН, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Кали-
форнийский университет, Лос Анже-
лес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профес-
сор, Институт проблем передачи ин-
формации РАН; Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор,
Варшавский университет, академик
Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор,
Мадридский технический университет,
Испания; Институт проблем передачи
информации РАН

Вайс Д. — Ph.D., профессор, Цюрихский
университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil., профессор,
Йенский университет
им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Full Member of the
RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language),
Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and
Literatures), Professor, University of Califor-
nia, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Institute for Information Transmis-
sion Problems of the RAS; Vinogradov Rus-
sian Language Institute of the RAS, Full Mem-
ber of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Full Member of the Polish Academy
of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Technical University of Madrid,
Spain; Institute for Information Transmission
Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitrij O. Dobrovol'skij, D.Sc. (General Linguis-
tics), Professor, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Lit-
eratures), Professor, Harvard University, Cam-
bridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language),
National Research University Higher School of
Economics, Corresponding Member of the
RAS, Moscow, Russia;

- Вежицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия
- Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия
- Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Золтан А. — Dr., профессор, Будапештский Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия
- Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия
- Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США
- Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия
- Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада
- Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- Плунгян В. А. — академик РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
- Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
- Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
- Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
- Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
- Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
- Igor Meřčuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
- Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
- Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
- Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Natalia M. Stoynova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
- Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Стойнова Н. М. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США
Толстая С. М. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН
Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия
Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США
Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Linguistics), Professor, Friedrich Schiller University, Jena, Germany;
Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;
Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;
András Zoltán — Dr. (Slavonic Studies), Professor em., Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>А. Д. Шмелев.</i> Допустимая вариативность орфографии или распространенная ошибка?	9
<i>Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук.</i> Мини-модель семантического синтеза русских фраз	31
<i>В. В. Глебкин.</i> Открывание бутылок как предмет лингвокультурного анализа	64
<i>Е. Л. Березович, В. С. Кучко.</i> О явлении культурной ремотивации при калькировании лексики: <i>кошачье золото</i> и <i>кошачье серебро</i> в минералогической терминологии	87
<i>О. Ю. Чуйкова.</i> Употребление родительного партиципного при русских глаголах с префиксом <i>по-</i> : корпусные наблюдения	105
<i>П. В. Дурягин.</i> Интонация частного вопроса в русском языке: экспериментальное исследование источников вариативности	137
<i>Е. С. Скачедубова.</i> Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация страдательных причастий прошедшего времени	178
<i>В. Ю. Гусев.</i> Правила замены СВ на НСВ при модальных глаголах с отрицанием	192
<i>И. А. Подтергер.</i> Германское, латинское и церковнославянское в языке и тексте Смоленской грамоты 1229 г.	226
<i>А. М. Молдован.</i> «Сложилъ есмь гръчьскыи номоканонъ»	277
<i>А. К. Поливанова.</i> Энклиномены в Барсовском хронографе XVI в.	283
Адреса университетов и институтов	312
Правила подачи статей	313

CONTENTS

Articles

<i>Alexei D. Shmelev</i>	
Variation in Russian orthography or common mistakes?.....	9
<i>Lidia N. Iordanskaja, Igor' A. Mel'čuk</i>	
Minimodel of semantic synthesis of Russian sentences	31
<i>Vladimir V. Glebkin</i>	
Bottle opening as an object of linguocultural analysis	64
<i>Elena L. Berezovich, Valeria S. Kuchko</i>	
On the phenomenon of cultural remotivation in loan translation: <i>cat's gold</i> and <i>cat's silver</i> in mineralogical terminology	87
<i>Oksana Yu. Chuikova</i>	
The use of genitive partitive with Russian <i>po</i> -verbs: corpus observations.....	105
<i>Pavel V. Duryagin</i>	
Russian <i>wh</i> -question intonation: experimental data on some sources of variation	137
<i>Ekaterina S. Skachedubova</i>	
Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of past passive participles.....	178
<i>Valentin Yu. Gusev</i>	
Rules of substitution PF to IPF after modal verbs with negation in Russian.....	192
<i>Irina Podtergera</i>	
German, Latin, and Church Slavonic in the language and text of the Smolensk Trade Treaty of 1229	226
<i>Alexandr M. Moldovan</i>	
“Složilь esmь grьčьskyi pomocanopъ”	277
<i>Anastasia K. Polivanova</i>	
Enclimomena in the Barsov Chronograph.....	283
Adresses of universities and institutes.....	312
Notes for contributors	314

А. Д. ШМЕЛЕВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
shmelev.alexci@gmail.com

ДОПУСТИМАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ОРФОГРАФИИ ИЛИ РАСПРОСТРАНЕННАЯ ОШИБКА?

В статье рассматривается вариативность в написании некоторых русских слов (в их буквенном составе, использовании прописных букв, слитном, раздельном и дефисном написании), а также некоторые другие вопросы русской орфографии. Отмечается отсутствие симметрии в орфографическом и орфоэпическом варьировании. Анализ опирается на разграничение между орфографическими нормами и орфографическими правилами. Выделяются два типа орфографических лагун, связанных с последним разграничением: неустановленные нормы (в том числе вариативные нормы) и отсутствие внятной формулировки правила при наличии ясной орфографической нормы. Делается вывод, что орфографическая вариативность в определенных случаях может быть оправданной. Однако следует различать допустимую орфографическую вариативность и орфографические ошибки, даже если эти ошибки частотны в узусе.

Ключевые слова: орфография, узус, вариативность, норма, кодификация, орфографическая ошибка.

Вступительные замечания

Когда в марте 2012 г. в докладе на заседании Орфографической комиссии РАН и в ноябре 2012 г. в докладе на III Международной конференции «Культура русской речи», посвященной 200-летию Я. К. Грота, я высказал мысль, что вариативность в орфографии не только возможна, но в определенных случаях и неизбежна, я чувствовал, что эта мысль вызвала некоторое внутреннее сопротивление у многих коллег, привыкших исходить из того, что, в отличие от других сфер кодификации языковой нормы, в орфографии почти для каждого случая реальной или потенциальной вариативности в узусе возможно однозначное решение. В этом отношении мне весьма приятно, что в статье [Нечаева, Перцов 2020] проводится сходная мысль и при этом она иллюстрируется многочисленными примерами из реальных грамотных текстов на русском языке, в том числе теми, о которых я вовсе не упоминал или даже не знал.

В то же время мне представляется, что в указанной работе есть важная методологическая неточность, несколько снижающая убедительность ар-

гументации и приведенного иллюстративного материала. Имеет смысл остановиться на этом, в связи с чем я приведу некоторые общеметодологические размышления, сформулированные в упомянутых выше докладах, и примеры, которыми они иллюстрировались, тем более что сами доклады никогда не публиковались. Я кратко остановлюсь на разных типах орфографического варьирования, касающихся буквенного состава слов (в том числе заимствованных), употребления прописных букв, а также слитного, раздельного и дефисного написания языковых выражений.

В качестве предпосылки моего подхода можно упомянуть положение, согласно которому следует разграничивать орфографические нормы и орфографические правила (это разграничение было, в частности, проведено в статье [Шмелев 2009]). Орфографическая норма позволяет охарактеризовать то или иное написание как «грамотное» или «неграмотное», тогда как орфографическое правило формулирует критерии, позволяющие осуществить такое отнесение. Тот факт, что слово *заря* пишется с буквой *а* в корне (хотя форма множественного числа — *зори*), является орфографической нормой, а фраза «в корне *зар—зор-* без ударения всегда пишется буква *а*» — орфографическим правилом. Иными словами, орфографические нормы — это сложившееся представление о «правильном» написании, принимаемое грамотным сообществом, тогда как орфографические правила — это формулировки, позволяющие установить, каково «правильное» написание, если пишущий в нем не уверен.

Для одной и той же орфографической нормы иногда можно сформулировать разные орфографические правила, и в таких случаях выбор формулировки зависит от того, насколько она ясна и логична. Более того, в реальной практике кодификации бывают случаи, когда по недосмотру кодификаторов буквальное применение сформулированного ими «правила» приведет к тому, что будет выбрано заведомо неправильное написание. Так, в «Правилах русской орфографии и пунктуации», официально утвержденных в 1956 г. Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР и служивших основным справочником, регулирующим выбор правильных написаний в советской печати на протяжении многих лет, по поводу выбора между написаниями суффиксов *-иц-* и *-ец-* говорилось: «...в существительных женского рода пишется *-иц-*, например: *конница, лестница*» [Правила 1956: 14] и при этом никаких дополнительных оговорок не делалось. Ясно, что авторы данной формулировки просто забыли о слове *хитреца* (и о более редких *кислеца* и *наглеца*); вопреки указанной формулировке, орфографическая норма всегда состояла в том, чтобы писать эти слова с суффиксом *-ец-*.

Соответственно, можно выделить два типа лакун в существующих правилах правописания: лакуну в правилах (когда норма существует и в целом принимается всеми грамотными носителями языка, однако правила орфографии ее не учитывают) и неустановленную норму (когда разные грамотные носители языка предпочитают различное написание одного и того же

языкового выражения, а правила орфографии либо ничего не говорят на этот счет, либо предписывают написание, противоречащее предпочитаемому многими грамотными носителями языка или даже большинством).

Сказанное подводит нас к вопросу: что значит «различное написание одного и того же языкового выражения»? Можно ли считать различные написания *калоша* и *галоша*, *матрас* и *матрац*, *ноль* и *нуль*, *шкап* и *шкаф* различным написанием одной и той же языковой единицы и, соответственно, говорить об орфографической вариативности? Многие коллеги уверенно отвечали, что нет, нельзя. Хотя у этих языковых единиц план содержания тождествен, но план выражения различен и имеет различный фонемный состав; тем самым это разные, хотя и синонимичные языковые единицы.

Однако, пытаясь бескомпромиссно провести такой подход, мы неизбежно сталкиваемся с тем, что далеко не всякое варьирование плана выражения оказывается достаточным для признания языковых единиц различными и для отражения этого варьирования на письме.

Следует сразу оговориться. В последующем изложении не будут приниматься во внимание различные способы отразить особенности произношения в прямой речи персонажей художественных произведений (например, в вопросе Костоглотова в «Раковом корпусе»: «Семьсь пятый — уже?.. семьсь пятый — уже?»). Речь будет идти только о тех написаниях, которые признаются правильными значительной частью образованных носителей языка.

Асимметрия произношения и написания: вариативность фонемного состава или орфографическая вариативность?

Во всех учебных пособиях, в которых заходит речь о разнице петербургского и московского произношения, одним из самых характерных показателей этого различия признается различное произношение постфикса *-сь/-ся*: в старомосковском произношении произносится твердый согласный [с], а в петербургском — мягкий [с']. Независимо от этого, указанное различие в произношении никогда не отражается в написании, хотя, вообще говоря, [с] и [с'] — разные фонемы, находятся они в сильной позиции по твердости–мягкости, так что у нас могли бы быть основания говорить о различном фонемном составе.

Есть случаи, когда данные разных орфоэпических пособий и справочников противоречат друг другу. Так, в словаре [Каленчук и др. 2012] в качестве нормативного произношения последовательности согласных в середине слова *брандспойт* указано [нзб] и отмечается, что произношение [нсп] не рекомендуется. Напротив того, в словаре [Еськова 2015] в качестве единственного варианта произнесения этой группы согласных указывается [нц'п] и никакие другие варианты даже не упоминаются. Иными сло-

вами, мы имеем дело с противоречивостью мнения экспертов относительно произносительной нормы, и представляется, что допустимым следует признать оба варианта, рекомендуемых словарями¹.

Как бы то ни было, очевидно, что и в случае слова *брендспойт*, и в случае словоформы *боюсь* мы имеем дело с не отражаемой на письме вариативностью произношения (и, очевидно, фонемного состава?) одной и той же единицы². Но ничто не мешает допустить и возможность разного произношения одной единицы, отражаемого на письме. Собственно, так и сделано в «Русском орфографическом словаре» [РОС 2018], в котором мы имеем пары орфографических вариантов: *калоши* и *галоши* (и их производные), *матрас* и *матрац*, *ноль* и *нуль* представлены именно как варианты (правда, *шкап* и *шкаф* описаны отдельно, и к слову *шкап* дана помета «устар. и сниж. к шкаф»).

Возможна и ситуация, когда имеется вариативность в орфографии при едином произношении. В слове *материал* в образцовом произношении после звука [р'] произносится [ja]; в словаре [Еськова 2015] это произношение указано в качестве единственно возможного³. При этом существует и другой вариант орфографической записи этого слова, направленный на то, чтобы точнее отразить произношение, и включенный в [РОС 2018], а именно — *матерьал* (с пометой — *при передаче произношения, в поэзии*). Существенно, что, скажем, в научном тексте написание *материал* практически безальтернативно, и при этом в подавляющем большинстве случаев в устной научной речи это слово будет произнесено с [ja]; таким образом, в нем нет однозначной корреляции написания и произношения. Сходным образом устроено и прилагательное *материальный* (как и наречие *материально* и существительное *материальность*), причем для него в обоих орфоэпических словарях: и [Каленчук и др. 2012], и [Еськова 2015] — для сочетания букв *иа* указывается лишь произношение в один слог, а в [РОС 2018] приведены два варианта написания: *материальный* и *матерьальный* (второе — опять-таки с пометой *при передаче произношения, в поэзии*). Иными словами, наблюдается асимметрия орфографического и произносительного варьирования: господствует произношение [ja], которое по правилам графики должно записываться как *ья*, а на письме господствует сочетание *иа*, которое могло бы побуждать произносить его в два слога (написание с *ья* воспринимается как маркированное).

¹ О проблемах кодификации нормы в ситуации противоречивости мнений экспертов см., в частности, [Шмелев 2004; 2017a].

² Впрочем, изредка встречается и написание *брендсбойт*: девять примеров в основном и газетном подкорпусах Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) по состоянию на 1 сентября 2020 г. Очевидно, что так пишут те, кто произносит это слово с [нзб], и это написание призвано отразить произношение.

³ В словаре [Каленчук и др. 2012] в качестве допустимых указываются и другие варианты, однако именно произношение с [ja] признается предпочтительным.

Сказанное побуждает обратиться к другим примерам орфографического варьирования написаний *иа* и *ья* в его соотношении с варьированием произношения. В целом в них имеет место сходная асимметрия орфографического и произносительного варьирования, причем не одинаковая для разных слов. Так, для слов *вариант* и *вариация* в словаре [Каленчук и др. 2012] рекомендовано произношение сочетания *иа* в два слога, но при этом с пометой «устарелое» допускается и произношение с [ja]. На письме это варьирование не отражается, и в [РОС 2018] в качестве единственных приводятся написания с сочетанием *иа*. Для слова *диакон* (а также слов *архидиакон*, *иеродиакон*, *протодиакон*) в [РОС 2018] в качестве равноправных приведены и написания с *ья*, и написания с *иа*: *дьякон* и *диакон*, *архидьякон* и *архидиакон*, *иеродьякон* и *иеродиакон*, *протодьякон* и *протодиакон*. При этом господствует произношение с [ja]: и [Каленчук и др. 2012], и [Еськова 2015] не только не упоминают произношение [иа], но и соответствующие слова даны в них только в написании с *ья*⁴. В паре *диавол*—*дьявол* (а также в производных, например *диавольский*—*дьявольский*) [РОС 2018] учитывает только второе написание, и оно же приводится в орфоэпических словарях. Из этого можно было бы заключить, что произношение [иа] вовсе не встречается; на самом деле оно иногда появляется в речи при имитации церковнославянского произношения. Но еще более важно то, что для некоторых текстов написание с *иа* оказывается единственным возможным; в частности, это касается всех изданий синодального перевода Священного Писания.

Мы видим, что вариативность написания *иа*—*ья* и вариативность произношения [иа]—[ja] не полностью соответствуют друг другу и по-разному проявляются у разных слов. Действует одно общее правило чтения: если слово записано с помощью сочетания *ья*, оно практически всегда читается с [ja], а если слово записано с помощью сочетания *иа*, то в зависимости от конкретного слова предпочтительным может оказаться как чтение с [иа], так и чтение с [ja]. Здесь проявляется общая асимметрия орфографического и орфоэпического варьирования.

Другим примером вариативности орфографии, косвенно связанной с вариативностью произношения, может служить варьирование написания *Псалтирь*—*Псалтырь*. Удивительным образом написание *Псалтирь*, хотя в текстах оно встречается весьма нередко⁵, не упоминается в [РОС 2018] (неужели авторы РОС считают его ненормативным?); слово представлено в этом словаре лишь в написании *Псалтырь*. Соответственно, в обоих упомянутых орфоэпических словарях слово приводится только в написании

⁴Заметим, впрочем, что произношение [иа] иногда встречается в церковной или околоцерковной среде.

⁵ В НКРЯ в основном корпусе обнаруживаем 443 вхождения написания *псалтирь* и 613 вхождений написания *псалтырь*; при этом в текстах на религиозную тематику написание *псалтирь* встречается даже чаще.

Псалтырь и предусмотрено лишь произнесение его с твердым [т]. Между тем произношение с [т'] не является редкостью. Интересно, что посредством мини-эксперимента мною было установлено, что при чтении вслух текстов, в которых встречается это слово, если оно написано через букву *ы*, его практически всегда читают с твердым [т], но если оно написано через букву *и*, то чтение с мягким [т'] даже преобладает, но чтение с твердым [т] тоже не исключено. Здесь опять-таки имеет место асимметрия орфографического и фонетического варьирования.

Стоит добавить, что в тех случаях, когда вариативность произношения не отражается орфографически, она часто остается незамеченной. Можно иллюстрировать это на примере произношения некоторых русских числительных.

Как мы уже отмечали, в словарях, ориентированных на кодифицированный литературный язык, беглое, неполное произношение, вообще говоря, отражаться не должно — во-первых, потому, что оно недопустимо в отчетливой, тщательной речи, а во-вторых, потому, что возможность такого произношения определяется не индивидуальными особенностями того или иного слова, а общими фонетическими закономерностями, определяющими звуковой строй беглой разговорной речи; и это относится, в частности, к русским числительным [Булыгина, Шмелев 2000: 291; Шмелев 2014: 57]. Поэтому отсутствие в словарях указаний на то, что слово *пятьдесят* в беглой речи может произноситься как [п'с'át], никак не может быть признано «лакуной», и, как уже говорилось, случаи, когда такое произношение отражается на письме в художественной литературе, в данной статье не рассматриваются. Однако для ряда числительных (например, *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят*) некоторая разновидность редуцированного произношения конвенционализуется, становится преобладающей в беглой речи и допустимой даже в ситуациях, которые предполагают отчетливую, тщательную речь, хотя в большинстве орфоэпических словарей это не отмечается [Булыгина, Шмелев 2000: 292; Шмелев 2014: 57]⁶. При этом можно заметить, что для слова *тысяча* такое беглое произношение издавна отмечается на письме в виде *тыща*, и это отражено в [РОС 2018], в котором при слове *тысяча* указан вариант *тыща* (с пометой *при передаче разг. произношения, в поэзии*), а кроме того, написание *тыща* приведено на своем алфавитном месте (с той же пометой). Однако для производных

⁶ Попытка отразить такое произношение была предпринята в словаре [Каленчук и др. 2012]. В нем в вводной статье «Как пользоваться словарем» в разделе «Нормативная характеристика произношения и ударения» отмечается, что помета «в беглой речи обычно» указывает на вариант, более употребительный в беглой речи, и приводится пример: «пятьдесят — п[и^ед'и^е]с'ят, в беглой речи обычно п[и^еи^е]с'ят» [Каленчук и др. 2012: 7]. Соответствующие указания сделаны в словарных статьях числительных *шестьдесят, семьдесят, восемьдесят*; однако курьезным образом в словарной статье числительного *пятьдесят* такого указания нет!

слов *тысячный*, *двухтысячный* и т. д., *тысячелетие*, *двухтысячелетие* и т. д. написание с буквой *щ* невозможно, и не случайно соответствующее произношение, хотя и встречается в речи, в большинстве орфоэпических справочников не упоминается⁷.

Таким образом, мы видим, что даже в тех случаях, когда варьирование написания можно было бы объяснять вариативностью произношения, однозначной корреляции написания и произношения нет. Наряду с варьированием произношения при стабильном правописании и варьированием написания при стабильном нормативном произношении возможна и ситуация асимметричного варьирования правописания и нормативного произношения, когда некоторая корреляция наблюдается, но полного соответствия нет. Если учитывать такие случаи орфографического варьирования, то обнаруживается немало случаев варьирования буквенного состава слов, связанного с варьированием произношения, но не полностью определяемого им.

Полисемия и орфографическая вариативность

Существует и иной тип орфографического варьирования, когда слово имеет разные значения и в каких-то значениях пишется единообразно, тогда как в других может писаться по-разному. Так, у слова *паремия* есть два значения: (1) чтение из Священного Писания (обычно из Ветхого Завета) на вечернем богослужении; (2) родовое обозначение пословиц и поговорок (ср. [Захаренко и др. 2008: 614]). Во втором значении используется устойчивое безальтернативное написание *паремия*; так же пишется образованное от него название научной дисциплины, изучающей паремии, — *паремиология*. А вот в первом значении можно наблюдать варьирование: *паремия* и *паримия*. Приведу несколько примеров из НКРЯ (всего в основном корпусе обнаруживаем 35 вхождений написания *паремия* — все без исключения именно в значении чтения из Писания на вечерне — и всего лишь два вхождения написания *паримия*):

Ряд мелких эпизодов и стереотипных формул в житии Александра Невского восходит к агиографической литературе, оригинальной («Сказание» о Борисе и Глебе и *паримии* в честь их и др.) и частично перевод-

⁷ Некоторое исключение составляет словарь [Каленчук и др. 2012]; хотя в нем указанное произношение, как представляется, отражено непоследовательно (в частности, это касается нормативных помет). Приведем словарные статьи ряда соответствующих слов без комментариев: **ТЫСЯЧНЫЙ** \\\ ты[ш']ный и допуст. ты[с'ич']ный; **ТЫСЯЧЕЛÉТИЕ** \\\ ты[с'ич']елéтие и допуст. ты[ш'ш']елéтие; **ДВУХТЫСЯЧНЫЙ** \\\ двухты[с'ич']ный в беглой речи возможно двухты[ш']ный; **ДВУХТЫСЯЧЕЛÉТИЕ** (...) \\\ двухты[ш'ш']лéтие и допуст. двухты[с'ич'и']лéтие; **ТРÉХТЫСЯЧНЫЙ** \\\ (...) трéхтыся[ч']ный; **ЧЕТЫРÉХТЫСЯЧНЫЙ** \\\ (...) четырёхты[ш'ш']ный и допуст. четырёхты[с'ич']ный и т. д.

ной, и к русским летописным повестям на воинские темы (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. (XI–XV вв.) (1938));

18 января, в навечерие Богоявления (Крещенский сочельник), Святейший Патриарх совершил вечерню с чтением тринадцати *паримий*, Божественную литургию святителя Василия Великого и великое освящение воды в Вознесенском кафедральном соборе Алма-Аты (Первосвятительский визит в Казахстан // Журнал Московской Патриархии № 2, 2010);

Филарет сочинял службу на случай присяги. Он выбрал для *паремии* главу из Книги царств, где между прочим сказано, что царь собрал и тысящников, и сотников, и евнухов своих. К. А. Нарышкин сказал, что это искусное применение к камергерам. А в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов (А. С. Пушкин. Дневник (1833–1835));

Монахи все-таки, по уставу, во время кафизм и *паремий* сидят, а я желал быть угоднее монахов и всё, бывало, на ногах (А. П. Чехов. Убийство (1895));

Впечатление от этого чтения владыкой *паремий* было не меньшим, чем от его блистательной службы на полиелее (монахиня Игнатия (Петровская). Высоко-Петровский монастырь в 20–30 годы (1993)).

В целом написание *паремия* в рассматриваемом значении, как мы видим, преобладает, но в специализированных церковных изданиях, в том числе справочных, написание *паримия*, возможно, встречается даже чаще⁸. По-видимому, написание слова *паремия* через *и* (т. е. *паримия*) следует воспринимать как ошибку в тех случаях, когда речь идет об объекте паремиологии, но как допустимую вариативность, когда имеется в виду богослужбное чтение.

Орфографическая интуиция и предписания справочников

Наряду с этим мы можем наблюдать варьирование буквенного состава в тех случаях, когда орфографическая интуиция многих грамотных людей расходится с тем, что предписывают правила и словари. В этих случаях орфографическое варьирование почти неизбежно, поскольку грамотные носители языка могут ориентироваться как на рекомендации правил, так и на собственную орфографическую интуицию. При этом в некоторых случаях вопрос, какое написание считать «правильным», оказывается не так прост. Если многие грамотные носители языка, даже будучи знакомыми

⁸ Ср., например, определение из «Словаря церковных терминов», приложенного к справочнику [Марк 2007]: «**Паримии** (*греч.* *пароціа* — притча) чтения из Ветхого (главным образом) или Нового Завета на вечерних богослужениях (обычно накануне праздника). {...}».

с рекомендациями правил, настаивают на написании, которое им предписывает их интуиция, то это по меньшей мере повод задуматься, так ли хороши данные рекомендации.

Многие грамотные люди пишут слова *речовка* и *мелочовка* с буквой *е* после *ч* (*речевка* и *мелочевка*), тогда как правила орфографии предписывают использовать букву *о*. Приведу формулировку «Полного академического справочника» [ПАС 2007: 28–29]:

§ 18. После *ж, ч, ш, щ* для передачи ударного гласного *о* пишется буква *о* или *ё*.

Буква *о* пишется в следующих случаях.

1. <...>

2. <...>

-овк(а) (в отыменных производных словах), напр.: *чишовка* (самка чижа), *мышовка* (грызун), *хрычовка*, *мелочовка*;

<...>

3. В (...) существительных на -овка, -овник, производных от прилагательных с суффиксом -ов- (-ев-): *грушовка* и *грушовник* (ср. *грушевый*), *ножовка* (ср. *ножевой* и вариант *ножовой*), <...>, *речовка* (*речевой*), <...>.

К этому параграфу добавлено примечание, в котором *мелочовка* упоминается еще раз:

Примечание 1. Отыменные существительные на -овка типа *мелочовка*, *ножовка*, *плащовка* следует отличать от отглагольных существительных типа *ночёвка* (см. § 19, п. 3).

Но в реальных русских текстах, в том числе прошедших корректуру, доминируют иные написания: *речевка* и *мелочевка*. Приведу несколько примеров из НКРЯ.

Написание *речевка*:

Зачином статьи был затверженный в тот год, как *речевка*, и торжественный, как заклинание, перечень нечерноземных бед и проблем (А. Дмитриев. *Закрытая книга* (1999));

Она хотела, чтобы они по дороге говорили *речевку*, но никто не знал слов (М. Трауб. *Домик на Юге* (2009));

Это привычный, даже скучный антураж жизни. Что-то вроде пионерской *речёвки* тридцатилетней давности (В. Елистратов. *Тест и культура речи* // «Наука и жизнь», 2009);

Они идут мимо, колышутся тысячи флагов, стройно звучат *речевки* <...> (Иван Давыдов. *Вы готовы, дети?* // «Русская жизнь», 2012);

И Колюня орал вместе с ними, так что сердце таяло от восторга. Вслед за этим в зал бросалась следующая, ещё более торжественная и патетичная, *речевка*: Эль пуэбло унидо — хамас сэра венсидо! (А. Варламов. *Купавна* // «Новый Мир», 2000).

Написания *мелочевка* еще более многочисленны. Приведем лишь некоторые:

Пора, товарищи, завязывать с *мелочевкой* (В. Аксенов. Негатив положительного героя (1996));

«У этого не брал! Такой *мелочевкой* не занимаемся!» (В. Попов. Грибники ходят с ножами (1997));

Она пошла под лестницу, там висела дяди Мишина рабочая телогрейка, которая не раз выручала ее по *мелочевке* (Л. Улицкая. Бедная счастливая Кольванова (1998));

Сколько прегрешений, совершенных и несовершенных было за мою жизнь, тут и гордыня, и гонор, и кошунства, и грех уныния, глупость, и запутанность в *мелочевке* — сколько грязных страниц, ошибок, столько ужасов... (А. Вознесенский. На виртуальном ветру (1998));

Тот, кто внутри вращается, увлекается *мелочёвкой* этой жизни, — уже не видит в целом этой жизни и не понимает в целом этого смысла (А. И. Осипов. Смысл жизни может быть только в жизни! // Православная газета, 1999);

Первичность еды и женщины решена только на уровне крыс и прочей животной *мелочевки* (Г. Щербакова. Моление о Еве (2000));

Столько хороших холостяков без дела, а вся мужская *мелочевка* бракуется как оглашенная (Там же);

Теперь главное — не попасться на *мелочевке* (М. Кураев. Записки беглого кинематографиста // «Новый Мир», 2001);

Надо было снова разгрести что скопилось и, разобравшись с *мелочевкой*, выискать первородыш причины и, вытянув его за хвост, заглянуть в мелкие бусинки игольчатых дерзких глаз без страха и гадливости, а с участием, как глядят в самого себя (С. Коковкин. Кольцо // «Звезда», 2002);

Он даже фыркнул и перешел на «ты» — мол, все это семечки, старик. *Мелочевка*. Езжай домой, старик (В. Маканин. Неадекватен // «Новый Мир», 2002);

Но лучше всего ехать на крыше, рядом с мешочниками, с беженцами, что везут и скарб, и детишек, беспризорную шантрапу, и прочую человеческую *мелочевку*, которая, если разобраться, и есть Россия (А. Приставкин. Вагончик мой дальний (2005));

По такой *мелочевке* никто дело возбуждать не будет! Подержат в дежурке и отпустят (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011));

Приходилось подрабатывать *мелочевкой*... (В. Пелевин. S.N.U.F.F (2011)).

Всего в основном корпусе НКРЯ (по состоянию на 10 ноября 2019 г.) встретилось 125 примеров написания *мелочевка* против 20 *мелочовка* и 53 примера написания *речевка* против 5 *речовка*. Перевес написаний, противоречащих рекомендациям ПАС, совершенно очевиден. В газетном подкорпусе НКРЯ перевес не столь значителен, но написания, противоречащие рекомендациям ПАС, доминируют и в нем: обнаруживается 160 примеров написания *мелочевка* против 37 *мелочовка* и 193 примера написания *речевка* против 148 *речовка*.

Впрочем, вариативность *мелочовка* — *мелочевка* и *речовка* — *речевка* все же можно рассматривать как казусы. Более всего варьирование буквенного состава слова характерно для следующих двух случаев: не полностью освоенных заимствований и собственных имен (в том числе при практической транскрипции иноязычных собственных имен).

Заимствования и орфографическая вариативность

В процессе освоения иноязычного заимствования на первом этапе нередко имеет место варьирование его произношения и грамматических характеристик. При этом вариативности произношения часто отвечает вариативность написания⁹. Напомним историю вхождения в русский язык слова *риелтор*. Первоначально, как и во многих других заимствованиях, в этом слове варьировалось место ударения: на первый слог (в соответствии с оригиналом) или на второй слог (в соответствии с тенденциями постановки ударения в словах этого типа в русском языке)¹⁰. При ударении на первом слоге в нем мог произноситься гласный [э] или [и]; соответственно, могли использоваться написания *реалтор*, *реэлтор*, *риэлтор*. Первые два написания сейчас совершенно вышли из употребления, хотя некоторые могут вспомнить, что еще совсем недавно — с 2007 по 2014 г. — в Москве действовала организации с официальным названием *ООО «Агентство недвижимости реалтор»* (именно так она именовалась в документах о регистрации и в Едином государственном реестре юридических лиц — ЕГРЮЛ). Напротив того, третье написание нередко встречается до сих пор, в частности именно оно используется в официальном названии *Российской гиль-*

⁹ Случаи, когда вариативность написания обусловлена вариативностью грамматических характеристик встречаются значительно реже, но все же она не полностью исключена. Так, слово *бриошь* употреблялось как в мужском, так и в женском роде (*кофе с бриошем* или *кофе с бриошью*) и, соответственно, писалось как *бриош* и *бриошь*. В настоящее время женский род, кажется, победил; все современные справочники рекомендуют употреблять это слово в женском роде и, следовательно, писать *бриошь* (см., например, [Зализняк 2008; РОС 2018]).

¹⁰ Ср. вариативность ударения в слове *маркетинг* — на первом и на втором слоге.

дии риэлторов. Этому способствует то, что оно может читаться и с ударением на втором слоге¹¹, которое постепенно стало побеждать и к настоящему времени почти полностью вытеснило произношение с ударением на первом слоге. При произношении с ударением на втором слоге конкурируют написания *риэлтор* и *риелтор*. Специалисты по орфографии выбрали написание *риелтор*, следуя общему правилу русской орфографии, в соответствии с которым не в начале корня после буквы *и* пишется *е*, а не *э*. Однако понятны резоны, в силу которых многие пишущие продолжают держаться за написание *риэлтор*. Дело в том, что сочетание букв *ие* в разных словах читается по-разному: [иэ] или [ијэ]. Произношение [иэ] характерно для таких слов, как *диез*, *диета* или *спаниель*, а произношение [ијэ] — для *гиена* или *гиена*¹². Когда необходимо подчеркнуть, что произношение [иэ] оказывается единственно возможным, иногда используется написание с сочетанием букв *иэ*: так, в словаре [Каленчук и др. 2012] вместо *спаниель* использовано написание *спаниэль*.

Собственные имена

Вариативность написания еще более характерна для собственных имен, поскольку их буквенный состав в принципе не регулируется правилами и опирается лишь на традицию. Когда в традиции наблюдается вариативность или же грамотный узус расходится с рекомендациями словарей и справочников, возникает коллизия. Как следует писать: *Евгений Баратынский* или *Евгений Боратынский*? В русских текстах конкурируют написания *Кащей* и *Кощей* (только второе рекомендует [РОС 2018]). По-русски издавна используются два способа написания столицы Португалии — с одной и с двумя буквами *с* (*Лисабон* и *Лиссабон*). Написание с одной буквой *с* используется преимущественно в энциклопедических изданиях, а с двумя буквами *с* — на географических картах (впрочем, это лишь тенденция, а не жесткое распределение). Такая же вариативность наблюдается в производных *лис(с)абонец* и *лис(с)абонский*. [РОС 2018] рекомендует написание с одной буквой *с*: *лисабонец* и *лисабонский*; однако в узусе написания с двумя буквами *с* встречаются значительно чаще. Так, в основном корпусе НКРЯ (по состоянию на 10 ноября 2019 г.) написание *Лиссабон* встретилось 596 раз против 16 раз *Лисабон*, *лиссабонский* — 116 раз против двух вхождений написания *лисабонский*, *лиссабонец* — семь раз (*лисабонец* — ни разу). В газетном подкорпусе НКРЯ написание *Лиссабон* встретилось 1176 раз против трех вхождений *Лисабон*, *лиссабонский* —

¹¹ Строго говоря, так же могло бы читаться и написание *реэлтор*, но оно с самого начала было маргинальным.

¹² Впрочем, в словаре [Каленчук и др. 2012] двойное произношение признается допустимым для всех этих слов.

624 раза против одного вхождения написания *лисабонский*, *лиссабонец* — 45 раз (*лисабонец* — ни разу).

Паспортисты могут уверять, что *Ливишиц* и *Лифишиц* — разные фамилии, которые должны писаться в соответствии с написанием в официальных документах. Но есть не так мало людей, у которых в разных документах использовалось разное написание (что иногда создавало для них трудности: приходилось доказывать свое тождество самому себе). Возможна ли здесь однозначная кодификация?

Когда мы имеем дело с иноязычными именами собственными, традиция может сложным образом взаимодействовать с правилами практической транскрипции. В грамотном узусе встречается и написание *Вильям*, и написание *Уильям*. В основном корпусе НКРЯ сочетание *Вильям Шекспир* встретилось 67 раз, сочетание *Уильям Шекспир* — 21 раз. В газетном подкорпусе НКРЯ соотношение обратное: сочетание *Вильям Шекспир* встретилось 29 раз, сочетание *Уильям Шекспир* — 71 раз.

Другие случаи орфографической вариативности

Следует иметь в виду, что варьирование буквенного состава слов — далеко не самый частый случай орфографического варьирования. Значительно чаще наблюдается вариативность в отношении слитного, раздельного и дефисного написания языковых выражений и использования прописных букв в выделительной функции.

Правила слитного, раздельного и дефисного написания языковых выражений сложны и запутанны; они составляют особую проблему, заслуживающую обсуждения в отдельной статье. Здесь можно кратко указать на необходимость различать ситуацию неустановленной или вариативной нормы и ситуацию, когда формулировка правила не позволяет определить норму, которая интуитивно ясна всем грамотным пишущим. Во втором случае вариативности нет, хотя, разумеется, совершенствование формулировки бывает крайне желательно.

При этом иногда уточнение формулировки может приводить к новым неточностям. Так, со школьных времен грамотным носителям русского языка памятно правило «*не* с глаголами пишется раздельно»; иногда это правило подвергается детализации: «*не* пишется раздельно с инфинитивом, спрягаемыми формами глаголов, краткими причастиями и деепричастиями». Однако из этого правила есть исключение, подпадающее под другое, более общее правило: «если после *не* следует составляющая, не употребляющаяся в качестве самостоятельного слова, то *не* пишется слитно», например *невзлюбить*, *недомогать*, *недоумевать*, ⟨кому-то⟩ *нездоровится*, *ненавидеть*, *несдобровать*. Но на этом остановиться тоже нельзя, поскольку есть глаголы, которые не употребляются без *не*, но тем не менее пишутся с *не* раздельно; таким образом, мы имеем исключение из исключения. Вот что

об этом говорит [ПАС 2007: 152]: «...по традиции пишутся раздельно: *не поздоровиться, не преминуть, не обессудь(те), не обиняясь*». Впрочем, эта формулировка тоже содержит имплицитную неточность. Дело в том, что глагол *поздоровиться* вполне употребляется без *не* (часто в контексте скрытого отрицания или в полемическом контексте); ср. примеры из НКРЯ:

...⟨О⟩т этой «аналогии» вряд ли поздоровится «социалистическому накоплению!» (Н. И. Бухарин. Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок (1924));

...⟨Е⟩сли бы он рассказал так следователю, который допрашивает партизан, перешедших фронт, вряд ли бы Петру Лазаревичу поздоровилось (Вс. В. Иванов. Дневники (1940–1948));

«Ох, и не поздоровится же этому смельчаку!» — А заводу... поздоровится? (Г. Е. Николаева. Битва в пути (1959));

Впрочем, почему же не поздоровится? Еще как поздоровится! (Ю. Некрасов. Обречено на успех? (1978)).

Это никак не противоречит раздельному написанию *не* с глаголом *поздоровиться*, но заставляет усомниться в целесообразности его включения в ряд глаголов, которые не употребляются без *не*.

Не вполне удачной представляется формулировка [ПАС 2007], призванная объяснить раздельное написание наречного выражения *на авось* (в таких конструкциях, как *действовал на авось*). Сформулированное там правило гласит, что пишутся слитно наречия, «образованные с помощью приставок от наречий», а в примечании говорится, что такие наречия «следует отличать от сочетаний предлогов *на* и *до* с неизменяемыми словами, употребляемыми в значении существительных», и среди примеров приводится пример выражения *на авось* (ясных критериев разграничения авторы формулировки не приводят, считая, очевидно, их само собой разумеющимися). Действительно, есть конструкции, в которых *на авось* — сочетание предлога *на* со словом *авось*, употребляемым в значении существительного, например *(по)надеялся на авось, рассчитывал на авось*. Однако в конструкции *действовал на авось* предлогу *на* неоткуда взяться — *на авось* представляет собою идиоматическое выражение, примыкающее к глаголу¹³. Можно пояснить это, рассмотрев сходную по смыслу пару *на удачу* (например, *надеялся на удачу* — предлог с существительным) и *наудачу* (например, *вытащил билет наудачу* — наречие). Такого рода пары вовсе не редкость, и языковой статус конструкций с предлогом не зависит от того, имеем ли мы дело с исконным существительным или с неизменяемым словом «в значении существительного» (ср. *перенесли процедуру на утро* и *наутро больному стало лучше; отложить работу на завтра* и *назавтра они расстались*).

¹³ Языковой статус наречного выражения *на авось* рассматривается в статье [Шмелев 20176].

Сказанное не означает, что следует пересмотреть орфографическую норму, заключающуюся в раздельном написании наречного выражения *на авось*. Этот пример призван иллюстрировать зыбкость формулировок в сфере слитного и раздельного написания и необходимость предельной аккуратности в выборе формулировки правил.

Заметим, что никакая вариативность орфографических норм в рассмотренных случаях не предполагается: нормы вполне установились. Однако недостаточно четкие формулировки орфографических правил препятствуют тому, чтобы определить нормативное написание в тех случаях, когда норма вызывает сомнение у пишущего или попросту не установилась. Не случайно в конце раздела [ПАС 2007], посвященного слитному, раздельному и дефисному написанию наречий, мы обнаруживаем § 139, в котором прямо признается, что слитное или раздельное написание значительной части наречий и наречных выражений «не зависит ни от употребительности той части слова, которая следует за предлогом-приставкой, ни от самого предлога-приставки и определяется лишь письменной традицией». В параграфе говорится, что их написание «устанавливается в словарном порядке», и приводятся длинные списки таких выражений, пишущихся слитно или раздельно. Когда действительно существует устойчивая письменная традиция, мы можем говорить об устойчивой орфографической норме, пусть даже не описываемой четким правилом и определяемой в списочном порядке. Однако в ряде случаев в грамотном узусе обнаруживается вариативность: так, наряду с рекомендуемым написанием *на ощупь*, не так уж редко используется слитное написание *наощупь* (хотя действительно раздельное написание встречается чаще). Представляется, что для таких случаев полезно предусмотреть вариативность, тем более что и в рассматриваемом разделе [ПАС 2007] эксплицитно признается, что есть случаи, когда пишущий может выбрать и слитное, и раздельное написание, например *гнезда наверху (наверху) дерева*. Не случайно именно слитное и раздельное написание наречий и наречных выражений издавна было той областью, в которой ряд авторов был готов допустить вариативность написаний¹⁴.

Употребление прописных букв

Правила выделительного употребления прописных букв¹⁵ относятся к той области орфографии, в которой вариативность практически неиз-

¹⁴ Например, «...учитывая подвижность многих наречных образований, целесообразно разрешить в их написании вариативность» ([Панов 1964: 119]; ср. также [Кузьмина 2001: 408–411]).

¹⁵ Выделительное употребление прописных букв противопоставляется позиционному. Позиционное употребление прописных букв зависит от позиции в тексте: в начале предложения, в начале стихотворной строки, в заголовке, набранном одними прописными буквами. Напротив того, выделительное употребление пропис-

бежна. В определенных случаях такая вариативность учитывается правилами [ПАС 2007]: относительно слов *природа, человек, свобода, добро, отечество, отчизна, родина, учитель* и некоторых других в § 203 говорится, что их допустимо писать как со строчной, так и с прописной буквы, причем прописная буква в начале этих слов выбирается «в контекстах, где им приписывается особый высокий смысл».

Вариативность в использовании прописных букв обнаруживается даже в отношении написания собственных имен людей, причем выбор прописной или строчной буквы неразрывно связан со слитным, раздельным или дефисным написанием. В грамотном узусе используются написания *ван Эйк, Ван-Эйк* или *Ван Эйк* (правда, в настоящее время написание с дефисом встречается реже). Ни [ПАС 2007], ни [РОС 2018] не дают нам ответа на вопрос, какое написание следует предпочесть. Если мы обратимся к специализированному словарю [Лопатин и др. 2007], то увидим, что в нем рекомендовано написание *Ван Эйк*, однако насколько мы можем доверять такой рекомендации и чем обусловлено принятое в словаре решение?

На основании [ПАС 2007] и следующего за ним словаря [Лопатин и др. 2007] мы можем установить, что кодификаторы предписывают писать *дон Сезар де Базан* (литературный персонаж), *Дон Жуан* (когда это имя литературного персонажа) и *донжуан* (при обозначении искателя любовных приключений). Но как следует писать имя персонажа «Каменного гостя»: *дон Гуан* или *Дон Гуан*? В русских переводах книги Кастанеды «Учение дона Хуана» и романа Бальестера «Дон Хуан» фигурирует персонаж, имя которого можно записать и как *дон Хуан*, и как *Дон Хуан*. В практике печати используется и то, и другое написание.

Когда нарицательное употребление имени собственного полностью конвенционализировано, соответствующее существительное пишется со строчной буквы (*хам, ловелас*). Однако такая конвенционализация представляет собою постепенный процесс, и для ряда имен, употребляющихся в нарицательном значении, выбор написания с прописной или строчной буквы не очевиден¹⁶.

В отношении использования прописных букв в названиях, «связанных с религией», вариативность оказывается почти неизбежной, поскольку соответствующий раздел справочника [ПАС 2007] не только не полон, но и противоречив. Можно привести характерный пример такой вариативности при обозначении отцов Церкви. В течение 2016–2017 учебного года на доске объявлений факультета дополнительного образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета можно было видеть объявления о предлагаемых курсах. Описания трех курсов включали упо-

ных букв предполагает, что то или иное слово пишется с прописной буквы, независимо от позиции в тексте.

¹⁶ Некоторые коллизии, связанные с написанием собственных имен людей с прописной буквы, обсуждаются в моей статье [Шмелев 2020].

минание «учения святых отцов». При этом сочетание *святых отцов* было написано в них тремя разными способами: *святых отцов*, *святых Отцов* и *Святых Отцов*. Такая же вариативность представлена и в текстах, вошедших в НКРЯ. Справочник [ПАС 2007] не дает ответа на вопрос, как правильно: соответствующее сочетание в нем вовсе не упоминается. А в словаре [Лопатин и др. 2007] дается написание *Святые Отцы* (с двумя прописными) с пометой *богосл.* Однако это решение трудно признать удачным. При таком решении неизбежно возникнет вопрос, как же писать сочетание *святые праотцы*, в котором две прописные кажутся совсем неуместными. Представляется, что более уместно следовать церковной традиции и писать оба слова со строчной буквы, и лишь в случаях, когда слово *святые* пропускается, писать *учение Отцов* во избежание неверного понимания¹⁷.

Есть и другие примеры вариативности в употреблении прописных букв в выделительной функции. Часть из них касается речевого этикета, например употребления прописных букв в переписке в некоторых обращениях (*в/Ваши* *в/Высокопреподобие*; *м/Милостивый г/Государь*). Ни [ПАС 2007], ни словарь [Лопатин и др. 2007] не дают ответа на все возникающие вопросы, а в ряде случаев, когда ответ дается, он представляется немотивированным¹⁸.

Общеобязательные правила употребления прописных букв в выделительной функции можно сформулировать в нескольких параграфах, дополнив их максимально детальными рекомендациями; однако отклонение от этих рекомендаций не должно считаться орфографической ошибкой, и в определенных случаях неизбежно будет допускаться вариативность.

Заключительные замечания

Итак, возвращаясь к статье И. В. Нечаевой и Н. В. Перцова, замечу, что ее общий вывод мне кажется совершенно верным: следует «принять орфографическую вариантность в ее лингвистически обоснованных границах» [Нечаева, Перцов 2020: 33]. Однако некоторые моменты в их аргументации вызывают определенные сомнения.

Ключевым для подхода И. В. Нечаевой и Н. В. Перцова можно считать положение, согласно которому вариативность орфографии определяется узусом. Они ссылаются на следующее высказывание В. А. Плунгяна: «именно узус — т. е. тексты — и является единственной подлинной реальностью науки о языке, т. е. объектом, доступным непосредственному на-

¹⁷ Подробный анализ правил использования прописных букв в названиях, «связанных с религией», содержащихся в [ПАС 2007], и практики церковной и светской печати, проводится в моей статье [Шмелев 2017в].

¹⁸ Так, в словаре [Лопатин и др. 2007] предлагается писать *Верховный Совет*, но *Верховная рада*; каких-либо обоснований при этом не дается. В узусе встречаются варианты с одной или с двумя прописными для обоих сочетаний.

блюдению» [Там же: 12]. Даже в применении к описательной лингвистике такое утверждение можно считать некоторым преувеличением: в рамках массовых опросов наблюдаемую реальность представляют собою ответы информантов на задаваемые вопросы, например их оценка степени приемлемости предъявляемых им высказываний. Но в применении к кодификации норм и, в частности, орфографической кодификации ориентация исключительно на узус ведет в тупик.

Собственно, необходимость кодификации норм возникает именно вследствие того, что в узусе обнаруживаются явления, которые языковое сообщество в лице своих образованных представителей готово счесть «неправильными». Иногда такие явления оказываются массовыми, и тогда появляется возможность говорить о «распространенной ошибке» (в применении к орфографии речь должна идти о распространенной орфографической ошибке). Распространенные орфографические ошибки могут встретиться и в текстах, включенных в НКРЯ.

Упомянем лишь один пример распространенной орфографической ошибки — неразличение частиц *не* и *ни*. Оно стало массовым, и соответствующих примеров довольно много в НКРЯ. Приведем несколько:

Философия, где бы она не возникла, обладает одним важнейшим «родовым признаком» — наличием исследовательской рефлексии или теоретизирования (В. Г. Лысенко. Классическая индийская философия в переводах и исследованиях российских ученых (1990–1996) (1996));

Но члены экипажа всех поколений, где бы они не служили и не жили потом, продолжают поддерживать друг с другом тесные связи и по мере возможности собираться вместе вспомнить пройденное, помянуть ушедших, поддержать друг друга и просто пообщаться, потому как однажды рождённое подводное братство — это навсегда! (В. Овчинников. Настоящий экипаж // «Родина», 2011);

Очень греют душу такие слова — «Где бы мы не жили, Родина у нас у всех одна, это Царствие Небесное» (А. А. Данилова. Местность любви (2015.11.09) // Православие и мир (pravmir.ru), 2015).

Встречается и «противоположная» ошибка — использование *ни* вместо нормативного *не*, например:

О чём он только ни писал, что только ни описывал, в каком только уголке степи ни побывал и какие только истории с таинственными подземельями и скелетами с ним не случались! (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964))¹⁹.

¹⁹ Обратим внимание на то, что в трех случаях использовано *ни* вместо правильного *не*, но в последнем случае нормативная орфография восстановлена и написано *не*, как и следует.

Указанное неразличение поддерживается смешением этих частиц в живой речи, не только на письме, что отчетливо видно в ситуациях, когда частица оказывается под ударением, например:

Всякое может случиться. Но знайте / где бы вы не были / где бы я не был / я всегда буду помнить о вас / я обязательно вас найду. А сейчас... Одну минуту, сейчас (А. Серый, Г. Данелия, В. Токарева. Джентльмены удачи, к/ф (1972));

Мы желаем вам огромной любви к своей родине / где бы вы не были и не находились (С чего начинается родина / радиопрограмма «Серебряный колокольчик» (г. Казань) (2006));

Как сказал ещё в первые дни разгоравшейся Второй мировой войны Франклин Рузвельт / «Где бы не был нарушен мир / мир повсюду оказывается в безопасности и под угрозой» (В. В. Путин. Речь на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года (2007)).

Эти примеры демонстрируют, что граница между собственно орфографической ошибкой и речевой ошибкой не всегда очевидна. Однако в любом случае частотность отклонения от нормы не делает это отклонение нормой. Здесь релевантным представляется следующее замечание С. И. Ожегова: «Языковая норма — не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка» [Ожегов 1955: 14].

Сущность орфографической вариативности не в том, что наблюдается варьирование написаний в узусе, а в том, что языковое сообщество в лице своих образованных представителей готово признать конкурирующие написания в равной мере «правильными». Именно в этом случае решение кодификатора, выбирающего какой-то один вариант и отвергающего другие, воспринимается как произвольное и не подкрепленное орфографической реальностью.

Словари и справочники

Еськова 2015 — Н. А. Еськова (ред.). Орфоэпический словарь русского языка / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова. М., 2015.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М., 2008.

Захаренко и др. 2008 — Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. Новый толковый словарь иностранных слов. М., 2008.

Каленчук и др. 2012 — М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты. М., 2012.

Лопатин и др. 2007 — В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцов а. Прописная или строчная? Орфографический словарь. М., 2007.

ПАС 2007 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / В. В. Лопатин (ред.). М., 2007.

Правила 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

РОС 2018 — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / В. В. Лопатин, О. Е. Иванова (ред.). М., 2018.

Л и т е р а т у р а

Булыгина, Шмелев 2000 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Числительные в русском языке; лексикографические лакуны // Слово в тексте и слово в словаре. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 289–306.

Кузьмина 2001 — С. М. Кузьмина. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 406–411.

Марк 2007 — Марк, епископ Егорьевский. Церковный протокол. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007.

Нечаева, Перцов 2020 — И. В. Нечаева, Н. В. Перцов. О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1 (39). С. 10–35.

Ожегов 1955 — С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 5–33.

Панов 1964 — М. В. Панов. О слитных и раздельных написаниях // Вопросы орфографии. М.: Наука, 1964. С. 100–119.

Шмелев 2004 — А. Д. Шмелев. Проблема кодификации в сфере орфоэпии: личный вкус или объективные данные? // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. С. 116–119.

Шмелев 2009 — А. Д. Шмелев. Орфографические нормы и орфографические правила // Русский язык в школе. 2009. № 9. С. 70–75.

Шмелев 2014 — А. Д. Шмелев. Числительные и числовые конструкции в русском языке: лакуны в словарях и грамматических описаниях // Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах. М.: Ленанд, 2014. С. 57–67.

Шмелев 2017а — А. Д. Шмелев. Возможна ли кодификация языковых норм в эпоху социальных и культурных изменений? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 13. М., 2017. С. 191–198.

Шмелев 2017б — А. Д. Шмелев. Русские *авось* и *небось* revisited // Die Welt der Slaven. 2017. Т. 62, № 2. С. 276–303.

Шмелев 2017в — А. Д. Шмелев. Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. 2017. № 7–8. С. 698–734.

Шмелев 2020 — А. Д. Шмелев. Кодификация русской орфографии и написание собственных имен людей с прописной буквы — есть ли проблема? // Русская речь. 2020. № 4. С. 42–53.

Alexei D. Shmelev

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
shmelev.alexei@gmail.com

VARIATION IN RUSSIAN ORTHOGRAPHY OR COMMON MISTAKES?

This paper deals with the variation in spelling of some Russian words as well as in capitalization, hyphenation, and spelling with or without a space, as well as with some other issues of Russian orthography. It draws attention to the asymmetry in orthographic and orthoepic variation. The analysis makes use of the distinction between usage and norm as well as the distinction between orthographic norms and orthographic rules, and the paper recognizes two types of orthographic lacunae associated with this distinction: unspecified norms (including variation of norms) and the lack of relevant rules. The analysis substantiates the claim that orthographic variation may be justified. However, one should distinguish between acceptable orthographic variation and orthographic mistakes even though those mistakes may occur in usage quite frequently.

Keywords: orthography, usage, variation, norm, codification, orthographic mistake

References

- Bulygina, T. V., & Shmelev, A. D. (2000). Chislitel'nye v russkom yazyke; leksikograficheskie lakuny. In L. L. Iomdin, & L. P. Krysin (Eds.), *Slovo v tekste i slovo v slovare* (pp. 289–306). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Kuz'mina, S. M. (2001). Ob umiagchenii nravov russkoi orfografii (k probleme variativnosti napisanii). In S. M. Kuz'mina (Ed.), *Zhizn' yazyka* (pp. 406–411). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Mark, episkop Egor'evskii (2007). *Tserkovnyi protokol*. Moscow: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi.
- Nechaeva, I. V., & Pertsov, N. V. (2020). O variativnosti v russkoi orfografii. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(39), 10–35.
- Ozhegov, S. I. (1955). Ocherednye voprosy kul'tury rechi. *Voprosy kul'tury rechi*, 1, 5–33.
- Panov, M. V. (1964). O slitnykh i razdel'nykh napisaniyakh. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Voprosy orfografii* (pp. 100–119). Moscow: Nauka.
- Shmelev, A. D. (2004). Problema kodifikatsii v sfere orfoepii: lichnyi vkus ili ob'ektivnye dannye? In *Kul'tura russkoi zvuchashchei rechi: traditsii i sovremennost'* (pp. 116–119). Moscow: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN.
- Shmelev, A. D. (2009). Orfograficheskie normy i orfograficheskie pravila. *Russkii jazyk v shkole*, 9, 70–75.
- Shmelev, A. D. (2014). Chislitel'nye i chislovye konstruksii v russkom yazyke: lakuny v slovariakh i grammaticheskikh opisaniyakh. In N. D. Arutiunova (Ed.), *Logicheskii analiz yazyka. Chislovoi kod v raznykh yazykakh i kul'turakh* (pp. 57–67). Moscow: Lenand.
- Shmelev, A. D. (2017). Vozmozhna li kodifikatsiia yazykovykh norm v epokhu sotsial'nykh i kul'turnykh izmenenii? *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 13, 191–198.

Shmelev, A. D. (2017a). Russkie avos' i nebos' revisited. *Die Welt der Slaven*, 62(2), 276–303.

Shmelev, A. D. (2017b). Propisnye bukvy v svetskoi i tserkovnoi pečati. *Sretenskii sbornik*, 7–8, 698–734.

Shmelev, A. D. (2020). Kodifikatsiia russkoi orfografii i napisanie sobstvennykh imen liudei s propisnoi bukvy — est' li problema? *Russkaia rech'*, 4, 42–53.

Received on January 21, 2021

Л. Н. ИОРДАНСКАЯ

Лингвистическая лаборатория «Смысл-Текст», Монреальский университет
(Монреаль, Канада)
lidija.iordanskaja@umontreal.ca

И. А. МЕЛЬЧУК

Лингвистическая лаборатория «Смысл-Текст», Монреальский университет
(Монреаль, Канада)
igor.melcuk@umontreal.ca

МИНИ-МОДЕЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА РУССКИХ ФРАЗ*

Предлагается концептуальное представление некоторой внеязыковой ситуации — в том виде, в каком она может отразиться в мозгу воображаемого Говорящего. По этому представлению строится одно из возможных соответствующих семантических представлений, на основе которого синтезируются глубинно-синтаксические представления четырёх квазисинонимичных русских фраз, выражающих исходную информацию. Приводятся две полные словарные статьи лексем БЕСПОРЯДКИ и СТОЛКНОВЕНИЕ, использованных в этих фразах. Описано приблизительное наложение формальных толкований этих лексем на исходное семантическое представление в процессе его лексикализации и арборизации.

Ключевые слова: русский язык, семантический синтез, толково-комбинаторная лексикография, лексикализация и арборизация семантического представления

1. Постановка проблемы

Настоящая статья родилась из невинной, на первый взгляд, попытки достаточно формально описать операции, необходимые для перевода с английского языка на русский заглавия новостной заметки, попавшейся нам на глаза:

(1) *Violence kills 7 in Iraq.*

* Текст данной статьи был прочитан В. Ю. Апресян, И. М. Богуславским, Л. Ваннером, Л. Л. Иомдиным, С. Г. Крылосовой, С. Маренго, Я. Миличевич, П. А. Михель и А. Польгером. Мы выражаем этим коллегам-друзьям нашу сердечную благодарность за их конструктивные замечания, которые мы постарались учесть в меру наших возможностей.

Передать по-русски фразу (1) оказалось не так просто — из-за очень широкого смысла лексемы VIOLENCE: она может описывать самые разные ситуации действительности — от схваток противоборствующих группировок до различных террористических или уголовных актов. На основании содержания заметки, а также наших знаний о событиях в современном Ираке мы остановились на одной из таких возможных ситуаций, которой соответствуют следующие русские фразы:

- (2) а. *Беспорядки в Ираке привели к гибели семи человек.*
 б. *(Уличные) столкновения в Ираке привели к гибели семи человек.*
 (3) а. *В результате беспорядков в Ираке погибло семь человек.*
 б. *В результате (уличных) столкновений в Ираке погибло семь человек.*

В дальнейшем будет рассматриваться синтез именно этих фраз.

NB 1. Разумеется, фразами (2) и (3) возможности перевода фразы (1) далеко не исчерпываются; вот, например, ещё другие варианты перевода — несколько иного строения:

- (i) а. *Семь человек погибли в результате беспорядков в Ираке.*
 б. *Семь человек погибли в результате (уличных) столкновений в Ираке.*
 (ii) а. *Жертвами беспорядков в Ираке стали семь человек.*
 б. *Жертвами (уличных) столкновений в Ираке стали семь человек.*

2. Варианты **а.** и **б.** не полностью синонимичны: фразы **а.** годятся и для случаев «одностороннего» насилия (одни бьют других), тогда как фразы **б.** соответствуют исключительно «двустороннему» насилию (одни и другие бьют друг друга).

Задача настоящей статьи может быть сформулирована так:

|| Как, действуя формально, выразить на данном языке информацию о внеязыковой ситуации, которая получена из некоторого текста любого языка или непосредственно из действительности?

В нашем случае речь пойдёт о выражении на русском языке — фразами (2) и (3) — информации, извлечённой из английской фразы (1).

Эта задача решается нами в рамках лингвистического подхода «Смысл-Текст» [Мельчук 2012; Mel'čuk 2012–2015], а именно, строится формальная мини-модель семантического синтеза русских фраз. При этом предполагается достаточное знакомство читателя с указанным подходом: многие понятия и формализмы используются без пояснений, и мы позволяем себе неоговариваемые сокращения и приблизительные формулировки.

Напомним, что под семантическим синтезом понимается множественный синтез, ориентированный на получение максимального количества фраз, выражающих исходную информацию. При этом синтезируемые фразы не обязательно должны быть строго эквивалентными по смыслу: зачастую они лишь **квазисинонимичны**. Отсюда возникает вопрос о допустимых/недопустимых семантических расхождениях, т. е. проблема определения

приемлемой приблизительности при признании смысловой эквивалентности. Рассматриваемые ниже принципы лексикализации (разделы 6.2 и 7) призваны обеспечить разумный уровень приблизительности — по крайней мере, для выбранного материала.

NB Допустимая приблизительность смысловой эквивалентности изучается в работах по семантическому и глубинно-синтаксическому перифразированию [Milićević 2007a; 2007b; 2021].

Ниже обсуждаются два первых этапа на пути решения указанной выше задачи, а именно установление следующих соответствий:

- между исходным представлением внеязыковой ситуации, т. е. её концептуальным представлением [КонцептП], и семантическими представлениями [СемП] соответствующих фраз;
- между исходным СемП и глубинно-синтаксическими представлениями [ГСинтП] реальных фраз.

Описание этих этапов было намечено в статье [Jordanskaja, Polguère 1988], посвящённой системе порождения текста GOSSIP. Затем в [Polguère 1990] было введено важное понятие коммуникативной зависимости между семантемами в СемП и описана процедура установления соответствий между СемП множества синонимичных фраз и ГСинт-структурами этих фраз; данная процедура существенным образом опирается на семантико-коммуникативную структуру исходного СемП.

Наконец, в данном русле выполнена и работа [Lareau et al. 2018], где охарактеризована система синтеза фраз — от СемП до поверхностно-синтаксических структур, предполагающая использование словарей и грамматик разных языков.

В соответствии с общей схемой семантического синтеза — КонцептП \Leftrightarrow СемП \Leftrightarrow ГСинтП — для решения указанной задачи необходимы шесть следующих «документов»:

1. Запись информации, получаемой из фразы (1) относительно ситуации, о которой идёт речь, т. е. КонцептП соответствующей ситуации: исходное КонцептП (4), см. ниже.
2. Фрагмент словаря «концепты \Leftrightarrow семантемы» для русского языка, необходимый для построения русского СемП, соответствующего исходному КонцептП (4).
3. Русское СемП (5), на основе которого строятся фразы (2) и (3).
4. Фрагмент русского *Толково-комбинаторного словаря*, содержащий словарные статьи лексем, входящих во фразы (2) и (3); он нужен для построения русских ГСинтП по исходному СемП (5). Здесь будут приведены словарные статьи только двух таких лексем: БЕСПОРЯДКИ и СТОЛКНОВЕНИЕ.
5. Правила наложения толкований лексем на СемП, т. е. фрагмент правил построения русских ГСинтП для фраз (2) и (3).
6. Правила «ГСинтП \Leftrightarrow ПФон(етическое)П», строящие русские фразы (2) и (3). Эти правила здесь не приводятся, так как они являются

стандартными компонентами модели Смысл-Текст и описывались в многочисленных публикациях. См., в частности, [Lareau, Wanner 2007].
Перейдём к рассмотрению документов 1–5.

2. Исходное концептуальное представление

Предлагаемое здесь концептуальное представление рассматриваемой ситуации (которая задаётся фразой (1)) в самых общих чертах соответствует хорошо известным концептуальным графам, используемым уже десятки лет в системах порождения текста (см., например, классические работы [Sowa 1976; 1984]). В данной статье мы не можем всерьёз обсуждать, каким должно быть нужное нам КонцептП; мы настаиваем лишь на том, что какое-то КонцептП необходимо, поскольку именно из него получается исходное СемП синтезируемых фраз.

Общие свойства данного ниже КонцептП таковы:

1) КонцептП служит для описания **любой** внеязыковой ситуации SIT **рядовым** (т. е. «наивным») носителем языка¹. Иначе говоря, КонцептП(SIT) не строится в соответствии с заранее фиксированными параметрами объективного, т. е. научного или квазинаучного, описания соответствующих ситуаций, а отражает субъективное восприятие ситуации SIT неспециалистом. Поэтому данное КонцептП(SIT) может оказаться недостаточным для синтеза фраз на языке **L**: словарь и/или грамматика **L** могут требовать выражения дополнительных смыслов, каковые отсутствуют в исходном КонцептП(SIT). Так, например, КонцептП(SIT) может не содержать сведений о том, как именно X переместился ближе к Y-у ('подошёл' ~ 'подплыл' ~ 'подполз' ~ 'подлетел'), или о количестве называемых предметов ('один' ~ 'более одного'), тогда как для построения русских фраз эти сведения необходимы.

2) **Словарь** языка предлагаемых концептуальных представлений — это существенно редуцированный словарь естественного языка (в данном случае — русского), максимально освобождённого от идиоматичности: что-то вроде Basic Russian. Слова, отобранные для этого представления, называются концептами; они заключаются в кавычки-ёлочки « ». Таким образом, предлагаемое КонцептП является «национальным».

3) В КонцептП **не используются флективные значения** — грамемы. (В выписанном ниже КонцептП используемые русские слова спрягаются и склоняются, чтобы облегчить понимание читателю; формально, однако,

¹ «Внеязыковая ситуация» не означает 'ситуация, физически существующая в реальном мире', т. е. «кусок» действительности. В подавляющем большинстве случаев текст описывает не конкретную реальную ситуацию, которую Говорящий в самом деле наблюдает или наблюдал, а **воображаемую** ситуацию, созданную его сознанием на основании информации о действительности, извлечённой главным образом опять-таки из текстов в самом широком смысле.

спрягаемые и склоняемые формы не учитываются.) Информация, передаваемая граммемами естественного языка, задаётся в КонцептП соответствующими концептами, например:

- время глагола: «до/одновременно с/после момента речи»;
- вид глагола: «повторяющееся [= ‘более одного’] / завершённое событие»;
- число существительного: «один/более одного».

4) **Синтаксис** языка концептуальных представлений — иерархизованная последовательность утверждений, имеющих форму «параметр, характеризующий данный факт или сущность : значение этого параметра».

Подчеркнём, что приводимое ниже КонцептП (4) отражает лишь одно из возможных пониманий английской фразы (1), основанное, в частности, и на знаниях Говорящего о положении дел в современном Ираке. Поэтому читатель не должен задаваться вопросом, почему тот или иной концепт присутствует или отсутствует в (4): именно так данная ситуация отразилась в мозгу данного Говорящего.

(4) Исходное концептуальное представление

NB Концепты «каузировать**1**» и «действовать**II.2**» соответствуют семантемам ‘каузировать**1**’ и ‘действовать**II.2**’, которые объясняются в Приложении, с. 60.

«Событие»	: «Подсобытие A скаузировало 1 подсобытие B »
«характер события»	: «завершённое»
«Подсобытие A »	: «либо {X-ы действуют II.2 на Y ¹ -ов, каузируя 1 Y ¹ -ам ущерб} _{A'} , либо {X-ы и Y ² -и действуют II.2 друг_на_друга, каулируя 1 ущерб друг_другу} _{A''} »

☛ Чёрточка в X_Y означает, что слова X и Y соответствуют одному концепту.

«количество подсобытий A »	: «более одного»
«характер действий II.2 подсобытия A »	: «одновременные»; «в одном месте»; «противозаконные»
«время подсобытия A »	: «до момента речи»
«локализация подсобытия A »	: «Ирак»
«тип X-а»	: «человек»
«количество X-ов»	: «многочисленные»
«тип Y ¹ -а»	: «человек и/или имущество этого человека»
«тип Y ² -а»	: «человек»
«количество Y ² -ов»	: «многочисленные»
«Подсобытие B »	: «Z-ы стали мёртвыми»
«характер подсобытия B »	: «завершённое»

«время подсобытия В»	: «до момента речи»
«тип Z-а»	: «человек»
«количество Z-ов»	: «семь»

Комментарии

1. Концептуальное представление (4) информационно расплывчато: оно не позволяет понять, о каком в точности насилии идёт речь — об «однаправленном» или «двунаправленном». Чтобы выразить этот факт, подсобытие А представлено как строгая дизъюнкция, покрывающая оба возможных случая.

2. Выражение «друг друга» (как и любой его флективный вариант: «друг другу», «друг на друга», и т. п.) представляет собой оператор, т. е. логический механизм (совокупность правил), который воздействует на концепт вида «А и В Р-ют», придавая ему смысл взаимности:

«А и В Р-ют друг друга» : ‘А Р-ют В, и В Р-ют А, и действия Р одно-временны’.

3. Z-ы, погибшие в результате подсобытия А, могут быть X-ами, Y-ами или вообще посторонними (например, случайными прохожими).

3. Фрагмент словаря «концепты ↔ семантемы» для русского языка

Первый шаг перехода от КонцептП (4) к русским фразам состоит в построении русского СемП (каковой затем «переводится» в альтернативные ГСинтП русских фраз семантическим модулем модели Смысл-Текст для русского языка). Этот шаг осуществляется с помощью концепто-семантемного словаря для русского языка.

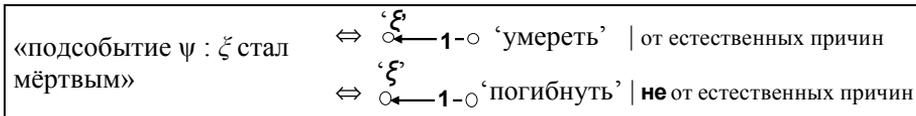
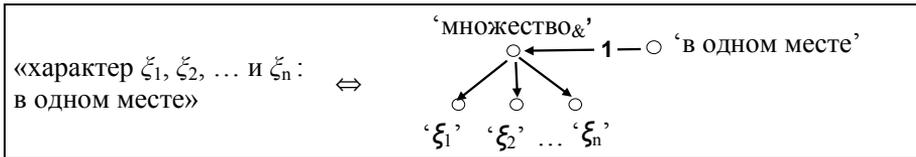
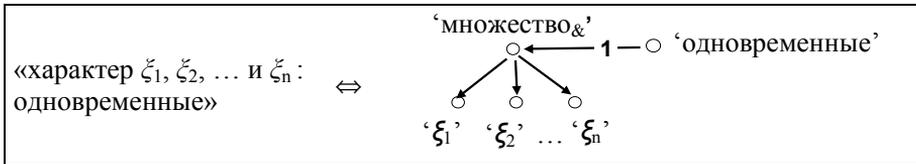
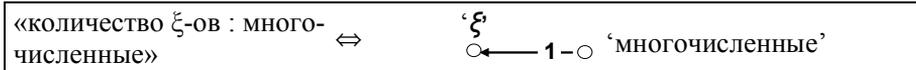
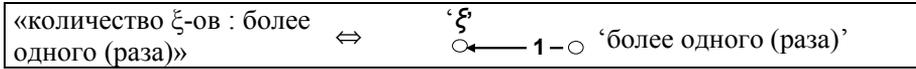
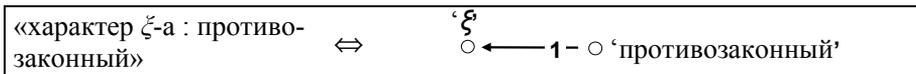
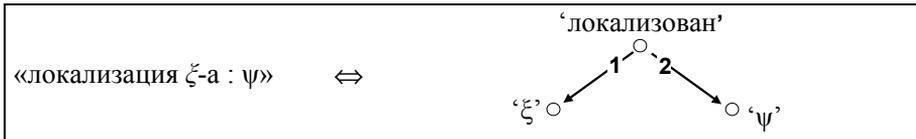
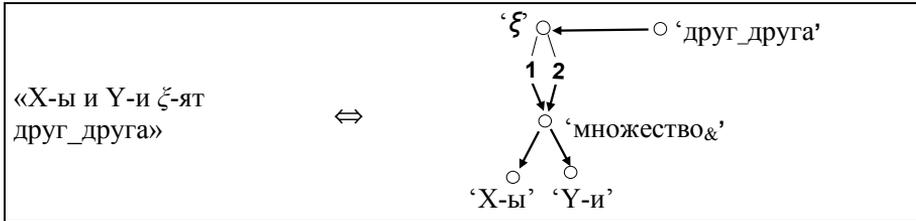
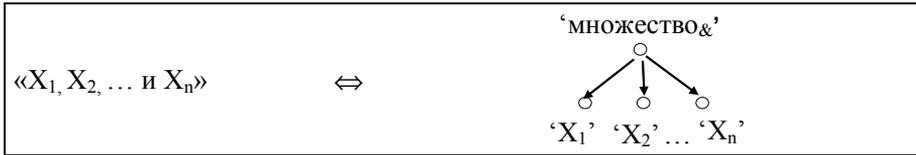
NB 1. Приводимая иллюстрация сильно упрощена, из-за чего в ней в большинстве случаев концепты и семантемы находятся во взаимно-однозначном соответствии; в языковой реальности это далеко не так.

2. Семантемы, смысловое содержание которых может быть неочевидно для читателя, разъясняются в Приложении, с. 60.

Вот статьи такого словаря, необходимые для перехода от СемП (4) к фразам (2) и (3).

«событие : подсобытие ξ каузирует1 подсобытие ψ »	↔	‘каузировать1’ ξ ○ $\xrightarrow{1}$ ○ $\xrightarrow{-2}$ ○ ψ
---	---	---

«подсобытие ξ : X действуетП.2 на Y-а, каузируя1 ущерб Y-у»	↔	‘действоватьП.2, каузируя1 ущерб’ X ○ $\xrightarrow{1}$ ○ $\xrightarrow{2}$ ○ Y
---	---	--

«тип ζ -а : человек»	\Leftrightarrow	○ ‘человек’
«характер ζ -а : завершённый»	\Leftrightarrow	
«время ζ -а : до момента речи»	\Leftrightarrow	

Концепто-семантический словарь, разумеется, сам по себе недостаточен для построения СемП по исходному КонцептП. Кроме него, требуется также система правил, обеспечивающих соединение выбранных семантем в правильно построенную семантическую сеть; здесь эти правила рассматриваться не будут.

4. Исходное русское семантическое представление

При переходе от КонцептП к СемП Говорящий может опускать какие-то фрагменты КонцептП — по своему выбору: в зависимости от адресатов, своих целей и т. п. Так, СемП (5) соответствует только дизъюнкту А'' в концептуальном описании подсобытия А, т. е. взаимному воздействию друг на друга двух групп людей (Говорящий проигнорировал дизъюнкт А').

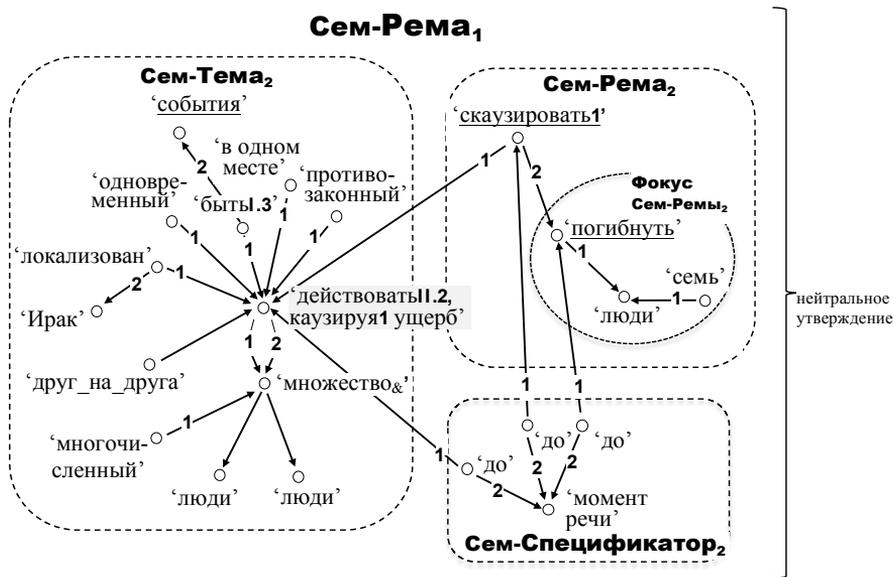
Поскольку КонцептП (4) отображает заглавие новостной заметки, все соответствующие русские фразы являются рематическими, т. е. в их СемП нет первичной Сем-Темы: каждая фраза отвечает на вопрос «Что случилось?» и тем самым выражает Сем-Рему (о семантико-коммуникативной структуре фраз см. [Mel'čuk 2001]). Однако внутри целиком рематичных СемП этих фраз имеется вторичное ремо-тематическое деление; это деление вводится Говорящим (в зависимости от его коммуникативных намерений и т. д.); он же задаёт Комм-доминантные узлы в коммуникативных подсетях. В СемП (5) представлено, очевидным образом, лишь одно из возможных вторичных ремо-тематических делений.

Предполагается, что читатель в достаточной мере знаком с используемыми формализмами; в случае необходимости можно обратиться к [Mel'čuk 2012–2015: vol. 1, Ch. 4; vol. 2, Ch. 11] или [Мельчук 2012: гл. 5].

- (5) Одно из возможных русских семантических представлений, построенное для КонцептП (4).

В данном СемП принято следующее сокращение: в ряде случаев граммема задаются не конфигурациями семантем (как следовало бы), а непосредственно формами соответствующих русских слов; так, вместо ‘человек←более.одного’ мы пишем ‘люди’, вместо ‘действоватьП.2←более.одного.раза’ — просто ‘дей-

ствовать_{II.2}' (в несовершенном виде), а вместо 'погибнуть←завершённый' — просто 'погибнуть' (в совершенном виде).

Сем-коммуникативная структура, представленная в СемП (5), должна, вообще говоря, сохраняться в синтезируемой фразе. Это значит, что лексемы, полученные из семантем, находящихся в Сем-Реме, должны находиться в ГСинт-Реме; соответственно, то же самое верно для семантем, находящихся в Сем-Теме. Именно так обстоит дело во фразах (2). Однако в специальном случае разрешается информационно несущественное изменение Сем-Комм-структуры: если этого требует выбор входного узла в исходном СемП (см. раздел 6.1), то такая абстрактная семантема, как 'скаузировать₁', которая не находится в Фокусе Ремы, может переходить из Ремы в Тему (или обратно). Мы видим это во фразах (3), которые считаются (почти) сохраняющими Сем-Комм-структуру исходного СемП (5). Фразы же (i) и (ii) в **НВ 1**, с. 32, выражают радикально другие Сем-Комм-структуры и потому в настоящей статье не рассматриваются.

5. Словарные статьи двух русских лексем: БЕСПОРЯДКИ и СТОЛКНОВЕНИЕ

Мы ограничиваемся, как было сказано выше, лексикографическим описанием двух русских лексем, выступающих во фразах (2) и (3): **БЕСПОРЯДКИ** (*Кровавые беспорядки охватили всю страну.*) и **СТОЛКНОВЕНИЕ** (*Ежедневные столкновения между силовиками и боевиками Рабочей Партии Кур-*

дистана продолжаются.) Отметим, что их толкования приводятся в трёх форматах²:

- Обычное вербальное толкование в стандартной форме, принятой в толково-комбинаторных словарях.
- Схема вербального толкования — в виде последовательности отдельных утверждений.
- Формальное толкование — в виде СемП, т. е. в виде семантической сети. В нём применяются те же сокращения, касающиеся грамем, что и в записи исходного СемП, см. выше.

Во всех вариантах толкования родовой, т. е. коммуникативно-доминантный, компонент указан подчёркиванием.

Все три варианта толкований эквивалентны.

Вербальное толкование и его схема должны быть максимально удобочитаемыми; в частности, в них употребляются «пустые» слова, необходимые для правильности русских фраз. К формальной версии толкования это требование, естественно, не применяется, и поэтому между вербальными и формальной версиями возможны словесные расхождения.

Словарные статьи снабжены комментариями, содержащими необходимые пояснения.

5.1. БЕСПОРЯДКИ

5.1.1. Словарная статья лексемы БЕСПОРЯДКИ

БЕСПОРЯДКИ, существительное, только мн, неисчисляемое, индивидуализируемое (см. 5.1.2, Комментарий ①)

Толкование

— Вербальное толкование

‘беспорядки, устраиваемые X-ами из-за Z-а’ =

‘нарушение общественного порядка X-ами из-за Z-а, состоящее [= быть I.3] в том, что многочисленные люди X {действуют II.2, каузируя I ущерб, либо на людей не-X и/или их имущество, либо друг_на_друга}, и/или {X-ы действуют II.3}, причём эти действия II.2-3 совершаются одновременно и в одном месте, противозаконны и каузированы I либо Z¹-ом, либо фактами из области Z²’

² Предлагаемые лексикографические толкования соответствуют принципам, изложенным в [Mel’čuk, Polguère 2018].

NB Лингвистические комментарии к толкованию см. раздел 5.1.2, ②-⑤; о семантемах ‘действовать_{П.2}’ и ‘действовать_{П.3}’ см. Приложение.

— **Схема вербального толкования**

‘беспорядки, устраиваемые X-ами из-за Z-а’ =

‘нарушение общественного порядка X-ами из-за Z-а,

состоящее в том, что:

{либо X-ы действуют_{П.2}, каузируя₁ ущерб, на не-X-ов и/или их имущество,}

{либо X-ы действуют_{П.2}, каузируя₁ ущерб, друг_на_друга,}

{или X-ы действуют_{П.3}};

X-ы — люди и многочисленны;

не-X-ы — люди;

действия_{П.2-3} X-ов одновременны;

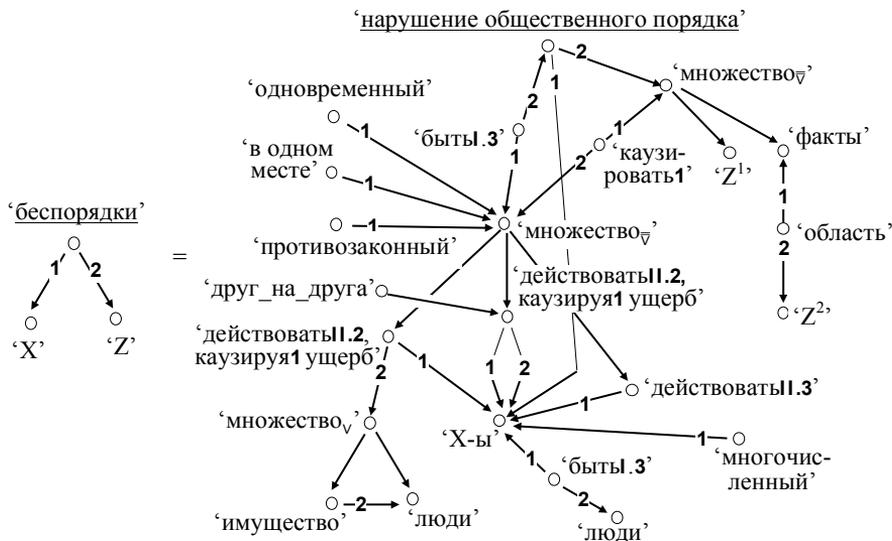
действия_{П.2-3} X-ов — в одном месте;

действия_{П.2-3} X-ов противозаконны;

действия_{П.2-3} X-ов каузированы₁ либо Z¹-ом, либо фактами из области Z²

— **Формальное толкование**

NB О семантемах ‘множество_&’, ‘множество_v’ и ‘множество_∇’ см. Приложение.

Модель управления

'X' ⇔ I	'Z' ⇔ II
1. <i>среди</i> S _{МН, РОД} /S _{(собирает)ЕД, РОД} 2. A ₀ (S) 3. Loc _{in} + S _{loc} (S) 4. A ₀ (S _{loc} (S))	1. <i>из-за</i> S _{РОД} 2. <i>на почве</i> S _{РОД} 3. <i>на</i> A ₀ (S) <i>почве</i> 4. <i>по поводу</i> ⟨ <i>по случаю</i> ⟩ S _{РОД} 5. <i>по причине</i> S _{РОД} 6. A ₀ (S)

1) **Нежелательно:** ?A₀ + A₀ [[?]студенческие религиозные беспорядки].

2) **Если** 'Z' = 'Z²', **то** C_{II} = C_{II.2/6} [^{*}беспорядки из-за религии].

3) **Если** 'Z' = 'статические факты', **то** C_{II} = C_{II.1/5} [беспорядки из-за ⟨*по причине*⟩ *грубости директора*].

4) **Если** 'Z' = 'динамические факты', **то** C_{II} = C_{II.1/4/5} [беспорядки из-за ⟨*по поводу*⟩ *увольнений*].

5) C_{I.3/4}: беспорядки, устраиваемые X-ами, локализованы в S_{loc}(S); X-ы не принадлежат к группе, управляющей «местом» S_{loc}(S) [беспорядки в *тюрьмах / тюремные беспорядки* устраивают заключённые, а не тюремщики]. См. раздел 5.1.2, [Ⓞ].

C_{I.1}: *беспорядки среди школьников* ⟨*среди болельщиков, среди молодёжи, среди населения*⟩

C_{I.2}: *молодёжные* ⟨*рабочие, солдатские, студенческие*⟩ *беспорядки*

C_{I.3}: *беспорядки в школах* ⟨*в тюрьмах, в казармах, в университете, на заводе*⟩

C_{I.4}: *школьные* ⟨*тюремные*⟩ *беспорядки*

C_{II.1/4}: *беспорядки из-за уволенных рабочих* ⟨*из-за / по случаю увольнения рабочих*⟩

C_{II.2}: *беспорядки на почве религиозной розни*

C_{II.3}: *беспорядки на религиозной почве*

C_{II.4/5}: *беспорядки по поводу* ⟨*по причине*⟩ *увольнений*

C_{II.6}: *религиозные* ⟨*экономические, этнические, футбольные*⟩ *беспорядки*

C_{I.1} + C_{II.6}: *этнические беспорядки среди младших офицеров*

Лексические функции

Syn_n : столкновение; волнения; драка, стычка; бунт, мятеж, восстание; погром

Gener : нарушение 'общественного порядка'

Mult : волна [~ов]

S₁ : участник/-ца [~ов]

Magn : большие, крупные, масштабные

Magn₁^{quant} : массовые

IncepPredPlus : усилиться

CausPredPlus : усилить [~и]

CausPredMinus	: уменьшить [~и]
Loc _{in}	: в ходе [~ов]
Oper ₁	: участвовать [в ~ах]
Func ₀	: иметь место; произойти, случиться
IncepFunc ₀	: возникнуть, начаться
[Magn+IncepFunc ₀]	: вспыхнуть, разразиться
FinFunc ₀	: закончиться, разг. кончиться, прекратиться, утихнуть
ContFunc ₀	: продолжаться ¹ только НЕСОВ; продолжаться ² , длиться [NUM + N _{время} ¹] только НЕСОВ
CausFunc ₀	: сеять [~и] Б. многочисленны; только НЕСОВ
Caus1Func ₀	: устроить, учинить [~и]; чинить [~и] Б. многочисленны
LiquIncepFunc ₀	: предотвратить [~и]
LiquFunc ₀	: ликвидировать, подавить, пресечь, усмирить [~и]
рассеивая X-ов,	
LiquFunc ₀	: разогнать [~и]
[Magn+Involv]	: сотрясать [N = S _{вин}] только НЕСОВ, Б. многочисленны
IncepInvolv	: охватить [N = S _{вин}]; перекинуться, распространиться [на N = S _{вин}] Б. многочисленны
[Magn+IncepInvolv]	: захлестнуть [N = S _{вин}] Б. многочисленны
X-ы — рядовые	
граждане	: гражданские
происходящие	
на улицах города	: уличные
каузирующие ¹ много	
жертв	: кровавые

В ходе беспорядков в Гаити погиб репортёр Radio Mega Нэми Жозеф. | Новая волна беспорядков прокатилась по Будапешту. | В массовых беспорядках в Казахстане участвовало около тысячи человек. | От уличных беспорядков пострадали свыше 100 человек и около полсотни магазинов. | ОАЭ провоцирует беспорядки и столкновения в Ираке. | Беспорядки на раковой почве начались в конце мая 2020 года.

5.1.2. Комментарии к словарной статье БЕСПОРЯДКИ

① Индивидуализируемость лексемы БЕСПОРЯДКИ

Лексема БЕСПОРЯДКИ — *plurale tantum*: она существует только в форме множественного числа, хотя может обозначать и одно индивидуальное событие. При этом у неё имеется любопытная особенность. Как и другие лексемы, называющие события, она может быть квантифицирована: *многочисленные (повторяющиеся, частые) беспорядки*; однако она не соединя-

ется с числительным: **двое* ⟨*пять, одиннадцать*⟩ *беспорядков*. Другие же *pluralia tantum*, в том числе — обозначающие события, непосредственно соединяются с числительными без проблем: *двое* ⟨*пять*⟩ *саней* или *двое* ⟨*пять*⟩ *похорон* ⟨*поминок*⟩. Таким образом, лексема БЕСПОРЯДКИ представляет интересный подкласс неисчисляемых существительных: неисчисляемые, но индивидуализируемые существительные. (Названия веществ — например, ВОЗДУХ, ВОДА, ДРОЖЖИ — являются неисчисляемыми и неиндивидуализируемыми.) Индивидуализируемые неисчисляемые существительные обозначают события, которые нельзя охарактеризовать конкретным числом (**пять беспорядков*), но можно индивидуально различать и отождествлять: *вчерашние* ⟨*прошлогодние, первые*⟩ *беспорядки*, *число беспорядков*, *большинство беспорядков*, *одни беспорядки за другими*, *беспорядки 1-го апреля в разных районах*. Нам известно ещё несколько существительных с аналогичными же свойствами, тоже *pluralia tantum*: ВОЛНЕНИЯ (**пять волнений* vs. *многочисленные волнения*), ПРЕНИЯ, БДЕНИЯ, ПОСИДЕЛКИ, ВЫБОРЫ, КАНИКУЛЫ, КОМАНДИРОВОЧНЫЕ, ПОДЪЁМНЫЕ...

② Родовой компонент смысла ‘беспорядки’

Хотя беспорядки «состоят» из действий **П.2-3**, считать, что беспорядки — это «такие действия» нельзя: действия **П.2-3** *совершаются* (но не **происходят* или **случаются*), а беспорядки именно *происходят* или *случаются* (но не **совершаются*). Иначе говоря, русская лексема БЕСПОРЯДКИ обозначает событие; точнее, беспорядки представляют достаточно узкий подкласс событий: это событие, являющееся нарушением общественного порядка, т. е. событие, противоречащее законам и нормам данного общества. Поэтому в качестве родového компонента толкования лексемы БЕСПОРЯДКИ выбирается семантика ‘нарушение общественного порядка’. (Родовым компонентом самой семантемы ‘нарушение общественного порядка’ является ‘событие’.)

③ Дизъюнкции в толковании лексемы БЕСПОРЯДКИ

Лексема БЕСПОРЯДКИ может описывать три различные ситуации противозаконных действий: 1) X-ы совершают агрессивные действия **П.2** против не-X-ов или их имущества (например, погром), 2) X-ы совершают агрессивные действия **П.2** друг против друга (например, стычки молодёжных банд) и 3) X-ы совершают действия **П.3** (например, забастовки): *Страну сотрясали беспорядки: погромы, стычки молодёжных банд, забастовки, массовые митинги*. Это отражено в толковании посредством соответствующих дизъюнкций.

④ Расщеплённые актантные переменные Z^1 и Z^2 в толковании лексемы БЕСПОРЯДКИ

Причиной беспорядков может быть как конкретный факт / конкретная сущность (Z^1 : *беспорядки из-за погибшего полицейского* ⟨*из-за земельных*

наделов)), так и некие неназванные факты из определённой области (Z^2 : *религиозные беспорядки, беспорядки на почве этнической вражды*).

⑤ Семантические компоненты ‘одновременно’ и ‘в одном месте’

Компоненты ‘[действия II.2–3 происходят] одновременно и в одном месте’ используются здесь в несколько условном смысле — для выражения того, что называют «единством времени и места». Имеется в виду не строгая хронологическая и географическая локализация, а идентификация Говорящим одного конкретного события, которое обязательно ограничивается определёнными временными и пространственными рамками.

⑥ Актант ‘X’ \Leftrightarrow I лексемы БЕСПОРЯДКИ

Выражение, заполняющее актантную позицию ‘X’ \Leftrightarrow I лексемы БЕСПОРЯДКИ, обозначает группу людей, которая может определяться общей характеристикой: возрастом, социальным положением, религией, национальностью и т. д. При БЕСПОРЯДКИ эта группа задаётся, в частности, указанием типового местонахождения X-ов: *беспорядки в школах* ~ X-ы — школьники; *беспорядки на заводах* ~ X-ы — рабочие; *беспорядки на рудниках* ~ X-ы — шахтёры; и т. д. Местонахождение X-ов описывается лексической функцией $S_{loc}(L('X'))$, а их локализация в этом месте — функцией Loc_{in} , чем объясняется запись $C_{1.3}$ в модели управления лексемы БЕСПОРЯДКИ. В ряде случаев возможно употребление относительного прилагательного от $S_{loc}(L('X'))$: *школьные <тюремные> беспорядки* (запись $C_{1.4}$).

5.2. СТОЛКНОВЕНИЕ

5.2.1. Словарная статья лексемы СТОЛКНОВЕНИЕ

СТОЛКНОВЕНИЕ, существительное

Толкование

— **Вербальное толкование**

‘столкновение между X-ами и Y-ами из-за Z-а’ =

‘конфликт II.2 между X-ами и Y-ами из-за Z-а, состоящий в том, что многочисленные люди X и многочисленные люди Y действуют II.2 друг_на_друга, каузируя I ущерб, причём действия II.2 X-ов и Y-ов совершаются одновременно и в одном месте; действия II.2 X-ов и/или Y-ов противозаконны и каузированы I либо Z^1 -ом, либо фактами из области Z^2 ’

NB См. комментарии ① и ② в разделе 5.2.2.

— **Схема вербального толкования**

‘столкновение между X-ами и Y-ами из-за Z-а’ =

‘конфликт II.2 между X-ами и Y-ами из-за Z-а, состоящий в том, что:

X-ы и Y-и действуют **П.2** друг_на_друга, каузируя **1** ущерб;
 X-ы и Y-и — люди и многочисленны;
 действия **П.2** X-ов и действия **П.2** Y-ов одновременны;
 действия **П.2** X-ов и действия **П.2** Y-ов — в одном месте;
 действия **П.2** X-ов и/или действия **П.2** Y-ов противозаконны;
 действия **П.2** X-ов и/или действия **П.2** Y-ов каузируются **1** либо Z^1 -ом, либо фактами из области Z^2 ,

— **Формальное толкование**

Модель управления

'X' ↔ I	'Y' ↔ II	'Z' ↔ III
1. S' _{РОД} и S'' _{РОД}		1. из-за S _{РОД}
2. между S' _{ИНСТР} и S'' _{ИНСТР}		2. на почве S _{РОД}
3. между S _{МН.} _{ИНСТР}		3. на A ₀ (S) почве
4. S _{РОД}	4. с S _{ИНСТР}	4. A ₀ (S)

1) Если 'Y' — 'силы порядка', то желательно $C_{II} = C_{II.4}$.
 [столкновение демонстрантов с полицией vs. ? столкновение полиции с демонстрантами].

2) Если 'Z' = 'Z²', то $C_{III} \neq C_{III.1}$ [*столкновения из-за религии].

3) Желательно: выражен хотя бы один актанта лексемы СТОЛКНОВЕНИЕ или при ней имеется лексико-функциональное прилагательное.

$C_{I+II.1}$: столкновение чеченцев и осетин

$C_{I+II.2}$: столкновение между чеченцами и осетинами

$C_{I+II.3}$: столкновение между жителями соседних островов

$C_{I.4} + C_{II.4}$: столкновение чеченцев с осетинами

$C_{III.1}$: столкновение из-за пастбищ

$C_{III.2}$: столкновение на почве межнациональной вражды

$C_{III.3, 4}$: *столкновение на религиозной почве, религиозное столкновение*
 $C_{I.3 + II.3} + C_{III.2}$: *столкновение между жителями соседних островов на почве экономических разногласий*

Лексические функции

Syn_C	: конфликт II.2
Syn_n	: беспорядки; драка, потасовка, стычка; инцидент
Gener	: конфликт II.2
$S_{1/2}$: участник/-ца [~я]
S_{1+2}	: противники
$Magn_{1+2}^{quant}$: массовое
Loc_{in}	: 'в ходе' [~я]
$Func_0$: 'иметь место', произойти, случиться
$IncepFunc_0$: начаться; возникнуть С. — МН; см. комментарий ^③ в разделе 5.2.2.
[$Magn+IncepFunc_0$]	: вспыхнуть, разразиться С. — МН
$FinFunc_0$: закончиться, разг. кончиться, прекратиться
$ContFunc_0$: продолжаться 1 только НЕСОВ; продолжаться 2 , длиться [NUM + N _{время}] только НЕСОВ
$Caus1Func_0$: устроить [~е]; учинить [~я] С. — МН
$LiquIncepFunc_0$: предотвратить [~е]
$LiquFunc_0$: ликвидировать, подавить, пресечь [~я] С. — МН
$Involv$: охватить [N = S _{вин}], перекинуться, распространиться [на N = S _{вин}] С. — МН
происходящее	
на улицах города	: уличное
каузирующее 1	много жертв : кровавое
X-ы и Y-и	
используют оружие	: вооружённое

Вчера в городе произошло пять столкновений между чеченцами и осетинами. | Столкновения на религиозной почве в центре Каира парализовали движение транспорта. | В ходе этого столкновения погибло шесть человек. | В Сирии вспыхнули столкновения между двумя протурецкими группировками. | Полиция должна подавлять столкновения между различными группами иммигрантов. | 13-го октября в Приднестровье произошло этническое столкновение. | Сотни мигрантов пострадали при столкновениях с македонской полицией. | Столкновение кланов из-за женщин могло оказаться роковым. | Столкновение из-за прибытия эвакуированных из Уханя украинцев удалось предотвратить с большим трудом. | Международные столкновения происходят в республике относительно регулярно.

5.2.2. Комментарии к словарной статье лексемы СТОЛКНОВЕНИЕ

① Родовой компонент толкования лексемы СТОЛКНОВЕНИЕ: ‘конфликтП.2’

‘КонфликтП.2’ обозначает событие, состоящее в насильственных действиях двух противоборствующих сторон друг против друга (другие лексемы вокабулы КОНФЛИКТ, см. Приложение). Смысл ‘конфликтП.2’ шире, т. е. беднее, чем смысл ‘столкновение’: ‘конфликтП.2’ не предполагает противозаконность совершаемых действий. Иначе говоря, ‘столкновение’ есть частный случай ‘конфликтаП.2’. (Напомним, что ‘столкновение’ — «почти что» частный случай и ‘беспорядков’.)

② Расщеплённые актантные переменные Z^1 и Z^2 в толковании лексемы СТОЛКНОВЕНИЕ

Расщепление переменной Z здесь таково же, что и у лексемы БЕСПОРЯДКИ. Причиной столкновения тоже может быть как конкретный факт/конкретная сущность (Z^1 : *столкновения из-за полицейского произвола (из-за земельных наделов)*), так и некие неназванные факты из определённой области (Z^2 : *религиозное столкновение, столкновения на почве этнической вражды*).

③ Лексические функции при ключевом существительном во множественном числе

При некоторых лексических функциях [ЛФ] в словарных статьях лексем БЕСПОРЯДКИ и СТОЛКНОВЕНИЕ имеются ограничения на грамматическое число ключевого слова: «Б. многочисленны» и «С. — мн». (Поскольку БЕСПОРЯДКИ — *plurale tantum*, то при этом существительном множественность не может быть задана просто указанием «мн».) Так, **одно** столкновение не может **охватить* [$N = S_{\text{вин}}$], **перекинуться* или **распространиться* [*на* $N = S_{\text{вин}}$]: эти глаголы сочетаются лишь со множественным числом данной лексемы. Указанное явление носит, очевидно, систематический характер и должно быть описано в общем виде: множественное число изменяет семантизм ключевого существительного и тем самым определяет изменения в его лексической сочетаемости.

5.3. Сравнение семантем ‘беспорядки’ и ‘столкновение’

Смыслы лексем БЕСПОРЯДКИ и СТОЛКНОВЕНИЕ достаточно близки, чтобы они могли считаться квазиэквивалентными для передачи исходного смысла: строго говоря, эти лексемы являются пересекающимися синонимами ($S_{\text{уп}_1}$), но СТОЛКНОВЕНИЕ воспринимается как обозначение частного случая беспорядков. Между этими двумя лексемами имеются следующие смысловые различия:

1) У них различные родовые компоненты: у БЕСПОРЯДКИ — ‘нарушение общественного порядка’, а у СТОЛКНОВЕНИЕ — ‘конфликтП.2’.

2) Из различия родовых компонентов следует различие в числе и природе актантов: лексема БЕСПОРЯДКИ не предполагает обязательного наличия двух противоборствующих сторон (хотя и допускает их), и поэтому у неё один «действитель»: актант X; напротив, СТОЛКНОВЕНИЕ происходит обязательно между двумя активными противниками и имеет двух «действителей»: актанты X и Y.

3) Толкование лексемы БЕСПОРЯДКИ содержит тройную дизъюнкцию, см. комментарий ③ в разделе 5.1.2; в толковании лексемы СТОЛКНОВЕНИЕ имеется лишь одна дизъюнкция.

4) И у БЕСПОРЯДКИ, и у СТОЛКНОВЕНИЕ деятели X обязательно многочисленны. Однако количество объектов действий **П.2** X-ов — т. е. количество не-X-ов — у БЕСПОРЯДКИ не релевантно: этой лексемой можно обозначить нападение толпы на нескольких человек; СТОЛКНОВЕНИЕ же предполагает относительную равночисленность X-ов и Y-ов.

5) У БЕСПОРЯДКИ противозаконны действия всех участников, т. е. всех X-ов; представители сил порядка, пресекающие беспорядки, участниками беспорядков не являются. В случае же СТОЛКНОВЕНИЯ одна из сторон может действовать законно (именно, силы порядка). Поэтому семантема ‘противозаконный’ в толковании СТОЛКНОВЕНИЯ снабжена индексом \exists (см. Приложение).

6. Переход от СемП (5) к ГСинтП фраз (2) и (3)

Переход от СемП (5) к ГСинтП фраз (2) и (3) осуществляется в два этапа:

— Переход от СемС в (5) к ГСинтС фраз (2) и (3).

— Переход от Сем-КоммС в (5) к ГСинт-КоммС фраз (2) и (3); он достаточно прост и в настоящей статье рассматриваться не будет.

6.1. Переход от СемС в (5) к ГСинтС фраз (2) и (3)

Переход от СемС к ГСинтС выполняют две тесно связанные операции:

- **Арборизация**: исходной Сем-сети ставится в соответствие синтезируемое ГСинт-дерево. Для этого в Сем-сети сначала выбирается входной узел (см. примечание 4, с. 50), который даёт вершину этого дерева. Затем для Сем-отношений подбираются соответствующие ГСинт-отношения, из которых строится ГСинт-дерево.

- **Лексикализация**, включающая собственно лексикализацию и морфологизацию.

— Собственно лексикализация: некоторой конфигурации семантем в Сем-сети ставится в соответствие определённая лексическая единица³, занима-

³ На самом деле сначала конфигурация семантем ‘ $\tilde{\sigma}$ ’ в СемП заменяется одной семантемой ‘ σ ’, такой, что ‘ $\tilde{\sigma}$ ’ = ‘ σ ’; затем для ‘ σ ’ выбирается лексема L(‘ σ ’), которая и помещается в ГСинт-дерево.

ющая узел в синтезируемом ГСинт-дереве. Это осуществляется посредством подбора лексических единиц, формальные толкования которых накладываются на исходную Сем-сеть:

а) Некоторая семантема рассматриваемого толкования ' $\sigma_{\text{толк}}$ ' накладывается на соответствующую семантему ' $\sigma_{\text{СемП}}$ ' в исходном СемП. Если не происходит точного совпадения семантем, то необходимо прибегнуть к их семантическому разложению, чтобы проверить возможность допустимого частичного наложения (см. раздел 6.3, пункт 5).

б) Актантная переменная семантемы ' $\sigma_{\text{толк}}$ ', т. е., например, X в конфигурации ' $\sigma_{\text{толк}}-i \rightarrow X$ ', накладывается на соответствующий актант семантемы ' $\sigma_{\text{СемП}}$ ' в СемП, причём проверяется выполнение семантических ограничений, приписанных переменной X.

Реальная процедура наложения лексикографических толкований на исходные семантические структуры, разумеется, значительно сложнее; заниматься ей здесь мы не будем.

— **Морфологизация:** в соответствие некоторой конфигурации семантем в Сем-сети ставится определённая граммема, приписываемая соответствующей лексической единице в ГСинт-дереве.

Операции арборизации и лексикализации выполняются не последовательно, а попеременно. Мы проиллюстрируем их выполнение на примере перехода от СемП (5) к ГСинтП фраз (2) и (3).

В соответствии с правилами установления входного узла в СемП [Mel'čuk 2001: 38–48]⁴ мы можем выбрать в СемП (5) в качестве входного

⁴ Вот сжатое представление этих правил:

Выбор кандидатов на роль входного узла в СемП

Сем-узел ' σ ' в СемП 'S' может быть входным узлом, если и только если ' σ ' удовлетворяет хотя бы одному из следующих трёх условий:

1. либо ' σ ' — полноценный предикат, и он является Комм-доминантным узлом Сем-Ремы или Сем-Темы СемП 'S';
2. либо ' σ ' — ментальный полноценный предикат (выражающий мнение или оценку), и он является Комм-доминантным узлом одного из Сем-Спецификаторов в СемП 'S';
3. либо ' σ ' — квазипредикат, и он является Комм-доминантным узлом Сем-Ремы СемП 'S' и единственным кандидатом на роль входного узла.

Выбор между двумя кандидатами ' σ_1 ' и ' σ_2 ' на роль входного узла в СемП

1. Если одна из семантем ' σ_1 ' или ' σ_2 ' имеет естественное глагольное выражение в языке **L**, тогда как другая такого выражения не имеет, то выбирается первая.
2. Если обе семантемы ' σ_1 ' и ' σ_2 ' имеют/не имеют естественное глагольное выражение, то предпочитается та, которая находится в Сем-Реме.

«Оглаголивание» неглагольного вершинного узла в ГСинт-дереве

Если выбранный входной узел ' σ ' имеет в **L** только неглагольное выражение $L(\sigma)$, то это выражение $L(\sigma)$ снабжается одним из семантически пустых лексико-функциональных глаголов (из семейства oper_1).

узла — т. е. узла, которому соответствует вершина синтезируемой ГСинтС, одну из двух следующих семантем:

— либо семантему ‘скаузировать¹’ — Комм[уникативно]-доминантный узел Сем-Ремы₁, т. е. всего СемП;

— либо семантему ‘погибнуть’ — Комм-доминантный узел Фокуса Сем-Ремы₂.

Первый выбор приводит к фразам (2), а второй — к фразам (3).

6.2. Принципы лексикализации

Прежде всего напомним общие принципы лексикализации в моделях типа Смысл-Текст, сформулированные в работе [Polguère 1990].

1) Рематическая и тематическая коммуникативные зоны исходной Сем-структуры должны лексикализоваться отдельно. Иначе говоря, подсеть Сем-структуры, которая реализуется одной лексической единицей, должна целиком принадлежать либо к Сем-Реме, либо к Сем-Теме.

2) Сохранение исходной Сем-коммуникативной структуры требует, чтобы в вершине ГСинт-поддерева, реализующего рематическую или тематическую Комм-зону исходного СемП, стояла лексема, родовой компонент толкования которой совпадает с Комм-доминантным узлом этой зоны.

3) В случае если на исходный СемП накладываются толкования нескольких альтернативных лексем, предпочитается та лексема, которая обеспечивает максимальное наложение. (Само понятие «максимального наложения» нуждается в строгом определении, которое здесь не даётся.)

Эти принципы необходимы, но не достаточны в общем — и самом обычном — случае лексикализации. А именно, если в данном языке не существует лексемы, толкование которой накладывается на исходный СемП полностью, т. е. если не каждая семантема толкования накладывается на некоторую семантему СемП, приходится прибегать к **частичному наложению** толкований. Возникает вопрос, какие частичные наложения допустимы, а какие нет. Поскольку в данной статье говорится именно о частичных наложениях, мы попытались предложить некоторые ответы, сформулированные в виде четырёх дополнительных принципов лексикализации (раздел 7).

6.3. Построение ГСинтП фразы (2а) (беспорядки привели к гибели)

Переход от СемС в (5) к ГСинт-структуре фразы (2а) осуществляется в семь шагов. Первые четыре из них связаны с лексикализацией рематической Комм-зоны СемП (5), а следующие три — с лексикализацией его тематической Комм-зоны. Для семантем и конфигураций семантем в СемП подбираются возможные выражения (= лексемы и/или грамемы).

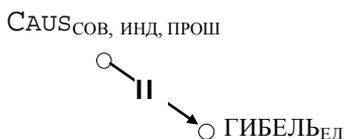
Обработка Сем-Ремы₂

1. Лексикализация входного узла СемП (5) — семантемы ‘скаузировать¹’: в вершину ГСинт-дерева ставится глагольная ЛФ *Caus*, одна из возможных реализаций этой семантемы.

2. Граммема «СОВ» получается из семантемы ‘завершённый’; граммема «ИНД» берётся из указания «нейтральное утверждение» в риторической структуре исходного СемП; конфигурация семантем ‘до момента речи’, характеризующая семантему ‘скаузировать1’, даёт граммему «ПРОШ». Результат:

$$\text{CAUS}_{\text{СОВ, ИНД, ПРОШ}}$$

3. Семантема ‘погибнуть’ (актант 2 семантемы ‘скаузировать1’) имеет как одну из возможных реализаций существительное ГИБЕЛЬ (singulare tantum):

Возможна и другая реализация семантемы ‘погибнуть’ — глаголом, что дало бы в конечном счёте ... *привели к тому, что погибли* ...

4. Конфигурация семантем ‘семь-1→люди’ даёт очевидный результат:

Обработка Сем-Темы₂

5. В соответствии со Вторым принципом лексикализации (раздел 6.2) в Сем-структуре СемП (5), а именно, в её коммуникативной зоне Сем-Тема₂, первым должен браться для лексикализации её доминантный узел ‘ $\sigma_{\text{СемП}}$ ’. Этот общий принцип, однако, нуждается в уточнении: ‘ $\sigma_{\text{СемП}}$ ’ не должен входить в конфигурацию ‘ $\sigma_{\text{СемП}} \leftarrow 2\text{-бытьI.3-1} \rightarrow \sigma$ ’, т. е. ‘ $\sigma_{\text{СемП}}$ ’ не должен быть обозначением класса, к которому принадлежит ‘ σ ’. Если же это условие не выполняется, то для лексикализации вместо ‘ $\sigma_{\text{СемП}}$ ’ берётся ‘ σ ’, в нашем случае — ‘ σ ’ = ‘каузирующие1 ущерб действияII.2’.

NB Сформулированное условие по существу представляет собой дополнительный принцип лексикализации, см. раздел 7.

Далее, в соответствии с Третьим принципом лексикализации, необходимо подобрать в СемП (4) семантемную конфигурацию, включающую

наряду с ‘σ’ его «окружение», которая обеспечивала бы максимальное наложение на СемП толкования выбираемой лексемы.

Нужная нам конфигурация такова: ‘событие, состоящее [= бытыI.3] в одновременных происходящих в одном месте противозаконных каузирующихI ущерб действияхII.2 людей друг на друга’. Она содержится в толкованиях двух описанных русских лексем: БЕСПОРЯДКИ и СТОЛКНОВЕНИЕ, которые мы и рассмотрим.

Начнём с лексемы БЕСПОРЯДКИ. При наложении толкования этой лексемы на СемП (5) возникают три следующих осложнения.

- Родовой компонент толкования лексемы БЕСПОРЯДКИ — ‘нарушение общественного порядка’ — как таковой в СемП (5) отсутствует. Однако его собственный родовой компонент — ‘событие’ — в СемП имеется, т. е. происходит частичное наложение. Такого рода наложения считаются правомерными, несмотря на то, что результирующая фраза добавляет смысл по сравнению с исходным СемП, а именно — информацию о том, что данное событие относится к классу нарушений общественного порядка.

Описанная здесь операция соответствует реальному процессу говорения. Подбирая слова в ходе лексикализации, Говорящий зачастую обогащает или обедняет исходный смысл. Иначе говоря, если исходный СемП ‘σ’ выражается фразой L(‘σ’), то СемП ‘σ’¹, построенный для фразы L(‘σ’), может быть не идентичен исходному СемП ‘σ’.

Возникает вопрос, какую именно информацию разрешается добавлять или терять при лексикализации, т. е. какова допустимая приблизительность данной операции. Ответ на этот вопрос требует отдельного и достаточно сложного исследования, так что нам придётся ограничиться частным замечанием, касающимся синтеза фразы (2а). Добавка компонента ‘нарушение общественного порядка’ считается допустимой, поскольку:

— он не противоречит ничему, что содержится в СемП (5);

— он ничего не меняет в отражении описываемой ситуации, являясь выражением мнения Говорящего, которое не содержит оценочности («хорошо ~ плохо»), а просто относит рассматриваемое событие к определённому разряду событий. (Здесь по существу сформулирован ещё один дополнительный принцип, разрешающий обогащение исходного смысла при лексикализации; см. раздел 7.)

- Как было указано, в толковании лексемы БЕСПОРЯДКИ имеются следующие дизъюнкции:

{либо {действияII.2 X-ов против не-X-ов и/или их имущества}}₁
 {либо действияII.2 X-ов друг против друга}}₂

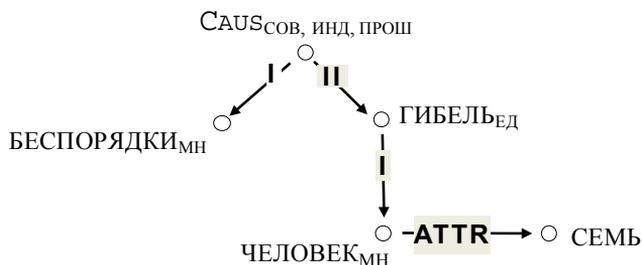
или

{действияII.3 X-ов}}₃

В СемП (5), однако, представлен только дизъюнкт **2**: действия **II.2** двух групп людей друг против друга. Но это, разумеется, не мешает использованию лексемы БЕСПОРЯДКИ: дизъюнкции в лексикографическом толковании служат именно для того, чтобы данная лексема годилась для разных дизъюнктивных случаев.

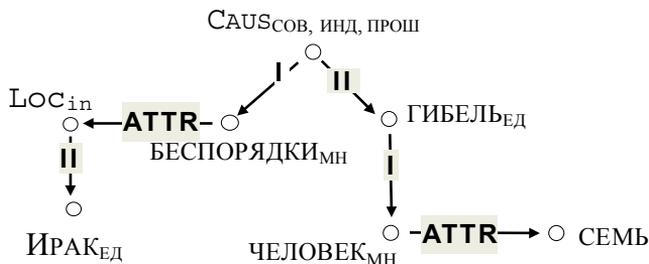
- Семантическому компоненту ‘каузируется1 Z¹-ом или ...’, имеющемуся в толковании лексемы БЕСПОРЯДКИ, не соответствует в СемП (5) никакая конфигурация семантем. Это тоже не беда: просто некоторый смысл, который предусмотрен лексемой БЕСПОРЯДКИ как необязательно выражаемый актанта (причина беспорядков), остаётся невыраженным.

Итак, все три указанные осложнения наложению толкования лексемы БЕСПОРЯДКИ на СемП (5) не препятствуют. Получается следующее поддерево:

6. Семантема ‘более одного’, относящаяся к доминантному узлу ‘событие’, реализуется граммемой «МН», которая должна характеризовать лексему БЕСПОРЯДКИ. Так как, однако, эта лексема — *plurale tantum* (т. е. имеет граммему «МН» уже в словаре), то в данном случае правило работает вхолостую. Во фразах (2b) и (3b) граммема «МН» присоединяется к лексеме СТОЛКНОВЕНИЕ и даёт нормальное множественное число.

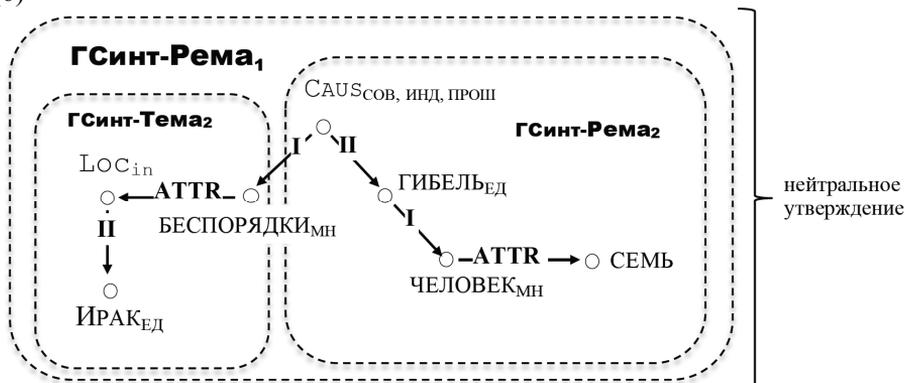
7. Конфигурация семантем ‘←1–локализован–2→Ирак’: семантема ‘локализован’ соответствует, в частности, лексической функции Loc_{in} ; в результате имеем:

В ПСинт-структуре ЛФ Loc_{in} (ИРАК) реализуется как предлог В, управляющий предложным падежом.

Построение ГСинт-коммуникативной и ГСинт-просодической структур для фразы (2а) тривиально, и её окончательное ГСинтП таково:

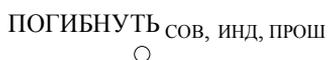
(6)

6.4. Построение ГСинтП фразы (3а) (в результате беспорядков погibli)

Переход от СемП (5) к ГСинтС фразы (3а) отличается от перехода к ГСинтС фразы (2а) в силу выбора другого входного узла в СемП (5): ‘погибнуть’.

1. Арборизация и лексикализация входного узла ‘погибнуть’, т. е. выбор глагола ПОГИБНУТЬ_{COV, IND, PROSH} и постановка его в вершину ГСинт-дерева; соответствующие грамемы вводятся так же, как в случае с ЛФ *caus* выше, раздел 6.3:

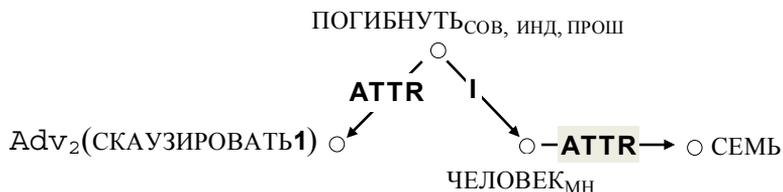

2. Конфигурация семантем ‘семь-1→люди’ даёт, как и для фразы (2а), очевидный результат:

3. Арборизация и лексикализация семантического узла ‘скаузировать1’, непосредственно подчиняющего узел ‘погибнуть’: поскольку ПОГИБНУТЬ уже выбрано в качестве вершины ГСинт-дерева, здесь необходимо «переворачивание» (инверсия) зависимостей. А именно, лексическая единица, выражающая семантему каузации, должна быть ГСинт-атрибутом к глаго-

лу (ПОГИБНУТЬ), т. е. наречием; выбирается лексическая функция Adv, точнее Adv₂, поскольку выражаемый смысл — ‘будучи скаузирова¹’:

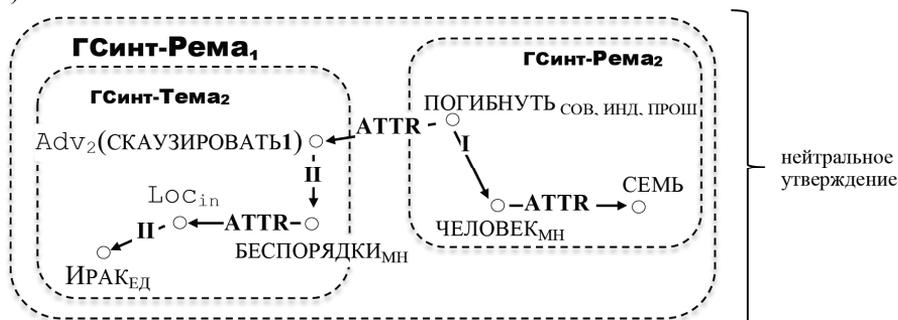

На ПСинт-уровне Adv₂(СКАУЗИРОВАТЬ1) реализуется как коллокация существительного РЕЗУЛЬТАТ: *в результате*.

Описанная операция означает изменение исходной Сем-Комм-структуры (семантема ‘скаузировать¹’ переходит из Ремы в Тему), но это — разрешённое изменение, см. конец раздела 4, с. 39.

Все остальные операции перехода от СемП к ГСинтП — см. выше; конечный же результат таков:

(7)

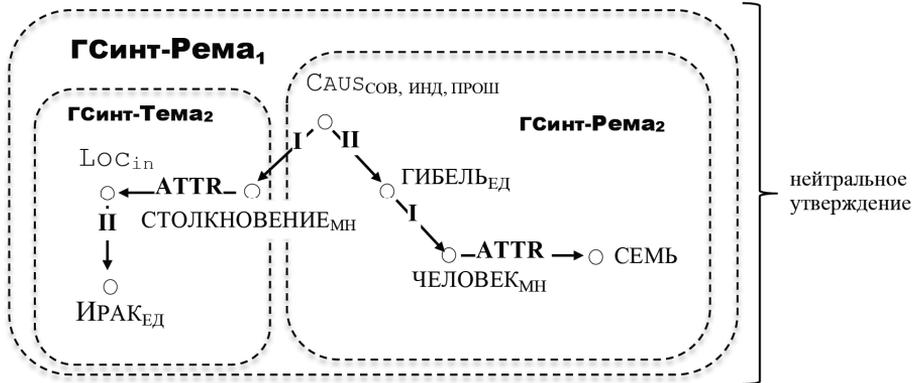
6.5. Построение ГСинтП фразы (2b) (столкновения привели к гибели)

Во фразе (2b) вместо лексемы БЕСПОРЯДКИ используется её квазисиноним СТОЛКНОВЕНИЕ; остальная лексика фразы — та же, что и в (2a). Поэтому здесь нам следует рассмотреть наложение на СемП только толкования лексемы СТОЛКНОВЕНИЕ.

Родовой компонент семантемы ‘столкновение’, т. е. ‘конфликт^{П.2}’, накладывается на Комм-доминантный узел темы — ‘событие’ частично, а именно только своим собственным родовым компонентом, который тоже — ‘событие’. Выше уже было показано, что подобное частичное наложение (с добавлением информации о классе события) считается правомерным. Остальные семантемы накладываются/не накладываются практически так же, как для БЕСПОРЯДКИ.

Вот результирующее ГСинтП:

(8)

Это ГСинтП совершенно правильно, но реализующая его фраза (9) стилистически не вполне удовлетворительна, по крайней мере — в качестве заглавия новостной заметки:

(9) Столкновения в Ираке привели к гибели семи человек.

Данный факт учтён в словарной статье СТОЛКНОВЕНИЕ посредством указания 2), сопровождающего модель управления: при этой лексеме желательно выразить хотя бы один из актантов или употребить какое-либо лексико-функциональное прилагательное. (Это, возможно, связано со значительной многозначностью вокабулы СТОЛКНОВЕНИЕ.) В СемП (5) актанты 'столкновения' не указаны. Обратимся к ЛФ-прилагательным лексемы СТОЛКНОВЕНИЕ. Их шесть: *крупное, масштабное, массовое, вооружённое, кровавое* и *уличное*. *Массовое* (*крупное, масштабное*) столкновение предполагает значительную многочисленность X-ов и Y-ов, а *вооружённое столкновение* — использование ими оружия; однако поскольку соответствующих сведений в СемП (5) нет, выбор этих прилагательных исключается. При *кровавом столкновении* жертв должно быть много, тогда как сомнительно, что семь жертв в Ираке — это много. (Данное соображение основано на знаниях о действительности.) Поэтому остаётся прилагательное *уличное*, которое употребить можно, поскольку в СемП (5) конкретные места столкновений (типа 'на границе', 'на университетских кампусах' и т. д.) не указаны, а в реальности столкновения чаще всего происходят в открытом пространстве. Это позволяет добавить в ГСинтП прилагательное УЛИЧНЫЙ как АТТР к СТОЛКНОВЕНИЕ, что даст стилистически более естественную фразу (10):

(10) Уличные столкновения в Ираке привели к гибели семи человек.

6.6. Построение ГСинтП фразы (3b) (в результате столкновений погибли)

Фраза (3b) не ставит новых вопросов; процесс её построения фактически описан в предыдущих разделах.

б.7. Отсеивание неправильных лексикализаций

Выше были рассмотрены правильные лексикализации; теперь нам остаётся описать отсеивание неправильных лексикализаций. Возможность неправильных лексикализаций для СемП (5) возникает оттого, что толкования «правильных» лексем БЕСПОРЯДКИ и СТОЛКНОВЕНИЕ содержат семантический компонент ‘событие, состоящее в одновременных происходящих в одном месте противозаконных каузирующих1 ущерб действиях П.2 многочисленных людей’, который имеется также, например, в толкованиях таких «неподходящих» лексем, как БУНТ и МЯТЕЖ (семантемы этого компонента показаны в их толкованиях полужирным шрифтом):

БУНТ

‘бунт X-ов против Y-а’ =

‘событие, состоящее в том, что многочисленные люди X, принадлежащие к низшему социальному классу, публично отказавшись повиноваться местной власти Y¹ или распоряжению Y² власти Y¹, одновременно в одном месте, используя оружие, противозаконно действуют П.2, каузируя1 ущерб, на представителей Y¹-а с целью ликвидировать Y¹.

МЯТЕЖ

‘мятеж X-ов против Y-а’ =

‘событие, состоящее в том, что многочисленные люди X, принадлежащие к одной группировке, публично отказавшись повиноваться власти Y, одновременно в одном месте, используя оружие, противозаконно действуют П.2, каузируя1 ущерб, на представителей Y-а с целью ликвидировать Y; Говорящий относится к этому событию отрицательно’⁵.

Однако выбор лексемы БУНТ или МЯТЕЖ вызывает существенные изменения смысла (5). В самом деле, фразы (11) и (12), совершенно правильные сами по себе, неприемлемы для исходного смысла, т. е. для СемП (5):

(11) *Бунты/Мятежи в Ираке привели к гибели семи человек.*

(12) *В результате бунтов/мятежей в Ираке погибло семь человек.*

С одной стороны, утрачивается важная идея взаимности: ‘друг_на_друга’. С другой стороны, добавляются информационно весомые семантические компоненты, выражающие направленность действий П.2 X-ов против властей; в толковании лексемы МЯТЕЖ содержится также отрицательная оценка этого события Говорящим (мы не указываем здесь другие расхождения). Подобные утраты/добавки считаются недопустимыми.

⁵ Об отрицательной оценке данного события Говорящим, содержащейся в смысле ‘мятеж’, см. [Dobrovolskij, Röppel 2013].

7. Дополнительные принципы лексикализации для частичных наложений толкований на СемП

Как уже было отмечено выше (раздел 6.2), рассмотрение частичных наложений толкований на исходный СемП требует дополнительных принципов лексикализации. Вот четыре таких принципа, выявленных в ходе данного исследования.

- 1) **Если** при наложении толкования на СемП семантема ‘ $\sigma_{\text{толк}}$ ’ не совпадает с нужной семантемой ‘ $\sigma_{\text{СемП}}$ ’,
то необходимо прибегнуть к семантическому разложению этих семантем — с тем, чтобы принять решение о допустимости частичного наложения.
- 2) **Если** доминантный узел ‘ $\sigma_{\text{СемП}}$ ’ данной Сем-Комм-зоны входит в конфигурацию ‘ $\sigma_{\text{СемП}} \leftarrow 2\text{—} \text{БЫТЬ} \text{I.3—} 1 \rightarrow \sigma'$ ’,
то вместо него для лексикализации берётся узел ‘ σ' ’. Говоря конкретнее, в таком случае родовой компонент выбираемой лексемы должен совпадать с ‘ σ' ’.
- 3) **Если** некоторое толкование накладывается на исходный СемП лишь частично,
то не должно наблюдаться противоречия между семантемами толкования и семантемами исходного СемП.
В частности, недопустимо противоречие между ограничениями на актанты в толковании и ограничениями на соответствующие актанты в СемП.
- 4) **Если** некоторое толкование накладывается на исходный СемП лишь частично,
то добавка или утрата смысла не должна быть информационно существенной.

Понятие информационной существенности является сложным и нуждается в отдельном исследовании; здесь мы ограничимся частными замечаниями. А именно, добавка/утрата некоторого Сем-компонента ‘ σ ’ возможна/невозможна в следующих случаях:

- **Если** ‘ σ ’ относит рассматриваемый факт или сущность к определённом разряду,
то его добавка/утрата возможна: такой компонент ничего не меняет в отражении описываемой ситуации.
- **Если** ‘ σ ’ = ‘друг_друга’,
то его добавка/утрата невозможна: это приводит к заданию другой ситуации.
- **Если** ‘ σ ’ = ‘оценка ситуации Говорящим’,
то его утрата возможна, а добавка нет.

Приложение

В настоящем Приложении даётся список используемых в статье «неочевидных» семантем с необходимыми комментариями.

‘бытьI.3’

‘X Ø^{БЫТЬI.3} Y’ = ‘X есть элемент класса Y’

‘действия’

‘X (воз)действуетI.1 на Y’ [семантический примитив; Агенса X не обладает волей]:

Волны_X бьют о скалы_Y.

‘X (воз)действуетI.2 на Y’ = ‘X (воз)действуетI.1 на Y, что влечёт Z — изменение Y-а’:

Эта кислота_X растворяет кальций_Y ‘Эта кислота_X каузирует1 растворение_Z кальция_Y’.

‘X (воз)действуетII.1 на Y W-ом’ [семантический примитив; Агенса X обладает волей]:

Иван_X толкнул дверь_Y ногой_W, но она не поддалась.

‘X (воз)действуетII.2 на Y W-ом’ = ‘X (воз)действуетII.1 на Y W-ом, что влечёт Z — изменение Y-а’]:

Иван_X распилил бревно_Y новой пилой_Z

‘Иван_X посредством новой пилы_W скаузировав2, что бревно_Y распилено_Z’.

‘X действуетII.3’ [семантический примитив; Агенса X обладает волей; действиеII.3 не имеет ни объекта, ни инструмента]:

Иван_X бежит <кричит, встаёт>.

‘каузации’

‘X каузирует1 Z(Y)’ = ‘X (воз)действуетI.2 на Y, что влечёт Z(Y)’

[Агенса X не обладает волей; X является причиной Z(Y)]

Спирт_X убивает микробы_Y ‘Спирт_X каузирует1 смерть_Z микробов_Y’.

‘X каузирует2 Z(Y)’ = ‘X (воз)действуетII.2 на Y W-ом, что каузирует1 Z(Y)’

[Агенса X обладает волей; X является каузатором Z(Y)]

Иван_X убил Петра_Y ножом_W ‘Иван_X посредством ножа_W скаузировав2 смерть_Z Петра_Y’.

‘конфликты’

Ненасильственные конфликты

‘конфликтI.1’ : состояние (*Директор и наш шеф находятся в конфликте. | длительный семейный конфликт | конфликт этих научных школ*)

‘конфликтI.2’ : событие (*На собрании произошёл конфликт между директором и нашим шефом.*)

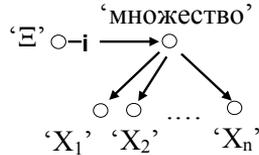
Насильственные конфликты

‘конфликтII.1’ : состояние (*Армения и Азербайджан уже давно находятся в военном конфликте.*)

‘конфликтП.2’ : событие (*На границе Армении и Азербайджана произошёл очередной военный конфликт.*)

‘множество_&’, ‘множество_∨’ и ‘множество_∩’

Семантемы ‘множество_&’ (логическая конъюнкция), ‘множество_∨’ (нестрогая логическая дизъюнкция) и ‘множество_∩’ (строгая логическая дизъюнкция) используются как удобное сокращение: выражение

означает, что предикат ‘ $\exists \circ i \rightarrow$ ’ относится к каждому элементу конъюнкции и дизъюнкции; поэтому в записи СемП этот предикат не повторяется. (Поскольку элементы таких множеств семантически находятся, так сказать, в равном положении, соответствующие стрелки семантических зависимостей не различаются, т. е. не имеют номеров. См. [Mel’čuk 2012–2015: vol. 1, Ch. 4, 4.2.])

Если предикат ‘ $\exists \circ i \rightarrow$ ’ относится не ко всем элементам соответствующего множества, то при нём ставится в нижнем индексе символ квантора существования: ‘ $\exists \circ i \rightarrow$ ’ означает, что этот предикат относится хотя бы к одному из элементов.

При наложении толкования на СемП семантемы ‘множество_&’, ‘множество_∨’ и ‘множество_∩’ игнорируются.

Л и т е р а т у р а

Иорданская 1990 — Л. Иорданская. От семантической сети к глубинно-синтаксическому дереву: правила нахождения вершины дерева // Z. Saloni (ed.). *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* [Festschrift Ju. Apresjan]. Białystok: Filija Uniwersytetu Warszawskiego w Białymstoku, 1990. S. 33–46.

Мельчук 2012 — И. Мельчук. *Язык: от смысла к тексту*. М.: Языки славянской культуры, 2012.

Dobrovol’skij, Pöppel 2013 — D. Dobrovol’skij, L. Pöppel. *Lexical Synonymy within the Semantic Field POWER* // I. Kor Chanine (ed.). *Current Studies in Slavic Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 281–296.

Iordanskaja, Polguère 1988 — L. Iordanskaja, A. Polguère. *Semantic Processing for Text Generation* // *Proceedings of International Computer Science Conference’88*. Hong Kong, 1988. P. 310–318.

Lareau et al. 2018 — F. Lareau, F. Lambrey, I. Dubinskaitė, D. Gallarreta-Piquette, M. Nejat. *GenDR: A Generic Deep Realizer with Complex Lexicalization* // *Proceedings of the 11th edition of the Language Resources and Evaluation Conference (LREC), Miyazaki (Japan)* // *European Language Resources Association*. 2018. P. 3018–3025.

Lareau, Wanner 2007 — F. L a r e a u, L. W a n n e r. Towards a Generic Multilingual Dependency Grammar for Text Generation // T. Holloway King, E. M. Bender (eds.). Proceedings of the Grammar Engineering Across Frameworks 2007 Workshop. CSLI Publications, 2007. P. 203–223. URL: <http://csli-publications.stanford.edu>.

Mel'čuk 2001 — I. M e l ' č u k. Communicative Organization in Natural Language. The Semantic-Communicative Structure of Sentences. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001.

Mel'čuk 2012–2015 — I. M e l ' č u k. Semantics. From Meaning to Text. Vols 1–3. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012–2015.

Mel'čuk, Polguère 2018 — I. M e l ' č u k, A. P o l g u è r e. Theory and Practice of Lexicographic Definition // Journal of Cognitive Science. 2018. 19 (4). P. 417–470.

Miličević 2007a — J. M i l i č e v i ć. La paraphrase. Modélisation de la paraphrase langagière. Berne: Peter Lang, 2007.

Miličević 2007b — J. M i l i č e v i ć. Semantic Equivalence Rules in Meaning-Text Paraphrasing // L. Wanner (ed.). Selected Lexical and Grammatical Issues in Meaning-Text Theory. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 267–297.

Miličević 2021 — J. M i l i č e v i ć. Modélisation de la paraphrase sémantique approximative // S. Marengo (dir.). La Théorie Sens-Texte. Concepts-clés et applications, coll. «Dixit Grammatica». Paris: L'Harmattan, 2020. P. 51–74

Polguère 1990 — A. P o l g u è r e. Structuration et mise en jeu procédurale d'un modèle linguistique déclaratif dans un cadre de génération de texte. Montréal: Université de Montréal [thèse de doctorat], 1990.

Sowa 1976 — J. F. S o w a. Conceptual Graphs for a Data Base Interface // IBM Journal of Research and Development. 1976. 20 (4). P. 336–357.

Sowa 1984 — J. F. S o w a. Conceptual Structures: Information Processing in Mind and Machine. Reading, MA: Addison-Wesley, 1984.

Статья получена 16.08.2020

Lidija N. Iordanskaja

Observatoire de linguistique Sens-Texte, Université de Montréal
(Montréal, Canada)
lidija.iordanskaja@umontreal.ca

Igor A. Mel'čuk

Observatoire de linguistique Sens-Texte, Université de Montréal
(Montréal, Canada)
igor.melcuk@umontreal.ca

MINIMODEL OF SEMANTIC SYNTHESIS OF RUSSIAN SENTENCES

A conceptual representation is proposed for an extralinguistic situation as it can be reflected in the psyche of an imaginary Speaker. For this conceptual representation a corresponding semantic representation is produced, which, in its turn, underlies the deep-syntactic representations of four near-synonymous Russian sentences that express the starting information. Two full-fledged lexicographic entries are presented for the lexemes BESPORJADKI 'disturbance' and STOLKNOVENIE 'clash_(N)', used in the sentences under description. It is shown

how the formal lexicographic definitions of these lexemes are approximately matched to a semantic representation in the process of its lexicalization and arborization.

Keywords: Russian language, semantic synthesis, explanatory-combinatorial lexicography, lexicalization and arborization of a semantic representation

References

Dobrovol'skij, D., & Pöppel, L. (2013). Lexical synonymy within the semantic field POWER. In I. Kor Chanine (Ed.), *Current studies in Slavic linguistics* (pp. 281–296). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Iordanskaja, L. (1990). Ot semanticheskoi seti k glubinnno-sintaksicheskomu derevu: pravila nakhozhenia veršiny dereva. In Z. Saloni (Ed.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* (pp. 33–46). Białystok: Filija Uniwersytetu Warszawskiego w Białymstoku.

Iordanskaja, L., & Polguère, A. (1988). Semantic processing for text generation. In *Proceedings of international computer science conference '88* (pp. 310–318). Hong Kong: [s.n.].

Lareau, F., Lambrey, F., Dubinskaitė, I., Galarreta-Piquette, D., & Nejat, M. (2018). GenDR: a generic deep realizer with complex lexicalization. In N. Calzolari et al. (Eds.), *Proceedings of the 11th edition of the Language resources and evaluation conference (LREC)* (pp. 3018–3025). Miyazaki: European Language Resources Association.

Lareau, F., & Wanner, L. (2007). Towards a generic multilingual dependency grammar for text generation. In T. Holloway King, E. M. Bender (Eds.), *Proceedings of the grammar engineering across frameworks 2007 workshop* (pp. 203–223). Retrieved from <http://csli-publications.stanford.edu>

Mel'čuk, I. (2001). *Communicative organization in natural language. the semantic-communicative structure of sentences*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Mel'čuk, I. (2012). *Jazyk: ot smysla k tekstu*. Moscow: Yazyki slavianskoj kul'tury.

Mel'čuk, I. (2012–2015). *Semantics. From meaning to text* (Vols. 1–3). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Mel'čuk, I., & Polguère, A. (2018). Theory and practice of lexicographic definition. *Journal of cognitive science*, 19(4), 417–470.

Milićević, J. (2007a). *La paraphrase. Modélisation de la paraphrase langagière*. Berne: Peter Lang.

Milićević, J. (2007b). Semantic equivalence rules in Meaning-Text paraphrasing. In L. Wanner (Ed.), *Selected lexical and grammatical issues in Meaning-Text theory* (pp. 267–297). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Milićević, J. (2021) Modélisation de la paraphrase sémantique approximative. In S. Marengo (dir.), *La Théorie Sens-Texte. Concepts-clés et applications*, coll. «Dixit Grammatica». Paris: L'Harmattan, 51–74.

Polguère, A. (1990). *Structuration et mise en jeu procédurale d'un modèle linguistique déclaratif dans un cadre de génération de texte* (thèse de doctorat). Montréal: Université de Montréal.

Sowa, J. F. (1976). Conceptual graphs for a data base interface. *IBM journal of research and development*, 20(4), 336–357.

Sowa, J. F. (1984). *Conceptual structures: information processing in mind and machine*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Received on August 16, 2020

В. В. ГЛЕБКИН

Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС
Школа № 1514 г. Москвы
(Москва, Россия)
gleb1514@gmail.com

ОТКРЫВАНИЕ БУТЫЛОК КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

Хотя понимание лексических и семантических изменений как, в значительной степени, социокультурного явления прочно утвердилось в современной лингвистике, сложно говорить о том, что существует признанная методология исследований в указанной области и ясное понимание социокультурных процессов, ведущих к таким изменениям. Данная статья на примере анализа лексических средств, использующихся для описания действия по открыванию бутылок, показывает, какая сложная многоуровневая система факторов может стоять за простейшими, на первый взгляд, лексическими и семантическими процессами. Важным аспектом анализа становится ономаσιологический подход, исследующий проблему лексического выбора между альтернативными конструкциями и выявляющий критерии, определяющие такой выбор. В статье показывается, что процесс открывания бутылок крайне редко фиксируется в письменном языке XVIII в. и лексические средства для подобной фиксации еще не определены. В XIX в. это действие представлено главным образом конструкциями *откупоривать бутылку* и *раскупоривать бутылку*. Конструкция *открыть бутылку*, отсутствуя в общем языке XIX в., встречается независимо в социолекте низших городских слоев и техническом языке, связанном с прикладными науками. В XX в. она проникает в общий язык и с последней трети XX в. превосходит конструкцию *откупоривать бутылку* в лексической конкуренции. В статье также реконструируются социокультурные факторы, влияющие на выбор конструкции *откупоривать бутылку* или *открывать бутылку* авторами второй половины XX — первых десятилетий XXI в. Показано, что за конструкцией *откупоривать бутылку* часто стоит литературная традиция, тогда как за конструкцией *открывать бутылку* — стремление отразить непосредственную практику, современную автору.

Ключевые слова: лексические и семантические изменения, ономаσιологический подход, социолект, диахронный анализ, открывание бутылок

Введение

Недавняя публикация русского перевода классической работы Антуана Мейе «Как слова меняют значение» [Мейе 2019]¹ дает основания еще раз

¹ Статья была впервые опубликована в 1906 г. Об истории публикаций см. замечание переводчиков [Мейе 2019: 39].

обратиться к теоретическим аспектам проблемы лексических и семантических изменений². Важные для данной статьи положения подхода А. Мейе могут быть сформулированы следующим образом: а) язык — социальное явление и может быть адекватно исследован только в совокупности с социокультурной средой, в которую погружены его носители; б) хотя иногда изменение значения слова вызвано внутренними языковыми процессами, в большинстве случаев причины таких изменений носят социокультурный характер; в) одним из основных механизмов, определяющих процесс семантических изменений, является взаимодействие между социолектами, характеризующими локальные группы, и общим языком.

Хотя со времени публикации работы прошло уже более столетия и отдельные ее положения подверглись существенным уточнениям и дополнениям, заданная этой работой методологическая перспектива сохраняет свою значимость и по сей день. К сожалению, формат данной статьи не предоставляет возможности даже для краткого обзора многочисленных отечественных и зарубежных исследований, связанных с дальнейшим развитием отмеченной перспективы, и новых технических ресурсов, появившихся для этого (в частности, благодаря использованию корпусов и разнообразных статистических методов их анализа). Хотелось бы остановиться лишь на трех моментах, имеющих прямое отношение к данному исследованию.

Во-первых, спектр социокультурных факторов, выступающих триггером для лексических и семантических изменений, заметно шире процессов, указанных в работе А. Мейе. Наряду с более или менее локальными трансформациями, связанными с особенностями социально-экономического развития, появлением и эволюцией различных социальных групп, субкультур, профессиональных сообществ, такими факторами часто оказываются глобальные изменения, затрагивающие определенное общество и даже социокультурную эпоху в целом. Так, радикальные трансформации в «картине мира» западноевропейской культуры при переходе от Античности к Средним векам приводят к появлению механистических метафор задолго до того, как машины начинают играть важную роль в социально-экономической жизни [Глебкин 2012; 2014: 158–177]. Значимые социально-политические изменения, вызванные освобождением российских дворян от обязательной государственной службы, декларированным в «Манифесте о вольности дворянства» Петра III (1762) и «Жалованной грамоте дворянству» Екатерины II (1785), порождают проблему «пустого времени» и необходимость фиксации связанных с ней психологических состояний, вызвавшую, в частности, радикальные семантические трансформации понятия «скука» [Глебкин 2018: 150–164].

Во-вторых, иногда причиной лексических и семантических изменений оказываются не новые социокультурные практики (глобальные или ло-

² Я выражаю искреннюю признательность своему рецензенту Илье Борисовичу Иткину, чьи критические замечания и предложения оказались в высшей степени полезными при подготовке итогового текста статьи.

кальные), а изменение фокуса внимания культуры, начинающей замечать и фиксировать в языке процессы, уже давно происходящие и даже ставшие обыденными, но при этом не получившие еще своего наименования.

В-третьих, важным методологическим дополнением к сформулированным А. Мейе установкам является ономаσιологический подход, развиваемый в последние десятилетия в первую очередь Дирком Герартсом и его группой [Geeraerts et al. 1994; Geeraerts 1997; 2006; 2018]. Если базовый для проблемы лексических и семантических изменений (и единственно возможный для А. Мейе) семасиологический подход исследует эволюцию семантической структуры отдельных слов и лексических конструкций с течением времени, то ономаσιологический подход отталкивается от определенного концептуального содержания и исследует проблему лексического выбора между словами и выражениями, это содержание обозначающими (определения указанных подходов можно найти, например, в [Baldinger 1980: 278]).

Учитывая сделанные замечания, теоретическая модель описания, характеризующая значительную группу лексических и семантических изменений и задающая каркас для работы с конкретным материалом в рамках данной статьи, может быть представлена следующим образом: в социокультурном пространстве либо возникает новая область, либо уже существующая область попадает в фокус внимания; это запускает процедуру лексического выбора, в процессе которой различные носители языка предлагают своих кандидатов на обозначение данной области; в результате один или несколько кандидатов побеждают, и победившие обозначения закрепляются в языке.

* * *

Приведенные выше теоретические соображения легли в основу социолингвистического анализа конкретного и, на первый взгляд, предельно локального сюжета: как акт открывания бутылки именуется в русском языке, как способы такого именованья изменяются со временем и какие социокультурные процессы за этим стоят.

Открывание бутылок прочно вошло в нашу повседневность и твердо обрело в языке устойчивую фиксацию. Два произвольно взятых примера наглядно иллюстрируют это³:

- (1) *Я сел за стол, он нарезал хлеба, открыл бутылку, налил вино в седые от невнимания граненые стаканы, предложил выпить за наши дебюты* (М. Петров. Поэт забвения. 2012);
- (2) *Сняла с себя корону, мишуру, стерла с губ помаду. Потом открыла бутылку шампанского, налила, положила на тарелку салат и стала есть* (М. Трауб. Плохая мать. 2010).

³ За исключением специально оговоренных случаев, все приводимые здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) (www.ruscorpora.ru).

Здесь четко зафиксирована базовая последовательность действий: открыл бутылку, налил содержимое в стакан (кружку, чашку и т. д.), выпил. Иногда открывание бутылки метонимически заменяет собой процедуру в целом:

- (3) *Оказавшись в старой квартире Тушинских (вскоре им предстоял переезд в новую, на Котельниках), дамы открыли бутылку лондонского «Бифитера» и приступили к серьезному разговору* (В. Аксенов. Таинственная страсть. 2007).

Использование конструкции⁴ *открывать бутылку* кажется во всех этих случаях совершенно очевидным прагматически и интуитивно воспринимается как глубоко укорененное в памяти языка. Однако это не так. Первое вхождение данной конструкции в НКРЯ датируется 1889 г. и следующее — 1897 г., т. е. во всех текстах XVIII и XIX вв., входящих в Национальный корпус, она встречается лишь дважды. Эта конструкция отсутствует в полных собраниях сочинений и писем А. С. Пушкина⁵, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова⁶. Другими словами, классической русской литературе она незнакома. Попробуем разобраться в причинах ее появления и закрепления в литературном языке и публицистике, обратившись к более подробному анализу корпусных данных.

Слово *бутылка* в подкорпусе XVIII–XIX вв. основного корпуса НКРЯ

Начнем с подкорпуса XVIII в. Слово *бутылка*⁷ встречается в нем 99 раз в 44 документах. Нас будут интересовать действия, которые совершаются

⁴ В данной работе конструкция *открывать бутылку* по умолчанию включает в себя сочетания со всеми формами глаголов совершенного и несовершенного вида (*открыл бутылку, открывала бутылку, открыть бутылку, открывая бутылку* и т. д.). Аналогичное утверждение справедливо и для конструкций *открывать дверь, откупоривать бутылку* и др.

⁵ Любопытно (и показательно как характеристика языковой инерции), что в целом ряде изданий Пушкина (например, [Пушкин 1982: 97; 2002: 441]) слова Мнишека в разговоре с Вишневецким в «Борисе Годунове» переданы как «Велим открыть бутылку вековую» (в оригинале «Велим отрыть бутылку вековую»).

⁶ При анализе использовались электронные издания: Полное энциклопедическое собрание сочинений А. С. Пушкина. ИДДК, 2005; Полное энциклопедическое собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. ИДДК, 2005; Полное энциклопедическое собрание сочинений Н. В. Гоголя. ИДДК, 2002; Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений. МЦФ, 1999; Энциклопедическое собрание сочинений Л. Н. Толстого. ИДДК, 2003; Полное энциклопедическое собрание сочинений А. П. Чехова. ИДДК, 2005.

⁷ Следует отметить, что слово *бутыль*, дериватом которого является *бутылка*, возникает в русском языке, видимо, в конце XVII в., представляя собой заимствование немецкого *Buttel* и/или французского *bouteille* (либо непосредственное, либо через польское *butel* или украинское *бутель*) [СРЯ XI–XVII, 1: 360; СРЯ XVIII, 2: 173–174].

с бутылками в данных текстах. Доминирует в них потребление содержимого бутылок, выражаемое глаголами *опорожня́ть(ся)*, *распивать*, *выпивать*, например:

- (4) *Я наливал, пенил, любовался светлостью вина, потчевал сидевших подле меня и был доволен, как царь. Скоро бутылка опорожнилась* (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. 1799);
- (5) *Прежде всего приказали собрать на стол, и когда сие было исполнено, то с прилежностью покушав, выпили несколько бутылок Шампанского* (Ф. А. Эмин. Адская почта или курьер из ада с письмами. 1788).

Также бутылки требуют, приносят, дарят, покупают, подают, дают, ставят на стол, наливают, с ними стоят, бегут и т. д. Но открывание почти не представлено в этом широком и разнообразном списке. Речь идет не только об отсутствии глагола *открывать*, но и о том, что процесс открывания в целом крайне редко фиксируется языком. Мне удалось найти лишь один случай фиксации данного действия в основном корпусе и один — в поэтическом корпусе.

- (6) *Сели потом есть, подали нам и вино это, которое я проиграл: кто ж это мог подумать, что оно по полтора рубли бутылка? коли б оно уже сладко было, так бы уж и живот не болел, а то вино такое кислое, только лишь пенится; да я ж им еще и ушибся и облился, стал вынимать пробку, ан как меня щелкнет в лоб, так я насилу усидел; стал его отведывать, так оно мне и в горло не пошло* (А. П. Сумароков. Ссора мужа с женой. 1750);
- (7) *Что будто сам Силен бутылки оттыкал,
И будто сам из них вино в себя глотал* (В. И. Майков. Елисей, или Раздраженный Вакх, 1769).

Открывание бутылки во фрагменте (6), как легко заметить, представляет собой испытание для героя, а не ставшее уже привычным действие. Необычность ситуации ведет к тому, что на ней фиксируется внимание читателя, и она описывается подробно, без использования обобщающего понятия, маркирующего процесс открывания в целом. Во фрагменте (7) процесс открывания передается глаголом *оттыкать*⁸.

Резюмируя, можно сказать, что открывание бутылок попадает в поле зрения авторов XVIII в. крайне редко, и в языке отсутствуют устойчивые лексические средства для фиксации этого действия.

⁸ В первом издании Словаря Академии Российской глагол *оттыкаю* определяется как ‘Вынимаю затычку, пробку; открываю отверстие сосуда выняв затычку’ и иллюстрируется примером *Ототкнуть бутылку, бочку* [САР, 6: 350]. Однако этот глагол, видимо, был редким в текстах XVIII в. Так, подкорпус XVIII в. НКРЯ дает только одно вхождение для глагола *оттыкать*, а подкорпус XVIII в. Google Books (далее — GB) не показывает вхождений вовсе.

Данный факт может быть объяснен несколькими причинами. Во-первых, стеклянные бутылки — скорее экзотика, чем привычный элемент повседневной жизни для русской культуры XVIII в. Стекольные фабрики появились в России в XVII в., за первые три четверти XVIII в. их число незначительно возросло, но эти фабрики производили в основном дорогую хрустальную посуду и оконные, зеркальные и фонарные стекла различной формы. О промышленном производстве бутылок речь не шла [Описание 1914: XXXIX–LI; Малинина 2009: 46–50]. Бутылки ввозились из-за границы, используясь в химии, медицине, но главной составляющей импорта был алкоголь.

При этом объем импортируемого в бутылках алкоголя составлял ничтожную долю в обороте алкогольной продукции в России в XVIII в. Продажа алкоголя была (впрочем, и остается) крайне прибыльным бизнесом и на протяжении всего XVIII в. тщательно регламентировалась государством. Интересен в данном отношении период правления Екатерины II. За время своего нахождения на престоле она издала порядка ста указов и выпустила два объемных устава, посвященных производству и продаже вина («Устав о винокурении» (1765) и «Устав о вине» (1781)), в которых эти процессы были подвергнуты детальному регулированию. Однако во всех указанных документах речь шла почти исключительно о российском хлебном вине, которое производилось в кубах и казанах, измерялось ведрами и хранилось и перевозилось в бочках разного размера. Единственное упоминание бутылок мне удалось встретить лишь в «Указе о повышении продажной цены на вино по одному рублю на ведро», датированном декабрем 1793 г.⁹

Во-вторых, бутылки вина стоили дорого¹⁰, они были знаком высокого социального статуса, обычно распивались на праздниках и торжествах и в этом случае открывались в подсобных помещениях слугами, которые вносили их в зал уже открытыми. Процесс открывания не попадал в поле зре-

⁹ Интересны и показательны используемые в указе формулировки: «*Первое*, в Губерниях, где казенная винная цена по три рубли за ведро вина состояла, продавать оное впредь до указа НАШЕГО по четыре рубли ведро, начиная с первого Генваря наступающего 1794 года... *Четвертое*, в сообразность такового возвышения цены на вино от казны продаваемое, прибавить пошлину по Тарифу положенную на водку из Гишпани и других мест привозимую делаемую там на образец французской, и вместо четырнадцати рублей с анкерка, брать по двадцати рублей; с двойной водки, с араку и шрому с дюжины бутылок по семи рублей по двадцати копеек...» [Екатерина 1793: 1]. Из указа видно, что и концу XVIII в. объем импортного алкоголя заметно уступал объему производимой в России алкогольной продукции.

¹⁰ Стоимость бутылки вина колебалась от одного до четырех рублей (для сравнения: пуд говядины стоил 12 коп.) [Курукин 2005: 74] при зарплате чиновников, занимавших высокие должности (секретари и обер-секретари, что примерно соответствовало 6–7 классам в «Табели о рангах»), 30–40 руб. в месяц и низших чиновников — 8–12 руб. в месяц [Чибинев, Пиджаков 2008: 112].

ния участников (т. е. тех, кто был включен в производство и воспроизводство письменной культуры)¹¹.

В-третьих, практики создания художественных текстов и биографического нарратива (дневников и воспоминаний) на русском языке были еще новыми и непривычными для отечественных авторов, что выразилось как в ограниченном объеме корпуса XVIII в., так и в отсутствии разработанного языка описания повседневности.

Ситуация радикально изменяется в XIX в. Прежде всего возрастает количество стекольных заводов и их мощности, и производство стеклянных бутылок оказывается поставленным на поток¹². Бутылки перестают быть экзотикой, и представители различных социальных групп в своей повседневной жизни все чаще сталкиваются с необходимостью открывать их. Кроме этого, заметно увеличивается объем и жанровое разнообразие создаваемых авторами XIX в. произведений, а также совершенствуются языковые средства для отражения (или конструирования) повседневных ситуаций в пространстве текста.

Указанные изменения наглядно видны при обращении к подкорпусу XIX в. основного корпуса НКРЯ. Запрос на слово *бутылка* дает 3461 вхождение в 907 документах. Акт открывания уже довольно широко представлен в текстах, однако, как было отмечено, конструкция *открывать бутылку* встречается лишь трижды в двух документах. Победителями в возникшем лексическом состязании оказываются конструкции *откупоривать бутылку* (66 вхождений в 62 документах) и *раскупоривать бутылку* (26 вхождений в 24 документах). Остальные конструкции остаются далеко позади¹³.

(8) *Александра Михайловна принесла ром. Андрей Иванович откупорил бутылку, отер горлышко краем скатерти и налил две рюмки.*

¹¹ При этом сам вкус виноградного вина был непривычным для российских дворян и часто вызывал резкое отторжение. Интересно в этом отношении свидетельство Ф. В. Берхгольца: «Когда я потом спрашивал, отчего они разносят такой дурной напиток, как хлебное вино, мне отвечали, что русские любят его более всех возможных данцигских аквавит и французских водок (которые, однако ж, здешние знатные очень ценят, тогда как простое вино они обыкновенно только берут в рот и потом выплевывают) и что царь приказывает подавать именно это вино из любви к гвардии, которую он всячески старается тешить» [Берхголец 1902: 39].

¹² В 1814 г. в России было 146 стекольных и хрустальных заводов, в 1838 г. — 185, в 1874 г. — больше 200. Только на одном Никольско-Бахметьевском заводе с июля 1793 г. по июль 1794 г. было продано 11 тыс. столовых бутылок [Описание 1914: LIII, 28–29]. Другими словами, уже к концу XVIII — началу XIX в. отечественные стеклянные бутылки входят в повседневный быт широких слоев населения России.

¹³ Кроме трех вхождений конструкции *открыть бутылку*, один раз встречается конструкция *вскрыть бутылку*. В целом похожая картина (превосходство в несколько раз *откупоривать бутылку* над *раскупоривать бутылку* и отсутствие других конструкций) получается при обращении к русскому подкорпусу XIX в. GB.

— *Пожалуйте-ка, Дмитрий Семенович!.. За ваше здоровье!* (В. В. Вересаев. Два конца. 1899–1903);

- (9) *Приехал домой, он нетерпеливо потребовал штопор и рюмку, раскупорил бутылку, налил рюмку, посмотрел на свет, хлебнул и плюнул. — Где Прохор? позови его ко мне!* (А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. 1848).

Как видно из (8) и (9), общая модель описания последовательности действий в них вполне соотносится с примерами (1) и (2). Единственное (но принципиальное в данном контексте) отличие состоит в использовании глаголов *откупорить* и *раскупорить* вместо глагола *открыть*. Попробуем разобраться в причинах этого.

Слова *откупорить* и *раскупорить* отсутствуют в [СРЯ XI–XVII], но там представлены глагол *купорити* в значении ‘затыкать, заделывать щели в бочках’ и существительное *купарь* (‘тот, кто затыкает, заделывает щели в бочках, бондарь’) с очевидными аналогами в европейских языках (ср. англ. *cooper*, ср. нж.-нем. *cüper*) [СРЯ XI–XVII, 8: 125, 132]. Также словарь включает в себя глагол *закупорити* (‘закупорить’) [Там же, 5: 228]. Слова *купарь* и *купорити* фиксируются по крайней мере с середины XVII в., *закупорити* — с конца XVII — начала XVIII в. [СРЯ XVIII] включает в себя статью *откупорить*, определяя этот глагол как ‘открыть что-л. закупоренное (бутылку, бочку)’ [СРЯ XVIII, 18: 11]¹⁴.

Приведенные факты объясняют, почему глаголы *откупоривать* и *раскупоривать* оказались подходящими кандидатами для обозначения действия по открыванию бутылки. В древней и средневековой Руси в качестве емкостей для длительного хранения напитков использовались бочки, поэтому принятая в данной области терминология была по аналогии перенесена на структурно и функционально близкие повседневные практики, когда они стали распространяться в обществе.

Более интересен вопрос, почему глагол *открывать* проиграл лексическую конкуренцию на первом этапе. Для ответа на него обратимся к семантической структуре этого глагола в современном языке. Можно показать (см. [Глебкин 2014: 226–249]), что в ее основе лежит прототипическая схема, представленная на рис. 1, включающая в себя внутреннюю область А, внешнюю область В и разделяющую их границу С.

Таким образом действие, обозначаемое глаголом *открывать*, представляет собой удаление (обычно временное и воспринимаемое как ординарное событие) части границы С, открывающее возможность для прямого контакта области А и области В. Это действие может преследовать широкий

¹⁴ Следует отметить, что, несмотря на это определение, в приводимых в словаре примерах речь идет о бочке, корзине и сосуде. Примеры с открыванием бутылки отсутствуют. Также замечу, что последний вышедший на данный момент том [СРЯ XVIII] заканчивается словом *потраковать*, поэтому глагол *раскупорить* еще не представлен в нем.

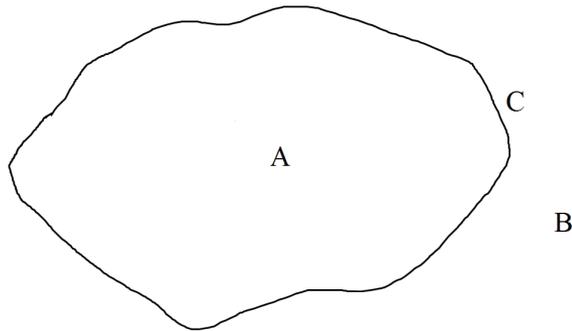

Рис. 1. Прототипическая схема для глагола *открывать*

спектр целей: войти в / выйти из области А; поместить что-то в / забрать что-то из области А; получить информацию из / передать сообщение в область В; открыть доступ в область В для субстанции, наполняющей область А; обеспечить нужный для области А температурный баланс и т. д. Это разнообразие целей представлено конструкцией *открывать дверь (двери)*, по данным Google Books Ngram Viewer (далее — GBNV), одной из двух наиболее частотных (наряду с *открывать глаза*) биграмм с глаголом *открывать*, относящейся к прототипическому ядру его концептуальной структуры. Однако первое вхождение конструкции *открывать дверь* в НКРЯ датируется лишь 1771-м г., и это согласуется в целом с данными корпуса GB (конец XVIII в.). Мне не удалось найти употреблений указанной конструкции в текстах древнерусской и средневековой русской литературы. Важно отметить, что глагол *открывать* имел в текстах этого периода заметно более узкое значение. Для большей детализации обратимся к корпусу текстов, представленных в серии Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР), который является на данный момент, вероятно, наиболее полным собранием произведений, относящихся к XI–XVII вв. Его анализ показывает, что, когда речь идет об открывании двери и похожих ситуациях, в которых носители современного языка используют глагол *открывать*, в этих текстах используются другие глаголы (глагол *отверзать* и, реже, (в основном если речь идет о воротах) глагол *отворять*):

- (10) *И пришед епископъ съ 4-рми дияконы, отверзе двери Гробныя, и взяша свѣцу у князя того у Балдина, и тако вниде въ Гробъ, и возже свѣцу князю первѣе от свѣта того святого* (Хождение игумена Даниила) [БЛДР, 4: 112]¹⁵;

¹⁵ Следует отметить, что глагол *отверзать(ся)* заменяет в древнерусских текстах глагол *открыть* и во второй наиболее частотной для современного употребления конструкции (*открыть глаза*), а также в таких конструкциях, как *открыть рот* и др. (*А оттуда на полудне лицъ долъ под горою есть купль Силоамля, идеже*

- (11) *Он же мало бився оттуду и видѣв, яко спѣется ему дело, и тогда отвори врата градныя, и всяде на конь свой...* (Казанская история) [Там же, 10: 274].

Глагол *открывать* и его дериваты, за редким исключением, появляются в корпусе в двух контекстах. Первый из них, доминирующий в текстах, связан с особым, тайным знанием, обретение которого чаще всего характеризует эсхатологическую ситуацию или прямой контакт человека и Бога (примеры (12) и (13)):

- (12) *Богъ человеком откры святыми книгами вся соблажнення лукаваго дьявола, да не преститъ боящихся его* (Из «Измарагда») [Там же, 10: 100];
- (13) *И въ возвращение его открыются сокровища земная, и всѣ обогатѣють, и никтоже нищъ будет, и земля дастъ плод свой седмѣрицею, оружия ратная сътворятъ серпове* (Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году) [Там же, 7: 68].

Второй контекст, гораздо более редкий, указывает на прямое вмешательство Бога в события, происходящие на Земле:

- (14) *И се нынѣ открыся гнѣв Божий на тебѣ и предасть тебѣ въ руке врагом твоим* (Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году) [Там же, 7: 64].

Так выглядит картина к концу XVII в.¹⁶ Радикальные трансформации, которые происходят со смысловой структурой глагола *открывать* в XVIII в., требуют отдельной объемной статьи и не могут быть представлены здесь с необходимой степенью подробности, однако кратко резюмировать их можно следующим образом. В XVIII в. благодаря петровским реформам заметно усиливается процесс секуляризации культуры, начавшийся во вто-

Христос слѣпцю очи отверзе (Хождение игумена Даниила) [БЛДР, 4: 112]; *Уста же свои отвѣрзе смыслено и в чинъ молвить языкомъ своим* (Повесть временных лет) [Там же, 1: 128].

¹⁶ Иная картина складывается, на первый взгляд, при обращении к [СРЯ XI–XVII]. В статье, посвященной глаголу *открыти*, первым значением дается ‘открыть, раскрыть, распахнуть’, вторым — ‘освободить от чего-либо покрывающего, делающего невидимым’ и лишь третьим — ‘сделать явным, известным’. Аналогично выглядит и статья для глагола *открывати*. Однако почти все приводимые авторами примеры либо поздние (например, *не открываючи оконца* датируется 1688 г.), либо могут быть проинтерпретированы как метонимический сдвиг значения (открытие объекта ведет к обретению скрытого знания, обычно носящего сакральный характер). Подчеркну еще раз, что на материале БЛДР первое и второе значения встречаются крайне редко. Создается впечатление, что авторы статей просто спроецировали современный семантический каркас глагола *открывать* на средневековый материал, не учитывая, что в тот период указанный каркас мог быть принципиально иным.

рой половине XVII в. Религиозное знание, основанное на авторитете и включающее в себя обязательный трансцендентный план, постепенно уступает место естественнонаучному знанию, опирающемуся на эксперимент и непосредственный опыт. Это ведет, в частности, к гораздо более сильной, чем в предшествующий период, связи между концептуальными структурами глаголов *знать* и *видеть*. Смыслы, связанные с процессом познания, доминируют в концептуальной структуре глагола *открывать* и его дериватов также и в XVIII в., но постепенно (особенно со второй половины XVIII в.) сакральное знание заменяется картиной, которая в буквальном смысле предстает перед глазами автора. В первую очередь это касается профессиональных языков (языка естественных наук, военного дела), но постепенно, вполне согласуясь с моделью А. Мейе, данный процесс распространяется шире и шире, приводя к изменениям языкового употребления в целом. Открытым в этой логике оказывается то, что открывается взору¹⁷. Затем метонимически указанное действие переносится на элемент границы, и возникают конструкции *открыть дверь*, *открыть окно* и т. д. С другой стороны, глагол *отверзать* оказывается связанным с устаревающей на глазах картиной мира, используется в основном религиозными авторами и постепенно выходит из употребления.

Однако от открывания дверей еще достаточно далеко до открывания бутылок. Посмотрим более внимательно на два документа, в которых конструкция *открыть бутылку* появляется в подкорпусе XIX в. НКРЯ. Первый документ — мемуары начальника Санкт-Петербургской сысской полиции И. Д. Путилина (см.: [Путилин 2003]). Пример (15) представляет собой фрагмент прямой речи девушки «легкого поведения» по прозвищу Сонька-гусар, пример (16) — фрагмент прямой речи лакея в гостинице:

- (15) *Он сел. Достал бутылку вина. Хорошее вино. Я открыла бутылку. Налили мы стаканы, и он мне все рассказал* (И. Д. Путилин. 40 лет среди грабителей и убийц. 1889);
- (16) *Потом барышня приказала дать стаканы, миндального пирожного и открыть бутылку, а господин два дюшеса заказал* (И. Д. Путилин. 40 лет среди грабителей и убийц. 1889).

Второй документ — одна из книг Н. А. Лейкина про путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых («молодого

¹⁷ В связи с этим интересно проследить за употреблением глагола *открывать* и его дериватов в текстах М. В. Ломоносова, особенно в его переводах. Так, иллюстрируя различные элементы повествовательной структуры текста, он приводит собственный перевод фрагмента произведения Квинта Курция Руфа «История Александра Великого», переводя, в частности, *Tum vero universa futuri discriminis facies in oculis erat* (Curt. 4.13.1) как *Тогда открылся совсем ясно вид будущего сражения* [Ломоносов 1952: 360]. Нетрудно заметить, что здесь *открылся совсем ясно* используется в качестве эквивалента *in oculis erat*.

купца с женой», как характеризует их автор) за границу (первая книга серии имеет характерное и вполне современное название «Наши за границей»):

- (17) *Я скажу, когда область винодѣлія начнется. — Ну, такъ я тамъ и открою бутылку. А теперь только смолку собью. И Николай Ивановичъ принялся отбивать на бумагу смолку отъ шампанской бутылки* (Н. А. Лейкин. В гостях у турок. 1897).

Важно отметить, что Николай Иванович представлен в этих книгах человеком простым, малообразованным, часто примитивным по своим реакциям и говорящим на языке, характерном для мещанства и низших слоев купечества¹⁸. Также следует подчеркнуть, что в довольно обширном собрании текстов Н. А. Лейкина в НКРЯ (оно включает в себя 102 документа) конструкция *открыть бутылку* больше не встречается, и во всех случаях, в которых автор описывает открывание бутылок, он использует глагол *откупоривать*.

Пытаясь обобщить этот крайне скудный, к сожалению, материал, можно предположить, что конструкция *открыть бутылку* использовалась в конце XIX в. в социолекте низших городских слоев, представляя собой вульгаризм или жаргонизм. Также можно с осторожностью предположить, что исходной точкой для ее распространения в этой среде был блатной жаргон (для воров операция открывания различных объектов (дверей, окон, сундуков, сейфов и т. д.) с целью проникновения внутрь и выяснения содержимого является неотъемлемой частью «профессии», поэтому действие открывания в значении удаления элемента границы между внешним и внутренним могло закрепиться и перенестись на смежные области).

Второй локальной средой, в которой конструкция *открыть бутылку* используется в XIX в., становится технический язык, связанный с прикладными науками. НКРЯ не дает никакой информации о существовании данного контекста, но два примера, подтверждающих его наличие, можно найти в корпусе GB:

- (18) *Ежели бутылка столь крепко была меловою пробкой закупорена, что не мог из нее выходить гас, то в таком случае должно в первой раз открыть бутылку, когда простынет* [Технологический журнал 1811: 97];
- (19) *Чтобы открыть бутылку, головку пробки надавливают вниз рукою, преодолевая давление газовой жидкости* [Записки русского технического общества 1872: 350].

¹⁸ Первая фраза, которую он произносит после пересечения границы в повести «Наши за границей», звучит так: — *Ну-съ, Глафира Семеновна, прѣхали въ заграницу. Теперь слѣдуетъ намъ свое образование доказывать. Сажайте иностранныя слова! Сажайте безъ всякихъ стѣсненіевъ. Жарьте во всю* (Н. А. Лейкин. Наши за границей. 1890).

Возможные процессы, стоящие за подобным использованием данной конструкции, были затронуты выше. Движение от сакрального знания к знанию, опирающемуся на эксперимент и непосредственный опыт, характерное для развивающихся естественных наук, приводит к все более и более активному распространению в обозначенном регистре глагола *открывать* в различных формах и прилагательного *открытый*. При этом использование конструкций *откупоривать бутылку* и *раскупоривать бутылку* в повседневном языке XIX в. приводило к необходимости разграничивать общее и терминологическое употребление (цели открывания бутылки в научной лаборатории и в повседневной ситуации были разными).

Итак, опираясь на приведенные данные, можно утверждать с определенной степенью уверенности, что конструкция *открывать бутылку* к концу XIX в. используется независимо в двух относительно узких специальных регистрах (языке прикладных наук и языке низших городских слюев, возможно, происходя, во втором случае, из воровского жаргона) и не используется в общем языке.

Конструкция *открывать бутылку* в письменном русском языке XX — начала XXI в.

В XX в. ситуация кардинально изменяется, и конструкция *открывать бутылку* прочно входит в повседневный язык. Это отчетливо проявляется и в письменных текстах. Обратимся к данным GBNV¹⁹.

Как видно из графика, частотность конструкции *открывать бутылку* линейно возрастает с начала 1940-х гг. и затем увеличивает скорость возрастания где-то с 1980-го г. (говоря математическим языком, вторая производная становится больше нуля), обходя конструкцию *откупоривать бутылку* в ономазиологическом состязании.

¹⁹ Для понимания степени репрезентативности приведенного на рис. 2 графика и стоящей за ним методологии важно отметить следующее. С одной стороны, GB — самый большой корпус письменных текстов на русском языке, в сотни раз превосходящий НКРЯ. С другой стороны, как известно, в него включены лишь книги и «толстые» журналы, при этом не представлены газеты, интернет-ресурсы и т. д., что предполагает работу с НКРЯ как дополнительным корпусом. Также в нем нет возможности непосредственного анализа всего спектра форм, связанных с определенной конструкцией (в данном случае *открыть бутылку*). Приведенные графики представляют собой зависимость от времени суммарной частотности трех наиболее частотных форм (*открыл бутылку*, *открыть бутылку*, *открыла бутылку* и, соответственно, *откупорил бутылку*, *откупорить бутылку*, *откупорила бутылку*). Конструкция *раскупорить бутылку* не рассматривается, так как она оказывается гораздо менее частотной, чем *откупорить бутылку*. На всякий случай напомним, что по оси ОУ приводится отношение всех вхождений какого-либо слова или конструкции за определенный год к общему числу слов, входящих в тексты, датированные данным годом в корпусе.

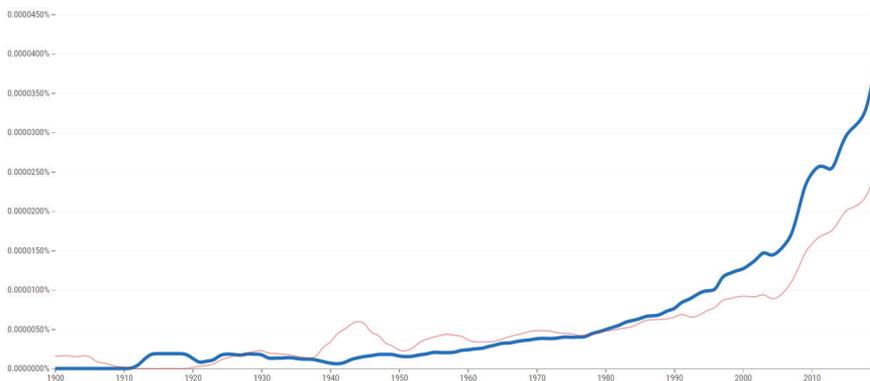

Рис. 2. Распределение частотностей конструкций *открывать бутылку* (жирная линия) и *откупоривать бутылку* (тонкая линия) в XX — начале XXI в. по данным GBNV (сглаживание — 3)

Попробуем реконструировать социокультурные процессы, которые могли вызвать эти изменения. Прежде всего заметно возрастает разнообразие бутылок и способов их открывания. Этот процесс начинается в первой половине XX в., но особенно заметным он становится во второй половине указанного периода. Входят в широкое употребление молочные бутылки с крышкой из фольги и с жестяной крышкой, пивные бутылки, а также бутылки для лимонада и других безалкогольных напитков с жестяными крышками и т. д. Иными словами, извлечение пробки из бутылки, маркируемое глаголом *откупоривать*, перестает быть доминирующей операцией в данном процессе.

Исходя из общих соображений, язык может отреагировать на указанные изменения двумя способами. Первый из них — расширение объема понятия *откупоривать*, при котором оно начинает описывать новые операции с объектами, получая обобщенное значение. Второй — поиск лексических конкурентов, которые будут маркировать указанные изменения, оставляя за глаголом *откупоривать* уже освоенные концептуальные области или постепенно захватывая и эти области и вытесняя тем самым данный глагол на смысловую периферию.

Попытки действовать по первому сценарию характерны для первой четверти XX в., когда у целого ряда авторов глагол *откупоривать* начинает использоваться для описания действий, далеких по своим кинетическим характеристикам от откупоривания бутылок. Несколько иллюстраций этому приведено ниже.

- (20) *Когда она благополучно прибыла, царь, как ни хотелось ему поскорее взглянуть на статую, которой он так долго ждал и о кото-*

рой так много слышал, все же победил свое нетерпение и решился не откупоривать ящичка до первого торжественного явления Венус на празднике в Летнем саду (Д. С. Мережковский. Петр и Алексей. 1905);

- (21) *Я держал в руках стакан чаю и глядел, как откупоривают коробку консервов, как вдруг услышал оглушительный пушечный выстрел (Н. С. Гумилев. Записки кавалериста. 1914–1915);*
- (22) *У большого амбара, где обычно товар откупоривали, сверяли полученное по книгам-счетам, и тогда уже по частям отправляли в магазин (М. В. Нестеров. О пережитом. 1862–1917 гг. Воспоминания. 1926–1928);*
- (23) *Когда за стеной утихал наконец телефон, ночью, мыши поедали, с гвалтом, крошки и пытались откупоривать банку с запасным конденсированным молоком (З. Н. Гиппиус. Он и мы. 1943).*

Однако уже к середине века данные вхождения исчезают в НКРЯ, оставаясь в качестве единичных исключений, в основном в эмигрантской литературе (пример (23)). В частности, если в первые десятилетия XX в. открывание банки консервов неоднократно маркируется глаголом *откупоривать*, то уже в 1940–1950-х гг. такое употребление сходит на нет, и это действие выражается глаголами *открывать* и *вскрывать*.

Для возможного объяснения отмеченных фактов имеет смысл ввести категорию «онтологического веса» понятия, характеризующую значимость маркируемых этим понятием практик (явлений, объектов) для различных аспектов жизни человека. Если понятие обладает большим онтологическим весом, оно без усилий покрывает смежные с ним новые концептуальные области — либо непосредственно, либо в результате метонимического или метафорического сдвига. Классический пример таких понятий — названия частей тела человека, легко переносимые на широкий круг смежных или подобных по структуре объектов, прямо (*голова колонны, сахарная голова*) или с минимальными словообразовательными изменениями (*ручка двери, стинка стула* и т. д.). Другим примером понятий с большим онтологическим весом, относящимся уже не к повседневности, а к мировоззренческим аспектам, является понятие *мещанство*, получившее после работ А. И. Герцена резко негативную окраску и характеризующее у него стиль жизни западного буржуа. Вследствие хорошо известной «антибуржуазности» русской культуры второй половины XIX — начала XX в. осуществленная А. И. Герценом смысловая трансформация оказывается крайне востребованной, и слово *мещанство* начинает описывать жизненные принципы и модели поведения широкого спектра социальных групп, во многих случаях далеко отстоящих от западной буржуазии по формальным критериям [Глебкин 2007].

Важно отметить, что онтологический вес может быть разным для различных социокультурных групп и даже для отдельных носителей языка.

В этом случае экспансия понятия в новые области, выглядящая совершенно естественно для одних носителей, оказывается искусственной и противоречащей языковой интуиции для других.

Это касается, видимо, и конструкции *откупоривать бутылку*. Для русской культуры Серебряного века, представителями которой являются авторы приведенных выше примеров, с ее стремлением избавиться от диктата разума и прорваться к трансцендентным безднам, состояние опьянения было не просто чертой повседневной жизни, но несло и значимую мировоззренческую нагрузку. В этом контексте конструкция *откупоривать бутылку* получала онтологический вес, достаточный для ее переноса на смежные области²⁰.

Однако у послереволюционного поколения, сменившего авторов Серебряного века, сформировались другие мировоззренческие и ценностные ориентиры, поэтому можно предположить, что онтологический вес конструкции *откупоривать бутылку* был для них заметно меньше, и ее перенос на смежные практики не казался им естественным. С другой стороны, глагол *открывать* все активнее укоренялся в языке, покрывая широкий спектр действий и получая все больший онтологический вес. Вероятно, это и стало причиной того, что он сначала вытеснил глагол *откупоривать* из смежных областей, а затем стал вторгаться и в области, «исторически закрепленные» за глаголом *откупоривать* (для понимания этого сдвига важно подчеркнуть, что конструкция *открывать бутылку* уже существовала, как мы уже говорили, в социолекте низших городских слоев и профессиональном языке прикладных наук).

Следует отметить, что данный процесс происходил медленно и занял несколько десятилетий. В качестве иллюстрации переходного состояния в его рамках интересно обратиться к брошюре «Бумажные бутылки для молока», изданной в 1935 г. Авторы текста несколько раз сталкиваются с не-

²⁰ Определенным аргументом в пользу сделанного утверждения являются два вхождения в НКРЯ, представляющие собой метафорические проекции действия по открыванию бутылок на область внутренних состояний человека и область социальных отношений. Первое из них представляет высказывание теософа М. В. Лодыженского в его разговоре с Львом Толстым, приведенное в дневнике А. Б. Гольденвейзера:

- *Это приятно, радостно слушать*, — сказал Л. Н.
- *Это меня откупоривает! Лев Львович указал на меня и сказал:*
- *А вот и штопор сидит, записывает* (А. Б. Гольденвейзер. Дневник. 1910).

Второе вхождение, имеющее откровенно сниженный характер, обнаруживается в романе К. Вагинова «Козлиная песнь»:

— *А не знаешь ли ты вузовки какой-нибудь? Люблю девушек откупоривать. Вчера, пока ты шестивями наслаждался, — знаю, знаю, сидел где-нибудь на балконе и поплевывал вниз, — я Наташу...*

Бывший артиллерийский офицер сделал соответствующий жест (К. К. Вагинов. Козлиная песнь. 1928).

обходимостью описать открывание бумажных бутылок²¹, у которых отсутствуют крышки, и действие предполагает надрез (надрыв) верхней части бутылки. В отличие от авторов примеров (20)–(23), они не используют для этого глагол *откупоривать*, но еще не готовы употреблять и глагол *открывать*, предпочитая решать проблему путем описания составляющих процесс открывания действий:

- (24) *Чтобы добыть из этих бутылок молоко, срезают верхний край бутылки или надрезают ее пониже затвора* [Бумажные бутылки 1935: 6];
- (25) *Опорожнение этих бутылок производится путем выдавливания или надреза стенки бутылки у верхнего ее края* [Там же: 8].

Перейдем теперь к более детальному анализу лексической конкуренции между конструкциями *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку*, обратившись к данным НКРЯ. В подкорпусе 1900–1950-х гг. конструкция *открывать бутылку* в различных ее формах встречается 11 раз и *открытая бутылка* — один раз. В свою очередь, конструкция *откупоривать бутылку* дает 70 вхождений и *откупоренная бутылка* — 11²². Отметим более чем шестикратное превосходство второй конструкции над первой в ситуации лексического выбора²³.

Распределение заметно меняется в подкорпусе 1951–1990-х гг. Конструкция *открывать бутылку* встречается в нем 82 раза, конструкция *открытая бутылка* — 9 раз, в то время как конструкция *откупоривать бутылку* дает 40 вхождений и еще 6 раз встречается конструкция *откупоренная бутылка*. Другими словами, более чем шестикратный перевес конструкции

²¹ По тексту брошюры и представленным иллюстрациям видно, что эти бутылки представляют собой полный аналог современных пакетов из-под молока.

²² Использовался лексико-грамматический поиск для слов *откупорить* и *бутылка* на расстоянии от -3 до 3. Если датировка произведения пересекала указанные границы (например, 1947–1953 гг.), то данное вхождение учитывалось в более позднем подкорпусе. Получившаяся база данных обрабатывалась ручным способом. При этом учитывались любые вхождения, в которых обозначалось действие откупоривания или, соответственно, открывания бутылок (например, *Пугачев откупорил шилом пять бутылок*).

²³ Эти данные расходятся, на первый взгляд, с данными GBNV, где превосходство *откупорить бутылку* над *открыть бутылку* не столь велико (примерно в два раза, если проинтегрировать графики). Для интерпретации этого расхождения нужно учесть следующие факторы. С одной стороны, подкорпус GB 1900–1950-х гг. где-то в 50 раз превосходит соответствующий подкорпус НКРЯ. С другой стороны — корпус GB несбалансирован, и структура подкорпуса GB 1900–1950-х гг. непонятна. Другими словами, сложно сказать, какие из данных более показательны, но они согласуются в том, что конструкция *открыть бутылку* используется в период 1900–1950-х гг. крайне редко и проигрывает лексическую конкуренцию конструкции *откупорить бутылку*.

откупоривать бутылку сменяется двукратным превосходством конкурирующей конструкции.

Материал, предоставляемый данным подкорпусом, уже достаточно объемен для того, чтобы сделать некоторые качественные выводы. Нас будет интересовать вопрос о критериях ономаσιологического выбора между конструкциями *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку*. Анализ материала подкорпуса дает возможность сделать три наблюдения.

А) Конструкции *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку* выглядят для носителей языка скорее как противостоящие друг другу, чем как дополняющие друг друга. Из 30 авторов, использующих конструкцию *откупоривать бутылку*, и 50 авторов, пользующихся конструкцией *открывать бутылку*, только восемь употребляют обе конструкции. У авторов, у которых зафиксировано три и более вхождений одной из конструкций (три автора для конструкции *откупорить бутылку* и шесть — для *открывать бутылку*), пересечений нет вообще.

Б) Конструкция *откупоривать бутылку* используется в авторском тексте и почти не используется в прямой речи персонажей, включенной в ситуацию диалога. Конструкция *открывать бутылку* употребляется в этом формате чаще (одно вхождение для *откупоривать бутылку* и три — для *открывать бутылку*). Например,

(26) *Я оставил его вопрос без ответа, помолчал немного, сказал:*

— *Постарайтесь припомнить, вы бутылку сами открывали?*

— *Пожалуй...* (А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство против страха. 1987).

В) Конструкция *открывать бутылку* гораздо чаще, чем конструкция *откупоривать бутылку*, используется в ситуациях, когда процесс открывания получает какую-то детализацию (чем открывается бутылка, как это делает открывающий и т. д.):

(27) *...первый кочегар уже отвернулся от него и, зацепив металлическую крышку одной бутылки металлической крышкой другой перевернутой бутылки, пытается ее открыть. Несколько раз дернул перевернутой бутылкой, но оба раза она соскользнула, не зацепившись за край крышки другой бутылки* (Ф. Искандер. Бедный демагог. 1969);

(28) *Светские львицы перепились и вели себя, как уличные девки; принц Лобковиц открыл бутылку шампанского прямо в лицо своему другу, получил пощечину и вызвал его на дуэль; кто-то из младших Габсбургов пытался оголеться, его кузина успешно осуществила это намерение* (Ю. М. Нагибин. Блестящая и горестная жизнь Имре Кальмана. 1972–1979).

Такая детализация присутствует в 18 случаях из 92 (19,5 %) для конструкции *открывать бутылку* и в двух случаях из 40 (5 %) — для *откупоривать бутылку*. Обычно конструкция *откупоривать бутылку* вводится без какой-либо конкретизации, воспринимаясь как устоявшееся клише:

- (29) *Открылась дверь, и буфетчица внесла на подносе пять бутылок лимонада и стаканы. Откупорила бутылки, налила каждому и бесшумно удалилась* (В. Дудинцев. Не хлебом единым. 1956).

В двух случаях вхождение представляет собой прямую или чуть измененную цитату из «Моцарта и Сальери» Пушкина:

- (30) *А. П. Штейн во время войны сочинил цензору Сегеди: Коль мысли черные к тебе придут, Откупори шампанского бутылку Иль запрети «Женитьбу Фигаро»* (Н. Я. Эйдельман. Дневник Натана Эйдельмана. 1972).

В целом сделанные наблюдения подтверждаются и на материале подкорпуса 1991–2020-х гг. Конструкция *открывать бутылку* встречается в нем 199 раз, *открытая бутылка* — 31 раз, *откупоривать бутылку* — 92 раза, *откупоренная бутылка* — 8 раз, т. е. отношение частотностей близко к наблюдаемому в предыдущий период. Из 135 авторов, использующих первую группу конструкций (*открывать бутылку* и *открытая бутылка*), и 70 авторов, использующих вторую группу (*откупоривать бутылку* и *откупоренная бутылка*), 16 авторов употребляют конструкции, относящиеся к обеим группам. При этом из 17 авторов первой группы, дающих три и более вхождений, три используют и конструкции из второй группы. Во второй группе, соответственно, присутствует семь авторов с тремя и более вхождениями, и четыре из них используют конструкции из первой группы. Следует также отметить отсутствие авторов, у которых фиксируется три и более вхождений в каждой из групп. Обобщая эти данные, можно утверждать, что наблюдение А) в целом подтверждается, хотя разделение конструкций становится менее жестким (в первую очередь за счет того, что авторы, у которых конструкция *откупоривать бутылку* доминирует, начинают обращаться и к конструкции *открывать бутылку*).

Конструкция *открывать бутылку* встречается в прямой речи персонажей, включенной в ситуацию диалога, 18 раз (9 %), конструкция *откупоривать бутылку* не встречается ни разу. Другими словами, данный подкорпус дает гораздо более убедительное подтверждение наблюдения Б), чем подкорпус 1951–1990-х гг.

Далее, 49 вхождений (24,6 %) конструкции *открывать бутылку* содержат определенную детализацию процесса открывания; для конструкции *откупоривать бутылку* это происходит в 13 случаях (14,1 %). Это вполне коррелирует с наблюдением В).

Следует также отметить, что в шести случаях вхождение конструкции *откупоривать бутылку* представляет собой точную или близкую к тексту цитату упомянутого фрагмента «Моцарта и Сальери».

Прежде чем переходить к интерпретации приведенных данных и наблюдений, необходимо сделать одно общее замечание. Когда какая-либо социокультурная практика находит отражение в языке, язык с течением времени формирует свою традицию ее представления, которая получает

самостоятельное значение и составляет конкуренцию непосредственному описанию этой практики. Так, первые тексты русской литературы XIX в., описывающие езду на тройках, опираются на непосредственный опыт и переживания авторов, но постепенно формируется собственная литературная традиция описания тройки и езды на ней, которая начинает оказывать заметное влияние на позднейшие тексты. В частности, гоголевский образ «птицы-тройки» в ряде произведений вытесняет реальную практику даже тогда, когда она остается еще актуальной для культуры. В целом можно говорить о двух базовых подходах к представлению какой-либо практики: 1) непосредственному, опирающемуся на современный автору повседневный опыт, и 2) «литературному», исходящему в первую очередь из сложившейся литературной традиции ее представления. Лексический выбор в этих случаях будет определяться тем, на какой подход опирается автор в определенном контексте.

Приведенные соображения применимы и для анализа лексического выбора между конструкциями *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку* в текстах второй половины XX — первых десятилетий XXI в. Новые типы бутылок и новые действия, связанные с открыванием бутылок, делают конструкцию *откупоривать бутылку* нерелевантной для многих типов открывания, и она начинает связываться в значительной степени с литературной традицией, присутствуя почти исключительно в авторской речи и не предполагая детализации самого процесса. Нередкие отсылки к «Моцарту и Сальери» Пушкина являются наглядной иллюстрацией этому утверждению. При необходимости более непосредственного и детализированного отражения действия по открыванию бутылки в процессе коммуникации конструкция *открывать бутылку* оказывается более предпочтительной²⁴.

Заключение

Возвращаясь к работе А. Мейе, ставшей исходной точкой для данной статьи, необходимо отметить, что современный инструментарий, предоставляемый корпусами текстов и средствами для их статистической обработки, позволяет заметно уточнить и конкретизировать его идеи. Как видно из проделанного анализа, даже конструкции, которые выглядят абсолютно естественными и глубоко укорененными в повседневном языке, имеют продолжительную и часто неожиданную семантическую историю,

²⁴ Косвенное подтверждение этому — расхождение в отношении частотностей конструкций *открывать бутылку* и *откупоривать бутылку* во второй половине XX — первых десятилетиях XXI в. по данным НКРЯ и GB. Для корпуса GB это отношение очевидно меньше. Одним из факторов, объясняющих данное различие, является специфика входящих в корпуса текстов: как уже отмечалось, в GB отсутствуют газеты и интернет-ресурсы, в которых, если следовать описанной выше логике, конструкция *открывать бутылку* должна доминировать.

на которую оказывают влияние как глобальные социокультурные изменения (такие как процесс секуляризации русской культуры во второй половине XVII — XVIII в.), так и локальные социокультурные практики (появление новых типов бутылок и новых способов их открывания). Значимую роль в этом процессе, в соответствии с наблюдениями А. Мейе, играет взаимодействие общего языка и языка локальных социальных групп. Эти группы оказываются более открытыми к семантическим (и мировоззренческим) инновациям, создавая набор возможностей для дальнейших семантических изменений в языке в целом.

Также важным инструментом описания лексических и семантических изменений является взгляд на них в ономазиологической перспективе, исследующий процесс выбора между различными конструкциями и социокультурные критерии, его определяющие. В качестве одного из таких критериев можно выделить оппозицию между двумя подходами к описанию реальности: непосредственному, опирающемуся на современный автору повседневный опыт, и «литературному», в основе которого лежит система смыслов, сформировавшаяся в предшествующей литературной традиции ее описания.

Сделанные на локальном материале, приведенные соображения носят общий характер и могут быть использованы в широком круге работ, обращенных к проблематике лексических и семантических изменений.

Источники и словари

Берхгольц 1902 — Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца: 1721–1725. Ч. 1. М., 1902.

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1–20. СПб., 1997–2020.

Бумажные бутылки 1935 — Бумажные бутылки для молока. М., 1935.

Екатерина 1793 — Императрица Екатерина II. Указ о повышении продажной цены на вино по одному рублю на ведро. Б. м., декабрь 1793.

Записки русского технического общества 1872 — Записки русского технического общества. СПб., 1872.

Курукин 2005 — И. В. Курукин. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005.

Ломоносов 1952 — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л., 1952.

Описание 1914 — 150 лет Никольско-Бахметьевского хрустального завода князя А. Д. Оболенского: Описание истории завода и краткий очерк о развитии стекольного дела в России. СПб., 1914.

Путилин 2003 — Шеф сыскной полиции Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич Путилин. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 2003.

Пушкин 1982 — А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», драматические произведения, романы, повести, «Путешествие в Арзрум». М., 1982.

Пушкин 2002 — А. С. Пушкин. Сочинения. М., 2002.

САР — Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб., 1789–1794.

- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991; Вып. 7–. СПб., 1992–.
- Технологический журнал 1811 — Технологический журнал. Т. 8, ч. 2. СПб., 1811.

Л и т е р а т у р а

- Глебкин 2007 — В. В. Г л е б к и н. Мещанство // Культурология. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2007. С. 1312–1314.
- Глебкин 2012 — В. В. Г л е б к и н. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа — Джонсона. Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 51–68.
- Глебкин 2014 — В. В. Г л е б к и н. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014.
- Глебкин 2018 — В. В. Г л е б к и н. Категории русской культуры XVIII–XX вв. Скука. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Малинина 2009 — Т. А. М а л и н и н а. Императорский стеклянный завод. XVIII — начало XX века. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009.
- Мейе 2019 — А. М е й е. Как слова меняют значение // Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 39–88.
- Чибинов, Пиджаков 2008 — В. М. Ч и б и н е в, А. Ю. П и д ж а к о в. Этапы истории регулирования виноделия и винопития в России. СПб.: Лема, 2008.
- Baldinger 1980 — K. B a l d i n g e r. Semantic Theory. Oxford: B. Blackwell, 1980.
- Geeraerts 1997 — D. G e e r a e r t s. Diachronic prototype semantics: a contribution to historical lexicology. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1997.
- Geeraerts 2006 — D. G e e r a e r t s. Words and other wonders: papers on lexical and semantic topics. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Geeraerts 2018 — D. G e e r a e r t s. Ten Lectures on Cognitive Sociolinguistics. Leiden; Boston: Brill, 2018.
- Geeraerts et al. 1994 — D. G e e r a e r t s, S. G r o n d e l a e r s, P. B a k e m a. The structure of lexical variation: meaning, naming, and context. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994.

Статья получена 21.07.2020

Vladimir V. Glebkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
School 1514, Moscow
(Moscow, Russia)
gleb1514@gmail.com

BOTTLE OPENING AS AN OBJECT OF LINGUOCULTURAL ANALYSIS

The view of lexical and semantic changes as a process that is underpinned, to a large extent, by sociocultural factors is not a novelty for modern linguistics. Nevertheless, a recog-

nized research program to identify sociocultural triggers for such changes is yet to be developed. This article addresses lexical constructions used to denote the action of opening bottles, picks out milestones in the process of their change in time, and reveals the sociocultural grounds for this change. The research is conducted from the onomasiological perspective, which explores the lexical choice between alternative constructions and identifies the criteria that determine such a choice. The article provides evidence that in the 19th century the action of opening bottles was mainly represented by constructions *otkuporivat' butylku* and *raskuporivat' butylku*. The construction *otkryvat' butylku*, not present in the common language of the 19th century, emerges independently in the sociolect of the lower urban strata and in the technical language associated with applied sciences. In the 20th century, it penetrates common language, and since the last third of the 20th century it has surpassed the construction *otkuporivat' butylku* in lexical competition. The article also brings out the sociocultural factors underpinning the choice between the constructions *otkryvat' butylku* and *otkuporivat' butylku* by the authors from the second half of the 20th century through the first decades of the 21st century.

Keywords: lexical and semantic change; onomasiological approach; sociolect; diachronic analysis; bottle opening

References

- Baldinger, K. (1980). *Semantic Theory*. Oxford: B. Blackwell.
- Chibinev, V. M., & Pidzhakov, A. Yu. (2008). *Etapy istorii regulirovaniia vinodeliia i vinopitiia v Rossii*. St Petersburg: Lema.
- Geeraerts, D. (1997). *Diachronic prototype semantics: a contribution to historical lexicology*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.
- Geeraerts, D. (2006). *Words and other wonders: papers on lexical and semantic topics*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Geeraerts, D. (2018). *Ten Lectures on Cognitive Sociolinguistics*. Leiden; Boston: Brill.
- Geeraerts, D., Grondelaers, S., & Bakema, P. (1994). *The structure of lexical variation: meaning, naming, and context*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Glebkin, V. V. (2007). Meshchanstvo. In S. Levit (2007), *Kul'turologiia. Entsiklopediia* (Vol. 1, pp. 1312–1314). Moscow: ROSSPEN.
- Glebkin, V. V. (2012). Metafora mekhanizma i teoriia kontseptual'noi metafory Lakoffa — Dzhonsona. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 51–68.
- Glebkin, V. V. (2014). *Smena paradigm v lingvisticheskoj semantike: ot izoliat-sionizma k sotsiokul'turnym modeliam*. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Glebkin, V. V. (2018). *Kategorii russkoi kul'tury XVIII–XX vv. Skuka*. Moscow; St Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Malinina, T. A. (2009). *Imperatorskii stekliannyi zavod. XVIII — nachalo XX veka*. St Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha.
- Meillet, A. (2019). Kak slova meniaut znachenie. In Kagarlitskii, Yu., Kalugin, D., & Maslov, B. (Eds.), *Poniatii, idei, konstruksii: ocherki sravnitel'noi istoricheskoi semantiki* (pp. 39–88). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Received on July 21, 2020

Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ

Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)
berezovich@yandex.ru

В. С. КУЧКО

Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)
Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)
kuchko@inbox.ru

**О ЯВЛЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ РЕМОТИВАЦИИ
ПРИ КАЛЬКИРОВАНИИ ЛЕКСИКИ:
КОШАЧЬЕ ЗОЛОТО И КОШАЧЬЕ СЕРЕБРО
В МИНЕРАЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ***

Статья посвящена русским минералогическим терминам *кошачье золото* и *кошачье серебро*, обозначающим чаще всего слоду соответственно золотистого или серебристого цвета. Они появились в русском языке во второй половине XVIII в. в результате калькирования немецких слов *Katzengold* и *Katzensilber*. В статье прослеживается история употребления этих выражений как в русской минералогии, так и в западноевропейских источниках, и реконструируется их мотивация в немецком языке. Авторы приходят к выводу, что первая («кошачья») часть рассматриваемых составных терминов указывает на ложность, фальшивость «золота» и «серебра», а также определяют причины, по которым образ кошки в языке-источнике связан с семантикой фальши. Анализируется характер проявления культурной ремотивации, произошедшей с этими сочетаниями в русском языке, которая заключается в затемнении их оригинальных коннотаций и возникновении нового коннотативного фона после калькирования.

Ключевые слова: минералогическая лексика, историческая лексикология, калькирование, мотивационная реконструкция, культурная ремотивация, культурные коннотации

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет). Авторы благодарят В. А. Волосатова, И. Т. Демкину за ценные консультации при подготовке статьи.

Русская минералогическая терминология складывалась в тесном взаимодействии с европейской — особенно немецкой, — а также международной новолатинской. Значительное место при этом принадлежало процессу калькирования (помимо «материального» заимствования), пока недостаточно изученному с историко-культурной стороны: необходимость такого изучения определяется различиями в культурных коннотациях, которые могут стоять за словом в языке-доноре и его эквивалентом в языке-реципиенте. Данные различия трудно «поймать», но они фиксируют интересную и важную в этнолингвистическом плане ситуацию: донорское имя вписано в свой культурный сценарий, который не может быть автоматически воспроизведен при калькировании и нередко отличается от реципиентного; соответственно, в реципиентной среде может произойти либо утрата культурных коннотаций, либо их трансформация, наделение калькированного слова коннотациями, отличными от исходных, т. е. своего рода «культурная ремотивация» калькированного слова. Об указанном явлении одному из авторов этой статьи уже пришлось писать, анализируя калькированное (< нем., новолат.) название *марьино стекло*, обозначающее одну из разновидностей гипса (реже — вид слюды), см. [Березович и др. 2020: 137]. Настоящая работа посвящена сочетаниям *кошачье золото* и *кошачье серебро*, которые обозначают близкую по минералогическому статусу реалию (вид слюды), появились в результате немецко-русского калькирования, а главное, демонстрируют еще один вариант реализации указанного выше явления — культурной ремотивации переведенного названия, когда формально точный русский перевод имеет иные коннотативные смыслы, чем немецкий источник.

Кошачье золото (серебро) в русском языке

В русской минералогической лексике со времен становления соответствующей отрасли науки в России (вторая половина XVIII в.) закреплены терминологические сочетания *кошачье золото* и *кошачье серебро*. Осуществим краткий обзор основных источников (как специализированных минералогических словарей, так и неспециализированных), где упоминаются эти наименования.

Кажется, самые ранние фиксации принадлежат М. В. Ломоносову. Так, в труде «Первые основания металлургии или рудных дел», который был опубликован в 1763 г. (но подготовлен ранее), *кошачье серебро/золото* упоминается в двух значениях: 1) разновидность селенита¹: «Селинитов

¹ В настоящее время под *селенитом* понимается «волокнустый гипс с шелковистым блеском, употребляемый для поделок» [ГС, 2: 243]. При этом в истории русской минералогии *селенит* и *слюда* некоторое время трактовались то как синонимы, то как гипероним и гипоним (так, М. В. Ломоносов использует термин *селе-*

находится пять родов: шпат, слюда, флус, дресва и так называемое *кошачье серебро* и *золото*» [СЯЛ: 299]; 2) слюда: «*Кошачье серебро* и *золото* не что иное есть, как только весьма крупная дресва, которая на поверхности своих камешков имеет, как золото или серебро, светлые слюдяные листочки, однако притом никакого металла в себе не содержит» [Там же: 320]. Об активном употреблении этих терминов в последней трети XVIII в. свидетельствуют данные «Словаря русского языка XVIII в.», ср. *кошечье золото (серебро)* ‘мелкая слюда золотистого (серебристого) цвета’: «Берега Камы избилуют кварцом, глинистым камнем и (...) кошечьим золотом» (Дневные записки путешествия... Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1771–1805), «Желтая или золотистаго цвету бленда называется кошечье золото, а белая называется кошечье серебро» (Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции, 1787–1892) [СлРЯ XVIII, 10: 215].

Затем эти термины в «слюдяных» значениях² попадают в оригинальные специализированные словари: «Минералогический словарь» В. М. Севергина (1807 г.) [1: 445; 2: 358] и «Горный словарь» Г. И. Спасского (1842 г.) [2: 221–222].

В. И. Даль, очевидно, ощущал лексические единицы *кошачье (кошечье) золото (серебро)* ‘мелкая слюда золотистого, серебристого вида’ как вполне употребительные, поскольку включил их в свой словарь без помет трижды (в статьи «Кошка», «Золото», «[Серебреников]») [Даль, 1: 1723; 2: 468; 4: 132].

Что касается более поздних источников, то в XX–XXI вв. интересующие нас сочетания квалифицируются как специальные. Из общих словарей они включены (с пометой «минер.»), кажется, только в «Словарь русского языка, составленный Словарной комиссией Академии наук»: *кошачье (кошечье) золото (серебро)* ‘*Mica aurata*, желтая или золотистого цвета слюда, употребляется в виде блестящей обсыпки для разных украшений; *Mica argentea*, мелкая слюда серебристого цвета’ [СРЯ-Карский, 4/8: 2532–2533]. В таких крупнейших словарях общенародного языка, как словарь Д. Н. Ушакова, Большой (и Малый) академический словарь, они не отме-

нит для собирательного обозначения минералов, обладающих совершенной спайностью; «эта формулировка целиком обязана европейскому минералогическому знанию и основана на существовавших тогда представлениях о так называемых “селенитических” солях» [Семенов 1984: 109]). Указанное терминологическое колебание связано с такими свойствами гипса и слюды, как относительная прозрачность и спайность (особенно если речь идет о листоватом гипсе, который обозначается термином *Selenite* в европейской традиции, в отличие от волокнистого гипса, называемого, как указано выше, *селенитом* в современной русской традиции).

² В. М. Севергин даже включает в формулировку значения *кошечьего серебра* сердитую ремарку относительно неточности названия: ‘ископаемое тело, далеко от серебра отстоящее и токмо по невежеству так названное, ибо оно есть не что иное, как слюда серебристого цвета’ [Севергин, 2: 358].

чаются, — и в XX–XXI вв. фиксируются лишь в геологических и минералогических справочниках. В ряде случаев эти справочники дают иные минералогические значения интересующих нас сочетаний. Это, во-первых, более специализированные «слюдяные» значения: ▪ мусковит (калиевая слюда) — *кошачье золото* [Кривовичев 2008: 180], *кошачье серебро* [Буканов 2012; GOMN]; ▪ выветрелый биотит (калий-алюминий-магний-железо содержащая слюда) — *кошачье золото* [Штрюбель, Циммер 1987: 165; Буканов 2012; ЭМДК: 226]; ▪ вермикулит (минерал из группы гидрослюд) — *кошачье золото, кошачье серебро* [ЛТЭК]; во-вторых, значение «пирит (минерал, похожий на золото)» — *кошачье золото* [Штрюбель, Циммер 1987: 165]. Не случайно пирит называют также в русском просторечье *золото дураков* [ЛТЭК; Кривовичев 2008: 138]³. Трудно однозначно определить статус «кошачьих» словосочетаний: с одной стороны, они входят в фонд специальной лексики — это термины, называющие вполне определенные минералы; с другой стороны, их яркая образность и многозначность противоречат основным признакам термина и свидетельствуют об их периферийном положении в минералогической терминологии.

Что можно сказать о мотивированности изучаемых сочетаний? Формально она прозрачна, а с содержательной точки зрения перед нами «двойная» метафора, в которой хорошо интерпретируется второй компонент (*золото/серебро*), но менее ясен первый, связанный с кошкой.

Рассмотрим вкратце «золотую» составляющую, которая включает изучаемые выражения в круг весьма продуктивных аналогичных сочетаний: что-либо сравнивается с золотом и серебром или благодаря своей высокой ценности (ср. *черное золото* ‘нефть’, *зеленое золото* ‘изумруд’, *мягкое золото* ‘пушнина’), или по внешнему сходству. Здесь перед нами второй случай, при этом сочетание является ироничным из-за несоответствия образа кошки с его приземленно-бытовыми коннотациями и «золотых ожиданий». Тем самым сочетание приобретает иронический (пейоративный) характер: «кошачье» определение при обозначении металла подчеркивает его «ненастоящность». Иначе говоря, атрибут *кошачий* фактически становится синонимом *ложного* и указывает на то, что перед нами не настоящее (не «человеческое») золото или серебро, а лишь что-то, своим золотым или серебряным блеском напоминающее эти драгоценные металлы.

Для модели, лежащей в основе этого сочетания, есть несколько мотивационных параллелей, самая близкая из которых (с другим анималистическим компонентом) — название платины, встречающееся в жаргоне горщиков (т. е. специалистов по добыче драгоценных и полудрагоценных камней): *лягушечье золото* ‘платина’ [Борхвальдт 1998: 76; ЛТЭК]. Этим выражением надо заниматься отдельно, но основная причина привлечения

³ Данное название является калькированным, ср. англ. *fool's gold* [DGG: 84; Кривовичев 2008: 138].

образа лягушки видится в том, что платина поначалу не признавалась ценным металлом. Имеется и солидная группа разноязычных наименований с «этническим» компонентом, которые ранее рассматривались нами в аспекте ксенономинации: рус. *французское золото* ‘самое плохое, низкопробное’, *американское золото* ‘томпак: сорт латуни, представляющий собой сплав меди с цинком’, *еврейское золото* ‘сплав, имитирующий золото’, польск. *zloto żydowskie* ‘соединение серы и олова, используемое для покрытия бронзой, «золото» для мозаичных работ’, *chińskie srebro* ‘сплав цинка, меди и никеля (нейзильбер)’, англ. *Dutch gold* («голландское золото») ‘томпак — дешевая имитация золотого покрытия’, *Gipsy gold* («цыганское золото») ‘отражение огня на посуде из драгоценных металлов’, *German silver* ‘нейзильбер’, нидерл. *Russisch zilver* («русское серебро») ‘то же’ [Березович 2007: 436–437], ср. также *немецкое серебро* ‘бронза’ [Буканов 2012] и др.

При этом неочевидным остается выбор именно кошки в качестве эталона фальшивости, ложности объекта — и для его объяснения нужно обратиться к контексту, в котором возникли данные выражения и который послужил для них истоком.

Кошачье золото и серебро как немецкие кальки

Решить вопрос о том, как появились указанные сочетания в русском языке, несложно. С первых фиксаций в русском языке для *кошачьего золота* и *серебра* приводятся параллели из других языков, чаще всего немецкого. Учитывая, что сочетания не отмечаются в говорах и принадлежат минералогической терминологии, значительная часть которой пересажена на русскую почву из европейской (где к моменту зарождения отечественной минералогии уже была разработана соответствующая терминосистема, в первую очередь латинско-немецкая), будучи либо заимствованной, либо калькированной, следует предположить, что перед нами к а л ь к и.

Действительно, М. В. Ломоносов в своем «Минеральном каталоге» (1745), который появился раньше, чем упомянутые выше его «Первые основания металлургии или рудных дел», вставляет в текст, написанный им на латыни, оригинальные немецкие названия кошачьего золота и серебра, не переводя их на русский язык: «Selenites Germanis *Katzen-Silber* dictus, Silici griseo adnatus» («Слюда, по-немецки называемая каценсильбер, приросла к серому кремню») [СЯЛ: 311]; «Frustum magnum Selenitis aurei, Germanis *Katzen-Gold* dicti» («Кусок большой золотой слюды, по-немецки каценгольд называемой») [Там же: 318]. В 1763 г. был опубликован перевод с немецкого «Минералогии» И. Валерия, где русские сочетания *кошачье золото* и *кошачье серебро* упоминаются на месте немецких эквивалентов в параграфе о селените с целью обратить внимание на необходимость различения слюды и селенита [Валерий 1763: 88]. Далее *кошачье золото* и

серебро встречаются в немецко-русско-латинском «Словаре минералогическом, старанием Вольного экономического общества изданном 1790 года», причем интересно, что *кошачье золото* (*Katzengold*) здесь — не желтая слюда, а слюда вообще. Немецкий термин, как и его русский перевод, становится родовым наименованием и относится также к разновидностям слюды, выделяемым по цвету: перечисляются *Katzengold gelb, grünliches, rötliches, schwärzliches, weißes* (*Katzensilber*), что переводится соответственно как *дресвяк желтый* (букв. «кошачье золото желтое»), *кошачье золото зеленое, красное, черное и белое*, которое называется еще *кошачьим серебром* [СВЭО: 41].

Этих данных (а их можно, разумеется, умножить) достаточно для того, чтобы показать, как происходило калькирование немецких терминов в русский язык во второй половине XVIII в. В дальнейшем в русских минералогических словарях немецкие данные приводятся как источники для русских или как параллели, иногда дополняясь также другими романогерманскими параллелями: франц. *or des chats, argent des chats*, англ. *cat-gold, cat-silver* etc.

Наличие таких параллелей позволяет предположить, что выражения «кошачье золото» и «кошачье серебро» вошли в международный минералогический обиход. И действительно, уже в словаре братьев Гримм приводятся ряды иноязычных параллелей, ср., помимо английских данных, швед. *kattguld*, фин. *katin kulta*, богем. *kočičí zlato*, шотланд. *catsiller*, швед. *kattsilfver* [DWB, 11: 296, 301] и др. К первой трети XIX в. можно было констатировать широкое распространение этих выражений, о чем говорит цитата из 1-го тома «Универсальной географии» французского географа К. Мальте-Бруна: «...Разновидность слюды в блесках желтовато-золотого или беловато-серебряного цвета известна во всем мире под н е л е п ы м и <разрядка наша. — Е. Б., В. К.> названиями кошачьего золота или кошачьего серебра» [Malte-Brun 1827: 98]. Выделенное слово показательно как характеристика утраты мотивированности этих терминов за пределами материнской культуры и языка. Попытаемся восстановить эту мотивированность.

«Кошачье золото (серебро)» в немецком языке

Как же возникли *Katzengold* и *Katzensilber* в немецком языке? И каковы семантические связи этих сочетаний?

В «Системе минералогии» Дж. Даны время и место появления сочетаний «кошачье золото/серебро» значатся как средневековая Европа [DMD: 613]; первоначальным языком, по всей видимости, был немецкий. Г. Агрикола в 1546 г. приводит в указателе собственно немецких соответствий названиям минералов и металлов, образованным от греко-латинских корней, слова *Katzengold* для *ammochrysos* ‘мусковит’ (от греч. *άμμος* ‘песок’, *χρυσός* ‘золото’) и *Katzensilber* для *mica* ‘слюда’, см. [Agricola 1546: 462, 466].

Ф. Клюге в «Этимологическом словаре немецкого языка» указывает, что первоначальное значение слова *Katzengold* — ‘золотисто-желтая смола вишневого дерева’, а значение ‘слюда’ появилось позднее — в XVI в. [Kluge]. Подтверждение этому находим в словаре братьев Grimm: нем. *Katzengold* как обозначение золотистой слюды (аналог слову *amnochrysos* ‘мусковит’) приводится со ссылкой на каталог, составленный К. Швенкфельдом и изданный в Лейпциге в 1600 г., а как обозначение вишневой смолы «с ее золотым блеском» обнаруживается уже в “*Summarium Heinrici*” — древне-средне-немецком глоссарии, средневековом источнике, датируемом XII в., см. [DWB, 11: 296]. Следовательно, «слюдяное» *Katzengold* стало более поздним использованием образа, уже укорененного в немецком языке. Что касается нем. *Katzensilber*, то в словаре братьев Grimm оно отмечено со ссылкой на источники XVI в. [Ibid.: 301].

В англоязычных источниках, по данным Оксфордского словаря, «кошачье золото» (*cats-gold*, *cat-gold*) фиксируется со второй половины XVIII в. При этом контекст 1776 г. указывает на немецкое происхождение выражения: «Кошачье золото... Так слюда называется немцами, когда имеет цвет золота» [OED, 2: 168]. Более продолжительная англоязычная история, судя по тому же источнику, у «кошачьего серебра» (*cat-silver*): первый приводимый контекст датируется 1583 г., где под этим именем имеется в виду слюда (*mica*) [Ibid.: 189]. Аналогичный вышеприведенному (и взятый из того же источника) контекст с отсылкой к немецкому языку приводится и для «кошачьего серебра»: «Так слюда называется немцами, когда имеет цвет серебра» [Ibid.]. Любопытно, что в словарной статье кроме немецкого *Katzensilber* приводится также новолатинское соответствие *argentum felium* — в контексте, извлеченном из «Естественной истории Оксфордшира» Роберта Плота 1677 г. Автор в отрывке, цитата из которого попала в Оксфордский словарь, не определяет «кошачье серебро» как слюду или какой-либо иной минерал, а сообщает, что обнаружил в окрестностях Деддингтона камень, похожий на серебряный марказит, но им не являющийся (поскольку из него нельзя высечь искру), а поэтому определенный автором как *argentum felium* или *Cat-silver*, «блестящее ничто, не имеющее никакого применения» [Plot 1677: 72].

Итак, «минералого-металлическая» часть рассматриваемых номинаций ясна: они относятся к веществам (чаще всего подразумевается слюда), желтым или белым блеском напоминающим драгоценные металлы. Сложнее «кошачья» часть, т. е. семантическая мотивированность слова «кошачий» в составе названия минерала. Иначе говоря, нам важно ответить на вопрос, почему именно образ кошки используется для того, чтобы передать идею ненастоящего, фальшивого?

Вернемся к этимологическому словарю немецкого языка Ф. Клюге. Объясняя *Katzengold* и *Katzensilber*, автор осторожно замечает, что «низкокачественным разновидностям чего-либо часто давались названия животных. При этом необязательно следует думать о “фальшивости кошек”, хотя

и это могло сыграть определенную роль» [Kluge]. В самом деле, в минералогии можно обнаружить другие примеры появления анималистических пейоративов в составном наименовании. Так, можно привести сочетания, отмеченные в русском профессиональном жаргоне горщиков: *лягушечье золото* ‘платина’ [Борхвальдт 1998: 76], *ослиное зеркало* ‘вид гипса’ [Буканов 2012]⁴: определения указывают на то, что золото или зеркало ненастоящие. Тем не менее, при бесспорном существовании этой модели, выбор образа животного для ее разработки должен быть чем-то мотивирован, — и в случае лягушки и осла такая мотивация просматривается более явно, чем в случае кошки.

Представляется, что именно «ф а л ь ш и в о с т ь» к о ш е к (по Ф. Клуге) в германской культуре — основная причина выбора кошки в качестве индикатора ложности. В академическом словаре немецкого языка “*Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*” (WDG) находим: *katzenfreundlich* (букв. «по-кошачьи дружелюбный») ‘преувеличенно дружелюбный и вместе с тем неискренний’⁵, *die Katze* (букв. «кошка») ‘по отношению к особе женского пола, уничижительно — она лживая и злая’⁶, *der Katzenblick* (букв. «кошачий взгляд») ‘у нее кошачий взгляд — она смотрит фальшиво как кошка’⁷; в словаре братьев Grimm *katzenfalsch* (букв. «фальшивый как кошка»), *Katzenglaube* (букв. «кошачья вера») ‘суеверие’ [DWB, 11: 294, 296] и др.

Образ кошки в немецкой мифологии связан с образом ведьмы, колдовством и оборотничеством, ср.: «В связи с превращением в кошек следует в первую очередь вспомнить о домовых ⟨...⟩. В народе говорят: двадцатилетняя кошка становится ведьмой, а столетняя ведьма — кошкой. ⟨...⟩ Встречную кошку ни в коем случае нельзя обижать: позже ведьма может страшно отомстить» и др. [Гримм, 2: 707]. Это проявляется и на уровне языка, ср., к примеру, сведения, изложенные в статье *Katzenpeterlein* (букв. «кошачья петрушка») в словаре братьев Grimm: «Кошачьей петрушкой называется несколько видов болиголова; название обозначает “ложную петрушку”, см. *katzengold*; однако *Peterlein*, петрушка, — также имя ведьмы, кошки являются ведьмами, *Peter* — это имя кобольда и кошачье имя, что, вероятно, указывает на связь с мифологией» [DWB, 11: 300].

Таким образом, «кошачий» в названиях минералов прочитывается как «н е н а с т о я щ и й, л о ж н ы й, ф а л ь ш и в ы й», что объясняется в известной мере как давлением анималистической модели («животный» = «нечеловеческий»), так и «кошачьей» мифологии (народным представлениям об устойчивой связи кошки и нечистой силы, а вместе с тем колдовства и об-

⁴ Эти сочетания имеют параллели в других языках и тоже представляют собой, по всей видимости, кальки, но это неважно в контексте нашего исследования.

⁵ <https://www.dwds.de/wb/wdg/katzenfreundlich>.

⁶ <https://www.dwds.de/wb/wdg/Katze>.

⁷ <https://www.dwds.de/wb/wdg/Katzenblick>.

мана). В германском языковом сознании это вполне прозрачная семантика, о чем говорит упоминание «кошачьего золота» и «кошачьего серебра» в популярной литературе, в частности в книге о кошках американского писателя Карла Ван Вехтена «Тигр в доме», где глава «Кошки в фольклоре» содержит следующий пассаж: “The enemies of the feline race say “as false as a cat” and it is from this phrase that the terms cat’s gold and cat’s silver, the common names for mica on account of its deceptive appearance, are derived” [«Враги кошачьей расы говорят “фальшивый как кошка”, и именно из этой фразы родились термины *кошачье золото* и *кошачье серебро*, общеупотребительные названия слюды из-за ее обманчивого внешнего вида]⁸.

Любопытно, что образ кошачьего серебра (как и золота), возникший в немецкой минералогии, затем пережил как бы повторную встречу с семантикой фальши: прилагательное *katzensilberisch* (букв. «кошачье-серебряный») приобрело значение ‘фальшивый, ложный’ вне минералогической сферы, причем на ранних этапах развития, ср. в словаре братьев Гримм случаи употребления из трудов Парацельса (1589): *Du katzensilberischer Arzt* [«Ты ненастоящий врач»], *dasz wir nicht katzensilberische Vernunft und Philosophiam (Pseudophilosophie) gebrauchen* [«То, что мы не используем фальшивый разум и философию (псевдофилософию)»] [DWB, 11: 302].

Несмотря на укорененность связи между образом кошки и семантикой ложности и фальши в немецкой культуре, значительное смысловое расстояние между названием животного и названием минералогического объекта (золотистой или серебристой слюды) создает плодотворную почву для разного рода ложно-этимологических объяснений.

В частности, уже И. К. Аделунг в «Опыте полного грамматико-критического словаря верхненемецкого диалекта» (1774–1786), отметив, что «нельзя обнаружить понятную связь между этими вещами и животным с этим названием» [Adelung, 2: 1513], изложил свою версию происхождения первого компонента *Katzen-* в сложных словах типа *Katzengold* и *Katzensilber*, обозначающих что-либо фальшивое. По его мнению, это то же слово, которое встречается «в составе сложного *Hüttenkatze* [нем. *Hütten* — металлургический или стекольный завод], для обозначения болезни, которой подвержены чаще всего горняки из-за вдыхаемых металлических испарений и которая состоит главным образом в параличе, также, однако, в одышке и истощении» [Ibid.]. Он предлагает и этимологию слова *Katze*: «Если в этом значении оно не является искажением *Asthma*, то, наверное, восходит к древнему *quad*, дурной, злой, плохой, итал. *cattivo*», приводя также бретон. *Quaez* ‘беда, нужда’ и швед. *quiddrag* ‘задыхающийся, затяжной’; *Hüttenkatze*, таким образом, то же, что и *Hüttenübel*, *Hüttenkrankheit* [нем. *Übel*, *Krankheit* ‘недуг, болезнь’], — т. е. болезнь рабочих металлургических, стекольных заводов, см. [Ibid.].

⁸ <https://www.bartleby.com/234/5.html>.

Еще одну попытку объяснить компонент *Katzen-* безотносительно *Katze* ‘кошка’ встречаем в современном немецком электронном минералогическом атласе: «*Katzengold* может быть производным от слова *Ketzer* ‘еретик’, т. е. означать нечто иное, чем позволяет вера» [MAFA]. Таким образом, эта версия предлагает трактовать внутреннюю форму *Katzengold* как «золото еретика».

Приведенные «некошачьи» объяснения кажутся избыточными. Думается, что первая часть названий слюд *Katzengold* и *Katzensilber* представляет собой не искажение какого-либо слова с якобы более подходящей объекту номинации семантикой, а именно слово *Katze* ‘кошка’, прибавляемое к обозначениям металлов. В этом убеждает нас не только вторичная семантика ложности у лексемы *Katze* и соответствующих этой семантике производных. Показательно наличие целого ряда терминов как минералогии, так и других номинативных областей (например, фитонимии) с первым компонентом *Katzen-*. Они свидетельствуют о том, что такая номинативная модель весьма продуктивна в немецком языке: например, в «Словаре устаревших названий минералов» П. Бейлисса находим *Katzenglimmer* (букв. «кошачья слюда») ‘биотит’, *Katzensaphir* («кошачий сапфир») ‘звездчатый синий драгоценный камень, обогащенный железом и титаном корунд’, *Katzenzinn* (букв. «кошачье олово») ‘касситерит’ [GOMN]. Список продолжают *Katzenetz* («кошачья руда») ‘фальшивая руда’, *Katzengummi* («кошачья камедь») ‘камедь, собираемая с деревьев’, *Katzenglas* ‘*lapis specularis*; ненастоящее стекло’ [DWB, 11: 294, 296]. Все названные случаи — старые народные названия камней или веществ, существующие наряду с номенклатурными международными обозначениями. Вторая часть этих составных слов — как правило, название камня или вещества, на которое походит именуемый минерал: «сапфир», «олово», «стекло» etc. Начальное *Katzen-* указывает на иллюзию такого сходства и выступает по сути как определение «ложный, ненастоящий».

Коннотативный фон калькированного названия в русском языке

Очевидно, что некоторые представления о кошке, характерные для германской культуры, и языковой фон, на котором существуют рассматриваемые слова в немецком языке, в русской культурно-языковой традиции не столь активны (по крайней мере, в русском языке не фиксируется развернутый ряд устойчивых сочетаний, где эпитет *кошачий* имеет семантику аномальности, фальши etc.). Тем не менее в результате калькирования изучаемые названия легко прижились в принимающей среде, поскольку они обладают выразительностью и яркой образностью, при этом оба образа, составляющие имя (*кошка* и *золото/серебро*), весьма популярны и частотны.

Выше уже говорилось, что образ золота и серебра в данном случае легко читается. Что касается более «темного» образа кошки, то его отражение

в изучаемом названии поддерживается наличием большого количества терминологических сочетаний из различных естественнонаучных лексических сфер. Так, в «Словаре русского языка XVIII в.» с опорой на переводные источники находим целый ряд «кошачьих» фитонимов: «Трава *кошечьи глаза*» (Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на русский язык переведенный Собранием ученых людей, 1786); «*Кошечья Нога*, так называется трава красноватая, из которой делают лекарственный сироп» (Леклерк де Монлино Ш. А. Ж. Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов; пер. с фр. яз. Василием Левшиным, 1788); «*Кошечий хвост*, трава» (Полный немецко-русской лексикон, из большого грамматикально-критического словаря г. Аделунга составленный, 1798) [СлРЯ XVIII, 10: 215]. Есть и такие «кошачьи» фитонимы, для которых не обнаруживается источник калькирования. Их можно интерпретировать либо как недокументированные / метонимически перенесенные кальки, либо как исконные образно-оценочные сочетания, ср., к примеру, сарат. *кошачий вязиль* 'растение *Onobrychis L.*, эспарцетовый журавлиный горох', карел. *кошачьи глазки* 'незабудки', перм. *кошачий клевер* 'репейник', *кошачье мыло* ворон. 'растение *Synoglossum officinale L.*, аптечный песий язык', киров. 'растение [какое?]': «Робёнкам были, дак смочим траву-то, руки моешь, так пена и поползет» [СРНГ, 15: 140] и мн. др.

Из этих примеров особый интерес для нас представляют названия, образность которых не основана на внешнем сходстве с объектом (вроде *кошачьих глазок, хвоста, лапок*), — *кошачий вязиль* или *кошачье мыло*. Подобные названия нередко оказываются вписанными в ряды мотивационных параллелей с активным (и весьма симптоматичным) лексическим варьированием: приоб. *китайское мыло* = *мыло татарское* = *остяцкое мыло* = *цыганское мыло* = *собачье мыло* = *медвежье мыло* 'горичвет татарское мыло *Lychnis chalconica L.*' [Арьянова, 1: 62]. Ясно, что *кошачье* в данном случае — вариация *собачьего*, а *собачье* — более частый пейоратив, закономерно продолжающий ряд, состоящий из этнонимических и других зоонимических пейоративов, подробнее о таких параллелях, составленных лексемами из тематически разных групп, см. в [Березович 2014: 196]. Здесь *кошачий, собачий, цыганский...* = «ненастоящий», «ложный», «ненормальный, "нечеловеческий"»; такие коннотации, как мы видели, сопровождают и «кошачий» эпитет в немецком обозначении слюды.

В то же время в образе «русской» кошки, в отличие от «немецкой», мотивы ложного и фальшивого не играют большой роли. Отражаясь в названии слюды, образ кошки скорее имеет другой акцент: кошачий = «нечеловеческий», т. е. образ взят как основа для противопоставления чему-либо, что свойственно человеку или используется им. В этом смысле *кошачья слюда* аналогична названиям типа *мышинный горошек* («как горох, но не для человека; его могла бы разве что есть мышь»), а естественность выбо-

ра образа поддерживается доступностью его народному сознанию, близостью животного к человеку, его «подручностью» и пр.⁹

Но «энергия образа» этим не исчерпывается. Поскольку в русской лингвокультурной традиции прилагательное *кошачий* не является ярким пейоративом (в отличие, скажем, от слов *собачий*, а тем более *волчий*), воспринимающему сознанию нужна дополнительная поддержка, вероятность которой усиливается многогранностью образа кошки. Мотивационную поддержку *кошачьему золоту* и *серебру* непосредственно в минералогической сфере оказывает образ кошачьих глаз, закрепленный в названии, которое входит в международную минералогическую номенклатуру и одновременно в русский общенародный лексический фонд, — *кошачий глаз*, ср. англ. *cat's eye*, нем. *Katzenauge*, франц. *œil-de-chat*, новолат. *oculus felinus*. Этот международный термин попал в русский язык не только в виде кальки, но и в виде материального заимствования *катофтальм*, которое образовано сложением лат. *catus* ‘кошка’ и греч. ὀφθαλμός ‘глаз’¹⁰.

Не вдаваясь в историю возникновения и распространения этого термина, а также не описывая постепенное расширение числа минералогических объектов, по отношению к которым он использовался, укажем на то, что *кошачьим глазом* (или *эффектом кошачьего глаза*) называется перемещающийся при повороте вертикальный световой блик на камне¹¹, напоминающий глаз (глазную радужку) кошки, ср.: «⟨...⟩ При движении (камень) играет золотисто-зеленым отливом, наподобие глаз кошки. От хороших образцов камня знатоки требуют, чтоб отлив всегда располагался узкою прямою полосой» [Пыляев 1888: 307]. Этот эффект известен по отношению к александриту, бериллу, сапфиру, рубину, турмалину, опалу, кварцу, апатиту и др. Такая переливчатость создается обычно «при отражении света от многочисленных микроскопических параллельных включений волокнистых и игольчатых минералов или трубчатых пустот от их выщелачивания» [КСС: 33]. Выделение подобного эффекта — не сугубая тонкость, на которую обращают внимание только специалисты по геммологии

⁹ Ср. активную разработку образа в говорах: казан. *кóшачье житье* ‘хорошее житье’, без указ. места *кошáчье масло* ‘испортившееся масло’, ряз. *кóшачий ум* ‘детский ум’, вят. *с кошачьи слёзы* ‘очень мало’ [СРНГ, 15: 139–140] и мн. др.

¹⁰ Авторы допускают типологическую поддержку со стороны нем. *Katzenauge* для нем. *Katzengold* (-*silber*), однако считают, что для немецкого языка этот мотивационный стимул не является ведущим в силу мощного — судя по количеству вышеприведенных немецких ботанических, минералогических терминов и слов обиходного языка с начальным *Katzen-* ‘ложно-’ — влияния на появление изучаемых слов закрепленной за «кошачьим» формантом семантики фальшивости.

¹¹ Речь идет и об определенном минерале, называемом *кошачий глаз*, *благородный кошачий глаз* (чаще всего это цимофан), и о многих минералах, которым присущ соответствующий эффект.

(минералогии), — он обыгрывается как на уровне ювелирных практик («Камни типа кошачьего глаза идут на изготовление кабошонов, запонок, бус, реже из них вырезают камеи и инталы» [Там же]), так и в верованиях («Все эти камни считались “оберегами” {...}. В частности, кошачий глаз сохранял любовь, оберегал от измены» [Там же]). Отметим также, что популярность термина *кошачий глаз* поддерживается наличием многих других обозначений минералов с компонентом *глаз*, причем он сочетается обычно с обозначениями животных (*бычий глаз*, *волчий глаз*, *змеиный глаз*, *рысий глаз*, *совиный глаз*, *соколиный глаз* и др.), но не только с ними (*железный глаз*, *барботов глаз* etc.) [Буканов 2014: 458]. Минералогические «глаза» кодируют как представления об оптических эффектах камня, так и о его форме (как правило, в ювелирном изделии); при этом «глазная» метафора претендует на статус универсальной, поскольку фиксируется во многих языках и в различных социолингвистических стратах (так, в русском языке эта метафора питается и калькированными лексическими единицами, и исконными, ср. калуж., курск., яросл., орл., том. *глазок* ‘одиночный драгоценный камень в каком-либо ювелирном изделии (обычно кольцо, перстне)’ [СРНГ, 6: 189]).

Предположение о том, что употребление выражений *кошачье золото* и *серебро* по отношению к веществу, обладающему заметным золотистым или серебристым блеском, может опираться на представления об оптических эффектах кошачьего глаза, подтверждается словами наших среднеуральских информантов-горщиков: «Кошачье золото есть, это вермикулит или биотит. Блестит, как глаза у кошки. А глаза у кошки светятся в темноте. Все видели кошачий глаз ведь ночью! Такого не забудешь! А еще есть кошачий глаз в разных камнях, у опала, у берилла, у разных. А почему? Кошачий глаз зеленый в темноте. Так и в камне. Когда сделаешь кабошон (камень округлой формы, обработанный до гладкой отполированной поверхности, — в отличие, например, от фасетной огранки. — *Е. Б., В. К.*), поворачиваешь, центр становится зеленый и в середине как зрачок. Зрачок, когда поворачиваешь кабошон, сдвигается влево и вправо» (Свердловская область, Горнозаводский район, Кайгородское); «Кошачье золото есть и серебро. Это одно и то же. Это слюда такая золотистая, серебристая ли. Название по кошке. Кошачье золото поблескивает, как у кошки глаза» (Екатеринбург) [ЛТЭК].

Но этим не исчерпываются возможности ремотивации сочетаний *кошачье золото* (*серебро*) в русском языке. Если описанный выше вариант ремотивации (вторичное взаимодействие *кошачьего золота* и *серебра* с *кошачьим глазом*) основан на внутриязыковых причинах, то другой вариант — на факторе культурного плана: принимающая культурно-языковая среда имеет свой фонд верований и мифологических представлений, которые могут повлиять на восприятие сочетания *кошачье золото*. В данном случае это верования, связанные с образом кошки в контексте «каменной темы»: кошка может трактоваться как

животное-проводник при добыче полезных ископаемых и драгоценных камней или животное, олицетворяющее подземные богатства, а также сверхъестественную силу, их охраняющую.

Такие мотивы реализуются, к примеру, в уральских сказах П. П. Бажова. Так, в «Серебряном копытце» именно благодаря кошке Муренке люди смогли увидеть волшебного козла, от удара копыт которого возникали драгоценные камни. Как только сирота Даренка вздохнула, что камни кончаются, «кошка фыркнула, ровно ей что не по нраву пришлось», — и Даренка обнаружила в своем сундучке новые прекрасные камни, в том числе — что неслучайно — *кошачий глазок*. Ср.: «Перед нами персонаж-маргинал, осуществляющий посредническо-связующую функцию между тем и этим мирами. Поэтому так легко находит кошка общий язык с волшебным козлом, именно по ее сигналу Серебряное копытце исчезает» [Швабауэр 2002: 68].

Мотив кошачьих глаз, «материализующихся» в камнях, представлен и в сказе «Сочневы камешки». Старатель Ванька Сочень добыл ценные камни диоптазы (так называемые «медные изумруды»), после чего его начинают преследовать безглазые кошки: «“Мяу! Мяу! Отдай наши глаза”, — оглянулся Сочень, а на него прямо три кошки бегут. Все бурые и все без глаз». Тем самым «буквализируется» описанная выше метафора «глаз кошки» → «камень, отражающий свет».

Фигурирует у П. П. Бажова и земляная кошка с огненными ушами, живущая под землей и выставляющая наружу свои уши: «Два страшных синих огня поднялись, ровно кошка за горой притаилась, уши выставила» (сказ «Кошачьи уши») ¹². Есть и более определенные указания на демоническую природу кошки: так, у демонического змея, охраняющего каменные богатства, мужской облик, «глаза зеленые и светят, как у кошки» (сказ «Про Великого Полоза») ¹³.

Эта «кошачье-каменная мифология» явно имеет разные источники. С одной стороны, нельзя не вспомнить русский крестьянский фольклор, в котором кошка (среди других анималистических образов) участвует в персонификации кладов. С другой стороны, «кошачьи» мотивы есть и в верованиях башкирских шахтеров (контактирующих с русскими на территории Урала), которые считают, что там, где вспыхивают кошачьи уши, скрыты подземные богатства [Там же: 52, 67]. Возможно, есть и другие истоки описываемой образности, но это не так уж и важно. Важнее то, что в русской мифопоэтической традиции имеются устойчивые связи между образом кошки и представлениями о сокровищах недр. Эта связь могла дополнить коннотативный фон *кошачьего золота и серебра*.

¹² В образе этой кошки представляется сернистый газ, выходящий на поверхность [Швабауэр 2002: 67].

¹³ Ср. образ цвергов (подземных гномов) в фольклоре немецких шахтеров: по легендам, цверги способны принимать облик жабы, змеи, кошки, козла [Швабауэр 2002: 158].

* * *

Таким образом, название слюды *кошачье золото (серебро)*, пополнив фонд немецко-русских калек в минералогической терминологии, испытало культурную ремотивацию на почве русского языка. В немецком языке внутренняя форма термина прозрачна и читается как «ложное золото», поскольку слова «кошка», «кошачий» имеют коннотацию ложного, фальшивого, которая верифицируется во многих идиоматических (в том числе терминологических) сочетаниях, отражена в фольклоре и мифологии. В русском языке семантическая мотивированность минералогического термина прочитывается несколько «асимметрично» по отношению к немецкому прототипу, так как у слова *кошачий* коннотация ложности проявлена ощутимо слабее. Это доказывается еще и тем, что в немецком языке существует целый ряд сочетаний с определением «кошачий», которые имеют обобщенно-пейоративный смысл (а само определение по семантике приближается к ксенонимам со значениями аномальности, фальши и проч.). В русском языке эта модель не является разработанной (хотя есть смысловые ресурсы для ее прочтения), поскольку идиоматические сочетания такого плана, кажется, не отмечены (или немногочисленны). Соответственно, коннотативный фон термина может пополняться из других ресурсов принимающей лингвокультурной традиции: за счет притяжения к минералогическому термину *кошачий глаз* (с актуализацией признака каменного блеска, подобного блеску кошачьих глаз) и за счет «кошачьей» мифологии горного дела.

Думается, что эта история, хоть она и «штучная», поучительна в смысле демонстрации возможностей культурной ремотивации, изучение которой следует продолжить.

Сокращения в обозначениях говоров русского языка

ворон. — воронежские

вят. — вятские

казан. — казанские

калуж. — калужские

карел. — русские говоры Карелии

киров. — Кировские

курс. — курские

орл. — орловские

ряз. — рязанские

сарат. — саратовские

том. — томские

яросл. — ярославские

Источники и словари

Арьянова 1–3 — В. Г. Арьянова. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Томск, 2006–2008. Т. 1–3.

Борхвальдт 1998 — О. В. Борхвальдт. Словарь золотого промысла Российской империи. М., 1998.

Буканов 2012 — В. В. Буканов. Энциклопедия «Цветные камни». СПб., 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://gems.minsoc.ru/>.

Буканов 2014 — В. В. Буканов. Цветные камни и коллекционные минералы. Энциклопедия. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2014.

Валерий 1763 — Минералогия, или Описание всякого рода руд и ископаемых из земли вещей, сочиненное Иоганном Готшалком Валерием, Королевской Шведской академии в Упсале Философии и Медицины Доктором, а с немецкого на российской язык переведенное действительным статским советником, бергколлегии Президентом и Монетной канцелярии главным судьбою Иваном Шлаттером. СПб., 1763.

Гримм 2 — Я. Г р и м м. Германская мифология. Т. II / Пер., коммент. Д. С. Колчигина; под ред. Ф. Б. Успенского. М., 2018.

ГС — Геологический словарь: В 2 т. / Под общ. ред. А. Н. Криштофовича. М., 1955.

Даль 1–4 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 3-е изд. СПб.; М., 1903–1909.

Кривовичев 2008 — В. Г. К р и в о в и ч е в. Минералогический словарь. СПб., 2008.

ЛГЭК — картотека «Лексика, топонимия, этнография камня» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского университета, Екатеринбург).

Пыляев 1888 — М. И. П ы л ь а е в. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. 2-е изд., доп. СПб., 1888.

СВЭО — Словарь минералогический, старанием Вольного экономического общества изданный 1790 года. СПб., 1790.

Севергин 1–2 — В. М. С е в е р г и н. Подробный словарь минералогический, содержащий в себе подробное изъяснение всех в минералогии употребительных слов и названий, также все в науке сей учиненные новейшие открытия: В 2 т. СПб., 1807.

Семенов 1984 — В. Б. С е м е н о в. Селенит. Свердловск, 1984.

СКС — Б. Ф. К у л и к о в, В. В. Б у к а н о в. Словарь камней-самоцветов. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1989.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Ред. С. Г. Бархударов и др. Л.; СПб., 1984–. Вып. 1–.

Спасский 1–3 — Г. С п а с с к и й. Горный словарь, составленный Григорием Спасским, обер-берггауптманом 5 класса и кавалером Императорской С.-Петербургской Академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом. М., 1841–1843. Ч. 1–3.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

СРЯ-Карский — Словарь русского языка, составленный Словарной комиссией Академии наук СССР: В 14 т. / Ред. Е. Ф. Карский и др. СПб.; Л., 1891–1937.

СЯЛ — Словарь языка М. В. Ломоносова: [материалы к словарю языка М. В. Ломоносова] / Гл. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2010.

Штрьубель, Циммер 1987 — Г. Ш т р ю б е л ь, З. Ц и м м е р. Минералогический словарь: пер. с нем. М., 1987.

ЭМДК — Н. С о б ч а к, Т. С о б ч а к. Энциклопедия минералов и драгоценных камней. СПб.; М., 2002.

Adelung 1–4 — J. Ch. Adelung. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. In 4 Bd. Leipzig, 1793–1801.

Agricola 1546 — G. Agricola. De Ortu & causis subterraneorum, lib. V., De natura eorum quae effluunt ex terra, lib. IIII, De natura fossilium, lib. X, De ueteribus & nouis metallis, lib. II, Bermannus, siue de re metallica dialogus. Interpretatio Germanica uocum rei metallicaе, addito Indice foecundissimo. Basel, 1546.

DGG — M. Manutchehr-Danaei. Dictionary of Gems and Gemology. Berlin; Heidelberg, 2013.

DMD — The System of Mineralogy of James Dwight Dana. 1837–1868: Descriptive Mineralogy. 6 ed. / By ed. S. Dana. New York; London, 1904.

DWB — J. Grimm, W. Grimm. Deutsches Wörterbuch. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig, 1854–1961.

GOMN — P. Bayliss. Glossary of Obsolete Mineral Names. Tucson, 2000. URL: <https://www.yumpu.com/it/document/read/5552776/glossary-of-obsolete-mineral-names-k>.

Malte-Brun 1827 — C. Malte-Brun. Universal geography, or A description of all parts of the world, on a new plan, according to the great natural divisions of the globe accompanied with analytical, synoptical, and elementary tables. Vol. 1. Philadelphia, 1827.

MAFA — Katzensgold // Mineralienatlas — Fossilienatlas. URL: <https://www.mineralienatlas.de/lexikon/index.php/MineralData?mineral=Katzensgold>.

OED — The Oxford English Dictionary: Being a Corrected Re-issue with an Introduction, Supplement and Bibliography, of A New English Dictionary on Historical Principles: Founded Mainly on the Materials Collected by the Philological Society. Vol. 2. Oxford, 1933.

Plot 1677 — R. Plot. The natural history of Oxford-shire: being an essay toward the natural history of England. Oxford, 1677.

Литература

Березович 2007 — Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура. М.: Индикс, 2007.

Березович 2014 — Е. Л. Березович. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014.

Березович и др. 2020 — Е. Л. Березович, И. Т. Демкина, Д. В. Спиридонов. Еще раз об имени в свете проблемы «Wörter und Sachen»: «марьино стекло» в русском и западноевропейских языках // Вопросы ономастики. 2020. № 2. С. 136–165.

Швабауэр 2002 — Н. А. Швабауэр. Типология фантастических персонажей в фольклоре горнорабочих Западной Европы и России. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2002.

Kluge — Fr. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von E. Seebold. 24 Aufl. Berlin; New York, 2002.

Elena L. Berezovich
Perm State University
(Perm, Russia)
Ural Federal University
(Ekaterinburg, Russia)
berezovich@yandex.ru

Valeria S. Kuchko
Perm State University
(Perm, Russia)
Ural Federal University
(Ekaterinburg, Russia)
kuchko@inbox.ru

**ON THE PHENOMENON OF CULTURAL REMOTIVATION
IN LOAN TRANSLATION:
CAT'S GOLD AND CAT'S SILVER IN MINERALOGICAL TERMINOLOGY**

This article is devoted to the Russian mineralogical terms *koshach'ye zoloto* 'cat's gold' and *koshach'ye serebro* 'cat's silver', which most often refer to mica of golden and silver shades respectively. These word collocations appeared in the Russian language in the second half of the 18th century as a result of loan translation of the German words *Katzengold* and *Katzensilber*. The authors trace the history of the use of these expressions both in Russian mineralogy and in Western European sources, and also reconstruct their motivation in German, coming to the conclusion that the first part of these expressions ('cat') points at the falsity of "gold" or "silver". The authors determine the reasons why the image of a cat in the source language is associated with the semantics of falsehood. The authors analyze the nature of cultural remotivation of these combinations in the Russian language, which consisted in obscuring their original connotations and creating a new connotative background after loan translation.

Keywords: mineralogical vocabulary, historical lexicology, loan translation, motivational reconstruction, cultural remotivation, cultural connotations

References

- Berezovich, E. L. (2007). *Yazyk i traditsionnaia kul'tura*. Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L. (2014). *Russkaia leksika na obshcheslavianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia*. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniuu i nauke.
- Berezovich, E. L., Demkina, I. T., & Spiridonov, D. V. (2020). Eshche raz ob imeni v svete problemy «Wörter und Sachen»: «mar'ino steklo» v russkom i zapadnoevropeiskikh yazykakh. *Voprosy onomastiki*, 17(2), 136–165.
- Kluge, Fr. (2002). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* (24 Aufl.). Berlin; New York: De Gruyter, 2002.
- Shvabauer, N. A. (2002). *Tipologiiia fantasticheskikh personazhei v fol'klore gorno-rabochikh Zapadnoi Evropy i Rossii* (doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.

Received on August 24, 2020

О. Ю. ЧУЙКОВА

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
oxana.chuykova@gmail.com, ochuikova@herzen.spb.ru

УПОТРЕБЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬНОГО ПАРТИТИВНОГО ПРИ РУССКИХ ГЛАГОЛАХ С ПРЕФИКСОМ *по-*: КОРПУСНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ*

Статья посвящена анализу особенностей употребления формы родительного партитивного и его соотношения с винительным падежом и количественными группами при русских перфективных глаголах с префиксом *по-*. *По-*глаголы представляют собой многочисленную группу, включающую лексемы с различными аспектуальными характеристиками, что делает интересным их рассмотрение с точки зрения соответствия традиционным представлениям о принципах употребления родительного партитивного. По Малому академическому словарю (МАС) определяется список глагольных лексем с вариативным управлением родительным и винительным падежами. Далее, на материале Национального корпуса русского языка проводится анализ средств выражения прямого дополнения при данных глаголах. В работе показано, что особенности функционирования родительного партитивного и конкурирующих средств оформления прямого дополнения объясняются не только грамматическим значением глагола, но и рядом аспектуальных и семантических признаков (способ действия, наличие накопительного соотношения и т. д.). Привлечение к анализу глагольных лексем, для которых в МАС не зафиксирована возможность управления родительным партитивным, а также использование в качестве дополнительного источника языкового материала русскоязычного сегмента сети Интернет позволяет оценить полноту отражения в МАС данных о возможной вариативности оформления прямого дополнения при *по-*глаголах.

Ключевые слова: русский язык, родительный партитивный падеж, совершенный вид, несовершенный вид, способы действия, накопительное соотношение

1. Предварительные замечания

В литературе не раз отмечалось сходство в употреблении именных групп, содержащих показатели меры и количества (*два яблока, стакан воды*), и родительного падежа с партитивной семантикой в позиции прямого дополнения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-60006 «Прямое дополнение и аспектуальные характеристики славянского глагола».

В работе А. Вежицкой [Wierzbicka 1967], посвященной проблематике глагольного вида в польском языке, среди прочего, ставится вопрос о причинах различной сочетаемости глаголов совершенного вида (далее — СВ) и несовершенного вида (далее — НСВ) с показателями меры и количества. Отмечается, что «существуют поразительные случаи взаимной зависимости между видом глагола и семантической структурой прямого объекта» [Ibid.: 2236]. В работе показано, что глагол НСВ не сочетается с именной группой, если она содержит указание на количество. Так, в польском языке невозможны предложения (1)–(2):

- (1) **On jadł wtedy miskę (łyżkę) kaszy.*
 ‘Он ел тогда тарелку (ложку) каши’
 (2) **On pił w tym momencie szklankę (trochę wody).*
 ‘Он пил в тот момент стакан воды (немного воды)’

В то же время, при употреблении в данных предложениях глагола СВ, они являются нормальными предложениями польского языка. На основании приведенных наблюдений А. Вежицкая делает вывод, что при определенных имперфективных глаголах прямое дополнение не допускает употребление показателя меры/количества, а при их перфективных коррелятах указание на меру/количество объекта является обязательным, даже если формально это никак не выражено, см. (3)–(4):

- (3) *On zjadł kaszę.*
 ‘Он съел кашу (= всю кашу)’
 (4) *On wypił mleko.*
 ‘Он выпил молоко (= все молоко)’

Таким образом, интерпретация одной и той же формы (винительного падежа) имени существительного при глаголах СВ и НСВ оказывается различной: в сочетании с НСВ она обозначает неограниченную сущность, в сочетании с глаголом СВ — ограниченную. Позднее к тем же самым выводам применительно к материалу славянских языков приходит современная теория аспектуальной композиции [Парти 1997; Татевосов 2011; 2015].

В свете рассмотренных выше вопросов в работе А. Вежицкой упоминается также партитивный генитив. Автор отмечает, что *genetivus partitivus* в польском языке допустим при глаголах СВ и невозможен при глаголах НСВ. Из приведенных рассуждений можно сделать вывод, что генитив в позиции прямого дополнения ведет себя подобно существительному с показателем меры/количества.

Русский глагол ведет себя по отношению к прямому дополнению очень сходным образом. Переводы на русский язык предложений (1)–(2) с глаголом НСВ, при котором в качестве прямого дополнения выступает количественная группа, выглядят не более приемлемо, чем их польские соответствия. Семантическая структура прямого дополнения при глаголе СВ также очень похожа на то, что наблюдается в польском языке. В связи с

данным обстоятельством многие отечественные исследователи вслед за А. Вежбицкой склонны связывать (см. [Падучева 1996: 182–190; Paducheva 1998]) или даже отождествлять (см. [Гловинская 2001: 249; Шатуновский 2009: 39]) свойства генитива и количественной группы, ср.: «партитив выражает идею ‘в некотором количестве’ так что дополнение, выраженное род. партитивным, как кажется, может быть поставлено в один ряд с количественными группами» [Падучева 1996: 183]. В примерах употребления глаголов СВ в сочетании с существительным в форме генитива (и их переводах на русский язык), приводимых А. Вежбицкой, замена генитива на имя с показателем меры/количества действительно допустима:

- (5) а. *Zjadłem sobie truskawek.*
б. *Я съел клубники* (/ ^{OK}немного / ^{OK}полкило / ^{OK}две миски клубники).
- (6) а. *Kupiłem chleba*
б. *Я купил хлеба* (/ ^{OK}немного / ^{OK}две буханки хлеба).

В то же время контексты употребления количественных групп и родительного партитивного не полностью тождественны. Так, в некоторых предложениях с глаголом НСВ, где недопустимо употребление генитива, возможно употребление количественной именной группы. В отличие от ситуаций, описывающих последовательное вовлечение объекта в ситуацию, см. (7), где объект представляет собой дистрибутивное (распределенное) множество [Падучева 1996: 185], или «накопитель эффекта» [Падучева 2004], при обозначении ситуаций с одновременным вовлечением объекта в ситуацию (собирательная множественность) не исключается употребление количественной группы, см. (8). При этом родительный падеж оказывается неприемлемым в обоих случаях.

- (7) **Я ел (ягод) клубники.* — **Я ел немного клубники.* — **Я ел две миски клубники.*
- (8) **Я варил яиц.* — ^{OK(?)}*Я варил несколько яиц.* — ^{OK}*Я варил два яйца.*

При глаголах СВ также не всегда наблюдается сходство в употреблении количественных групп и формы родительного партитивного. При глаголах с делимитативным префиксом *по-* невозможно употребление именных групп со значением определенного количества объекта, см. (9), что сближает данные глаголы с глаголами НСВ, см. (1)–(2) выше. В связи с этим следует отметить, что существует взгляд на русский делимитатив как на своеобразный способ «компенсации», расширения системы видового противопоставления на непредельные глаголы [Dickey 2006]. Делимитатив трактуется как перфективный глагол, представляющий собой своеобразное исключение в аспектуальной системе русского языка, демонстрирующее сочетаемостные особенности глагола НСВ [Татевосов 2011]. Однако, в отличие от глаголов НСВ, см. (1)–(2) и (7)–(8), делимитативы свободно сочетаются с родительным партитивным и показателями неопределенного количества, см. (10).

- (9) *Он попил стакан воды.
(10) ОК Он попил воды / немного воды.

Еще одной особенностью, отличающей делимитативные глаголы от других глаголов СВ, является семантическое соотношение родительного и винительного падежей. В приведенных выше примерах (3)–(4) и их переводах на русский язык винительный падеж указывает на полноту вовлечения объекта в ситуацию, в то время как родительный падеж указывает на неполный охват объекта, ограниченное или неопределенное количество. При делимитативных глаголах такое противопоставление родительного и винительного падежей отсутствует, что делает возможным их синонимию в определенных условиях:

- (11) Он попил воду/воды (в течение некоторого времени).

При дистрибутивной интерпретации (предполагающей полный охват объекта) глагола с префиксом *по-* возможно употребление кванторных слов *все*, *весь*, см. (12), которые используются при глаголах СВ и исключены при НСВ [Гловинская 1982: 137; Падучева 1996: 183].

- (12) а. Он попил всю воду из кувшина.
б. Он поел всю кашу.

Приведенные наблюдения делают интересным более подробное рассмотрение сочетаемостных особенностей русских глаголов с префиксом *по-*. Кроме того, можно предположить, что глаголы данной префиксальной группы могут вести себя неодинаково в отношении принципов выбора оформления прямого дополнения, поскольку глаголы с префиксом *по-* составляют весьма неоднородное множество, включающее в себя несколько способов действия (далее — СД)¹ (делимитативный, дистрибутивный, аттенуативный) и отличающееся высоким уровнем продуктивности.

В литературе, как правило, делается оговорка, согласно которой все упомянутые особенности глаголов НСВ относятся к их употреблениям в актуально-длительном значении [Wierzbicka 1967: 2236; Падучева 1996: 191]. Более того, рассмотренные глаголы НСВ являются в большинстве своем неизменяемыми имперфективами. Что касается вторичных имперфективов (НСВ2) и их употребления в тривиальном значении, то для них чаще всего констатируется наличие тех же свойств, что и у производящих глаголов СВ. Поскольку *по-*глаголы демонстрируют ряд особенностей имперфективации, отличающих данную группу от других префиксальных групп [Чуйкова 2020а], не исключено, что и вторичные имперфективы, об-

¹ В рамках настоящей статьи используется понимание способов глагольного действия, принятое в работе [Зализняк, Шмелев 2000: 104]: «Способами глагольного действия принято называть различные типы семантических модификаций глагола, выраженные определенными формальными средствами (приставками, суффиксами или их комбинацией)».

разованные от перфективных глаголов с префиксом *по-*, также демонстрируют нетривиальные особенности в отношении их сочетаемости с различными типами именных групп.

2. Материал и методика исследования

Для анализа сочетаемости глаголов с префиксом *по-* с различными типами именных групп (родительным партитивным, винительным падежом и количественными группами) была реализована следующая исследовательская процедура.

В первую очередь по Малому академическому словарю (далее — МАС) [Евгеньева (ред.) 1981–1984] методом сплошной выборки был получен список глагольных лексем с префиксом *по-*, для которых в рамках указанного словаря зафиксирована вариативность управления родительным и винительным падежами. Вариативность управления считается зафиксированной в МАС, если в словарном описании конкретной лексемы содержится прямое указание на падежные вопросы: *что и чего* — если глагол управляет неодушевленным объектом, *что и кого-чего* — если объект может быть как одушевленным, так и неодушевленным (в последнем случае при рассмотрении употреблений глагола в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) и рунете учитываются только примеры, для которых падеж прямого дополнения определяется однозначно, т. е. принимаются во внимание сочетания типа *пострелять дичи*, но не *пострелять уток*). За пределами рассмотрения оказываются глаголы, при которых использование родительного падежа не связано с партитивной семантикой и обусловлено значением корневой морфемы (*пожелать*, *поискать*, *попросить*, *потребовать* и т. д.), а также случаи употребления родительного падежа в отрицательных контекстах. Для каждого из глаголов, вошедших в список, по данным основного подкорпуса НКРЯ был составлен перечень и подсчитано количество зафиксированных употреблений с дополнением в форме родительного падежа, винительного падежа и с количественными группами. При наличии у глагола вторичного имперфектива, даже если последний является неконвенциональным, для него также анализировались средства выражения прямого дополнения.

Второй этап исследования был направлен на оценку полноты отражения в МАС способности перфективных глаголов с префиксом *по-* к вариативному (аккузативно-генитивному) управлению. Для решения указанной задачи был составлен список глаголов, для которых гипотетически предполагается возможное оформление прямого дополнения родительным падежом на основании их способности сочетаться с определенным кругом именных групп. Выражение партитивной семантики возможно в составе далеко не каждого существительного в русском языке. Указанное значение родительного падежа в подавляющем большинстве случаев реализуется

у существительных с отвлеченной и вещественной семантикой, а также у существительных в форме множественного числа. В работе, посвященной вопросам аспектуальной композиции, М. Крифка выделяет два класса именных групп, проводя границу между членами таких пар, как: *beer* ‘пиво’ и *a book* ‘книга’, *books* ‘книги’ и *five books* ‘пять книг’, *beer* ‘пиво’ и *a glass of beer* ‘стакан пива’ [Krifka 1989]. Первый член каждой пары, в отличие от второго, «обладает свойством использоваться кумулятивно» [Ibid.: 75]: если два множества могут быть обозначены одной и той же именной группой, то и взятые в совокупности эти множества могут быть названы той же именной группой. Выделенные два типа именных групп названы соответственно «кумулятивными» («cumulative») и «квантованными» («quantized»). Способность к употреблению в форме родительного падежа с партитивным значением характерна для кумулятивных именных групп.

Наконец, было принято решение проверить, не являются ли рассмотренные на предыдущих этапах исследования случаи употребления родительного падежа идиоматизированными, связанными с конкретными глагольными лексемами. Поскольку глаголы с префиксом *no-* представляют собой группу, характеризующуюся высокой степенью продуктивности, в завершение был осуществлен анализ некоторого количества не зафиксированных в МАС *no-*глаголов с точки зрения их способности к управлению родительным партитивным.

3. Анализ полученных результатов

В МАС зафиксировано 50 глагольных лексем, для которых отмечена возможность употребления в сочетании с прямым дополнением, выраженным родительным падежом с партитивной семантикой. Поскольку в литературе отмечалась релевантность признака последовательности/одновременности вовлечения объекта в ситуацию, в первую очередь все глаголы были разделены на описывающие ситуации с последовательным вовлечением объекта в ситуацию, или накопительным соотношением, что предполагает наличие связи между временной протяженностью и мерой вовлеченности объекта в ситуацию [Мелиг 2008: 563], и ситуации с одновременным вовлечением объекта в ситуацию (ситуации без накопительного соотношения). Далее проводилась более дробная классификация по аспектуальным (определялась отнесенность глагольных лексем к одному из морфемно характеризованных СД) и семантическим признакам. Следует отметить, что распределение по группам в некоторых случаях затруднено и носит несколько условный характер. Так, глаголы, не относящиеся к СД (обозначающие как ситуации с накопительным соотношением, так и без него), демонстрируют семантическое сходство, реферируя к ситуациям обработки или приготовления пищи. Таблица 1 демонстрирует полученное распределение глаголов по группам.

Таблица 1

Классификация глаголов с вариативным управлением (по МАС)

Класс	Глаголы, входящие в группу
<i>Ситуации с накопительным соотношением</i>	
<u>Глаголы делимитативного СД:</u> А. Ингестивные глаголы	<i>Поглодать, поглотать, поесть, пожевать, пожрать, поклевать, покурить, покушать, полакать, полопать, понюхать (×2), попить, поседать, похватать, похлевать, пощелкать</i>
Б. Неингестивные глаголы	<i>Покапать, поколоть, порвать (цветы), порубить (дрова), посбирать, пособирать, пострелять, потрусить</i>
<u>Глаголы аттенуативного СД</u>	<i>Посбавить, посбить, поубавить</i>
<u>Глаголы кумулятивно-дистрибутивного СД</u>	<i>Понабить, понабрать, понабросать, понавезти, понавести, понавешать, понагнать, понаделать, понанести, понаписать, понаставить, понастроить, понатаскать, понашить</i>
<u>Глаголы, не относящиеся к СД</u>	<i>Потереть, почистить, посыпать</i>
<i>Ситуации без накопительного соотношения</i>	<i>Пожарить, помолоть, посолить, посушить, потолочь</i>

Дальнейший анализ сочетаемости глаголов, для которых в МАС не отмечена возможность вариативного управления, а также некоторых глаголов, отсутствующих в МАС, не расширяет список обозначенных выше групп, но позволяет дополнить их, а также оценить полноту отражения данных о вариативности в рамках каждой из перечисленных групп в словаре.

Рассмотрим более подробно особенности употребления падежных форм и количественных групп при глаголах, относящихся к перечисленным в Таблице 1 классам (порядок изложения ниже соответствует последовательности групп глаголов в Таблице 1).

3.1. *Ситуации с накопительным соотношением*3.1.1. *Глаголы делимитативного СД*А. Ингестивные глаголы

Наиболее многочисленную группу среди глаголов с префиксом *по-*, демонстрирующих способность к управлению родительным партитивным, составляют ингестивные глаголы, представляющие собой семантическую группу, «ядром которой являются глаголы, описывающие употребление пищи, а также включающ[ую] и другие ситуации “потребления” агенсом объекта, выступающего в роли пациенса» [Шлуинский 2009: 30]. Приведем примеры:

- (13) *Они заехали в детское кафе поесть мороженого с фруктами, попить молочных коктейлей — в общем, оттянуться, пока мама не видит* (А. Житков. Кафедра (2000));
- (14) *Тут же, у кровати, они похлебали щей, поели ржаных колобушек* (А. Иванов. За рекой, за речкой (1982)).

В группу ингестивных глаголов вошли как глаголы, для которых семантика поглощения объекта является основной (например, *поесть, попить*), так и глаголы, для которых поглощение объекта не является единственной или основной интерпретацией (например, *пожевать, понюхать, покурить*). У последних, помимо ингестивного значения, в рамках вокабулы фиксируется также неингестивное значение, при котором не допускается вариативность управления, и в позиции прямого дополнения используется именная группа в форме винительного падежа.

В Таблице 2 приводятся данные о количественном распределении падежных форм при глаголах с ингестивной семантикой в основном подкорпусе НКРЯ, полученные путем сплошного ручного отбора корпусных примеров употребления глагольных лексем, для которых зафиксировано вариативное управление в МАС.

Таблица 2

Падежные формы при ингестивных глаголах в НКРЯ

Лексема	Род. падеж	Вин. падеж
<i>поглотать</i>	5	5
<i>поглотать</i>	18	9
<i>поесть</i>	722	124
<i>пожевать</i>	79	50
<i>пожрать</i>	12	7
<i>поклевать</i>	13	13
<i>покурить</i>	42	18
<i>покушать</i>	143	28
<i>полакать</i>	5	3
<i>полопать</i>	2	0
<i>понюхать</i> (1)	187	51
<i>понюхать</i> (2)	61	14
<i>попить</i>	1489	162
<i>поснедать</i>	1	0
<i>похлевать</i>	175	14
<i>поцелкать</i>	1	5

Как видно из Таблицы 2, для глаголов рассматриваемой группы в целом характерно преобладание случаев генитивного оформления прямого дополнения.

Наибольшее количество употреблений наблюдается для глаголов *поест* и *попить*, семантика которых, согласно приведенному выше определению, является прототипической для ингестивных глаголов. При большей общей частотности глагола *поест* (7250 вхождений) по сравнению с глаголом *попить* (2965 вхождений) в НКРЯ переходных употреблений глагола *поест* в сочетании с кумулятивным именем оказывается примерно в два раза меньше, чем *попить*, что может объясняться более высокой способностью к непереходному употреблению у глагола *поест* [Чуйкова 2016: 258]. Доля употреблений с формой родительного падежа при этом выше у глагола *попить*, что может быть связано с существующими различиями между самими ситуациями еды и питья. Как было отмечено в [Там же: 259], в процессе еды происходит преобразование и нарушение исходных границ дискретного объекта, а в процессе питья — только перемещение вещественного объекта. Дискретные объекты конечны и могут быть полностью исчерпаны, вещества же поддаются только количественному ограничению. Таким образом, глаголы со значением ‘есть’ оказываются более востребованными для обозначения предельных ситуаций, в отличие от глаголов со значением ‘пить’ [Newman 2009: 7]. Именно поэтому в ряде не учитываемых при подсчете употреблений *поест* в сочетании с винительным падежом может трактоваться как глагол дистрибутивного СД, при котором вариативность падежного управления невозможна, см. (15) (для *попить* подобное употребление менее характерно)².

- (15) *Теперь Управа печатала воззвания, чтобы каштаны использовали в пищу, объяснялось с научной точностью, сколько в них калорий, белков, крахмала. Каштаны мы давно поели* (А. Кузнецов. Бабий яр (1965–1970)).

В целом при количественном преобладании случаев употребления ингестивных глаголов с дополнением, оформленным родительным падежом, формы родительного и винительного падежей семантически не противопоставлены. При делимитативной трактовке глаголов, входящих в рассматриваемую группу, в НКРЯ обнаруживаются очень похожие контексты, где использованы разные падежные формы, замена которых не приводит к значительному семантическому сдвигу в высказывании.

² С указанными различиями между ситуациями еды и питья связаны особенности непереходных употреблений глаголов *поест* и *попить*. Как отмечено в [Чуйкова 2016: 258], при использовании без прямого объекта в подавляющем большинстве случаев для глагола *поест* наблюдается комплетивная интерпретация, а для глагола *попить* — делимитативная.

- (16) а. *На обратном пути зашли в кондитерскую и **поели пирожные*** (А. А. Аллендорф. Дневник (1906));
 б. *Там мы с Шеффель ходили по улицам, зашли в кондитерскую и с аппетитом **поели пирожных*** (Там же).

Что касается прочих средств выражения прямого дополнения при ингестивных глаголах с префиксом *по-*, за исключением кумулятивных именных групп в формах родительного и винительного падежей, то здесь можно отметить употребляемые в данной функции существительные, обозначающие единичный объект, и некоторые сочетания с количественными определителями. Единичный объект может выступать в позиции прямого дополнения при условии, что его поглощение занимает некоторый (относительно продолжительный) отрезок времени или объект может быть вовлечен в ситуацию повторно, см. (17). Сочетаемость с показателями меры и количества более или менее ограничивается примерами с неопределенными количественными группами, см. (18).

- (17) *В сенях **веник погложет**, на кухне хлеба ухватит, в огороде рассады съест, в саду кору с яблони сдерёт. Вот какая вороватая, озорная!* (Е. И. Чарушин. На нашем дворе (1946));
 (18) *После скудного завтрака, **поглотав немного снега**, чтобы утолить жажду, мы пошли снова за тигром* (В. К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня (1937)).

Рассмотрение имперфективных коррелятов ингестивных глаголов с префиксом *по-* с точки зрения их сочетаемости с родительным партитивным требует учитывать ряд особенностей. Во-первых, *по-*глаголы как префиксальная группа в целом характеризуются низким уровнем имперфективности по сравнению с другими префиксальными перфективами [Горбова, Чуйкова 2020; Чуйкова 2020а]. Все ингестивные глаголы с префиксом *по-*, перечисленные выше в Таблице 2, согласно МАС, являются непарными глаголами СВ. В то же время в литературе приводятся аргументы в пользу признания глаголов, относящихся к прерывисто-смягчительному СД, результатом имперфективации делимитативов [Пазельская, Татевосов 2008: 364; Федотов, Чуйкова 2013; Горбова 2019]. В таком случае можно считать входящими в видовые пары такие глаголы, как *поклевать* — *поклевывать*, *попить* — *попивать* (а также, например, *поглотать* — *погладывать* с НСВ, не зафиксированным в МАС). Несмотря на то, что для вторичных имперфективов, особенно при их употреблении в тривиальном значении как функциональной замены СВ в контекстах нейтрализации видового противопоставления, характерны те же особенности управления, что и для парных им перфективных глаголов (см., например, [Romanova 2006: 31]), при глаголах прерывисто-смягчительного СД наблюдаются лишь единичные случаи употребления родительного партитивного, как в примере (19). Возможно, наблюдаемые различия в управлении между глаголами прерывисто-смягчительного СД как НСВ2 от делимитативов и «про-

тотипическими» вторичными имперфективами (как, например, в парах *налить* — *наливать* (воды), *отпить* — *отпивать* (чаю)) объясняются особенностями семантического соотношения в видовой паре. В образованиях типа *попить* — *попивать* наблюдается композициональность семантики (где префикс *по-* несет значение делимитатива, а суффикс *-ыва/-ива-* — итеративную семантику). При этом в парах «делимитативный СД — прерывисто-смягчительный СД» не в полной мере удовлетворяют критерию видовой парности.

- (19) *Мама Маринина снова попивает портвейску, хотя меру все-таки знает, может, по Марининым молитвам* (М. Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние (2004)).

Прочие глаголы с ингестивной семантикой, не зафиксированные в МАС или зафиксированные, но без указания на возможную вариативность оформления прямого дополнения, также способны к управлению как винительным, так и родительным падежом. В НКРЯ обнаруживаются примеры употребления с формой родительного падежа таких глаголов, как *погрызть*, *покусать*, *полизать*, *пососать*, *поточить*, *потянуть*, *похлестать*, *почавкать*, *пощипать*. Как правило, для таких глаголов в МАС не только не отмечается возможность вариативного управления, но не фиксируется также ингестивное значение, при котором эта вариативность может быть реализована. Оформление прямого дополнения родительным падежом возможно также при глаголах, отсутствующих в МАС: *полужгать*, *похавать*, *похрумкать*, *похрункать*.

Б. Неингестивные глаголы

Для глаголов делимитативного СД, не являющихся ингестивными, данные о вариативности управления представлены в МАС весьма ограничено. Кроме того, в ряде случаев в зависимости от характеристик объекта глагол может интерпретироваться несколько по-разному: так, например, глагол *порубить* в сочетании *порубить дрова/дров* (примеры с генитивом есть в НКРЯ) реферирует к относительно протяженной во времени ситуации и может пониматься как делимитатив, в то время как в сочетании *порубить зелень/зелени* (примеры с генитивом обнаруживаются только в рунете) глагол скорее обозначает завершенное действие без указания на продолжительность — делимитативная трактовка затrudнена.

В Таблице 3 приведены данные о количественном распределении примеров с разными способами выражения прямого дополнения при неингестивных глаголах делимитативного СД.

Глаголы делимитативного СД, вошедшие в Таблицу 3, не демонстрируют единой тенденции выбора падежной формы прямого дополнения. Тем не менее отмеченная для этих лексем в МАС вариативность управления реализуется в полной мере — для всех рассмотренных глаголов в НКРЯ наблюдается сочетаемость как с винительным, так и с родительным падежом.

Таблица 3

Падежные формы при глаголах делимитативного СД в НКРЯ

Лексема	Род. падеж	Вин. падеж
<i>покапать</i>	1	1
<i>поколоть</i>	11	10
<i>порвать</i> (цветов)	4	1
<i>порубить</i> (дров)	7	3
<i>посбирать</i>	6	3
<i>пособирать</i>	12	18
<i>пострелять</i>	1	3
<i>потрусить</i>	4	2

Анализ сочетаемости делимитативных глаголов, для которых возможность вариативности не отмечена в МАС, показывает, что управление родительным падежом возможно (по данным употреблений в НКРЯ и рунете) практически для любого глагола делимитативного СД при условии, что прямое дополнение выражено кумулятивной именной группой и при этом наблюдается последовательное вовлечение объекта в ситуацию (в случае, если объект множественный, предполагается повторение ситуации, обозначаемой мотивирующим глаголом, с каждой единицей множества). Так, например, дополнение в форме родительного падежа фиксируется при следующих делимитативных глаголах: *побросать, поворошить, поглядеть, подергать, подиктовать, подолбить, поиграть, покидать, поковырять, поколотить, покопать, покосить, покрутить, полетить, полистать, половить, поломать, помакать, помурлыкать, поносить, поорать, пооткрывать, поपालить, попеть, попилить, пописать, поплевать, пополоскать, попортить, попудрить, попускать, пораскидывать, порешать, порисовать, порыть, посадить, посбивать, посбрасывать, послушать, посмотреть, поснимать, посовать, постричь, посшибать, потаскать, потолкать, потоптать, потравить, потрепать, потянуть, поубивать, поудить, поучить, похлопать, пошвырять, пошептать, пошить*. См., например, (20)–(21):

(20) *Ну, погуляли, попили, песен поиграли* ему, повеличили, опять угостил. (Г. И. Успенский. Кой про что (1885));

(21) *Я бы каких-нибудь забавных стихов подиктовала и задачек из Остера порешала.* (<https://conf.7ya.ru/fulltext-thread.aspx?cnf=Care7&trd=7953>).

Некоторые из перечисленных выше глаголов способны управлять дополнением в форме родительного падежа только при условии реализации не зафиксированного в МАС переносного значения, ср. (22)–(23):

- (22) *Но он, я так понимаю, хотел сделать релиз, а не пошуметь и **потолкать речи*** (<http://v3.protracker.fun/viewtopic.php?t=1130236&start=30>);
- (23) *Отсюда и «выжидательная позиция» — надо пока **постричь денег с граждан***. (https://www.banki.ru/forum/?PAGE_NAME=read&FID=35&TID=329138).

Также управление родительным падежом наблюдается у ряда отсутствующих в МАС глаголов: *повзрывать, повывозить, повыводить, повызгребать, повываждать, повывыказывать, подавать, позадавать, поисполнять, полуцить, понагонять понадувать, понаносить, понастраивать, понаходить, поотнимать, поперевадить, попридумывать, попринимать, поприносить, поскидывать, пофоткать, пофотографировать*. См., например, (24)–(25):

- (24) *Милое дело — пометать, **попридумывать историй**, поразмышлять что-было-бы-если-бы* (<http://aeda-music.blogspot.com/2016/05/blog-post.html>);
- (25) *Попринимал всяких **нейролептиков и антидепрессантов** и слез с них — жизнь с побочками от них это уже не жизнь* (<https://2ch.hk/b/arch/2019-03-16/res/193046024.html>).

В отличие от ингестивных глаголов, при которых предпочтителен выбор формы родительного падежа (включая случаи, когда для глагола возможность генитивного управления не отмечена или глагол отсутствует в МАС), при неингестивных глаголах делимитативного СД форма родительного падежа не является основным или предпочтительным средством оформления прямого дополнения. В употреблении ингестивных и неингестивных глаголов делимитативного СД наблюдается ряд различий. Во-первых, можно заметить, что в позиции прямого дополнения при ингестивных глаголах чаще используются вещественные существительные, в то время как при большинстве неингестивных глаголов делимитативного СД в позиции прямого дополнения наблюдается множественный объект. Вещественные имена характеризуются гомогенностью, необходимой для использования формы родительного партитивного, в силу свойств объектов, к которым они реферируют, в то время как для множества дискретных объектов гомогенность представляется результатом переосмысления, см. [Чуйкова 2014]³. Во-вторых, примеры употребления всех ингестивных глаголов, для которых была установлена сочетаемость с родительным партитивным, обнаруживаются в НКРЯ, в то время как для большинства неингестивных глаголов делимитативного СД источник примеров с родительным падежом — рунет.

³ Х. Р. Мелиг [2008: 563] использует применительно к таким именным группам понятие «вторичные накопители», поскольку они производны и вовлечены в ситуацию «временной дистрибутивности».

Как и в рассмотренных выше случаях употребления ингестивных глаголов, при неингестивных глаголах делимитативного СД не наблюдается выраженного противопоставления форм родительного и винительного падежей, благодаря чему возможна взаимная замена форм, не приводящая к существенному семантическому сдвигу, см., например, (26)–(27):

- (26) *И как-то вдруг решил я: пойду жить в монастырь, где устав построже, поживу-ка один, в келье, подумаю, **книг почитаю**...* (М. Горький. Исповедь (1908)) (^{OK}*книги почитаю*);
- (27) *Но когда выпадают свободные минуты, люблю постолярничать, повозиться в саду, **почитать интересные книги*** (Л. З. Зорин. Морская платформа судьбы Владимира Вовка (2004) // «Газовая промышленность», 2004.07.28) (*почитать интересных* ^{OK}*книг*).

Во всех приведенных выше примерах родительный падеж при глаголах делимитативного СД обозначает неопределенное, чаще всего небольшое количество. Также в исследуемом языковом материале встречаются случаи проявления у родительного партитивного семантики большого (оцениваемого как достаточное или чрезмерное) количества, см. (28)–(29). Такая трактовка падежной формы дополнения обусловлена интерпретацией глагольной лексемы, см. [Чуйкова 2020б: 88–89]: при глаголах делимитативного СД оценка количества вовлекаемого в ситуацию объекта как (достаточно) большого связана с семантикой делимитатива, реализуемой в сочетании с обстоятельствами накопленного эффекта, см. [Крекич 1989: 139; Петрухина 2012: 150; Федотов, Чуйкова 2016].

- (28) *Старуха эта, старая дева, вдоволь **почитала священных книг**, вдоволь их потолковала, толкует их она и сейчас и предсказывает скорый конец света* (Ю. Казаков. Нестор и Кир (1961));
- (29) *Оборона моста выше всяких похвал (бойцы выдержали даже психическую атаку Raven'a smile.gif), грамотное отступление и организация новых укреплений на холме (ух, и **порыть окопов** нам пришлось, даже НКВДэшников на это дело запрягли)* (<http://rpg.by/lofiversion/index.php?t7110.html>).

Между многими глаголами делимитативного СД, которые образуются только от глаголов НСВ (С. Г. Татевосов [2013: 49] определяет делимитативный префикс *по-* как селективно-ограниченный, т. е. присоединяемый исключительно к имперфективным основам), и отымперфективными глаголами дистрибутивного СД наблюдается формальное совпадение. При этом делимитативы и отымперфективные дистрибутивы демонстрируют различие, касающееся полноты охвата объекта (ср. похожую картину для глаголов аттенуативного СД и омонимичных им отперфективных глаголов дистрибутивного СД, см. п. 3.1.2 ниже). Множество объектов ситуации, обозначенной глаголом дистрибутивного СД, количественно определено и полностью вовлечено в ситуацию (ср. «[г]лаголы дистрибутивного способа

действия обозначают действие, затрагивающее все объекты из множества, названного прямым дополнением у переходных глаголов» [Зализняк, Шмелев 2000: 124]), в то время как при глаголе делимитативного СД, реферирующем к неопределяемой ситуации, не предполагается количественной определенности объекта и, следовательно, его полной вовлеченности в ситуацию. Употребление родительного партитивного, эксплицитно выражающего значение количественной неопределенности объекта, не допускается при глаголах дистрибутивного СД (исключение составляют глаголы кумулятивно-дистрибутивного СД, см. п. 3.1.3 ниже), поскольку партитивная семантика падежной формы противоречит значению глагола. Ср. (30)–(31):

- (30) *Кубики-то я во двор пошвыряла, пришлось идти их подбирать* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004))
(дистрибутивный СД);
- (31) *Я могу поорать в море, пошвырять камней, выплескивая негатив, а может быть, поплакать или просто помолчать* (<https://www.facebook.com/watch/?v=582025289060210>)
(делимитативный СД).

Для глаголов делимитативного СД и омонимичных им глаголов дистрибутивного СД характерна сочетаемость с различными типами количественных групп. Поскольку Таблица 3 не содержит достаточно данных о сочетаемости глаголов делимитативного СД, приведенное утверждение опирается на результаты дополнительного анализа употреблений глаголов в рунете, см. (32)–(33):

- (32) *Может, тебе нужно было бы пойти, пусть даже на полчаса, и пособирать немного маслин?* (https://books.google.ru/books?id=ok_SCwAAQBAJ)
(делимитативный СД);
- (33) *Он уложил уже ничего не соображавших собутыльников, подозвал Смили и велел ему пособирать все окурки, попутно уничтожая все улики ночного веселья* (<https://books.google.ru/books?id=62tGDwAAQBAJ>)
(дистрибутивный СД).

Все, что было сказано выше об употреблении имперфективных коррелятов ингестивных глаголов с делимитативной семантикой, относится также к неингестивным глаголам делимитативного СД. Несмотря на повышенный уровень имперфективируемости, который демонстрируют глаголы делимитативного СД по сравнению с аналогичными данными в целом для префиксальной группы *по-*глаголов [Горбова, Чуйкова 2020; Чуйкова 2020а], при глаголах прерывисто-смягчительного СД, рассматриваемых как имперфективные корреляты глаголов НСВ, не наблюдается регулярно использования родительного падежа как средства прямого дополнения. Единичные примеры употребления родительного партитивного при глаго-

лах делимитативного СД зафиксированы исключительно по данным рунета, см. (34):

- (34) ...к своему стыду..не смотрел этот..вне всякого сомнения «шедевр» кинематографа... однако **почитывал книжечек всяких**... (<https://forum-beta.sakh.com/96818/1841340/#reply-1841340>).

3.1.2. Глаголы аттенуативного СД

Аттенуативный способ действия представляет собой многочисленный класс (62 лексемы в МАС, см. [Горбова, Чуйкова 2020; Чуйкова 2020a]) в составе группы глаголов с префиксом *по-*. В подробной классификации способов глагольного действия, разработанной М. А. Шелякиным [2008: 141–167], указанный СД (с показателем *по-*) отсутствует. Согласно [Зализняк, Шмелев 2000: 120], глаголы аттенуативного (= смягчительного) СД образуются от приставочных глаголов СВ: *пообсохнуть*, *пораздумать*. Вариативность управления зафиксирована в МАС для трех переходных глаголов аттенуативного СД. Данные об их употреблении с различными средствами выражения прямого дополнения представлены в Таблице 4 ниже.

Таблица 4

Падежные формы при глаголах аттенуативного СД в НКРЯ

Лексема	Род. падеж	Вин. падеж
<i>посбавить</i>	14	1
<i>посбить</i>	6	5
<i>поубавить</i>	60	38

Таблица 4 демонстрирует преобладание форм родительного падежа в зафиксированных в НКРЯ случаях употребления глаголов аттенуативного СД с префиксом *по-*. При этом формы родительного и винительного падежей не противопоставлены, ср. примеры (35)–(36), где в обоих случаях замена падежной формы прямого дополнения не приводит к значимому семантическому сдвигу.

- (35) Однако последовавший затем спад и серия поражений несколько **поубавили энтузиазм** в рядах болельщиков (С. Козин. Старт дан // «Вечерняя Казань», 2003.01.04) (**поубавили** ^{OK}энтузиазма);
- (36) И для того **посоветуйте** этой каналье, чтоб она **тону-то поубавила** и чистосердечно призналась, кто заставил играть ее сию роль? (Э. Радзинский. Княжна Тараканова (1999)) (**поубавила** ^{OK}тон).

Для глаголов аттенуативного СД наблюдается омонимия с отперфективными глаголами дистрибутивного СД. Так, например, словарная статья

для *посбить* в МАС включает две лексемы: «1. Сбить всё, многое» и «2. (что и чего). Немного, несколько сбить». При глаголе дистрибутивного СД, предполагающего полный охват объекта, не допускается употребление прямого дополнения в форме родительного падежа, см. (37).

- (37) — *От-да-а-ай! Все одно замки пособием! Величественная старуха — мать Мишки Игнатенка, — сопя, пробилась к Давыдову, матерно выругалась, плюнула ему в лицо.* (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 1 (1932)).

Глаголы аттенуативного и дистрибутивного СД также ведут себя по-разному в отношении сочетаемости с количественными группами. Так, только для дистрибутивных глаголов характерна сочетаемость с количественными определителями *все, весь*, указывающими на полный охват объекта, см. (38).

- (38) *Только в этот раз царь-то ихний, хан, стало быть, и говорит: «Слава богу, есть у нас великолепный богатырь, не станем мы теперь девиц этому дураку, змею, отдавать: наш храбрый Ахмет с единого удара **все головы ему пособиет**»* (Г. И. Успенский. Кой про что (1885)).

При дальнейшем анализе сочетаемости глаголов аттенуативного СД и отперфективных глаголов дистрибутивного СД, для которых в МАС не отмечена возможность вариативного оформления прямого дополнения, обнаруживаются и другие случаи омонимии аттенуативов и дистрибутивов: *повыбить, поизносить, поиспортить, пообломать* (в МАС, как правило, для таких глаголов фиксируется одно значение: либо аттенуативное, либо дистрибутивное). При этом управление родительным падежом допустимо только для глаголов аттенуативного СД, см. (39)–(40):

- (39) *У себя дома все ставни закрыл — боится, что Галька **стёкла повыбьет*** (В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016)
(дистрибутивный СД);
- (40) *Я тебе устрою «без повода»! И тебе, и Рите заодно. Из неё тоже не мешало бы **командной пыли повыбить*** (<https://books.google.ru/books?id=4НУt1pEe6gwC>)
(аттенуативный СД).

Следует заметить, что не для всех отперфективных полипрефиксальных глаголов СВ возможна омонимия аттенуативного и дистрибутивного СД. Так, у приведенных выше в Таблице 3 глаголов *посбавить* и *поубавить* дистрибутивное значение не реализуется. То же самое касается глагола *попридержать*, в состав которого входит еще один аттенуативный префикс — *при-*. Можно предположить, что омонимия аттенуативного и дистрибутивного СД невозможна в тех случаях, когда то или иное значение

противоречит семантике корневой морфемы и/или входящих в состав глагола префиксов (помимо префикса *по-*).

Анализируемый языковой материал не позволяет сделать выводы о принципах оформления прямого дополнения при имперфективных коррелятах глаголов аттенуативного СД с префиксом *по-*. Согласно МАС, глаголы, составляющие данную группу, являются непарными глаголами СВ. Несмотря на то, что анализ употреблений в НКРЯ и рунете показывает, что для некоторых глаголов с аттенуативным *по-* имперфективация возможна [Горбова, Чуйкова 2020; Чуйкова 2020а], примеров употребления вторичных имперфективов от переходных аттенуативных глаголов, способных сочетаться с кумулятивными именными группами, не было обнаружено.

3.1.3. Глаголы кумулятивно-дистрибутивного способа действия

Глаголы кумулятивно-дистрибутивного способа действия [Зализняк, Шмелев 2000: 115] — группа перфективных глаголов, содержащих в своем составе кумулятивный префикс *на-*, поверх которого присоединяется дистрибутивный префикс *по-*. Данная группа характеризуется уникальными свойствами, отличающими ее как от глаголов дистрибутивного СД, предполагающих, как правило, предельность ситуации, конечность объекта и, как следствие, несочетаемость с родительным партитивным, так и от некоторых глаголов с кумулятивным префиксом *на-*, для которых значение большого количества объекта не является обязательным (*набрать*, *налить*, *насыпать* и др.).

Для всех без исключения глаголов кумулятивно-дистрибутивного СД в МАС зафиксирована сочетаемость с родительным падежом наряду с винительным, см. (41)–(42):

- (41) *Первая остановка у нас в Алжире была, нас там хорошо встретили, фруктов разных, апельсинов понавезли, гости приезжали, редактор коммунистической газеты целый день с нами провел, участник испанских боев, хороший человек, забыл только, как звали, чудно как-то* (Ю. Казаков. Белуха (1963–1972));
- (42) *Зайца какого-то на обложку присобачили, картинок нафотографировали, букв понаписали* (С. Мостовщиков. Начало // «Столица», 1997.10.13).

Для глаголов собственно дистрибутивного СД в целом нехарактерна сочетаемость с родительным партитивным в позиции прямого дополнения, поскольку семантика дистрибутивного СД предполагает полное вовлечение в ситуацию множественного объекта. В то же время префикс *по-* в таких глаголах, как *понабрать*, *понавезти*, *понастроить*, по всей видимости, должен рассматриваться как дистрибутивный, потому что глаголы кумулятивно-дистрибутивного СД удовлетворяют основным требованиям к дистрибутивам. Согласно классификации префиксов, предложенной в [Татеево-

сов 2013]⁴, дистрибутивный префикс *по-* определяется как левопериферийный, что предполагает следующее: 1) «Дистрибутивный *по-* не имеет ограничений на формальную (им)перфективность основы» [Там же: 39], 2) «Дистрибутивный *по-* присоединяется выше, чем показатель вторичного имперфектива *-ыва-*» [Там же: 40] и 3) «Дистрибутивный *по-*: имперфективация невозможна» [Там же: 41]. Все глаголы кумулятивно-дистрибутивного СД, приведенные в Таблице 1, являются отперфективными, т. е. образованы от основы СВ. Однако поиск по НКРЯ и рунету показывает, что глаголы с формально имперфективными основами также регулярно используются (хотя и менее частотны) в речи, см., например, (43)–(44). Таким образом, можно говорить об отсутствии ограничений на (им)перфективность основы для глаголов кумулятивно-дистрибутивного СД. То, что глаголы в примерах (43б) и (44б) трактуются как перфективные, подтверждает второе правило, согласно которому *по-* присоединяется выше имперфективирующего суффикса. Что касается третьего утверждения — о невозможности имперфективации дистрибутивов, — то можно обнаружить маргинальные примеры имперфективной трактовки глаголов с дистрибутивным *по-*, см. [Чуйкова 2020а: 169–170]. О возможности/невозможности имперфективации глаголов кумулятивно-дистрибутивного СД будет сказано ниже.

(43) **понабить** — **понабивать**

- а. — *Шурка Чмырев мне заорал. — Сinyaков понабьет — научится* (Г. Владимов. Три минуты молчания (1969));
 б. *Они понабивали себе шишки на лбах, водитель вывихнул плечо, но самое главное — на теле не было осколков* («Не повторяйте ошибок» // «Солдат удачи», 2004.05.05).

(44) **понаделать** — **понаделывать**

- а. *Ничего не успеваешь, или понаделал долгов, или в семье проблемы, или нет семьи — и это проблема* (Е. Гришковец. ОднорЕМенно (2004));
 б. — *Плохо, что дверь не можем запереть, — сказал Граната, оборачиваясь к оружию древних богов. — Забредут сюда эти жвачные и могут таких дел понаделывать* (<https://books.google.ru/books?id=E-ufDwAAQBAJ&printsec>).

Способность к управлению формой родительного падежа, по всей видимости, «наследуется» глаголами кумулятивно-дистрибутивного СД от глаголов с кумулятивным префиксом *на-*, для которых употребление с родительным партитивным постулируется в литературе как почти обязательное

⁴ Классификация внешних (в противопоставление внутренним, или лексическим) префиксов, предложенная С. Г. Татевосовым, также включает селективно-ограниченные (присоединяемые только к формально-имперфективным основам) и позиционно-ограниченные (присоединяемые не выше показателя вторичной имперфективации *-ыва-*(*-ива-*)).

[Зализняк, Шмелев 2000: 114; Шелякин 2008: 144; Romanova 2006: 30], при этом снимается требование полноты охвата объекта.

Количественное распределение примеров с формами родительного и винительного падежей при глаголах кумулятивно-дистрибутивного СД в основном подкорпусе НКРЯ отражено в Таблице 5.

Таблица 5

**Оформление прямого дополнения при глаголах
кумулятивно-дистрибутивного СД в НКРЯ**

Лексема	Род. падеж	Вин. падеж
<i>понабить</i>	1	0
<i>понабрать</i>	15	0
<i>понабросать</i>	4	0
<i>понавезти</i>	11	2
<i>понавести</i>	1	0
<i>понавешать</i>	0	0
<i>понагнать</i>	3	3
<i>понаделать</i>	64	21
<i>понанести</i>	1	2
<i>понаписать</i>	10	4
<i>понаставить</i>	33	7
<i>понастроить</i>	69	43
<i>понатаскать</i>	5	1
<i>понашить</i>	3	1

Как можно видеть из Таблицы 5, в целом при глаголах кумулятивно-дистрибутивного СД наблюдается количественное преобладание случаев оформления прямого дополнения родительным падежом (отклоняющийся от данной тенденции глагол *понанести* представлен в НКРЯ слишком малым количеством примеров, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что это распределение не является случайным).

Интерпретация родительного партитивного при глаголах кумулятивно-дистрибутивного СД, так же как и при глаголах кумулятивного СД, коррелирует с семантикой управляющей глагольной лексемы, а именно, данная форма указывает на большое или (с отрицательной коннотацией) чрезмерное количество объекта, см. (45)–(46)⁵.

⁵ Поскольку глаголы кумулятивно-дистрибутивного СД предполагают большое или чрезмерное количество объекта, разграничение в письменных текстах собственно партитивного значения генитива и специфических случаев эмфатического упо-

- (45) *В мае 1997-го Ельцин вынужден был публично признать, что «генералы разжирели и **понастроили дворцов»*** (В. Баранец. Генштаб без тайн. Книга 2 (1999));
- (46) *Иногда и такие: «**Понаставили каких-то стен, рекламы, киосков и аттракционов, за которыми не видно зверей»*** (О. Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003).

Употребление прямого дополнения в форме винительного падежа является менее предпочтительным, тем не менее, такие примеры фиксируются в НКРЯ, см., например, (47)–(48). Можно с осторожностью предположить, что винительный падеж, для которого позиция прямого дополнения является основной, используется в подобных случаях как нейтральное средство выражения прямого дополнения, в то время как родительный падеж эксплицитно задает количественную характеристику объекта. Наличие выраженного оценочного компонента, присутствующего в глаголах кумулятивно-дистрибутивного СД (как и собственно кумулятивного СД), влияет на интерпретацию нейтральной формы прямого объекта, что может объяснять причины отсутствия четкого семантического противопоставления родительного и винительного падежей.

- (47) *Я слышался много страшных рассказов о тамошнем летнем голоде, о том, как умирали взрослые и дети, а с осени **понавезли муки и продовольствие, задымили трубы столовок, и люди пошли с топорами и пилами в тайгу*** (С. М. Голицын. Записки уцелевшего (1980–1989));
- (48) *А отойдешь к другой бригаде, вернешься... Ай-яй-яй, что натворили: где надо копать — там оставлено, и наоборот; в минометной позиции вместо круглых ям **понаделали столики, а выкопано вокруг*** (С. М. Голицын. Записки беспогонника (1946–1976)).

Среди прочих именных групп, употребление которых фиксируется при глаголах кумулятивно-дистрибутивного СД в НКРЯ, что ожидаемо, отсутствуют именные группы, обозначающие единичный дискретный объект и определенное количество. С глаголами, относящимися к кумулятивно-дистрибутивному СД употребляются разнообразные количественные группы, указывающие на большое, но при этом неопределенное количество. В анализируемом материале встретились сочетания с кванторным наречием *много* и синонимичными выражениями: *много* (20 вхождений), *много-много*, *слишком много* (2 вхождения), *больно много*, *довольно много*, *множество* (6 вхождений), *великое множество*, *видимо-невидимо* (3 вхождения), *немало* и др.; с существительными *куча* (3 вхождения), *ворох*, *ряд*, *бездна*,

ребления данной падежной формы, характерного для разговорной речи (— *Только клепка! Вы б еще пять предложили... — А уж масла жрет... Фильтры? Ерунда!* (http://zhurnal.lib.ru/k/kuznecow_wladislav_arturovich/aagb.shtml)), затруднено и в рамках настоящего исследования последовательно не проводится.

гора; со счетными существительными *сотня(-и)*, *тысчонка*, *тысячи*, *с десяток*, *дюжина*; с числительными в контексте инверсии с аппроксимативной семантикой: *десятка два*, *мешков тридцать* и т. д. Наибольшее число примеров (22 вхождения) обнаружено с местоимением *сколько*, используемым, например, в восклицательных предложениях, см. (49).

- (49) — *Сколько бед понаделал! Он швыряет верёвку на пол и топчет ногами, как змею* (А. Дорофеев. Узелок на память // «Трамвай», 1990).

Отдельно следует обсудить вопрос о возможности имперфективации глаголов кумулятивно-дистрибутивного СД и, соответственно, о принципах оформления прямого дополнения при образованных таким способом имперфективных коррелятах. Как уже было сказано выше, в [Татевосов 2013] постулируется невозможность имперфективации дистрибутивных *по*-глаголов. Тем не менее систематический анализ имперфективируемости всех представленных в МАС перфективных лексем с префиксом *по*- с учетом употреблений, представленных в НКРЯ и русскоязычном сегменте сети Интернет, дает ненулевой результат для глаголов дистрибутивного СД [Чуйкова 2020а]. В связи с этим имеет смысл проанализировать случаи употребления глаголов с формально имперфективными основами и оценить возможность их интерпретации как глаголов НСВ. В НКРЯ таких примеров не обнаружено, однако полученные при поиске в интернете примеры (50)–(51) демонстрируют употребление глагола кумулятивно-дистрибутивного способа действия с имперфективной интерпретацией:

- (50) *Знакомые периодические **понатаскивают** из разных стран. В записе есть литовские литы серебряные, корейские воны, японские йены* (<https://pavon.kz/post/view/41855>);
- (51) *Сказано: спустаться вниз по Канатной к Карантинному молу. А будешь фыркать да **дырочек понадельвать**, кто тебе за место расскажет?* (<https://books.google.ru/books?id=xQNjDwAAQBAJ>).

Примеры (50)–(51) являются практически единственными обнаруженными случаями, где глагол кумулятивно-дистрибутивного СД однозначно трактуется как имперфектив. В целом на основании единичных употреблений кумулятивно-дистрибутивных глаголов с возможной имперфективной интерпретацией сложно сделать какие-то выводы о принципах выбора средств выражения прямого дополнения. Опираясь на полученные примеры, можно лишь предположить, что так же, как и при глаголах СВ, предпочтение отдается форме родительного падежа.

Рассмотрение возможных ограничений на образование глаголов кумулятивно-дистрибутивного СД — предмет отдельного исследования. В МАС зафиксировано всего 14 глаголов кумулятивно-дистрибутивного СД, в то время как перфективных глагольных лексем с кумулятивным префиксом *на-* (*набить*, *набросать*, *насовать* и т. д.), для которых словарь фиксирует

вариативное управление, насчитывается 372. Можно предположить, что список глаголов, относящихся к кумулятивно-дистрибутивному СД, является открытым, что подтверждается данными НКРЯ, где обнаруживаются примеры с такими не зафиксированными в словаре глаголами, как *понабирать* (*барахла*), *понавертеть*, *понавесить*, *понавыдумывать*, *понавязать*, *понагрести*, *понадергать*, *понакидать*, *понаклеить*, *понаковать*, *понакопать*, *понакупить*, *поналепить*, *поналить*, *поналожить*, *понаоткрывать*, *понапереть*, *понапихать*, *понапридумывать*, *понапринимать*, *понаприпереть*, *понапустить*, *понарасставить*, *понарожать*, *понарыть*, *понасажать*, *понасобирать*, *понасовать*, *понасочинить* *понатолкать*, *понатыкать*, *понацелить*, *понацелять*.

3.1.4. Глаголы СВ, не относящиеся к СД

Среди перфективных глаголов с префиксом *по-*, для которых в МАС зафиксировано вариативное управление, единичные лексемы не относятся ни к одному из глагольных способов действия. Данные о сочетаемости глаголов, входящих в эту группу, отражены в Таблице 6.

Таблица 6

Оформление прямого дополнения при глаголах, не относящихся к СД в НКРЯ

Лексема	Род. падеж	Вин. падеж
<i>потереть</i>	0	5
<i>почистить</i>	4	45

Как видно из Таблицы 6, в примерах, зафиксированных в НКРЯ, в позиции прямого дополнения при глаголах с префиксом *по-*, не относящихся к СД, в основном преобладает форма винительного падежа. При этом семантическое соотношение между формами родительного партитивного и винительного падежей соответствует традиционным представлениям о соотношении падежных форм при глаголах СВ, а именно, наблюдается противопоставление форм родительного и винительного падежей с точки зрения полноты/неполноты охвата объекта, количественной определенности/неопределенности.

- (52) *Потереть на терке морковь и порезать помидоры* (Фирменный рецепт // «Приазовский край», 2004.10.07);
- (53) *Вместо картофеля я посоветовала бы вам потереть моркови* (<http://otvet.expert/podskazhite-recept-kotlet-na-paru-takoe-blyudo-voobshe-sushestvuet-613575>).

Данную группу глаголов также отличает то, что объектом ситуации могут быть группы с количественными числительными, см. (54).

- (54) [Клепа, *nick*] 400 грамм творога 9 % (обычный взрослый), 3 столовых ложки манки, 2 яйца (куриных), щепотку соли, **потереть** на крупной терке 3–4 **банана** (А что ваш ребенок сегодня кушает? Для мам деток старше годика (форум) (2007)).

Вторичные имперфективы от глаголов СВ с интересующим нас лексическим значением не используются.

Список глаголов, относящихся к рассматриваемой группе, можно дополнить, например, лексемой *порезать*.

Особняком в списке глаголов с накопительным соотношением стоит глагол *посыпать*. Для данного глагола аккумулятивно-генитивное управление не является единственно возможным или основным. Подавляющее большинство употреблений в НКРЯ демонстрирует модель управления *⟨посыпать что-либо чем-либо⟩*. *Посыпать* — единственный глагол в выборке, для которого в МАС зафиксирован имперфективный коррелят, реализующий способность к генитивному управлению:

- (55) *Лазунка часто встает, шевелит угли костра да лопаткой **посыпает сырого песку**, чтоб хозяин не сжег сапоги...* (А. П. Чапыгин. Разин Степан (1927)).

Интересно, что близкий по значению глагол *полить* (с той разницей, что объект глагола *полить* — жидкости, а не сыпучие вещества), для которого в МАС не зафиксирована вариативность управления, демонстрирует похожие особенности употребления, а именно, сочетаемость с родительным падежом прямого дополнения, наблюдаемую как у СВ, так и у НСВ:

- (56) *С моего ложа я с любопытством наблюдал за тем, как он **полил воды** на руки (...)* (Ф. И. Шаляпин. Моим детям (1932));
- (57) *Сначала хозяйка всем **поливает воды** на руки, потом вытирают руки поочередно одним полотенцем* (<https://tina1934.livejournal.com>).

3.2. Ситуации без накопительного соотношения

Если во всех рассмотренных выше случаях наблюдается наличие связи между временной протяженностью и мерой вовлеченности объекта в ситуацию, то в таких сочетаниях, как *пожарить котлет* или *посоливать грибов*, объект не является «накопителем эффекта» (см. [Падучева 2004]), и связь между длительностью и количеством объекта отсутствует. С точки зрения лексической семантики глаголы, относящиеся к данной группе, составляют относительно однородное множество лексем, реферирующих к ситуациям приготовления или обработки пищи.

Основные особенности употребления средств выражения прямого дополнения сходны с теми, что были определены выше для глаголов с нако-

Таблица 7

**Оформление прямого дополнения при глаголах
без накопительного соотношения в НКРЯ**

Лексема	Род. падеж	Вин. падеж
<i>пожарить</i>	18	67
<i>помолоть</i>	0	1
<i>посолить</i>	3	7
<i>посушить</i>	2	1
<i>потолочь</i>	1	2

пительным соотношением, не относящихся к способам действия. Однако, в отличие от рассмотренных выше случаев, семантическое противопоставление связано не с количественными характеристиками объекта-накопителя, а с референциальным статусом именной группы: родительный падеж указывает на неопределенность объекта, ср. (57)–(58).

- (57) — *Горим! — Ты бы хоть картошки пожарил, — упрекнул я Юху. — А нет картошки. — Ну, сходи, принеси* (А. Богдан, Г. Прашкевич. Человек «Ч» (2001));
- (58) *Даша разогрела суп, сварила макароны, **пожарила котлеты** из готового фарша. А они сидели на стульях по стенкам, наблюдая за ее действиями и переговариваясь пустыми словами* (А. Славовский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010).

Так же как и для глаголов, относящихся к предыдущей группе, объектом ситуации могут быть именные группы, содержащие указание на конкретное количество, см. (59):

- (59) *Без спросу у хозяев он вдохновенно **пожарил три яйца**, на четвертое (последнее) покушаться не стал, торопливо проглотил содержимое сковородки и тихо вышел вон* (Д. Симонова. Случайное сердце (2002)).

Помимо глаголов, приведенных в Таблице 7, к этой группе можно отнести также некоторое количество лексем, для которых в МАС отсутствует указание на вариативность управления, однако примеры их употребления в сочетании с родительным падежом обнаруживаются в исследуемом языковом материале (как правило, в рунете). Как представляется, к группе глаголов, обозначающих способы приготовления или обработки пищи и характеризующихся вариативным управлением, относятся также глаголы *погреть*, *покоптить*, *покрасить (яйца/яиц)*, *помыть* (например, *овоци/овоцей*), *потушить*.

4. Заключение

Рассмотренный выше языковой материал позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся принципов оформления прямого дополнения при глаголах с префиксом *по-*. Основной задачей анализа была проверка применимости традиционных представлений об употреблении родительного партитивного в позиции прямого дополнения к русским глаголам с префиксом *по-*. Решение данной задачи связано с рассмотрением семантического соотношения родительного и винительного падежей, родительного падежа и количественных групп, а также принципов выбора средств оформления прямого дополнения при имперфективных коррелятах глаголов с установленной вариативностью управления.

Традиционное представление о соотношении форм родительного и винительного падежей в позиции прямого дополнения основано на употреблении падежных форм, например, при глаголе *съесть* (ср. *съесть кашу* vs. *съесть каши*), где формы родительного и винительного падежей противопоставлены. При глаголах с префиксом *по-*, относящихся к морфемно характеризованным способам действия (делимитативному, аттенуативному, кумулятивно-дистрибутивному), не наблюдается существенного семантического различия в употреблении падежных форм. Количественная интерпретация объекта (при описании ситуаций с накопительным соотношением) задается семантикой глагольной лексемы, при этом значение полного охвата объекта, реализуемое у формы винительного падежа, приводит к аспектуальной реинтерпретации, которая становится возможна при регулярной омонимии глаголов делимитативного СД и отымперфективных глаголов дистрибутивного СД, а также аттенуативного СД и отперфективных глаголов дистрибутивного СД. Семантическое противопоставление между формами родительного и винительного падежей наблюдается при глаголах, не относящихся к способам действия, при этом родительный падеж оказывается маркированной формой, указывающей на неопределенность или количественную ограниченность объекта.

В литературе высказывается мнение о наличии сходств в употреблении родительного партитивного и сочетаний с показателями меры и количества. При глаголах, относящихся к способам действия, возможно употребление ограниченного круга количественных групп. При глаголах делимитативного СД, как правило, возможно употребление неопределенных количественных групп, при глаголах кумулятивно-дистрибутивного СД — групп с семантикой большого (или чрезмерного) количества. Глаголы, не относящиеся к способам действия, употребляются с широким кругом именных групп, в том числе с конструкциями, содержащими количественные числительные. Таким образом, исследование позволяет уточнить представления о соотношении родительного партитивного и количественных групп, а также показывает, что выбор средства оформления прямого дополнения опирается не только на грамматическое значение глагольного

вида, но и на другие аспектуальные признаки, например принадлежность к способу действия.

Запрет на сочетаемость с родительным партитивным постулируется для глаголов НСВ, употребленных в актуально-длительном значении, в то время как для НСВ в тривиальном значении, т. е. в случаях, когда НСВ служит функциональной заменой СВ в контекстах нейтрализации, как утверждается в литературе, действуют те же правила выбора средств оформления выбора прямого дополнения, что и при СВ. Анализ употребления вторичных имперфективов, являющихся видовыми коррелятами перфективных *по*-глаголов, для которых зафиксирована вариативность управления, показывает, что в этом отношении глаголы с префиксом *по*- также демонстрируют ряд особенностей. Рассматриваемая префиксальная группа характеризуется общим низким уровнем имперфективируемости, в связи с чем для многих глаголов имперфективный коррелят отсутствует. В рамках префиксальной группы *по*-глаголов повышенный уровень имперфективируемости наблюдается для глаголов делимитативного СД, при условии объединения, вслед за рядом исследователей, глаголов делимитативного и прерывисто-смягчительного СД в видовые пары. Исследование показало, что глаголы делимитативного СД, для которых возможно употребление с прямым дополнением в форме родительного партитивного, составляют многочисленный и, по всей видимости, открытый класс. Тем не менее при глаголах прерывисто-смягчительного СД форма родительного падежа практически не встречается в НКРЯ и рунете, что может объясняться особенностями семантического противопоставления в паре «делимитативный СД — прерывисто-смягчительный СД».

Результатом исследования также является определение основных подгрупп в рамках префиксальной группы *по*-глаголов, способных к вариативному управлению. Было выявлено, что круг глагольных лексем, характеризующихся вариативным управлением, оказывается гораздо шире, чем это отражено в МАС: каждая из выделенных подгрупп может быть дополнена глаголами, для которых в МАС отсутствует указание на возможность генитивного оформления прямого дополнения. Самой многочисленной группой глаголов, сочетающихся с родительным партитивным по данным МАС, являются ингестивные глаголы, в то время как дополнительный анализ показывает, что наибольшее разнообразие лексем с вариативным управлением, не отмеченным в МАС, фиксируется в группах неингестивных глаголов делимитативного СД и глаголов кумулятивно-дистрибутивного СД.

С л о в а р и

МАС: Евгеньева (ред.) 1981–1984 — А. И. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas>.

Литература

- Гловинская 1982 — М. Я. Г л о в и н с к а я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Гловинская 2001 — М. Я. Г л о в и н с к а я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Азбуковник, 2001.
- Горбова 2019 — Е. В. Г о р б о в а. К ограничению на имперфективацию: имперфективируются ли русские глаголы перфективных способов действия? // Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика (ред.). Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 98–115.
- Горбова, Чуйкова 2020 — Е. В. Г о р б о в а, О. Ю. Ч у й к о в а. Способы действия русского глагола и вторичная имперфективация (на примере приставочных групп глаголов на *по-*, *про-*, *у-*) // Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 136–148.
- Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. З а л и з н я к, А. Д. Ш м е л е в. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Крекич 1989 — Й. К р е к и ч. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений. Budapest: Tankönyvkiadó, 1989.
- Мелиг 2008 — Х. Р. М е л и г. Взаимодействие между видом и «накопителями» в русском языке // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 562–593.
- Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 46–57.
- Пазельская, Татевосов 2008 — А. Г. П а з е л ь с к а я, С. Г. Т а т е в о с о в. Отглагольное имя и структура русского глагола // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (отв. ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 348–379.
- Парти 1997 — Б. П а р т и. Вид и интерпретация именных групп // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 3. М.: Изд во МГУ, 1997. С. 121–140.
- Петрухина 2012 — Е. В. П е т р у х и н а. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
- Татевосов 2011 — С. Г. Т а т е в о с о в. Интерпретация именных актантов и модальный анализ перфективности // Н. Н. Казанский, Д. В. Герасимов (ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2011. С. 478–486.
- Татевосов 2013 — С. Г. Т а т е в о с о в. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола) // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42–89.
- Татевосов 2015 — С. Г. Т а т е в о с о в. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Федотов, Чуйкова 2013 — М. Л. Ф е д о т о в, О. Ю. Ч у й к о в а. К определению аспектуального значения лимитатива и вопросу об особенностях «делимитативной»

деривации русского глагола // Е. И. Грехова (ред.). Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию проф. Ю. С. Маслова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2013. С. 153–203.

Федотов, Чуйкова 2016 — М. Л. Ф е д о т о в, О. Ю. Ч у й к о в а. Русские делимитативные предикаты и семантика перфекта // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XII. Ч. 2. СПб.: Наука, 2016. С. 67–83.

Чуйкова 2014 — О. Ю. Чуйкова. Имена и глагольные предикаты: элементы сходства и вопросы взаимодействия // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. X. Ч. 2. СПб.: Наука, 2014. С. 414–442.

Чуйкова 2016 — О. Ю. Ч у й к о в а. «Ингестивные» глаголы в русском языке: некоторые наблюдения // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. XII. Ч. 1. СПб.: Наука, 2016. С. 251–263.

Чуйкова 2020а — О. Ю. Ч у й к о в а. Об особенностях вторичной имперфективации глаголов с префиксом *по-* в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 17–20 июня 2020 г.). Вып. 19 (26). 2020. С. 160–176.

Чуйкова 2020б — О. Ю. Ч у й к о в а. К вопросу о взаимодействии глагольного вида и падежа прямого дополнения в русском языке // Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 81–93.

Шатуновский 2009 — И. Б. Ш а т у н о в с к и й. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009.

Шелякин 2008 — М. А. Ш е л я к и н. Категория аспектуальности русского глагола. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Шлуинский 2009 — А. Б. Ш л у и н с к и й. Бивербальные конструкции и их лексические ограничения // С. Г. Татевосов (ред.). Тубаларские этюды. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 6–53.

Dickey 2006 — S. M. D i c k e y. Aspectual pairs, goal orientation and PO-delimitatives in Russian // Glossos. Issue 7. Spring 2006. URL: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/7/dickey.pdf>.

Krifka 1989 — M. K r i f k a. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // R. Bartsch et al. (eds.). Semantics and Contextual Expressions. Dordrecht: Foris, 1989. P. 75–115.

Newman 2009 — J. N e w m a n. A cross-linguistic overview of ‘eat’ and ‘drink’ // J. Newman (ed.). The linguistics of eating and drinking. [Typological Studies in Language 84]. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009. P. 1–26.

Paducheva 1998 — E. V. P a d u c h e v a. On non-compatibility of Partitive and Imperfective in Russian // Theoretical linguistics. Vol. 24. № 1. 1998. P. 73–82.

Romanova 2006 — E. R o m a n o v a. Constructing Perfectivity in Russian. Ph.D. dissertation, University of Tromsø. Tromsø, 2006.

Wierzbicka 1967 — A. W i e r z b i c k a. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honor Roman Jakobson. The Hague, Paris: Mouton, 1967. P. 2231–2249.

Oksana Iu. Chuikova

Herzen State Pedagogical University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

oxana.chuikova@gmail.com, ochuikova@herzen.spb.ru

THE USE OF GENITIVE PARTITIVE WITH RUSSIAN *PO*-VERBS: CORPUS OBSERVATIONS

This paper analyses the use of the partitive genitive case and its distribution with respect to the accusative and quantitative phrases dependent on Russian perfective verbs with the prefix *po-*. *Po*-verbs are a numerous prefixal group comprising lexemes that vary in their aspectual characteristics, which makes it interesting to examine whether they stand in accord with the traditional viewpoint on the principles of the use of the partitive genitive. A list of verbs with variable (accusative or genitive) government was compiled on the basis of the Shorter Russian Academic Dictionary. Then, based on the Russian National Corpus, various means of marking the direct object of these verbs were analysed. It is shown that the use of the partitive genitive and rival means of direct object marking is dependent on a set of aspectual and semantic characteristics, such as Aktionsarten, incremental relation, etc., rather than grammatical aspect. A number of verbal lexemes whose compatibility with the partitive genitive is not registered in the Dictionary are included into the analysis, and the Russian-speaking segment of the Internet is used as an additional source of data, which helps estimate the completeness of the dictionary data on possible variation in the marking of the object of *po*-verbs.

Keywords: Russian language, partitive genitive case, perfective aspect, imperfective aspect, Aktionsarten, incremental relation

References

Chuikova, O. Yu. (2014). Imena i glagol'nye predikaty: elementy skhodstva i voprosy vzaimodeistviia. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniï*, 10(2), 414–442.

Chuikova, O. Yu. (2016). «Ingestivnye» glagoly v russkom yazyke: nekotorye nabliudeniia. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniï*, 12(1), 251–263.

Chuikova, O. Yu. (2020). Ob osobennostiakh vtorichnoi imperfektivatsii glagolov s prefiksom *po-* v russkom yazyke. In V. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Moskva, 17–20 iunïa 2020 g.)*. (Vol. 19, pp. 160–176). Moscow: RGGU.

Chuikova, O. Yu. (2020a). K voprosu o vzaimodeistvii glagol'nogo vida i padezha priamogo dopolneniia v russkom yazyke. In E. V. Gorbova (Ed.), *Vzaimodeistvie aspekta so smezhnymi kategoriiami. Materialy VII Mezhdunarodnoi konferentsii Komisii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov (Sankt-Peterburg, 5–8 maia 2020 g.)* (pp. 81–93). St Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena.

Dickey, S. M. (2006). Aspectual pairs, goal orientation and PO-delimitatives in Russian. *Glossos*, 7. Retrieved from <http://www.seelrc.org/glossos/issues/7/dickey.pdf>

Fedotov, M. L., & Chuikova, O. Yu. (2013). K opredeleniiu aspektual'nogo znachenii limitativa i voprosu ob osobennostiakh «delimitativnoi» derivatsii russkogo glagola. In E. I. Grekhova (Ed.), *Iz proshlogo v budushchee. Sbornik statei i vospominanii*

k 100-letiiu prof. Yu. S. Maslova (pp. 153–203). St Petersburg: Izd-vo Sankt Peterburgskogo un-ta.

Fedotov, M. L., & Chuikova, O. Yu. (2016). Russkie delimitativnye predikaty i semantika perfekta. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovaniĭ*, 12(2), 67–83.

Glovinskaia, M. Ya. (1982). *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola*. Moscow: Nauka.

Glovinskaia, M. Ya. (2001). *Mnogoznachnost' i sinonimii v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola*. Moscow: Azbukovnik.

Gorbova, E. V. (2019). K ogranicheniiu na imperfektivatsiiu: imperfektiviruiusia li russkie glagoly perfektivnykh sposobov deistviia? In D. V. Gerasimov, S. Yu. Dmitrenko, & N. M. Zaika (Eds.), *Sbornik statei k 85-letiiu V. S. Khrakovskogo* (pp. 98–115). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Gorbova, E. V., & Chuikova, O. Yu. (2020). Spособы deistviia russkogo glagola i vtorichnaia imperfektivatsiia (na primere pristavochnykh grupp glagolov na *po-*, *pro-*, *u-*). In E. V. Gorbova (Ed.), *Vzaimodeistvie aspekta so smezhnymi kategoriiami. Materialy VII Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov* (pp. 136–148). St Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena.

Krekich, I. (1989). *Semantika i pragmatika vremenno-predel'nykh glagolov. Izmeneniia znachenii*. Budapest: Tankönyvkiadó.

Krifka, M. (1989). Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. In R. Bartsch et al. (Ed.), *Semantics and contextual expressions* (pp. 75–115). Dordrecht: Foris.

Mehlig, H. R. (2008). Vzaimodeistvie mezhdu vidom i «nakopiteliami» v russskom yazyke. In R. I. Rozina, & G. I. Kustova (Eds.), *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst: Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi* (pp. 562–593). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Newman, J. (2009). A cross-linguistic overview of 'eat' and 'drink'. In J. Newman (Ed.), *The linguistics of eating and drinking* (pp. 1–26). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovaniia: Semantika vremeni i vida v russskom yazyke. Semantika narrativa*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Paducheva, E. V. (1998). On non-compatibility of partitive and imperfective in Russian. *Theoretical linguistics*, 24(1), 73–82.

Paducheva, E. V. (2004). «Nakopitel' efekta» i russskaia aspektologiiia. *Voprosy yazykoznaniiia*, 5, 46–57.

Parti, B. (1997). Vid i interpretatsiia imennykh grupp. In M. Yu. Chertkova (Ed.), *Trudy aspektologicheskogo seminara filologicheskogo fakul'teta MGU* (Vol. 3, pp. 121–140). Moscow: Izd vo MGU.

Pazel'skaia, A. G., & Tatevosov, S. G. (2008). Otlagol'noe imia i struktura russkogo glagola. In V. A. Plungian, & S. G. Tatevosov (Eds.), *Issledovaniia po glagol'noi derivatsii* (pp. 348–379). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Petrukhina, E. V. (2012). *Aspektual'nye kategorii glagola v russskom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami*. 2nd ed. Moscow: LIBROKOM.

Romanova, E. (2006). *Constructing perfectivity in Russian* (doctoral dissertation). University of Tromsø, Tromsø.

Shatunovskii, I. B. (2009). *Problemy russkogo vida*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Shelyakin, M. A. (2008). *Kategoriia aspektual'nosti russkogo glagola*. Moscow: Izdatel'stvo LKI.

Shluinsky, A. B. (2009). Biverbal'nye konstruksii i ikh leksicheskie ograniceniia. In S. G. Tatevosov (Ed.), *Tubalarskie etiudy* (pp. 6–53). Moscow: IMLI RAN.

Tatevosov, S. G. (2011). Interpretatsiia imennykh aktantov i modal'nyi analiz perfektivnosti. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanii RAN*, 7(3), 478–486.

Tatevosov, S. G. (2013). Mnozhestvennaia prefiksatsiia i ee sledstviia (Zametki o fiziologii russkogo glagola). *Voprosy yazykoznanii*, 3, 42–89.

Tatevosov, S. G. (2015). *Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiia*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Wierzbicka, A. (1967). On the semantics of the verbal aspect in Polish. In *To honor Roman Jakobson* (pp. 2231–2249). Paris: Mouton.

Zaliznyak, Anna A., & Shmelev, A. D. (2000). *Vvedenie v russkuiu aspektologiu*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Received on August 1, 2020

П. В. ДУРЯГИН

Университет Венеции Ка' Фоскари
(Венеция, Италия)
pavel.duryagin@unive.it

ИНТОНАЦИЯ ЧАСТНОГО ВОПРОСА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ ВАРИАТИВНОСТИ*

В статье представлены результаты экспериментального исследования просодии частновопросительных предложений, проведенного на материале записей чтения диалогических текстов двадцатью носителями русского языка. Данные эксперимента в целом подтверждают имеющиеся в литературе сведения о вариативности интонационного оформления русских частных вопросов. На основе результатов инструментального анализа были выделены основные типы тональных конфигураций: три «нисходящих» контура, которые различаются наличием и характером предъядерных акцентов и соответствуют вариантам контуров ИК-2 и ИК-5, выделенных в модели Е. А. Брызгуновой, и один «восходящий» контур, который соответствует ИК-4 традиционного описания. Для каждой конфигурации акцентов была предложена предварительная дискретная фонологическая интерпретация в рамках автосегментной метрической модели интонации. В ходе эксперимента было также исследовано влияние на выбор тональной конфигурации двух факторов: типа фокуса и наличия во фразе инициальной частицы *a*. Обнаружен значимый эффект обеих переменных: если корректирующий контрастный фокус ограничивал использование контура с высоким пограничным тоном (в разной степени в зависимости от того, какое слово является носителем фокуса), то при наличии частицы *a* участники эксперимента, напротив, значительно чаще выбирали «восходящую» конфигурацию.

Ключевые слова: фонетика, интонация, частный вопрос, вариативность, фокус

1. Введение

Внутриязыковая вариативность просодии частновопросительных предложений зафиксирована в описаниях большого количества языков [Ladd 2008: 226–230]. Одно из вероятных объяснений типологической распространенности этого явления следующее: поскольку иллокутивная цель ча-

* Статья подготовлена в рамках проекта Dipartimento di Eccellenza, осуществляемого на факультете лингвистики и сравнительной культурологии Университета Венеции Ка' Фоскари. Автор выражает глубокую благодарность анонимным рецензентам журнала за ценные советы и замечания, а также участникам эксперимента за помощь в его проведении.

стного вопроса в данных языках обычно маркируется лексически и синтаксически (наличием местоименного слова и его позицией во фразе), доступные просодические средства дают говорящему возможность кодировать иные лингвистические элементы значения [Naan 2001: 116–117], в частности связанные с информационной структурой и прагматическими аспектами высказывания.

Определить характер взаимосвязи между вариантами просодического оформления частных вопросов и их функциями позволяют методы экспериментальной фонетики. Так, одним из примеров изучения прагматики интонационных средств в специальном вопросе является серия экспериментов на материале греческого языка [Gryllia et al. 2018; 2019; Baltazani et al. 2020]. Согласно данным этих исследований, в греческих частновпросительных предложениях используются две тональные конфигурации: с повышением и без повышения частоты основного тона (далее — ЧОТ) на последнем слоге фразы, которые в фонологической транскрипции GRToBI, разработанной для описания интонации греческого языка [Arvaniti, Baltazani 2005], обозначаются как L^*+H L -!H% и $L+H^*$ L -L% соответственно. Данные перцептивных экспериментов указывают на то, что носители греческого языка чаще воспринимают фразы, произнесенные с повышением тона на последнем слоге, как собственно вопросительные, а фразы без повышения тона, напротив, как экспрессивно окрашенные вопросы, не требующие ответа¹. При этом участники эксперимента воспринимали вопросы с повышением тона на последнем слоге как более вежливые.

К проблеме вариативности обращались авторы исследований на материале германских языков, в которых частный вопрос также может оформляться как с повышением тона на последнем слоге фразы, так и с отсутствием такого движения ЧОТ. Согласно данным корпусных исследований, выбор контура в английском может быть связан с личностью говорящего [Hirschberg 1989], методом элицитации (чтение вслух или спонтанная диалогическая речь [Hirschberg 2000]), элементами информационной структуры предложения [Hedberg, Sosa 2002; Hedberg et al. 2004]. Корпусное исследование на материале нидерландского языка [Chen 2012] показало, что

¹ Отдельную трудность при анализе частновпросительных предложений представляет проведение границы между собственно вопросительными предложениями и прочими типами фраз (риторическими вопросами, переспросами, восклицаниями с местоименными словами). Так, авторы цитируемых исследований на материале греческого языка отмечают, что изучаемые ими вопросы хотя и не требуют ответа, не являются риторическими; к риторическим они относят только вопросы, «ответ на которые очевиден и известен как говорящему, так и слушающему» ([Baltazani et al. 2020: 61]; перевод наш. — П. Д.). В настоящей работе мы старались избегать потенциально неоднозначных контекстов и рассматривали только собственно вопросительные предложения в узком смысле, т. е. вопросы, «отражающие полную неосведомленность говорящего» [Брызгунова 1980б: 394] и предполагающие его желание получить ответ.

наличие или отсутствие тонального акцента² на вопросительном слове и следующих за ним словах может быть связано, помимо информационной структуры фразы, с тем, к какой категории относится вопросительное местоимение (слово *waarom* ‘почему’ значительно чаще оказывалось выделено просодически, чем *wat* ‘что’). В работе также были выделены возможные прагматические функции позиции тонального акцента во фразе, в частности выражение заинтересованности говорящего. Недавнее исследование на материале немецкого языка [Repp 2019] также демонстрирует, что частно-вопросительные предложения обладают существенно большей просодической вариативностью по сравнению с идентичными им по сегментному составу восклицаниями. Автором работы был обнаружен значимый эффект индивидуальных характеристик говорящего (не связанный с полом информантов), а также зависимость контура частного вопроса от характеристики входящих в него слов по параметру данное/новое.

Наконец, в качестве примера из романских языков можно привести работу [Sosa 2003], в которой был проведен сравнительный анализ распределения вариантов тонального оформления частных вопросов в четырех латиноамериканских диалектах испанского языка. В работе также отмечается роль информационной структуры предложения, кроме того, делается вывод о том, что важнейшим прагматическим фактором, влияющим на выбор контура, является то, какого ответа говорящий ожидает от собеседника: содержащего новую информацию либо же подтверждающего уже имеющуюся в контексте.

Аналогичные экспериментальные исследования на материале русского языка ранее не проводились. Несмотря на то что вариативность интонации русских частных вопросов зафиксирована в большинстве существующих описаний, данные о статусе и функциях мелодических контуров, используемых в этом типе высказываний, противоречивы. Так, в модели Е. А. Брызгуновой начиная с ранних ее версий контур с падением тона на вопросительном слове характеризовался как основной способ оформления частного вопроса, однако при этом отмечалась возможность «передвижения логического ударения» и его дублирования для выражения «смысловых оттенков» [Брызгунова 1963: 255–258]. Впоследствии в модели укрепилась идея о том, что вариант оформления частного вопроса с падением тона на вопросительном слове является немаркированным, а передвижение центра интонационной конструкции выступает в качестве средства выражения «смыслового выделения или противопоставления» [Брызгунова 1980а: 111].

² В настоящей работе термин *тональный акцент* употребляется для передачи англоязычного термина *pitch accent*, используемого в автосегментной метрической модели интонации. В русскоязычной литературе в сходной функции используются термины *интонационный центр*, *фразовое ударение*, *акцент*. См. обсуждение этих терминов в [Николаева 1982: 7–12; Оде 2007; Янко 2008: 29].

В работах Е. А. Брызгуновой также зафиксированы иные способы интонационного оформления русского частного вопроса. В частности, отмечается, что при выражении вопроса, «который связан сопоставительными отношениями с предыдущим предложением», а также «в вопросах, следующих друг за другом», может использоваться нисходяще-восходящий контур, получивший в модели Е. А. Брызгуновой название «четвертой интонационной конструкции», или ИК-4. Отдельно утверждается, что ИК-4 в частных вопросах «усиливает (...) оттенки недовольства и назидания» [Там же: 114], выражает «назидание или недовольство при вопросе», «оттенок неудовольствия» [Брызгунова 1980б: 234]. В рамках настоящей работы важно отметить, что в качестве примеров «назидательного» вопроса приводятся только фразы с центром ИК-4 на вопросительном слове (*Почему⁴ ты пришла так поздно?*; цифрой в примере обозначен гласный просодически выделенного слога — центра ИК). Имеют ли аналогичную характеристику частные вопросы с центром ИК-4 на других словах фразы, не обсуждается, однако указание на наличие этой функции только у вопросов с центром на местоимении обнаруживается в [Там же: 401].

Наконец, согласно данным Е. А. Брызгуновой, еще одним маркированным средством интонационного оформления частного вопроса является ИК-5 (контур, содержащий два тональных акцента, восходящий и нисходящий, соединенные ровным высоким тоном). Для этой мелодии в частном вопросе предлагается функция «выражения нетерпения, досады»: *Когда⁵ же он прие⁵дет?* [Брызгунова 1980а: 116].

Утверждения о немаркированном характере контура с падением тона (ИК-2) на вопросительном местоимении и деакцентуацией следующих за ним слов частного вопроса оспаривались в независимых от системы Е. А. Брызгуновой описаниях русской интонации. Так, Н. Д. Светозарова, отмечая дискуссионность вопроса, указывает, что такая конфигурация является более редкой по сравнению с контуром ИК-5 [Svetozarova 1998: 272]. Неоднократно обращался к проблеме вариативности интонации частного вопроса С. В. Кодзасов. Если в работе [Кодзасов 1985] контур с падением тона на вопросительном слове характеризуется как немаркированный («вопросительное местоимение, как правило, несет нейтральный нисходящий акцент», цит. по [Кодзасов 2009: 180]), то начиная с текстов 1990-х гг. «обычным» контуром специального вопроса последовательно называется «шляпная» конструкция ИК-5 [Кодзасов 1996: 96].

С. В. Кодзасов выделяет ряд факторов, которые, по его наблюдениям, обуславливают выбор носителями языка тех или иных вариантов просодического оформления частного вопроса. Так, в [Кодзасов 1996] падение тона на вопросительном слове связывается с актуальным членением предложения: деакцентуация слов, следующих за вопросительным местоимением, возможна, если они «актуализованы» в левом контексте. Там же выделяются фонетические средства маркирования «экзаменационного вопроса»: усиление интенсивности и интервала падения тона на вопросительном

слове. В [Кодзасов 2009] подробнее рассматривается тема-рематическая структура русского частного вопроса: согласно представленному в работе анализу, «ремой специальных вопросов является вопросительное местоимение, находящееся обычно в начале предложения, а новая тема помещается в конце» [Там же: 108–109]. Таким образом, утверждается, что частный вопрос в нормальном случае содержит два тональных акцента: один маркирует рему, а другой — тему. Если второй акцент всегда нисходящий, то выбор акцента на вопросительном слове может быть обусловлен позицией говорящего: занимая доминирующее положение, он может использовать нисходящее движение тона на вопросительном слове вместо восходящего, в результате чего «шляпная» конструкция трансформируется в контур с двумя падениями тона. Что касается контура ИК-4, то, как и Е. А. Брызгунова, С. В. Кодзасов допускает его использование в частном вопросе только в цепочке реплик; согласно его анализу, высокий пограничный тон имеет функцию «показателя текстовой связности (ожидания продолжения текста)» [Там же: 108].

Близкий к перечисленным выше работам анализ вариативности просодии частных вопросов представлен в [Янко 2008: 177], где выбор вопросительного слова в качестве акцентоносителя связывается со значениями сетования или упрека, в то время как в нейтральном частном вопросе носителем фразового акцента выступает одно из слов, следующих за местоимением.

Таким образом, существующие описания русской интонации демонстрируют, с одной стороны, отказ от утверждения о немаркированном характере контура с единственным нисходящим фразовым акцентом, реализующимся на вопросительном слове, и, с другой стороны, попытки предложить функциональную интерпретацию вариативности контуров частновопросительных предложений. Безусловно, в отсутствие эмпирических данных такие интерпретации должны приниматься с осторожностью.

Экспериментальные исследования русской интонации последних двух десятилетий уделяли частным вопросам значительно меньше внимания по сравнению с различными типами невопросительных предложений и общими вопросами [Makarova 2001; 2007; Rathcke 2006; 2013; 2017; Meyer, Mleinek 2006]. Данные о вариативности просодии частных вопросов отсутствуют также в анализе русской интонации, представленном в работах С. Оде. Если в первом варианте модели, предложенном в [Odé 1989], не ставилась цель функциональной интерпретации контуров, выделенных на основании принципа перцептивной эквивалентности, то в более позднем модифицированном варианте, воплощенном в системе транскрипции ToRI [Odé 2008], представлен в целом традиционный для русской интонологии анализ частновопросительных предложений: утверждается, что в частном вопросе «с узким фокусом» используется нисходящий тональный акцент HL*, при этом указывается, что вопрос с падением на вопросительном слове «звучит для русского уха как несколько нетерпеливый и даже невежливый» [ToRI-2008].

Примерами экспериментально-фонетического анализа просодии русских частных вопросов являются работы Й. Игараси [Igarashi 2006; 2008]. Основное ограничение этих исследований в том, что их автор сознательно не учитывает вариативность контуров частного вопроса в русском языке, указывая, что в произношении его информантов встретились только контуры с падением тона на вопросительном слове. Сравнивая контуры частного и общего вопросов на материале почти идентичных по сегментному составу фраз (например, *Какой номер?* и *Такой номер?*), Й. Игараси приходит к выводу о том, что фонетическая реализация тонального акцента, ассоциированного с вопросительным словом частного вопроса, отличается от реализации тонального акцента в общем вопросе более ранним таймингом и меньшей частотой пика ЧОТ, а также отсутствием «локтя», «перелома» контура в восходящем движении тона [Igarashi 2006: 190]. На основании фонетических данных исследователь предлагает интерпретировать в рамках автосегментной метрической модели (далее — АМ-модель, подробнее о ней см. ниже, в разделе 3) контур русского частного вопроса (аналог ИК-2 Е. А. Брызгуновой) как тональную конфигурацию $H^*+L L\%$ либо $H^* L L\%$ [Ibid.: 194].

Анализ существующих описаний интонации русского частного вопроса указывает на необходимость дальнейшего экспериментального исследования вариативности в этом типе фраз. Именно эту цель ставило перед собой настоящее исследование. Во-первых, в его рамках предполагалось в экспериментальных условиях проверить имеющиеся в литературе утверждения о фонетической реализации вариантов просодического оформления русских частных вопросов. Во-вторых, на основании фонетических данных планировалось предложить предварительную фонологическую интерпретацию зафиксированных вариантов в рамках АМ-модели. Наконец, в-третьих, ставилась цель начать изучение факторов, способных влиять на выбор контура частного вопроса носителями русского языка. В рамках настоящего исследования были выбраны два таких фактора: тип фокуса (информационный/контрастный) и наличие/отсутствие во фразе инициальной частицы *a*. О причинах этого выбора пойдет речь в следующем разделе.

2. Описание эксперимента

2.1 Материалы эксперимента

В качестве стимулов в эксперименте были использованы частновопросительные предложения с тремя вопросительными словами: *где*, *когда* и *почему*. Эти местоимения были выбраны по двум причинам. Во-первых, ставилась цель сбалансировать количество слогов в местоимениях (1, 2 и 3 соответственно) и проконтролировать положение ударения (все слова имеют ударение на последнем слоге). Во-вторых, ударные слоги выбранных слов не содержат глухих согласных, что способствует корректному

анализу движений ЧОТ на просодически выделенных сегментах. Для каждого местоименного слова была составлена фраза-стимул, состоящая из трех или четырех фонетических слов, расположенных в нейтральном для русского языка порядке: *Где она работает? Когда он приехал? Почему вы ему не позвонили?*

Для эlicitации натуральных произнесений исследуемых стимулов они были встроены в естественные диалогические контексты. Таким образом, для каждого из трех частных вопросов был составлен диалог, представляющий собой беседу двух персонажей на бытовую тему. Каждый диалог содержал четыре или пять реплик и имел следующую структуру:

- 1) вводная реплика информанта, не требующая контекста (одна или две фразы; последняя фраза обязательно содержит вопрос);
- 2) ответ экспериментатора (одно или два повествовательных предложения);
- 3) реакция информанта на ответ экспериментатора (повествовательное предложение + **частный вопрос-стимул**);
- 4) второй ответ экспериментатора;
- 5) факультативная заключительная реплика информанта.

См. ниже пример диалога, использовавшегося в эксперименте.

- (1) (Информант): *А где твой брат? Разве он не пойдет с нами в кино?*
(Экспериментатор): *Я не знаю. Наверное, как обычно, дома за компьютером сидит.*
(И): *Без него будет скучно. Почему вы ему не позвонили?*
(Э): *Если хочешь, звони сам(а). Могу тебе номер продиктовать.*
(И): *Давай, записываю!*

Поскольку одна из целей исследования — изучение факторов, обуславливающих вариативность просодии частного вопроса, составленные стимулы были подвергнуты манипулированию по двум признакам, описанным ниже в разделах 2.1.1 и 2.1.2.

2.1.1. Информационная структура: информационный и контрастный фокус

Как было показано во введении, авторы исследований, посвященных вариативности интонации частного вопроса в языках мира, сходятся в том, что один из основных факторов, влияющих на выбор конфигурации тональных акцентов в этом типе фраз, — информационная структура высказывания. Под этим термином в настоящей работе мы понимаем вслед за [Grifka 2008; Zimmermann, Féry 2010] способ представления говорящим информации в высказывании в целях коммуникации, основными составляющими которого являются противопоставления по признакам фокус/фон (англ. *focus/background*), тема/рема (англ. *topic/comment*) и данное/новое (англ. *given/new*). Эти когнитивные категории могут оказывать

влияние на просодию фразы как по отдельности, так и во взаимодействии друг с другом, причем фонетические средства маркирования элементов информационной структуры лингвоспецифические [Breen et al. 2010; Calhoun 2010; Baumann 2012; Féry, Ishihara 2016]. В рамках настоящего исследования при составлении стимулов мы проводили манипуляции только с одной из трех составляющих информационной структуры — типом фокуса. Под фокусом в данном случае понимается «наличие альтернатив, релевантных для интерпретации языковых выражений» ([Krifka 2008: 247]; перевод определения на русский язык взят из работы [Шкала 2013]). В нашем исследовании в качестве экспериментальных условий использовались две разновидности фокуса [Kiss 1998]: информационный (не содержащий информации о релевантности альтернатив) и контрастный в одной из его основных функций — корректирующей, указывающей на релевантность для говорящего только одной из имеющихся альтернатив (о понятии «корректирующий фокус» см. также [Gussenhoven 2008: 11–12]).

Так, в приведенном выше примере (1) реализуется информационный фокус (далее — ИФ). Говорящий использует вопросительное слово, а затем описывает ситуацию (*вы ему не позвонили*), при этом в высказывании отсутствует указание на существование альтернативных ситуаций или их релевантность для коммуникации. Сравним приведенный ниже пример (2), в котором тот же частный вопрос содержит корректирующий фокус на предикате (далее — КФП), а также пример (3), в котором частный вопрос содержит корректирующий фокус на субъекте (далее — КФС). Здесь и далее слово — носитель контрастного фокуса заключается в квадратные скобки.

- (2) (И): *Вы Сереже сказали, что мы в парк идем?*
 (Э): *Мы ему записку на столе оставили. И еще сообщение на «Фейсбуке» написали.*
 (И): *Да он же эти сообщения никогда не читает! **Почему вы ему не [позвонили]?***
 (Э): *Он что, читать не умеет? Ладно, давай сейчас позвоним.*
 (И): *Звоните скорее, а то он обидится.*
- (3) (И): *У Саши сегодня день рождения. Вы не забыли ему позвонить?*
 (Э): *Кажется, ему звонила моя сестра. И Вова его точно поздравлял.*
 (И): *Я не сомневалась (сомневался), что Вова позвонил. **Почему [вы] ему не позвонили?***
 (Э): *У нас не было времени!*
 (И): *Ну тогда звоните сейчас. Лучшие поздно, чем никогда.*

Основываясь на данных существующих описаний русской интонации, мы предполагаем, что в обоих примерах для того, чтобы частный вопрос был осмысленным в заданном контексте, говорящий должен использовать просодические средства для маркирования контрастного корректирующего фокуса — информации о том, что другие имеющиеся в контексте альтер-

нативы («написать, а не позвонить» в (2), «сестра и Вова, а не мы» в (3)) не интересуют говорящего и, следовательно, должны быть исключены из дальнейшего процесса коммуникации.

Вопросы в примерах (1), (2) и (3) одинаковы с точки зрения сегментного состава, что позволяет корректно сравнивать их просодическую реализацию. Анализ вопросов третьего типа, однако, показал, что фразы с контрастным фокусом на субъекте, выраженном личным местоимением (*Когда [он] приехал? Где [она] работает?*), требуют очень широкого контекста. Чтобы избежать ошибок, связанных с непониманием информантами комплексных контекстов, во фразах с вопросительными словами *когда* и *где* в условии КФС местоимения были заменены сходными по ритмической структуре и сегментному составу существительными: *сын* вместо *он* и *жена* вместо *она*. Вопросы с *почему* были оставлены без изменений.

2.1.2. Инициальная частица *a*

Кроме того, в рамках работы была выдвинута гипотеза о том, что на выбор интонации частного вопроса носителями русского языка при чтении заранее составленных фраз может оказывать влияние наличие/отсутствие частицы *a* в начале вопросительного предложения. Прежде чем перейти к обоснованию этого предположения, следует отметить, что частица *a* функционирует неодинаково в разных типах вопроса в русском языке. Если в неполных сопоставительных вопросах (*Алена пришла? — Да, Алена пришла. — А Наташа?*) ее употребление, сопровождаемое конфигурациями тональных акцентов ИК-4 или ИК-6³, является обязательным, то в прочих типах вопросительных предложений употребление *a* факультативно. Тем не менее частица является достаточно частотной как в частных, так и в общих вопросах. Нам неизвестны корпусные исследования на эту тему, однако, например, в статье «Русской грамматики» 1980 г., посвященной вопросительным предложениям [РГ-1980: 386–401], насчитывается около ста примеров вопросов с инициальным *a*, из них более половины — вопросы с вопросительными словами. При этом в тексте статьи указываются только две функции такого употребления частицы: оформление эллиптического вопроса со значением «напоминания о существенном, с чем-л. связанном и чему-л. противопоставляемом» [Там же: 390] и вопроса, «в котором неизвестное сопоставляется с предшествующим, уже известным» [Там же: 397]. В качестве еще одного примера, подтверждающего тезис о частотности вопросов с *a*, можно привести «надкорпусную базу данных», использовавшуюся в исследовании [Зализняк, Микаэлян 2018а], где 55,3 % всех употреблений *a* в абсолютном начале фразы пришлись на вопросительные предложения.

³ Мы благодарим одного из анонимных рецензентов за указание на высокую частотность использования ИК-6 в неполном сопоставительном вопросе, зафиксированную в корпусных данных.

Подробное описание семантики и прагматики русского *a*, объединяющее результаты многочисленных предыдущих исследований этого слова, представлено в работе [Зализняк, Микаэлян 2018б]. В статье отдельно рассматриваются внутренний союз *a* и *a* инициальное, которое может функционировать как союз, частица или междометие. Авторы исследования приходят к выводу о том, что по своим функциям эти две языковые единицы различаются несущественно. Таким образом, инициальное *a*, как и внутренний союз, «маркирует подключение высказывания к... предтексту» и выражает различные «логико-семантические отношения между репликами диалога»: отношения сопоставления (нейтрального и контрастного), несоответствия и аддитивное [Там же: 337]. Вслед за [Николаева 1997], помимо лингвистических функций *a*, в работе выделяется характерная для этой единицы экстралингвистическая функция «интимизации» в бытовом диалоге.

В рамках настоящего исследования важно также обратить внимание на анализ связи внутреннего *a* с интонацией, представленный в [Фужерон 1997]. Анализируя тональные контуры предложений, различающихся только союзами (*Вышла Матильда, а/и за ней Мохов* и т. п.), автор исследования показывает, что различия в тема-рематической структуре, передаваемые в этих фразах выбором союза, маркируются и различиями интонационными. Эта идея развивается в [Подлеская 2018], где на материале звучащего корпуса рассматривается просодия фразы или части сложного предложения, предшествующей *a* (как внутреннему, так и инициальному).

Тем не менее вопрос о характере связи между интонацией частного вопроса и наличием в нем инициального *a* остается открытым. Существующие описания русской интонации содержат многочисленные примеры частных вопросов с частицей *a*, однако особенности их просодической реализации отдельно не обсуждаются. Релевантные данные на этот счет обнаруживаются только в ранних работах Е. А. Брызгуновой, созданных еще до выделения первых интонационных конструкций, где автор эксплицитно указывает, что «неполное вопросительное предложение с вопросительным словом и союзом *a* может иметь два варианта интонации: или такую, как в полном предложении, или такую, как в неполном вопросительном с союзом *a*» [Брызгунова 1963: 257]. Для проверки этих данных в рамках эксперимента было произведено манипулирование дополнительным параметром. Для каждого из частных вопросов, описанных в разделе 2.1.1, в эксперимент была включена пара, содержащая инициальную частицу *a*. Так, например, кроме диалога, приведенного в примере (1), в материал эксперимента был включен такой же диалог, но содержащий вопрос с *a* (*А почему вы ему не позвонили?*), и т. д. для всех стимулов.

2.2 Методы эксперимента

В общей сложности материал эксперимента составили диалоги, содержащие 18 частновопросительных предложений: с тремя вопросительными словами (*почему, когда, где*) в трех контекстах (ИФ, КФП, КФС) при от-

сутствии и наличии инициальной частицы *a*. Также в материал эксперимента были включены 32 филлера — диалоги, схожие по структуре и содержанию с экспериментальными стимулами. Каждому участнику предложены все 50 диалогов в одной из четырех последовательностей. Последовательности были составлены таким образом, что похожие стимулы находились на расстоянии нескольких диалогов друг от друга⁴.

В ходе эксперимента информантам предлагалось прочитать «по ролям» вместе с экспериментатором диалоги, представленные на слайдах на экране компьютера. Участники эксперимента могли ознакомиться с каждым текстом перед его прочтением. Важно отметить: перед началом экспериментальной сессии участникам сообщалось, что многие диалоги будут повторяться дважды, однако на самом деле полностью повторялись только филлеры, в то время как все экспериментальные стимулы различались как минимум наличием *a*. За счет этого удалось достичь того, что участники эксперимента не догадались о манипуляциях, произведенных с частицей.

2.3 Участники эксперимента

В эксперименте приняли участие 20 носителей русского языка (14 женщин, 6 мужчин, средний возраст — 26,5 лет, $\sigma = 5.7$). Все информанты являются носителями литературного произношения и на момент записи постоянно проживали в Москве, работая или получая высшее образование. Исключение составил один участник эксперимента, незадолго до записи переехавший из Москвы. Длительность каждой экспериментальной сессии составляла 15–20 минут.

3. Результаты эксперимента

По итогам эксперимента получены 360 записей произнесения частных вопросов. Из них 15 (4,17 %) исключены из дальнейшего анализа по двум основным причинам: 9 фраз содержали различные оговорки информантов, связанные с пропуском слов или изменением порядка слов; также из анализа исключены 6 примеров, в которых частный вопрос был произнесен с интонацией переспроса⁵.

⁴ Полный список диалогов размещен в онлайн-приложении к статье, см. <https://osf.io/dgv3s>.

⁵ В речи пяти участников эксперимента встретился вариант «ложного переспроса», когда говорящий использовал характерную интонацию переспроса (например, *Когда⁶ сын приехал?* с повышением тона на вопросительном слове и сохранением высокого ровного тона на всем протяжении фразы; ИК-6 в системе Е. А. Брызгуновой), несмотря на то что запрашиваемая информация отсутствовала в контексте. Поскольку в рамках настоящего исследования мы рассматривали только собственно вопросительные предложения, эти примеры были исключены из анализа.

Остальные 345 записей фраз проанализированы в программе *Praat* [Boersma, Weenink 2019]. В ходе инструментального анализа произведена ручная сегментация экспериментальных стимулов на слоги и слова, а также полуавтоматическая разметка основных релевантных тональных событий, т. е. локальных максимумов и минимумов ЧОТ, ассоциированных с ударными слогами просодически выделенных слов⁶. Такая разметка позволяет охарактеризовать фонетическую реализацию тональных акцентов по трем основным признакам: абсолютной и относительной высоте тона, а также таймингу — положению тонального события относительно границ сегментов.

На основании данных фонетического анализа были выделены основные типы контуров, использовавшихся информантами. Для каждого типа тональной конфигурации, обнаруженного в речи информантов, ниже предложена фонологическая интерпретация в терминах АМ-модели. Ограничения по объему не позволяют нам подробно остановиться на теоретических положениях этой широко используемой в современной интонологии концепции. Подробные обоснования основных допущений теории представлены, например, в работах [Pierrehumbert 1980; Gussenhoven 2004; Ladd 2008]. Укажем кратко, что с точки зрения АМ-модели интонационный контур на фонологическом уровне состоит из последовательностей высоких и низких тонов (условно обозначаемых в транскрипции как H и L), которые фонетически реализуются как тональные цели, т. е. особые точки в контуре ЧОТ, обычно — локальные минимумы и максимумы [Argañiti, Ladd 2009: 47–48]. Важным отличием автосегментной модели интонации от других современных моделей является представление о «разреженной» тональной спецификации (англ. *sparse tonal specification*). В АМ-модели отрицается необходимость тональной спецификации каждого слога; утверждается, что тональный контур может быть смоделирован за счет проекции тональных целей на просодически выделенные сегменты (чаще всего ударные слоги просодически выделенных слов или их окружение) и интерполяции движений ЧОТ от одной «цели» к другой (не обязательно в виде прямых линий). Одним из результатов развития АМ-модели стало создание специфических систем фонологической транскрипции интонации (ToBI-транскрипций, от англ. *Tones and Break Indices*) сначала для английского [Beckman, Pierrehumbert 1986], а затем и для ряда других языков [Jun 2005; 2014].

Первые шаги в направлении создания автосегментного анализа русской интонации и его формулировки в символах ToBI-транскрипции были сделаны в исследованиях С. Оде [Odé 2005; 2008; ToRI-2008], Й. Игараси

⁶ Сегментация на слоги производилась автором работы вручную на основании данных осциллограмм и спектрограмм; определение положения локальных минимумов и максимумов ЧОТ выполнялось автоматически с использованием алгоритмов программы *Praat*.

[Игараси 2002; Igarashi 2006; 2008], Т. Ратке [Rathcke 2006; 2013; 2017], О. Йокоямы [Йокояма 2003]. В рамках настоящей работы мы планируем продолжить линию этих исследований, предложив автосегментную интерпретацию вариантов просодического оформления русских частных вопросов и ТоVI-транскрипцию для контуров, встретившихся в данных нашего эксперимента. Следует, однако, особо отметить, что предложенные в статье фонологические интерпретации и варианты транскрипции должны рассматриваться как предварительные. Как показывает опыт исследования языков с детально изученной просодией, создание непротиворечивого лингвистического описания отдельно взятой просодической системы требует критической экспериментальной проверки любых теоретических обобщений.

3.1. Тональные конфигурации в вопросах с ИФ

В результате анализа данных были выделены четыре основных тональных контура, использовавшихся участниками эксперимента в частных вопросах. Ниже, в разделах 3.1.1–3.1.4, они подробно рассмотрены на примере стимулов с информационным фокусом. Распределение контуров в контекстах с контрастным фокусом на предикате и субъекте рассматривается в разделах 3.2 и 3.3 соответственно. Полные данные классификации контуров представлены в Таблице 1 (все таблицы см. в Приложении).

3.1.1. Падение тона на вопросительном слове⁷ + деакцентуация

Вариант с нисходящим движением тона на вопросительном слове и отсутствием тональных акцентов (деакцентуацией) на последующей части фразы, в системе Е. А. Брызгуновой характеризуемый как основной немаркированный способ просодического оформления русского частного вопроса (ИК-2), оказался частотным и в наших данных, в первую очередь в контекстах информационного фокуса. Этот вариант контура ЧОТ начинается на среднем, нейтральном для говорящего, уровне (или, реже, высоком, особенно при отсутствии предударных слогов в начале фразы) и достигает максимума в начале или середине ударного слога вопросительного слова (см. рис. 1⁸). Нисходящее движение тона может характеризоваться разной степенью крутизны в зависимости от сегментного состава фразы: оно начинается на ударном слоге вопросительного слова и чаще всего продолжается на примыкающем к нему деакцентуированном слове (в наших стиму-

⁷ Всюду в работе, говоря о повышении или падении тона на том или ином слове, мы подразумеваем повышение или падение тона, ассоциированное с просодически выделенным слогом этого слова, а не движение тона на всех его слогах. Не вполне точное выражение «повышение/падение тона... на слове» используется нами исключительно для краткости и упрощения восприятия текста.

⁸ Аудиозаписи произнесений фраз, представленных на иллюстрациях, доступны в онлайн-приложении.

лах — личном местоимении или существительном в роли субъекта). Нижняя граница ЧОТ достигается в районе ударного слога последнего слова фразы (в наших стимулах — предиката) и сохраняется до конца фразы.

Судя по имеющимся в литературе описаниям этого контура, такая тональная конфигурация воспринимается носителями языка как содержащая только одно фразовое ударение — на вопросительном слове. Таким образом, в рамках АМ-модели она должна быть проанализирована как содержащая один тональный акцент. Вслед за [Igarashi 2008] мы анализируем этот тональный акцент как H^*+L . Эта автосегментная нотация подразумевает, что тональный акцент содержит два тона (высокий и низкий), при этом высокий тон, отмеченный астериском, ассоциирован с ударным слогом (поскольку его «тональная цель» расположена рядом с центром выделенного слога), а низкий тон реализуется после него на доступном сегментном материале.

Необходимо также предложить фонологическую интерпретацию тонального движения на участке фразы, следующем за последним тональным акцентом. В классическом варианте АМ-модели [Beckman et al. 2005] выделяются два типа пограничных тонов (англ. *edge tones*): тоны, ассоциированные с границей фразы и реализующиеся на ее последнем слоге (англ. *boundary tones*; в ToBI-транскрипции они обозначаются символом $T\%$, где T — любой тон), и тоны, реализующиеся на всей последовательности слогов от последнего тонального акцента до последнего слога фразы (англ. *phrase accents*, для их транскрипции используется символ T). Необходимость введения в АМ-модель двух уровней пограничного тона была продемонстрирована для описания комплексных контуров, представленных, например, в английском [Pierrehumbert 1980], греческом [Arvaniti, Ladd 2009] и ряде других языков [Grice et al. 2000]. В настоящий момент не существует надежных экспериментальных данных, доказывающих существование в русском литературном произношении значимых движений тона, ассоциированных с последним слогом фразы. Судя по имеющимся описаниям просодии русского языка, носителем пограничного тона всегда выступает последовательность слогов, примыкающая справа к слогу — носителю последнего тонального акцента во фразе. В связи с этим, например, в транскрипции русской интонации, предложенной в [Odé 2008], тональная характеристика просодически невыделенных слогов конца фразы обозначается отдельным символом $L\%$ только в том случае, если фраза заканчивается на низком уровне ЧОТ, при этом нередкий в русском языке «высокий конечный уровень» транскрибируется иным способом — как реализация второй «тональной цели» акцента H^*H или L^*H [Ibid.], распространяющаяся на всю последовательность заударных слогов; конец фразы при этом обозначается одиночным символом $\%$.

Нам представляется более последовательным подход Т. Ратке, которая, опираясь на анализ просодии немецкого языка, где, как и в русском, отсутствуют тональные движения, ассоциированные с последним слогом фразы,

предлагает отказ от использования специальных символов для различения двух уровней пограничных акцентов и использует нотацию $T\%$ для описания русских пограничных тонов [Rathcke 2017]. По нашему мнению, такая нотация может приниматься за ассоциацию тонального движения с последним слогом фразы. В связи с этим в настоящей работе мы используем другой вариант нотации, также обсуждавшийся в [Ibid.] и используемый в транскрипции немецкого языка GToBI [Grice et al. 2005], — $T\%$. Следовательно, для анализа типа контура, описанного в разделе 3.1.1, мы предлагаем автосегментную интерпретацию, которая в ToBI-транскрипции может быть записана как $H^*+L L\%$; см. разметку на рис. 1.

3.1.2. Падение тона на вопросительном слове + падение тона на последнем слове фразы

Реализация нисходящего тонального акцента H^*+L на вопросительном слове в речи участников эксперимента не всегда сопровождалась полной деакцентуацией последующей части фразы. Напротив, во фразе с наибольшим количеством слогов (*A*) *почему вы ему не позвонили?* деакцентуация встречалась редко. Наиболее частотным в этой фразе оказался контур с дополнительным просодическим выделением последнего слова фразы, которое фонетически реализуется повторным падением тона на ударном слоге (рис. 2). Начало этого контура не отличается от описанного в предыдущем разделе и представляет собой падение тона на ударном слоге вопросительного слова. Далее в районе ударного слога глагола наблюдается небольшой подъем ЧОТ («занос», неоднократно описанный в русской интонологии, в частности в [Keijsper 1983; Odé 1989; Кодзасов 2009]) и второе падение, локальный максимум которого обычно имеет ранний тайминг и располагается на предударном слоге.

Важно отметить, что второй пик регулярно характеризуется меньшим значением ЧОТ по сравнению с первым. Понижение ЧОТ на протяжении фразы в АМ-модели описывается двумя терминами: деклинация и даунстеп. Деклинация — это автоматическое, не зависящее от контекста понижение тона, вызванное физиологическими причинами и, по всей видимости, имеющее универсальный характер. Даунстеп же представляет собой «фонологизацию» деклинации, фонологическое правило, согласно которому в определенных контекстах (например, после некоторых тональных конфигураций) тональные акценты, содержащие высокий тон, на фонетическом уровне реализуются пиками с пониженными абсолютными значениями ЧОТ [Ladd 1984]. Имеющиеся в литературе экспериментальные данные, безусловно, подтверждают наличие деклинации в русском языке [Odé 1989; Svetozarova, Kuosmanen 2003]. В частности, интерес в этом отношении представляют исследования [Kocharov et al. 2014; 2015], демонстрирующие, что наличие/отсутствие градуального понижения тона в русской фразе контролируется говорящим и может маркировать различия между типами предложений. Тем не менее вопрос о фонологическом статусе

наблюдаемых явлений в существующих работах на материале русского языка эксплицитно не рассматривается. Данные нашего эксперимента также не позволяют однозначно решить эту проблему. Чтобы отразить указанную неопределенность, в нашем анализе мы используем традиционный для ToBI-транскрипций знак даунстепа «!», однако заключаем его в круглые скобки. «Раскрыть» эти скобки позволят будущие экспериментальные исследования, посвященные фонологической интерпретации систематического понижения ЧОТ во фразе в русском языке.

Итак, поскольку контуры обоих тональных акцентов имеют схожий тайминг («непоздний»; см. о позднем тайминге в следующем разделе) и различаются только частотой пика (и, следовательно, диапазоном падения тона), мы анализируем эту тональную конфигурацию как содержащую два одинаковых тональных акцента H^*+L . Второй контур на фонетическом уровне имеет более низкий уровень ЧОТ, вероятно, в связи с применением фонологического правила, которое активируется низким тоном первого тонального акцента фразы. Возможность такой интерпретации мы обозначаем символом даунстепа, заключенным в круглые скобки. Таким образом, описанный контур может быть предварительно затранскрибирован как $H^*+L (!)H^*+L L-\%$.

3.1.3. Повышение тона на вопросительном слове и падение тона на последнем слове фразы

Третьей конфигурацией, встретившейся в экспериментальных данных, является так называемый «шляпный» контур (ИК-5 в системе Е. А. Брызгуновой). Эта последовательность тональных акцентов реализуется контуром ЧОТ, начинающимся на нейтральном для говорящего уровне и достигающим максимума в середине или конце ударного слога вопросительного слова. Далее высокий ровный тон поддерживается на протяжении фразы вплоть до последнего слова (незначительное понижение тона на этом участке, вероятно, должно интерпретироваться как автоматическая деκлинация). В районе ударного слога второго просодически выделенного слова наблюдается нисходящее движение тона с факультативным «заносом» и ранним таймингом (рис. 3).

Мы предлагаем анализировать этот вариант как содержащий два тональных акцента (и, разумеется, пограничный тон). Второй тональный акцент, ассоциированный с последним словом фразы, может быть отождествлен с рассмотренным в двух предыдущих разделах H^*+L . Напротив, первый тональный акцент «шляпного» контура, ассоциированный с вопросительным словом, требует отдельного обсуждения. Следует обратить внимание на то, что его фонетическая реализация существенно отличается от той, что была зафиксирована для первого тонального акцента в предыдущем разделе. Два основных отличия — это поздний тайминг пика и отсутствие значимого понижения тона после локального максимума ЧОТ. Как известно, восходящий тональный акцент с поздним таймингом представлен, на-

пример, в русском общем вопросе, где при наличии заударных сегментов за ним обязательно следует низкий пограничный тон. В разных автосегментных описаниях тональный акцент, маркирующий русский общий вопрос и описанный как ИК-3 в модели Е. А. Брызгуновой, анализировался как L+N* [Igarashi 2006; 2008] или L*+N [Rathcke 2017]. Общей для всех описаний является необходимость постулирования именно битонального акцента, связанная с обнаружением в контуре частного вопроса перцептивно важной «переломной точки», «локтя» [Igarashi 2006], который увеличивает крутизну восходящего тонального движения [Rathcke 2006]. Вопрос о том, может ли первый тональный акцент «шляпного» контура приравниваться к тональному акценту общего вопроса, остается открытым и требует дополнительной экспериментальной проверки, в частности определения наличия «локтя» в подъеме ЧОТ. Во избежание преждевременного отождествления этих единиц в рамках настоящего исследования мы предварительно анализируем восходящий акцент как монотональный Н* и весь контур, следовательно, как Н* Н*+L L-%.

3.1.4. Повышение тона на вопросительном слове и нисходяще-восходящая конфигурация на остальной части фразы

Наконец, частотным в контекстах информационного фокуса оказался контур, имеющий в модели Е. А. Брызгуновой название ИК-4. В этом варианте ЧОТ начинается на среднем, нейтральном для говорящего, уровне и достигает максимума в конце ударного слога вопросительного слова. Далее тон неравномерно понижается, достигая минимума на ударном слоге последнего слова фразы. После этого происходит повышение тона, тайминг которого, по нашим наблюдениям, зависит не только от количества заударных сегментов, но и от индивидуальных предпочтений диктора. Обычно подъем ЧОТ начинается либо на второй половине ударного слога, либо на первом заударном слоге; после достижения максимума на одном из заударных слогов поддерживается высокий ровный тон (рис. 4).

Насколько нам известно, контур ИК-4 ранее не подвергался анализу в рамках АМ-модели. Основываясь на наших данных, а также на данных традиционных описаний русской интонации, мы предлагаем предварительно анализировать этот контур как последовательность из двух тональных акцентов и высокого пограничного тона Н-%. Первый тональный акцент, ассоциированный с вопросительным словом и имеющий поздний тайминг, мы анализируем как Н*, предварительно отождествляя его (на основании акустического признака «поздний тайминг») с первым тональным акцентом «шляпного» контура. Что касается второго тонального акцента, то, по нашему мнению, возможны два основных варианта его интерпретации: монотональный L* и битональный L*+N. Нам представляется предпочтительным первый вариант по двум основным причинам. Во-первых, как и в случае со «шляпным» контуром, мы бы хотели избе-

жать отождествления этого тонального акцента с акцентом, маркирующим общий вопрос, в частности в анализе [Rathcke 2017]. Во-вторых, этот вариант представляется более «экономным», поскольку он не усложняет фонологическую репрезентацию, допуская, что подъем от низкого тона тонального акцента к высокому тону акцента пограничного является результатом интерполяции. Таким образом, предварительный автосегментный анализ контура, зафиксированного в наших данных и соответствующего ИК-4 системы Е. А. Брызгуновой, может быть отражен в ToBI-транскрипции как $H^* L^* H\text{-}\%$ ⁹.

3.2 Тональные конфигурации в вопросах с КФП

Как и в контекстах с информационным фокусом, в контекстах с контрастным фокусом на последнем слове фразы была отмечена вариативность тональных конфигураций. Невозможным в контекстах КФП оказался только контур с единственным тональным акцентом на вопросительном слове (п. 3.1.1). Этот результат был ожидаем, поскольку использование такого варианта допускало бы деакцентуацию слова, находящегося в фокусе. Редким в контексте КФП также оказался вариант $H^* L^* H\text{-}\%$ (ИК-4 в системе Е. А. Брызгуновой; 3 примера).

Наиболее частотным для контекстов КФП в наших записях является контур с падением тона на слове — носителе фокуса, которому предшествует постепенное повышение ЧОТ от начального нейтрального среднего уровня на протяжении всей предшествующей фразы (рис. 5; ИК-2 в системе Е. А. Брызгуновой). При такой конфигурации остальные слова во фразе воспринимаются как деакцентуированные. Начало падения имеет неподзний тайминг, в связи с чем в рамках настоящей работы мы анализируем соответствующий ему на фонологическом уровне тональный акцент как H^*+L и весь контур как $H^*+L L\text{-}\%$. Таким образом, этот вариант отличается от варианта, описанного в п. 3.1.1, только локализацией тонального акцента, но не тональной конфигурацией.

⁹ Отвечая на замечания анонимных рецензентов, касающиеся представленной здесь предварительной автосегментной интерпретации конфигурации тональных акцентов, соответствующих ИК-4, согласимся с тем, что данные, анализируемые в рамках настоящей статьи, позволяют судить лишь о контексте частного вопроса. Тем не менее мы не исключаем возможности распространения предложенной нами интерпретации и на другие типичные контексты ИК-4, представленные в традиционных описаниях русской просодии (включая односложные высказывания вроде *И-и⁴?*, в которых предьядерный акцент, вероятно, опускается в связи с ограниченностью сегментного материала, а падение тона происходит со среднего для говорящего начального уровня). Тщательное экспериментальное манипулирование количеством слогов в типичных контекстах ИК-4 (ср. *А⁴ ты⁴?* и *А⁴ Константино⁴польский?*), по нашему мнению, способно продемонстрировать комплексный характер этой тональной конфигурации, требующий уточнения на основе новых экспериментальных и корпусных исследований.

Вторым по частотности вариантом в контекстах КФП стал уже описанный в разделе 3.1.2 контур с двумя падениями тона H^*+L (!) H^*+L L -%. Судя по распределению двух наиболее частотных контуров, выбор между ними может быть связан с ритмикой фразы: в более коротких примерах с вопросительными словами *когда* и *где* (6 и 7 слогов во фразе соответственно) участники эксперимента чаще использовали контур с одним тональным акцентом H^*+L L -%, в то время как во фразах с вопросительным словом *почему* (11 слогов) — контур с двумя тональными акцентами H^*+L (!) H^*+L L -%. Интересно, что «шляпный» контур, напротив, одинаково часто встречался в стимулах со всеми тремя вопросительными словами (9, 10 и 10 раз в вопросах с *когда*, *где* и *почему* соответственно).

3.3 Тональные конфигурации в вопросах с КФС

Результаты для вопросов с контрастным фокусом на субъекте имеют сходство с результатами для стимулов с контрастным фокусом на предикате. Наиболее частотным в записях был вариант контура с падением на слове — носителе фокуса и деакцентуацией остальных слов во фразе, см. рис. 6(а). Намного реже в записях встречались два других контура с низким пограничным тоном: H^*+L (!) H^*+L L -% и H^* H^*+L L -%.

Основным различием между контекстами КФП и КФС стало использование информантами во фразах с КФС контура с высоким пограничным тоном (H^* L^* H -%; ИК-4 в системе Е. А. Брызгуновой). Пример такого употребления представлен на рис. 6(б); в разметке знак < при H^* означает, что тональный акцент ассоциирован с предшествующим слогом на фонологическом уровне, хотя фонетически реализуется отложенным пиком (см. использование этого символа для обозначения «позднего пика», например, в [Beckman et al. 2005]). Если в контекстах с КФП этот контур встретился только три раза, в контекстах с КФС с ним было зафиксировано 28 примеров, причём их количество оказалось неодинаковым в стимулах с разными вопросительными словами (18 примеров со словом *когда*, 9 — со словом *где* и только 1 — со словом *почему*). Возможным объяснением является то, что только в контекстах КФС с вопросительными словами *когда* и *где* субъект всегда был выражен существительным, а в примере с *почему* — личным местоимением. Этот факт, однако, не объясняет обнаруженную разницу между стимулами с *когда* и *где*. Результаты для разных вопросительных слов подробнее обсуждаются ниже, в разделе 4.

3.4 Статистический анализ факторов, оказывающих влияние на выбор контура

Следует отметить, что в ходе анализа данных эксперимента возник ряд спорных случаев, в которых решение об отнесении примера к той или иной категории вызывало затруднения. В первую очередь трудности при анализе контуров были связаны с определением количества тональных акцентов

во фразе, а именно, с наличием/отсутствием предъядерных¹⁰ тональных акцентов, в особенности акцентов на вопросительных словах во фразах с контрастным фокусом. На этих решениях основывается отнесение проанализированных примеров к группам с тональными конфигурациями H^*+L L -%, $H^* H^*+L$ L -% или H^*+L (!) H^*+L L -%.

Определение статуса предъядерных акцентов представляет собой не до конца решенную проблему, в том числе в языках с детально описанной просодией. В то время как одни исследования демонстрируют систематическую роль предъядерных акцентов в передаче элементов информационной структуры высказывания [Baumann et al. 2007; Féry, Kügler 2008; Braun, Viezma 2019], другие указывают на то, что эти акценты в некоторых случаях могут выполнять только ритмические [Calhoun 2010; Chodroff, Cole 2018], «орнаментальные» [Büring 2007] функции. Что касается русского языка, данные об инвентаре и функциях предъядерных тональных акцентов отсутствуют в существующих описаниях. При анализе контуров мы были вынуждены опираться на акустические критерии (характер изменения ЧОТ в районе ударных слогов, его выводимость на основе интерполяции между тональными целями), а также на восприятие перцептивной выделенности слов.

Тем не менее важно отметить, что описанные выше проблемы классификации касаются только различий между конфигурациями, завершающимися нисходящим движением тона. В рамках нашего анализа все эти контуры имеют важную общую черту: они содержат одинаковую конфигурацию из последнего (ядерного) тонального акцента фразы H^*+L и пограничного тона L -%, а различаются только наличием и формой предъядерных акцентов. На этом основании представляется возможным в рамках анализа объединить эти примеры в общую категорию «нисходящих» контуров. Напротив, единственного формального критерия, заключающегося в наличии/отсутствии восходящего движения тона в конечной части последнего ударного слога фразы или сразу после него (ср., например, контуры (а) и (б) на рис. 6), достаточно, чтобы противопоставить «нисходящим» контурам категорию «восходящих» контуров, в которую войдут все примеры, проанализированные нами как содержащие тональную конфигурацию $H^* L^* H$ -%. Таким образом, надежной представляется классификация экспериментальных данных по крайней мере на две категории: группа «нисходящих» контуров частного вопроса, с одной стороны (все контуры, оканчивающиеся конфигурацией H^*+L L -%), и единственный «восходящий» контур ($H^* L^* H$ -%) — с другой. Именно на этом противопоставлении основывается представленный ниже статистический анализ данных эксперимента.

¹⁰ Используемые в АМ-модели термины *nuclear accent* и *prenuclear accent* переводятся нами здесь как ядерный акцент и предъядерный акцент соответственно. В рамках настоящей работы под первым термином понимаются все тональные акценты (не пограничные тоны), являющиеся последними во фразе, под вторым термином — все непоследние тональные акценты.

Для анализа факторов, оказывавших влияние на выбор контура частного вопроса участниками эксперимента, был использован метод регрессионного анализа с использованием *R* [R Core Team 2018] и пакета *lme4* [Bates et al. 2015]. Построена бинарная логистическая модель с зависимой переменной «тип контура» (восходящий/нисходящий) и независимыми переменными «наличие частицы *a*» (да/нет), «тип фокуса» (ИФ/КФП/КФС), «вопросительное слово» (*когда/где/почему*), а также случайным свободным членом для информантов. Чтобы избежать проблем сходимости модели, число итераций было увеличено до 10 000 с использованием оптимизатора *BOBYQA*. В соответствии с рекомендациями в [Levshina 2015: 272] предикторы были проверены на мультиколлинеарность с использованием функции *vif* пакета *car* [Fox, Weisberg 2019], значение фактора инфляции дисперсии во всех случаях составило менее 1,1. Результаты статистического анализа представлены в Таблице 2¹¹.

Согласно результатам регрессионного анализа, тип фокуса оказывал сильный эффект на выбор участниками эксперимента типа контура. Информанты чаще всего использовали восходящий контур в контекстах информационного фокуса, а реже всего — в контекстах с контрастным фокусом на глаголе. Примеры с контрастным фокусом на субъекте занимают промежуточное положение, при этом различия между каждой парой типов контекста оказались статистически значимыми ($p < .001$).

Кроме того, статистически значимым ($p < .001$) оказался эффект наличия инициальной частицы *a*. Информанты значительно чаще использовали восходящий контур, читая вслух фразы, содержащие это слово. Значение параметра «Отношения шансов» в Таблице 2 показывает, что шансы того, что фраза была произнесена с восходящим контуром, были выше в 4,48 раза, если эта фраза содержала инициальную частицу *a* (по сравнению с отсутствием частицы во фразе).

Наконец, был обнаружен эффект вопросительного слова *почему*, статистически значимый ($p = .011$), но существенно менее сильный по сравнению с двумя предыдущими. В вопросах с местоимением *почему* участники эксперимента гораздо реже использовали восходящий контур, чем в вопросах с *когда* и *где*. Между двумя последними группами стимулов статистически значимых различий обнаружено не было ($p = .96$).

4. Обсуждение и выводы

Настоящее исследование представляло собой первую попытку экспериментального изучения вариативности интонации русских частновопросительных предложений. Данные эксперимента, проведенного при участии

¹¹ Файл с данными 345 наблюдений размещен в онлайн-приложении, см. <https://osf.io/dgv3s>.

20 носителей русского языка, подтверждают имеющиеся в литературе сведения о разнообразии просодического оформления частного вопроса в современном русском языке. В результате анализа 345 записей фраз были выделены основные тональные конфигурации, использовавшиеся информантами; для каждой конфигурации была предложена фонологическая интерпретация в рамках АМ-модели.

Прежде чем перейти к краткому обсуждению каждой конфигурации, необходимо сделать важное обобщение, касающееся просодической выделенности вопросительных слов. В проанализированном материале в *у с л о в и я х* *и н ф о р м а ц и о н н о г о* *ф о к у с а* местоименные вопросительные слова *где*, *когда* и *почему* всегда выступали носителями предядерного или (реже) ядерного тонального акцента. При этом факультативная деакцентуация вопросительных слов была возможной только в контекстах корректирующего фокуса. Таким образом, с точки зрения просодической типологии русский язык нельзя безоговорочно отнести ни к одному из двух типов языков, выделенных в работе [Ladd 2008: 226–230] по признаку того, какое слово выступает носителем ядерного тонального акцента в коротких частных вопросах. В своей классической работе Р. Лэдд выделяет два возможных сценария: с одной стороны, в таких языках, как, например, румынский, венгерский и греческий, ядерный тональный акцент в коротких частных вопросах всегда реализуется на вопросительном местоимении; с другой стороны, в таких языках, как, например, английский и итальянский, носитель ядерного тонального акцента выбирается по тем же правилам, что и в повествовательном предложении. Как показали наши данные, в русском языке в контексте информационного фокуса возможны оба сценария. Сведения об акцентуации русских вопросительных местоимений, безусловно, также представляют интерес с точки зрения окончательно не решенного в синтаксической теории вопроса о фокусной интерпретации этих языковых единиц. Не считая возможным подробно обсуждать столь фундаментальные вопросы синтаксиса на основании данных настоящего эксперимента, укажем на недавний подробнейший анализ этой проблематики в работе [Vocci et al. 2021], авторы которой, анализируя распределение тональных акцентов в различных структурах прямого и косвенного итальянского частного вопроса, предостерегают от прямолинейного связывания просодической выделенности с фокусом в этом типе вопросительных предложений.

Итак, согласно нашему анализу, частотным в речи носителей русского языка является вариант частного вопроса с падением тона на вопросительном слове и деакцентуацией остальной части предложения. В том случае, если одно из слов фразы (в нашем материале это могло быть существительное или местоимение в роли субъекта, а также глагол в роли предиката) является носителем контрастного фокуса, такой же тональный акцент может быть ассоциирован с этим словом, сопровождаясь деакцентуацией остальных слов во фразе. В обоих случаях мы интерпретируем тональную

конфигурацию как $H^*+L L-\%$. Такие результаты в целом согласуются с данными наиболее распространенного традиционного описания русской интонации, системы Е. А. Брызгуновой, в которой эта конфигурация получила название ИК-2.

Наряду с контуром $H^*+L L-\%$, предполагающим деакцентуацию всех слов во фразе, кроме слова — носителя фразового ударения, в данных встретился контур с двумя нисходящими движениями тона: на вопросительном слове и на субъекте или предикате. Оба падения тона характеризуются непоздним таймингом, в связи с этим мы анализируем их как репрезентации тонального акцента H^*+L . Кроме того, второй тональный максимум регулярно имеет значительно меньшую частоту по сравнению с первым, что в рамках АМ-модели, по всей видимости, должно описываться как применение правила даунстепа. Использование такого контура в русском частном вопросе также отмечается не впервые, ранее оно было описано в [Кодзасов 2009: 108].

Нередкой в данных эксперимента оказалась тональная конфигурация $H^* H^*+L L-\%$, так называемый «шляпный» контур (ИК-5 в системе Е. А. Брызгуновой), который в работах С. В. Кодзасова и Н. Д. Светозаровой характеризовался как основной нейтральный способ оформления частного вопроса. Первый тональный акцент этого контура всегда ассоциирован с вопросительным словом и фонетически реализуется подъемом ЧОТ, максимум тона достигается в конце ударного слога, после чего не происходит резкого падения тона. Описанная конфигурация оказалась возможной во всех экспериментальных условиях, в том числе как при информационном, так и при контрастном фокусе.

Несмотря на то что описанные выше тональные конфигурации противопоставлены на фонологическом уровне, интерпретация их фонетических репрезентаций в некоторых случаях представляет собой трудноразрешимую задачу, в конечном счете основывающуюся на определении наличия/отсутствия и формы предъядерного тонального акцента во фразе. Чтобы эти решения не оказывали влияния на статистический анализ, в рамках настоящего исследования мы объединили эти варианты в группу «нисходящих» контуров на основании того, что все они содержат одинаковую конфигурацию ядерного тонального акцента и пограничного тона: $H^*+L L-\%$.

Проблем классификации не возникает в случае с другой тональной конфигурацией, оказавшейся частотной в полученных записях: контуром, который в системе Е. А. Брызгуновой называется ИК-4. На основании фонетических данных мы предварительно анализируем этот контур как последовательность акцентов $H^* L^* H-\%$, причем тональный акцент H^* всегда был ассоциирован с ударным слогом вопросительного слова, а L^* — с ударным слогом слова, выступающего в роли субъекта или предиката. В записях не встретились примеры с L^* на вопросительном слове, охарактеризованные Е. А. Брызгуновой как варианты «назидательного» частного вопроса.

Полученные результаты, касающиеся вариативности просодии русских частных вопросов, обнаруживают сходство с данными некоторых экспериментальных исследований, посвященных другим языкам. В наших записях 74,5 % частных вопросов были произнесены участниками эксперимента с «нисходящей» интонацией. Для сравнения: доля частных вопросов, произнесенных с низким пограничным тоном, в эксперименте [Repp 2019] на материале немецкого языка составила две трети, в [Hirschberg 2000] на материале английского — 83,8 % при чтении и 62,2 % в спонтанной речи, в [Hedberg et al. 2004] также на материале английского — 82 %.

Дизайн эксперимента позволил проверить гипотезы о влиянии на выбор носителями языка типа контура двух факторов: наличия контрастного фокуса и инициальной частицы *a*.

Как и ожидалось, было обнаружено статистически значимое влияние типа фокуса на выбор контура. Сталкиваясь с обусловленной контекстом диалога необходимостью маркировать при помощи просодии контрастный фокус на предикате или субъекте, участники эксперимента значительно чаще выбирали нисходящие контуры. Эти результаты подтверждают имеющееся в литературе представление о том, что в русском языке основным способом просодического выделения слова во фразе является нисходящее движение тона (см. данные о передвижении центра ИК-2 в модели Е. А. Брызгуновой). Тем не менее в наших данных в контекстах с контрастным фокусом на субъекте информанты нередко использовали восходящий контур $H^* L^* H\%$, в котором просодически выделенное слово маркируется низким тональным акцентом. При этом в контекстах с контрастным фокусом на предикате акцент L^* использовался крайне редко. Возможное объяснение заключается в том, что в проанализированных фразах локализации тонального акцента на последнем слове фразы оказывается достаточно, чтобы выразить контрастный фокус, вне зависимости от того, какой тональный акцент выбран — H^*+L или L^* . Напротив, локализация тонального акцента на последнем слове фразы (в нашем материале регулярно становившемся носителем ядерного акцента в контекстах ИФ) создает условия для омонимии между ИФ и КФП. Вероятно, с целью избежать этой неоднозначности участники эксперимента почти не использовали конфигурацию $L^* H\%$ на последнем слове фразы в контекстах КФП. Таким образом, «восходящая» конфигурация тонального акцента и пограничного тона, ассоциированная с последним словом фразы, выступает в роли надежного сигнала информационного фокуса, при этом «нисходящая» может использоваться как при ИФ, так и при КФП.

Если влияние информационной структуры на выбор тональных акцентов широко распространено типологически, то обнаруженный нами эффект инициальной частицы *a*, безусловно, является специфическим для русской просодии. Анализ распределения двух вариантов показал, что участники эксперимента значительно чаще выбирали «восходящую» тональную конфигурацию $H^* L^* H\%$, если во фразе присутствовало это слово.

Следует оговориться, что, поскольку в нашем эксперименте в качестве метода эlicitации использовалось чтение диалогов вслух, полученные данные позволяют распространять выводы только на этот тип речевой деятельности носителей языка. Действительно, поскольку дизайн эксперимента вынуждал участников произносить частные вопросы с частицей *a*, ошибкой было бы предполагать, что полученные данные могут быть безусловно распространены также на спонтанно порождаемую речь. В отличие от условий нашего эксперимента, в условиях порождения спонтанной речи говорящий волен выбирать, употреблять или нет частицу *a* в частном вопросе. Тем не менее наличие столь сильной корреляции между использованием в частном вопросе инициальной частицы и конфигурации $H^* L^* H\text{-}\%$ требует объяснения.

Наиболее вероятной интерпретацией этой зависимости является то, что в данном случае оба наблюдаемых признака обусловлены единой причиной, а именно, обе языковые единицы служат факультативными средствами выражения одного и того же значения. Вероятный кандидат, по нашему мнению, — приписываемое в литературе частице *a* значение «подключения ⟨...⟩ высказывания к какому-то предтексту, ⟨...⟩ его включенность в более крупную коммуникативную единицу» [Зализняк, Микаэлян 2018б: 337]; ср. регулярно отмечавшиеся для ИК-4 функции выражения «сопоставительных отношений с предшествующим предложением» [Брызгунова 1980а: 114]; также у Е. А. Брызгуновой об ИК-4 в вопросах: «Связь с предшествующим наиболее очевидно проявляется в предложениях с местоименным словом...» [Брызгунова 1980б: 401]¹²

Отметим, однако, что в нашем материале параметр «включенность в ряд реплик» на формальном уровне выступал в качестве константы: во всех диалогах частному вопросу обязательно предшествовал другой вопрос; «неконтекстуализированные» частные вопросы в настоящей работе не рассматривались. В качестве примера такого иницирующего коммуникацию вопроса, не имеющего предтекста, но содержащего частицу *a*, можно привести начинающую диалог с продавцом фразу «А сколько стоит этот пирог?..» [Николаева 1997]. Несмотря на наличие инициального *a*, использование тонального акцента L^* и пограничного тона $H\text{-}\%$ в этом контексте представляется маловероятным; таким образом, принимая анализ частицы как «интимизатора» или «квазитематизатора», мы должны допускать возможное отсутствие такой функции у обычно сопровождающей ее тональной конфигурации. Безусловно, в целях дальнейшего изучения взаимодействия между просодией, синтаксисом и семантикой представляет интерес экспериментальное манипулирование не только наличием/от-

¹² Другая возможная «кандидатура» на роль общего элемента значения — сема контраста, очевидно, имеющаяся у *a*, но также выделяемая в [Янко 2008] как «инвариантное значение ИК-4» (ср. также «инвариантный параметр соотношения», предлагаемый для ИК-4 в [Безяева 2002]).

сутствием *a*, но и типами контекстов, в которых употребляются содержащие эту частицу частные вопросы.

Наконец, следует обсудить третий статистически значимый эффект, который был, вопреки ожиданиям, обнаружен в результате регрессионного анализа: фразы с вопросительным словом *почему* реже произносились с восходящим контуром по сравнению с фразами, содержащими вопросительные слова *где* и *когда*. В разделе 3.5 эта зависимость была условно названа «эффектом вопросительного слова», однако в действительности стимулы, различавшиеся вопросительными словами, также отличались еще как минимум по трем признакам: количеству слогов во фразе (вопросы с *почему* были существенно длиннее, чем вопросы с *где* и *когда*; 11 против 7 и 6 слогов соответственно), отсутствию/наличию отрицания при глаголе и отсутствию/наличию замены существительного на местоимение в контекстах КФС. Таким образом, обнаруженный эффект может быть связан с любым из этих факторов. Невозможность разграничить эффекты перечисленных факторов следует отнести к недостаткам дизайна эксперимента, которые должны быть учтены при планировании новых исследований.

В заключение отметим, что результаты эксперимента, подтверждая вариативность интонационного оформления частного вопроса в русском языке и выделяя по крайней мере два ее возможных источника, безусловно, демонстрируют необходимость дальнейшего изучения описанных явлений. С нашей точки зрения, наибольший интерес для будущих исследований представляют два основных направления. С одной стороны, новые экспериментальные и корпусные данные необходимы для того, чтобы углубить понимание закономерностей фонетической реализации тональных конфигураций, характерных для частного вопроса. В частности, в экспериментальной проверке нуждается анализ предъядерных тональных акцентов, описанных в настоящей работе как N^* и N^*+L ; формального описания требуют условия применения правила даунстепа; необходимы сведения о тайминге высоких пограничных тонов в русском языке. Эти и другие фонетические данные позволят уточнить предложенную в статье предварительную фонологическую интерпретацию наблюдаемых явлений и ее отражение в ToBI-транскрипции русской интонации. С другой стороны, детальное понимание фонетической реализации противопоставленных на фонологическом уровне контуров русских частных вопросов сделает возможным проведение перцептивных экспериментов, направленных на изучение функциональной нагрузки просодических вариантов. Экспериментальные данные о восприятии этих тональных конфигураций позволят уточнить устоявшиеся в литературе утверждения о прагматической маркированности некоторых контуров частных вопросов, в настоящий момент основывающиеся главным образом на интуиции исследователей и ранее не проверившиеся методами экспериментальной фонетики.

Приложение

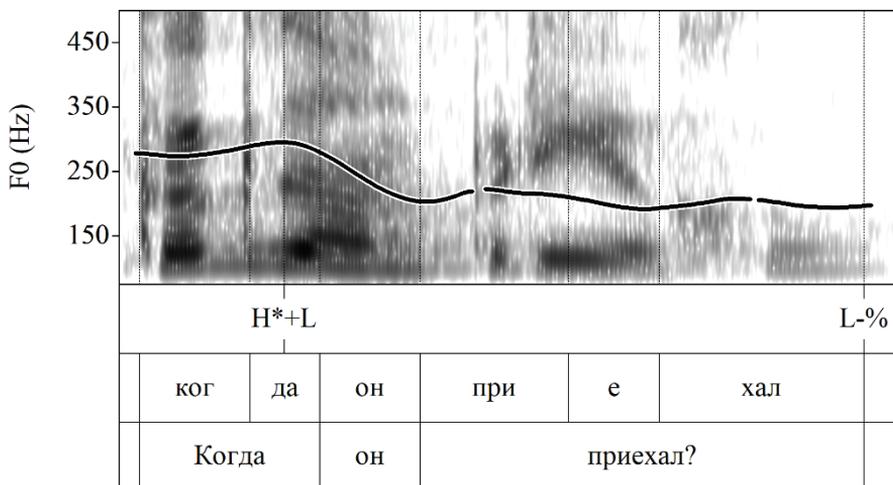

Рис. 1. Спектрограмма и контур ЧОТ фразы *Когда он приехал?* в произношении диктора 10

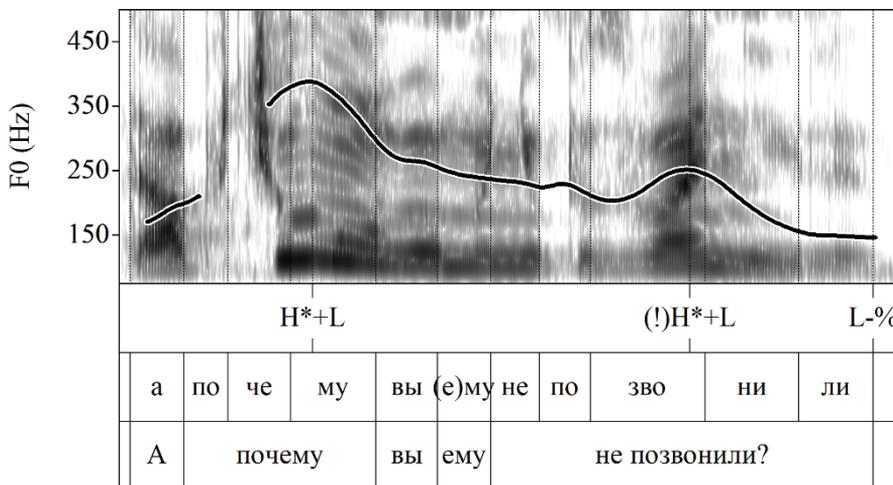

Рис. 2. Спектрограмма и контур ЧОТ фразы *А почему вы ему не позвонили?* в произношении диктора 15

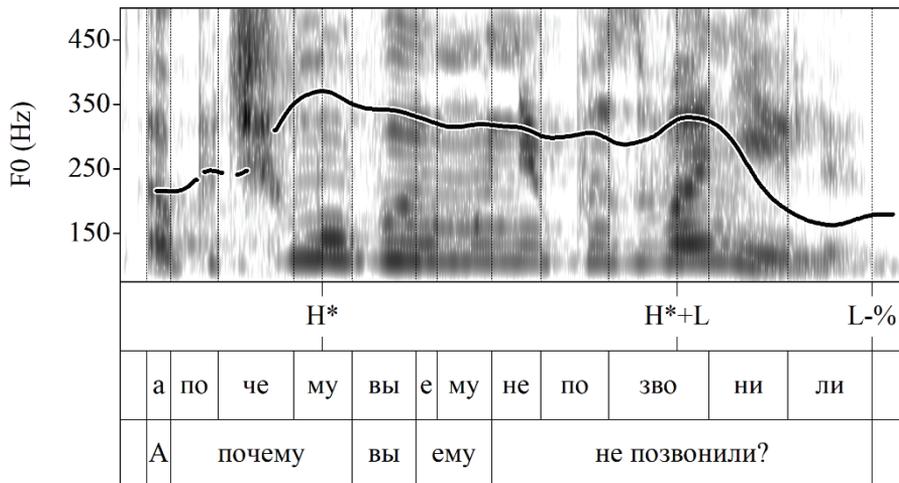

Рис. 3. Спектрограмма и контур ЧОТ фразы *А почему вы ему не позвонили?* в произношении диктора 18

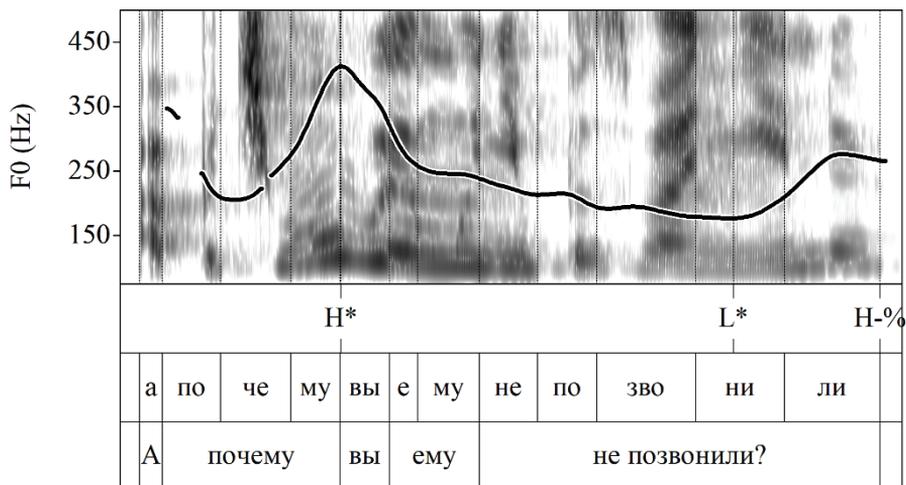

Рис. 4. Спектрограмма и контур ЧОТ фразы *А почему вы ему не позвонили?* в произношении диктора 1

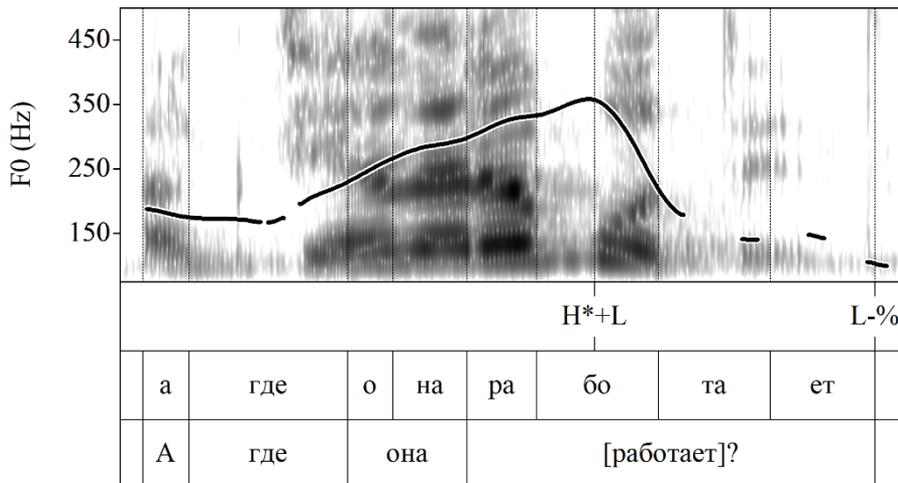

Рис. 5. Спектрограмма и контур ЧОТ фразы *А где она [работает]?* в произношении диктора 12

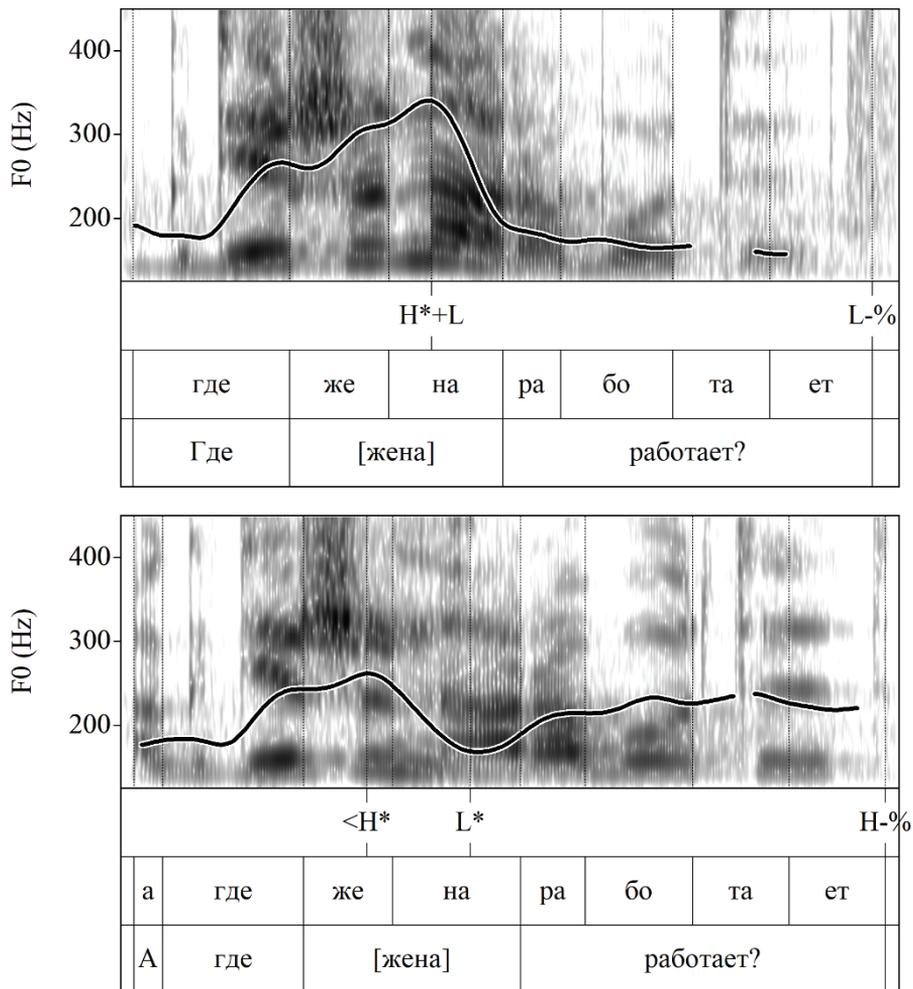

Рис. 6. Спектрограммы и контуры ЧОТ фраз (а) *Где [жена] работает?* и (б) *А где [жена] работает?*, обе — в произношении диктора 18

Таблица 1

Результаты классификации контуров фраз, полученных в ходе эксперимента.
ИФ — информационный фокус, **КФП** — контрастный фокус на предикате,
КФС — контрастный фокус на субъекте

Тип фокуса	Частица	Вопросит. слово	Нисходящие контуры			Восходящ. контур	Всего
			H*+L L-%	H*+L (!)H*+L L-%	H* H*+L L-%	H* L* H-%	
ИФ	–	где	4	2	2	12	20
		когда	11	3	2	4	20
		почему	2	11	1	5	19
	А	где	4	0	3	13	20
		когда	4	3	1	11	19
		почему	0	2	5	12	19
КФП	–	где	13	0	6	0	19
		когда	13	4	3	0	20
		почему	0	15	5	0	20
	А	где	14	1	4	1	20
		когда	11	2	6	0	19
		почему	0	10	5	2	17
КФС	–	где	16	0	4	0	20
		когда	8	0	2	8	18
		почему	13	3	3	0	19
	А	где	7	1	3	9	20
		когда	6	0	1	10	17
		почему	13	3	2	1	19
Всего			139	60	58	88	345
Всего, %			40,29	17,39	16,81	25,51	100

Таблица 2

**Результаты статистического анализа влияния трех факторов
на выбор типа интонационного контура участниками эксперимента**

Тон: восходящий/нисходящий			
Предикторы	Отношения шансов	95 % доверит. интервалы	<i>p</i>
(Intercept)	0.15	0.06 — 0.37	<0.001
частица: А	4.48	2.31 — 8.68	<0.001
фокус: КФП	0.05	0.01 — 0.18	<0.001
фокус: ИФ	3.99	2.03 — 7.83	<0.001
вопр. слово: когда	1.02	0.49 — 2.12	0.961
вопр. слово: почему	0.36	0.16 — 0.79	0.011
Случайные эффекты			
σ^2	3.29	Всего наблюдений	345
τ_{00} информант	1.23	Предельн. R^2 / Условн. R^2	0.483/ 0.624
ICC	0.27	AIC	285.225
Количество информантов	20		

Литература

Безяева 2002 — Е. Г. Безяева. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

Брызгунова 1963 — Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

Брызгунова 1980а — Е. А. Брызгунова. Интонация // Русская грамматика. Т. 1: фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Брызгунова 1980б — Е. А. Брызгунова. Средства выражения неизвестного в вопросе (взаимодействие лексики, контекста и интонации) // Русская грамматика. Т. 2: синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Зализняк, Микаэлян 2018а — А. Зализняк, И. Микаэлян. Союз *a* // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / О. Ю. Инькова (ред.). М.: Торус Пресс, 2018. С. 24–79.

Зализняк, Микаэлян 2018б — А. Зализняк, И. Микаэлян. Русское *a*: опыт интегрального описания // Russian Linguistics. 42. 2018. С. 321–344.

Игараси 2002 — Ё. Игараси. Так называемая «нейтрализация интонации» — фонологическое описание русской интонации // Бюллетень Японской ассоциации русистов. 34. 2002. С. 15–21.

Йокояма 2003 — О. Йокояма. Нейтральная и ненейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы интонационных конструкций // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 99–122.

Кодзасов 1985 — С. В. Кодзасов. Интонация вопросительных предложений: форма и функции // Диалоговое взаимодействие и представление знаний / А. С. Нариньяни (ред.). Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1985. С. 48–63.

Кодзасов 1996 — С. В. Кодзасов. Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи / Т. М. Николаева (ред.). М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1996. С. 85–121.

Кодзасов 2009 — С. В. Кодзасов. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009.

Николаева 1982 — Т. М. Николаева. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.

Николаева 1997 — Т. М. Николаева. Сочинительные союзы *a*, *no*, *i*: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы / Т. М. Николаева (ред.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 1997. С. 3–24.

Оде 2007 — С. Оде. Заметки о понятии *тональный акцент* на примере русского языка // Проблемы фонетики V / Р. Ф. Касаткина (ред.). М.: Наука, 2007. С. 237–249.

Подлеская 2018 — В. И. Подлеская. «А у нас в квартире газ! А у вас?»: конструкции с союзом *A* по данным просодически размеченного корпуса // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» / В. П. Селегей (ред.). М.: Издательский центр РГГУ, 2018. С. 601–618.

Фужерон 1997 — И. Фужерон. О некоторых особенностях русских сочинительных союзов. Союзы *и* и *a*, союзы *a* и *no* // Славянские сочинительные союзы / Т. М. Николаева (ред.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 1997. С. 25–35.

Шкапа 2013 — М. В. Шкапа. Клефт в ирландском языке: к типологии клефта и тетических предложений // Вопросы языкознания. 2013. № 5. С. 89–105.

Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.

Arvaniti, Baltazani 2005 — A. Arvaniti, M. Baltazani. Intonational Analysis and Prosodic Annotation of Greek Spoken Corpora // Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing / Sun-Ah Jun (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 84–117.

Arvaniti, Ladd 2009 — A. Arvaniti, D. R. Ladd. Greek wh-questions and the phonology of intonation // Phonology. 26. 2009. P. 43–74.

Baltazani et al. 2020 — M. Baltazani, S. Gryllia, A. Arvaniti. The Intonation and Pragmatics of Greek wh-Questions // Language and Speech. 63 (1). 2019. P. 56–94.

Bates et al. 2015 — D. Bates, M. Maechler, B. Bolker, S. Walker. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // Journal of Statistical Software. 67 (1). 2015. P. 1–48.

Baumann 2012 — S. Baumann. The Intonation of Givenness: Evidence from German. Berlin: De Gruyter, 2012.

Baumann et al. 2007 — S. Baumann, J. Becker, M. Grice, D. Mücke. Tonal and articulatory marking of focus in German // 16th International Congress of Phonetic Sciences / J. Trouvain, W. J. Barry (eds.). 2007. P. 1029–1032.

Beckman et al. 2005 — M. E. Beckman, J. Hirschberg, S. Shattuck-Hufnagel. The Original ToBI System and the Evolution of the ToBI Framework // *Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing* / Sun-Ah Jun (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 9–54.

Beckman, Pierrehumbert 1986 — M. E. Beckman, J. Pierrehumbert. *Intonational Structure in Japanese and English* // *Phonology Yearbook III*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 15–70.

Bocci et al. 2021 — G. Bocci, V. Bianchi, S. Cruschina. Focus in wh-questions // *Natural Language and Linguistic Theory*. 39. 2021. P. 405–455.

Boersma, Weenink 2019 — P. Boersma, D. Weenink. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.1.08. URL: <http://www.praat.org/> (дата обращения: 05.12.2021).

Braun, Biezma 2019 — B. Braun, M. Biezma. Prenuclear L*+H Activates Alternatives for the Accented Word // *Frontiers in Psychology*. 10. 2019. P. 1993.

Breen et al. 2010 — M. Breen, E. Fedorenko, M. Wagner, E. Gibson. Acoustic correlates of information structure // *Language and cognitive processes*. 25. 2010. P. 1044–1098.

Büring 2007 — D. Büring. Semantics, Intonation, and Information Structure // *The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces* / G. Ramchand and C. Reiss (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 445–474.

Calhoun 2010 — S. Calhoun. The centrality of metrical structure in signaling information structure: A probabilistic perspective // *Language*. 86. 2010. P. 1–42.

Chen 2012 — A. Chen. Shaping the intonation of WH-questions: Information structure and beyond // *Questions: Formal, functional and interactional perspectives* / J. P. de Ruiter (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 146–164.

Chodroff, Cole 2018 — E. Chodroff, J. Cole. Information structure, affect, and prenuclear prominence in American English // *Proceedings of Interspeech 2018*. P. 1848–1852.

Féry, Ishihara 2016 — C. Féry, S. Ishihara. Introduction // *The Oxford Handbook of Information Structure* / C. Féry, S. Ishihara (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2016.

Féry, Kügler 2008 — C. Féry, F. Kügler. Pitch accent scaling on given, new and focused constituents in German // *Journal of Phonetics*. 36. 2008. P. 680–703.

Fox, Weisberg 2019 — J. Fox, S. Weisberg. *An {R} Companion to Applied Regression*, Third Edition. Thousand Oaks: SAGE Publishing, 2019.

Grice et al. 2005 — M. Grice, S. Baumann, R. Benz Müller. German Intonation in Autosegmental-Metrical Phonology // *Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing* / Sun-Ah Jun (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 55–83.

Grice et al. 2000 — M. Grice, D. R. Ladd, A. Arvaniti. On the Place of Phrase Accents in Intonational Phonology // *Phonology*. 17. 2000. P. 143–185.

Gryllia et al. 2018 — S. Gryllia, M. Baltazani, A. Arvaniti. The role of pragmatics and politeness in explaining prosodic variability // *Proceedings of the 9th International Conference on Speech Prosody* / K. Klessa, J. Bachan, A. Wagner, M. Karpiński, D. Śledziński (eds.). Poznan, 2018. P. 158–162.

Gryllia et al. 2019 — S. Gryllia, M. Baltazani, A. Arvaniti. Evidence for the compositionality of tunes and intonational meaning // *Proceedings of the 19th Inter-*

national Congress of Phonetic Sciences / S. Calhoun, P. Escudero, M. Tabain, P. Warren (eds.). Melbourne, 2019. P. 2841–2845.

Gussenhoven 2004 — C. G u s s e n h o v e n. The Phonology of Tone and Intonation. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Gussenhoven 2008 — C. G u s s e n h o v e n. Types of Focus in English // Topic and Focus. Studies in Linguistics and Philosophy, vol. 82 / C. Lee, M. Gordon, D. Büring (eds.). Dordrecht: Springer, 2008. P. 83–100.

Haan 2001 — J. H a a n. Speaking of Questions: An Exploration of Dutch Question Intonation. Utrecht: LOT, 2001.

Hedberg, Sosa 2002 — N. H e d b e r g, J. M. S o s a. The Prosody of Questions in Natural Discourse // Speech Prosody 2002. Aix-en-Provence, 2002. P. 375–378.

Hedberg et al. 2004 — N. H e d b e r g, J. M. S o s a, L. F a d d e n. Meanings and Configurations of Questions in English // Speech Prosody 2004 / B. Bel, I. Marlien (eds.). Nara, 2004. P. 309–312.

Hirschberg 1989 — J. H i r s c h b e r g. Distinguishing Questions by Contour in Speech Recognition Tasks // Speech and Natural Language: Proceedings of a Workshop Held at Cape Cod, Massachusetts, October 15–18. 1989 P. 22–33.

Hirschberg 2000 — J. H i r s c h b e r g. A Corpus-Based Approach to the Study of Speaking Style // Prosody: Theory and Experiment / M. Horne (ed.). Dordrecht: Springer, 2000. P. 335–350.

Igarashi 2006 — Y. I g a r a s h i. Intonational Patterns in Russian Interrogatives — Phonetic Analyses and Phonological Interpretations // Prosody and Syntax: Cross-linguistic perspectives / Y. Kawaguchi, I. Fónagy, T. Moriguchi (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2006. P. 175–196.

Igarashi 2008 — Y. I g a r a s h i. Russian interrogatives and intonational categories // The Discourse Potential of Underspecified Structures / A. Steube (ed.). Berlin: De Gruyter, 2008. P. 227–269.

Jun 2005 — Sun-Ah Jun (ed.). Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Jun 2005 — Sun-Ah Jun (ed.). Prosodic Typology II: The Phonology of Intonation and Phrasing. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Keijsper 1983 — C. E. K e i j s p e r. Comparing Dutch and Russian pitch contours // Russian Linguistics. 7. 1983. P. 101–154.

Kiss 1998 — K. E. K i s s. Identificational Focus versus Information Focus // Language. 74. 1998. P. 245–273.

Kocharov et al. 2014 — D. K o c h a r o v, P. S k r e l i n, N. V o l s k a y a. F0 Declination Patterns in Russian // Speech and Computer, 16th International Conference Proceedings / A. Ronzhin, R. Potapova, D. Vlado (eds.). Dordrecht: Springer, 2014. P. 217–226.

Kocharov et al. 2015 — D. K o c h a r o v, N. V o l s k a y a, P. S k r e l i n. F0 Declination in Russian Revisited // Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences / The Scottish Consortium for ICPHs 2015 (eds.). 2015.

Krifka 2008 — M. K r i f k a. Basic notions of information structure // Acta Linguistica Hungarica. 55. 2008. P. 243–276.

Ladd 1984 — D. R. L a d d. Declination: A Review and Some Hypotheses // Phonology Yearbook. 1. 1984. P. 53–74.

Ladd 2008 — D. R. L a d d. Intonational Phonology. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

- Levshina 2015 — N. Levshina. How to do Linguistics with R. Data exploration and statistical analysis. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2015.
- Makarova 2001 — V. Makarova. Perceptual correlates of sentence-type intonation in Russian and Japanese // *Journal of Phonetics*. 29. 2001. P. 137–154.
- Makarova 2007 — V. Makarova. The Effect of Pitch Peak Alignment on Sentence Type Identification in Russian // *Language and Speech*. 50. 2007. P. 385–422.
- Meyer, Mleinek 2006 — R. Meyer, I. Mleinek. How prosody signals force and focus — A study of pitch accents in Russian yes–no questions // *Journal of Pragmatics*. 38. 2006. P. 1615–1635.
- Odé 1989 — S. Odé. Russian intonation: a perceptual description. Amsterdam: Brill, 1989.
- Odé 2005 — S. Odé. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables // *Speech Communication*. 47. 2005. P. 71–79.
- Odé 2008 — S. Odé. Transcription of Russian intonation ToRI, an interactive research tool and learning module on the internet // *Studies in Slavic and General Linguistics*. 34. 2008. P. 431–449.
- Pierrehumbert — J. Pierrehumbert. The phonology and phonetics of English intonation. Cambridge: MIT, 1980.
- R Core Team 2018 — R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. Vienna, 2018.
- Rathcke 2006 — T. Rathcke. A perceptual study on Russian questions and statements // *Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel (AIPUK)*. 37. 2006. P. 51–62.
- Rathcke 2013 — T. Rathcke. On the neutralizing status of truncation in intonation: A perception study of boundary tones in German and Russian // *Journal of Phonetics*. 41. 2013. P. 172–185.
- Rathcke 2017 — T. Rathcke. How Truncating Are ‘Truncating Languages’? Evidence from Russian and German // *Phonetica*. 73. 2017. P. 194–228.
- Repp 2019 — S. Repp. The Prosody of Wh-exclamatives and Wh-questions in German: Speech Act Differences, Information Structure, and Sex of Speaker // *Language and Speech*. 63. 2019. P. 306–361.
- Sosa 2003 — J. M. Sosa. Wh-questions in Spanish: meanings and configuration variability // *Catalan Journal of Linguistics*. 2. 2003. P. 229–247.
- Svetozarova 1998 — N. Svetozarova. Intonation in Russian // *Intonation systems: a survey of twenty languages* / D. Hirst, A. Di Cristo (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 264–277.
- Svetozarova, Kuosmanen 2003 — N. Svetozarova, A. Kuosmanen. Declination and finality in spontaneous and read speech in Russian // *15th International Congress of Phonetic Sciences* / M. J. Solé, D. Recasens, J. Romero (eds.). 2003. P. 1297–1300.
- ToRI-2008 — Transcription of Russian Intonation: a free interactive research tool and learning module by Cecilia Odé. URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/tori/> (дата обращения: 05.12.2019).
- Zimmermann, Féry 2010 — M. Zimmermann, C. Féry (eds.). Information structure: Theoretical, typological, and experimental perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Pavel V. Duryagin

Ca' Foscari University of Venice
(Venice, Italy)
pavel.duryagin@unive.it

RUSSIAN WH-QUESTION INTONATION: EXPERIMENTAL DATA ON SOME SOURCES OF VARIATION

The paper presents the results of an experimental study of prosody in Russian wh-questions. The data were elicited by means of a dialogue reading task performed by 20 native speakers of Standard Russian. The results generally corroborate existing reports on the variability of pitch contours, making it possible to determine the basic types of tonal configurations and propose a preliminary phonological interpretation for these contours within the Autosegmental metrical model of intonation. Four different configurations of accents were found in the data: on the one hand, three “falling” contours containing a low edge tone preceded by different combinations of prenuclear accents; on the other hand, a single “rising” contour containing a high edge tone. In addition, effects of two factors on the choice of question tune were tested: focus type and presence of phrase-initial particle. Both effects were found to be significant. While contrastive focus restricted the use of the high edge tone configuration (to a varying extent, depending on the syntactic role of the word in focus), the rising tune was more likely to be chosen in the presence of the particle.

Keywords: phonetics, intonation, wh-question, variability, focus

References

- Arvaniti, A., & Baltazani, M. (2005). Intonational analysis and prosodic annotation of Greek spoken corpora. In Sun-Ah Jun (Ed.), *Prosodic typology: The phonology of intonation and phrasing* (pp. 84–117). Oxford: Oxford University Press.
- Arvaniti, A., & Ladd, D. R. (2009). Greek wh-questions and the phonology of intonation. *Phonology*, 26, 43–74.
- Baltazani, M., Gryllia, S., & Arvaniti, A. (2019). The intonation and pragmatics of Greek wh-questions. *Language and speech*, 63(1), 56–94.
- Bates, D., Maechler, M., Bolker, B., & Walker, S. (2015). Fitting linear mixed-effects models using lme4. *Journal of statistical software*, 67(1), 1–48.
- Baumann, S. (2012). *The intonation of givenness: evidence from German*. Berlin: De Gruyter.
- Baumann, S., Becker, J., Grice, M., & Mücke, D. (2007). Tonal and articulatory marking of focus in German. In J. Trouvain, & W. J. Barry (Eds.), *16th International congress of phonetic sciences* (pp. 1029–1032). Saarbrücken: Univ. des Saarlandes.
- Beckman, M. E., & Pierrehumbert, J. (1986). Intonational structure in Japanese and English. *Phonology yearbook*, 3, 15–70.
- Beckman, M. E., Hirschberg, J., & Shattuck-Hufnagel, S. (2005). The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. In Sun-Ah Jun (Ed.), *Prosodic typology: the phonology of intonation and phrasing* (pp. 9–54). Oxford: Oxford University Press.
- Beziaeva, E. G. (2002). *Semantika kommunikativnogo urovnia zvuchashchego yazyka*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

- Bocci, G., Bianchi, V., & Cruschina, S. (2021). Focus in wh-questions. *Natural Language and Linguistic Theory*, 39, 405–455.
- Braun, B., & Biezma, M. (2019). Prenuclear L*+H activates alternatives for the accented word. *Frontiers in psychology*, 10, 1993.
- Breen, M., Fedorenko, E., Wagner, M., & Gibson, E. (2010). Acoustic correlates of information structure. *Language and cognitive processes*, 25, 1044–1098.
- Bryzgunova, E. A. (1963). *Prakticheskaja fonetika i intonatsiia russkogo yazyka*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Bryzgunova, E. A. (1980). Intonatsiia. In N. Yu. Shvedova (Ed.), *Russkaia grammatika. T. 1: Fonetika, fonologija, udarenie, intonatsiia, slovoobrazovanie, morfologija*. Moscow: Nauka.
- Bryzgunova, E. A. (1980a). Sredstva vyrazheniia neizvestnogo v voprose (vzaimodeistvie leksiki, konteksta i intonatsii). In N. Yu. Shvedova (Ed.), *Russkaia grammatika. T. 2: Sintaksis*. Moscow: Nauka.
- Büring, D. (2007). Semantics, intonation, and information structure. In G. Ramchand, & C. Reiss (Eds.), *The Oxford handbook of linguistic interfaces* (pp. 445–474). Oxford: Oxford University Press.
- Calhoun, S. (2010). The centrality of metrical structure in signaling information structure: a probabilistic perspective. *Language*, 86, 1–42.
- Chen, A. (2012). Shaping the intonation of WH-questions: information structure and beyond. In J. P. de Ruiter (Ed.), *Questions: formal, functional and interactional perspectives* (pp. 146–164). Cambridge: Cambridge University Press.
- Chodroff, E., & Cole, J. (2018). Information structure, affect, and pre-nuclear prominence in American English. In B. Yegnanarayana (Ed.), *Proceedings of Interspeech 2018* (pp. 1848–1852). Retrieved from https://www.isca-speech.org/archive/Interspeech_2018/
- Féry, C., & Ishihara, S. (Eds.). (2016). *The Oxford handbook of information structure*. Oxford: Oxford University Press.
- Féry, C., & Kügler, F. (2008). Pitch accent scaling on given, new and focused constituents in German. *Journal of Phonetics*, 36, 680–703.
- Fox, J., & Weisberg, S. (2019). *An {R} companion to applied regression* (3rd ed.). Thousand Oaks: SAGE Publishing.
- Fuzheron, I. (1997). O nekotorykh osobennostiakh russkikh sochinitel'nykh soiuзов. Soiuzy *i i a*, soiuzy *a i no*. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Slavianskie sochinitel'nye soiuzy* (pp. 25–35). Moscow: In-t slavianovedeniia RAN.
- Grice, M., Baumann, S., & Benz Müller, R. (2005). German intonation in autosegmental-metrical phonology. In Sun-Ah Jun (Ed.), *Prosodic typology: the phonology of intonation and phrasing* (pp. 55–83). Oxford: Oxford University Press.
- Grice, M., Ladd, D. R., & Arvaniti, A. (2000). On the place of phrase accents in intonational phonology. *Phonology*, 17, 143–185.
- Gryllia, S., Baltazani, M., & Arvaniti, A. (2018). The role of pragmatics and politeness in explaining prosodic variability. In K. Klessa, J. Bachan, A. Wagner, M. Karpiński, & D. Śledziński (Eds.), *Proceedings of the 9th International conference on speech prosody* (pp. 158–162). Poznan: Peter Lang.
- Gryllia, S., Baltazani, M., & Arvaniti, A. (2019). Evidence for the compositionality of tunes and intonational meaning. In S. Calhoun, P. Escudero, M. Tabain, & P. Warren (Eds.), *Proceedings of the 19th International congress of phonetic sciences* (pp. 2841–2845). Melbourne: Australasian Speech Science and Technology Association Inc.

- Gussenhoven, C. (2004). *The Phonology of tone and intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gussenhoven, C. (2008). Types of focus in English. In C. Lee, M. Gordon, & D. Büring (Eds.), *Topic and focus* (pp. 83–100). Dordrecht: Springer.
- Haan, J. (2001). *Speaking of questions: an exploration of Dutch question intonation*. Utrecht: LOT.
- Hedberg, N., & Sosa, J. M. (2002). The prosody of questions in natural discourse. In B. Bel, & I. Marlien (Eds.), *Speech prosody 2002* (pp. 375–378). Aix-en-Provence: Laboratoire Parole et Langage.
- Hedberg, N., Sosa, J. M., & Fadden, L. (2004). Meanings and configurations of questions in English. In B. Bel, & I. Marlien (Eds.), *Speech prosody 2004* (pp. 309–312). Nara: [s.n.].
- Hirschberg, J. (1989). Distinguishing questions by contour in speech recognition tasks. In *Speech and natural language: proceedings of a workshop* (pp. 22–33). Massachusetts: Morgan Kaufmann Publishers.
- Hirschberg, J. (2000). A corpus-based approach to the study of speaking style. In M. Horne (Ed.), *Prosody: theory and experiment* (pp. 335–350). Dordrecht: Springer.
- Igarashi, Y. (2006). Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. In Y. Kawaguchi, I. Fónagy, & T. Moriguchi (Eds.), *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives* (pp. 175–196). Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Igarashi, Y. (2008). Russian interrogatives and intonational categories. In A. Steube (Ed.), *The discourse potential of underspecified structures* (pp. 227–269). Berlin: De Gruyter.
- Igarasi, I. (2002). Tak nazyvaemaia «neitralizatsiia intonatsii» — fonologicheskoe opisanie russkoi intonatsii. *Biulleten' Yaponskoi assotsiatsii rusistov*, 34, 15–21.
- Keijsper, C. E. (1983). Comparing Dutch and Russian pitch contours. *Russian Linguistics*, 7, 101–154.
- Kiss, K. E. (1998). Identificational focus versus information focus. *Language*, 74, 245–273.
- Kocharov, D., Skrelin, P., & Volskaya, N. (2014). F0 declination patterns in Russian. In A. Ronzhin, R. Potapova, & D. Vlado (Eds.), *Speech and computer, 16th International conference proceedings* (pp. 217–226). Dordrecht: Springer.
- Kocharov, D., Volskaya, N., & Skrelin, P. (2015). F0 declination in Russian revisited. In M. Wolters, J. Livingstone, B. Beattie, R. Smith, M. MacMahon, J. Stuart-Smith, & J. M. Scobbie (Eds.), *Proceedings of the 18th International congress of phonetic sciences*. Glasgow: University of Glasgow. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/283908493_F0_DECLINATION_IN_RUSSIAN_REVISITED
- Kodzasov, S. V. (1985). Intonatsiia voprositel'nykh predlozhenii: forma i funktsii. In A. S. Narin'iani (Ed.), *Dialogovoe vzaimodeistvie i predstavlenie znaniia* (pp. 48–63). Novosibirsk: VTs SO AN SSSR.
- Kodzasov, S. V. (1996). Kombinatornaia model' frazovoi prosodii. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Prosodicheskii stroi russkoi rechi* (pp. 85–121). Moscow: In-t rus. iaz. RAN.
- Kodzasov, S. V. (2009). *Issledovaniia v oblasti russkoi prosodii*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Krifka, M. (2008). Basic notions of information structure. *Acta Linguistica Hungarica*, 55, 243–276.

- Ladd, D. R. (1984). Declination: a review and some hypotheses. *Phonology yearbook*, 1, 53–74.
- Ladd, D. R. (2008). *Intonational phonology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levshina, N. (2015). *How to do linguistics with R. Data exploration and statistical analysis*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Makarova, V. (2001). Perceptual correlates of sentence-type intonation in Russian and Japanese. *Journal of Phonetics*, 29, 137–154.
- Makarova, V. (2007). The effect of pitch peak alignment on sentence type identification in Russian. *Language and speech*, 50, 385–422.
- Meyer, R., & Mleinek, I. (2006). How prosody signals force and focus — A study of pitch accents in Russian yes–no questions. *Journal of Pragmatics*, 38, 1615–1635.
- Nikolaeva, T. M. (1982). *Semantika aktsentnogo vydeleniia*. Moscow: Nauka.
- Nikolaeva, T. M. (1997). Sochinitel'nye soiuzy *a, no, i*: istoriia, skhodstva i razlichiiia. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Slavianskie sochinitel'nye soiuzy* (pp. 3–24). Moscow: In-t slavianovedeniia RAN.
- Odé, S. (1989). *Russian intonation: a perceptual description*. Amsterdam: Brill.
- Odé, S. (2005). Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables. *Speech communication*, 47, 71–79.
- Odé, S. (2007). Zametki o poniatii *tonal'nyi aktsent* na primere russkogo yazyka. In R. F. Kasatkina (Ed.), *Problemy fonetiki* (pp. 237–249). Moscow: Nauka.
- Odé, S. (2008). Transcription of Russian intonation ToRI, an interactive research tool and learning module on the internet. *Studies in Slavic and general linguistics*, 34, 431–449.
- Pierrehumbert, J. (1980). *The phonology and phonetics of English intonation*. Cambridge: MIT.
- Podlesskaia, V. I. (2018). «A u nas v kvartire gaz! A u vas?»: konstruktssii s soiuzom A po dannym prosodicheskii razmechennogo korpusa. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (pp. 601–618). Moscow: Izdatel'skii tsentr RGGU.
- Rathcke, T. (2006). A perceptual study on Russian questions and statements. *Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel*, 37, 51–62.
- Rathcke, T. (2013). On the neutralizing status of truncation in intonation: a perception study of boundary tones in German and Russian. *Journal of phonetics*, 41, 172–185.
- Rathcke, T. (2017). How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 73, 194–228.
- Repp, S. (2019). The Prosody of wh-exclamatives and wh-questions in German: speech act differences, information structure, and sex of speaker. *Language and speech*, 63, 306–361.
- Shkapa, M. V. (2013). Kleft v irlandskom yazyke: k tipologii klefta i teticheskikh predlozhenii. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 89–105.
- Sosa, J. M. (2003). Wh-questions in Spanish: meanings and configuration variability. *Catalan journal of linguistics*, 2, 229–247.
- Sun-Ah Jun (Ed.). (2005). *Prosodic typology: the phonology of intonation and phrasing*. Oxford: Oxford University Press.
- Sun-Ah Jun (Ed.). (2014). *Prosodic typology II: the phonology of intonation and phrasing*. Oxford: Oxford University Press.
- Svetozarova, N. (1998). Intonation in Russian. In D. Hirst, & A. Di Cristo (Eds.), *Intonation systems: a survey of twenty languages* (pp. 264–277). Cambridge: Cambridge University Press.

Svetozarova, N., & Kuosmanen, A. (2003). Declination and finality in spontaneous and read speech in Russian. In M. J. Solé, D. Recasens, & J. Romero (Eds.), *15th International congress of phonetic sciences* (pp. 1297–1300). Barcelona: Causal Productions.

Transcription of Russian Intonation: a free interactive research tool and learning module by Cecilia Odé. Retrieved from <http://www.fon.hum.uva.nl/tori/>

Yanko, T. E. (2008). *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Yokoyama, O. (2003). Neitral'naia i neneitral'naia intonatsiia v russkom yazyke: avtosegmentnaia interpretatsiia sistemy intonatsionnykh konstruksii. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 99–122.

Zaliznyak, A., & Mikaelyan, I. (2018). Soiuz *a*. In O. Yu. In'kova (Ed.), *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* (pp. 24–79). Moscow: Torus Press.

Zaliznyak, A., & Mikaelyan, I. (2018a). Russkoe *a*: opyt integral'nogo opisaniia. *Russian Linguistics*, 42, 321–344.

Zimmermann, M., & Féry, C. (Eds.). (2010). *Information structure: Theoretical, typological, and experimental perspectives*. Oxford: Oxford University Press.

Received on August 6, 2020

Е. С. СКАЧЕДУБОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
skaekaterina@yandex.ru

**АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ПРОСОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА:
АКЦЕНТУАЦИЯ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ
ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ***

Статья посвящена акцентуации полных и кратких форм страдательных причастий прошедшего времени, образованных от глаголов непродуктивных классов, в современном русском литературном языке. На основе данных, полученных в серии экспериментов, в анализируемых формах выявляются основные закономерности постановки ударения, которые следует объяснить тенденцией к выравниванию акцентной парадигмы и сближением с причастиями, образованными от глаголов с регулярными акцентными типами. Кроме того, результаты эксперимента сопоставляются с кодифицированными вариантами ударения и поднимается вопрос о необходимости пересмотра норм в орфоэпических источниках.

Ключевые слова: страдательные причастия прошедшего времени, акцентуация, современный русский литературный язык, ударение, орфоэпический словарь

Как известно, в русском языке есть небольшая группа глаголов, относящихся к непродуктивным классам, которая характеризуется высокой степенью вариативности ударения в формах прошедшего времени¹. От переходных глаголов этой группы образуются страдательные причастия, которые также отличаются особыми явлениями в области ударения. Рассматриваемые глаголы разделяются на две группы: глаголы с исконно односложной основой (*бы-, ви-, да-, жи-, кля-, ли-, пи-, плы-, я- (ня-)*) и глаголы, в которых ранее был редуцированный, т. е. исконно двусложные (*бра-, вра-, гна-, дра-, жда-, жра-, зва-, рва-, сла-, стла-, тка-*). На различное поведение этих глаголов с точки зрения акцентуации указал еще Л. А. Булаховский [1948: 22–24].

* Предлагаемое исследование выполнено в рамках плановой темы Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Современная русская акцентология: норма и ее варианты. Создание «Большого акцентологического словаря русского языка»» (руководитель М. Л. Каленчук).

¹ Особенности акцентуации указанных глаголов в форме прошедшего времени подробно рассмотрены в [Савинов и др. 2020].

Интересно отметить, что в отношении страдательных причастий отличие этих двух групп не ограничивается ударением: от глаголов первой группы причастия в основном образуются с помощью суффикса *-т-* (*завитый, проклятый, налитый* и т. п.), а от глаголов второй группы — с помощью суффикса *-нн-* (*собранный, загнанный, отозванный* и т. п.)².

Работы, посвященные изучению памятников старорусского языка, свидетельствуют, что уже в XVI–XVII вв. в нечленных формах страдательных причастий в живом русском языке имелись диалектные акцентные различия [Зализняк 2010: 188–198; Колесов 2010: 107–112].

Об акцентологических вариантах полных и кратких страдательных причастий, существующих в современном разговорном узусе носителей русского литературного языка, лингвисты писали не раз, однако эти описания носят обычно констатирующий характер [Шапиро 1948: 101–129; Зданевич 1959; Суханова 1980: 693–702]. Современные орфоэпические словари также фиксируют эту акцентную вариативность, но, во-первых, в различных изданиях нет единообразия кодификации, а во-вторых, зачастую рекомендации расходятся с узусом.

Чтобы определить основные закономерности постановки ударения в полных и кратких формах страдательных причастий, образованных от вышперечисленных глаголов и их префиксальных производных, была проведена серия экспериментов, в которой участвовали специально отобранные респонденты обоих полов, москвичи минимум во втором-третьем поколении, носители литературной нормы русского языка, имеющие высшее образование. Они распределяются на три возрастные группы: младшая — до 29 лет, средняя — от 30 до 59 лет, старшая — 60 лет и старше (по 10 человек в каждой). Респонденты читали тексты, которые содержали причастные формы, допускающие в разговорной речи варианты ударения. Исследованы причастия, образованные от префиксальных производных следующих основ: *бы-*, *ви-*, *да-*, *жи-*, *кля-*, *ли-*, *пи-*, *-я-* (*ня-*) (исконно односложные) и *бра-*, *вра-*, *зва-*, *жда-*, *сла-* (исконно двусложные), а также причастия от глаголов с корнем *пер-* (*запереть, отпереть* и т. п.). В общей сложности исследовано около 150 форм.

Глаголы с исконно односложной основой.

Полная форма страдательных причастий прошедшего времени, краткие формы м. и ср. р. ед. и мн. ч.

Глаголы с исконно односложной основой образуют причастия с суффиксом *-т-*: *сбытый, завитый, сжитый, проклятый, залитый, вытитый,*

² Присоединение суффиксов *н* и *т* страдательных причастий прошедшего времени у глаголов данных классов первоначально определялось акцентными свойствами и морфонологическими характеристиками основы. Реконструкцию распределения суффиксов *-н-* и *-т-* см. в [Дыбо 1981: 216–217].

поднятый и т. д. Исключение составляют формы причастий, образованные от глагола *дать*, которые образуются с суффиксом *-нн-*: *отданный, заданный, проданный, розданный*, — поэтому причастия от глагола *дать* будут рассмотрены в группе причастий, образованных от исконно двусложных глаголов. Интересно отметить, что формы с суффиксом *-т-* от этого глагола существуют: во-первых, словари русского жаргона приводят прилагательные *да́тый, подда́тый* в значении ‘выпивший’ [Елистратов 2000; Мокиенко, Никитина 2000] и, во-вторых, в диалектах есть причастие *да́тый* [СРНГ 1972].

Страдательные причастия от глаголов с корнем *плы-* практически не употребляются, хотя теоретически возможны. Например, у Н. С. Лескова в романе «Некуда» встречается такое причастие: «*Казалось, что в такую пору ни один смертный не решился бы переплыть обыкновенно спокойное озеро Четырех Кантонов, но оно было переплыто*».

Отдельно современные словари русского литературного языка выделяют небольшую группу прилагательных, образованных от причастий с суффиксом *-т-*, с ударением на окончании: *вита́тый, завита́тый, развита́тый, изви́та́тый* (разг.); *нажита́тый, обжита́тый; лита́тый, влита́тый, налита́тый; занят́ый, поня́тый, сня́тый; пропита́тый, испита́тый, спита́тый*; а также прилагательные *прокля́тый, за́кля́тый* с накоренным ударением. Однако в русской литературе XIX–XX вв. достаточно примеров, где многие из этих слов функционируют также как причастия. Примеры таких употреблений встречаются у русских поэтов: *Пускай от сердца, полного тоской И желчью тайных тщетных сожалений, Подобно чаше, ядом налита́тый, Следов не остается...* (М. Ю. Лермонтов, 1839); *Пою дремучий огород, Укроп и сельдерей, И завита́тый бобами вход, И ноготки-плебеи...* (Саша Черный, 1924); *Лес, белым светом залита́тый* (И. А. Бунин, 1900); *Да чтоб тот внучонок С меня был сня́тый* (М. И. Цветаева, 1920). Единичные примеры можно найти и в прозе, причем как в литературе XIX в., так и в современной: «*капиталец, нажита́тый и сбереженный им*» (А. Ф. Писемский, 1861), «*вита́тый золотыми нитями аксельбант*» (С. Г. Бабаян, 1994); «*попятилась в обжита́тый бомжами угол*» (А. М. Терехов, 1997).

В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова [ТСРЯ], отражающем нормы литературного языка первой трети XX в., слова *вита́тый, изви́та́тый, обвита́тый; нажита́тый, обжита́тый; налита́тый, облита́тый, полита́тый, пролита́тый; пропита́тый* даются как причастия, наряду с формами с безударным окончанием *-ый*. А слова *завита́тый* и *залита́тый* автор уже тогда считал прилагательными, несмотря на существование литературных примеров, где они функционируют как причастия.

Позднее А. Б. Шапиро также отмечал, что в полных формах страдательных причастий ударение изредка может падать на окончание, которое «в таких случаях звучит как *-ой* (*прожита́тый*)» [Шапиро 1948: 101].

Все это свидетельствует о том, что вышеперечисленные слова ранее функционировали как причастия, наряду с формами с безударным окончанием. В дальнейшем эти причастия с ударным окончанием *-ой* прошли

процесс адъективизации. В. В. Колесов пишет, что архаическое ударение на флексии закрепляется за прилагательным [Колесов 2010: 111]. Встречающиеся в русской поэзии XIX–XX вв. краткие формы ед. ч. ср. р. и мн. ч. с ударением на окончании, по всей видимости, образованы именно от причастий с ударной флексией: *влиты́, налитó, залитó, завиты́, привиты́, взяты́, наняты́, сняты́* и т. д. Приведем некоторые примеры: *Я и забыл: день святочный был то. Зажгли огни; мы с Варенькой сидели; Большое блюдо было **налитó**...* (А. А. Фет, 1842); *Что огнем сожжено и свинцом **залитó** — Того разорвать не посмеет никто!* (А. А. Блок, 1906); *Сплетались травы, И медленно пели и млели цветы, Дыханьем отравы Зеленой, осенней светло **залиты́*** (Н. С. Гумилев, 1905); *Нити длинные, свивавшиеся От Ивана Калиты, В тьме столетий затерявшиеся Были в узел **завиты́*** (В. Я. Брюсов, 1920); *...Бессмысленно казалось чувство то, Чтоб жить преданьями и призывать обратно, Что в свой черед, как должно, **прожитó*** (Н. Ф. Щербина, 1848); *Все абрисы казались сходны; Лица размеры и черты Как будто с зеркала **сняты́**...* (В. А. Жуковский, 1815).

В настоящее время орфоэпические словари такие формы дают с запретительной пометой или вовсе не упоминают об их существовании. [ОС 1999] фиксирует от префиксальных производных глаголов *вить, лить*, а также глаголов *занять* и *снять* с флексивным ударением только формы мн. ч., которые даются с запретительной пометой: *завиты́, развиты́, залиты́, сняты́* и т. д.; форма ср. р. упоминается лишь от глагола *снять*: *неправ. снятó*. [БОС 2017] формы мн. ч. от некоторых глаголов запрещает: *завиты́, развиты́, заняты́*; от некоторых не рекомендует: *влиты́*; от некоторых допускает: *извиты́*, а иногда такие формы вовсе не упоминаются, например от глаголов *пролить, налить, полить*. Зато в этом словаре дважды упоминается форма ср. р.: *извитó* с пометой *неправ.* и *влитó* с пометой *не рек.* Словарь И. Л. Резниченко [2015], приводя единичные примеры подобных форм (*разлиты́, залитó*), указывает, что подобное произношение является отступлением от литературной нормы.

Проведенный эксперимент показал, что в современном узусе краткие формы страдательных причастий ед. ч. ср. р. и мн. ч. с ударением на окончании встречаются крайне редко. В каждой возрастной группе отмечены единичные произнесения данных словоформ: *излиты́* (мл.), *налитó* (ст.), *привиты́* (ср.). Словоформу *завиты́* с ударением на окончании произнесли 10 % респондентов в каждой возрастной группе.

Такое произношение может свидетельствовать о том, что ранее в языке существовали параллельно две формы причастий: с ударением на основе и на окончании, и каждая из этих форм образовывала краткие формы — соответственно с ударением на основе или на окончании. Впоследствии причастия с ударным окончанием или были вытеснены формами с ударной основой, или прошли процесс адъективизации. Сохранение произнесения форм кратких причастий ср. р. и мн. ч. с ударным окончанием подтверждает существование ранее полной формы причастия с ударным окончанием *-ой*.

В настоящий момент в полной форме страдательных причастий, образованных от рассматриваемых глаголов, а также в краткой форме ед. ч. м. и ср. р. и мн. ч. ударение может падать на приставку или на корень: *до́битый* и *допи́тый*, *до́бит* и *допи́т*, *о́бжитый* и *обжи́тый*, *о́бжит* и *обжи́т* и т. д.

По данным Национального корпуса русского языка, вариативность в постановке ударения в формах причастий с ударением на основе существовала как минимум с XVIII–XIX вв. Приведем некоторые примеры: «*На́лит* кубок: “Будьте здоровы”...» (П. А. Катенин, 1814) — «Уж *нали́т*. Шнуровку отпусти вольнее...» (А. С. Грибоедов, 1824); «А другой уже был стар, Помогал ему тот опыт, Что в сраженьях частых *до́быт*...» (Н. А. Некрасов, 1840) — «За что ж прелестницу злословью Ты предаешь, о злобный свет? *Добы́т* трудом и куплен кровью Венок нелегких ей побед» (В. Г. Бенедиктов, 1842); «Прыгнет тень и в травы ляжет, Новый будет ужас *на́жит*...» (И. Ф. Анненский, 1880) — «И живут хоть домком, да *нажи́т* он трудом, А не так... но зачем пояснять!» (К. А. Бахтурин, 1838); «...Но мне твой ус красноречивый, Взращенный, *за́витый* в полях И дымом брани окуренный...» (П. А. Вяземский, 1814) — «А она, лахудрица, только знает — пудрится да сует *зави́тый* локон под начальственное око» (В. В. Маяковский, 1927).

Современные орфоэпические словари также фиксируют варианты произнесения в этих формах.

В причастиях, образованных от глаголов с корнем *ви-* с различными приставками, ударение в основном зафиксировано на корне: *изви́тый*, *приви́тый*, *уви́тый* и т. д. Только в формах от глагола *развить* в значении ‘постепенно совершенствуя, довести до высокого уровня, сделать сильнее, крепче’ признаются равноправными оба варианта. А при полной форме *зави́тый* даются равноправные варианты произнесения краткой формы: *за́вит* и *зави́т*, хотя *за́витый* не рекомендуется.

Полную форму причастий от глагола *добыть* [ОС 1999] рекомендует произносить с ударением на корне, произнесение *до́битый* допускается. Для краткой формы рекомендации носят прямо противоположный характер: *до́быт* и допуст. *добы́т*. [БОС 2017] дополнительно указывает, что *до́битый* устарелое, а *добы́т* младш. Между тем данные эксперимента говорят о том, что краткая и полная форма причастий имеют одинаковую акцентуацию.

Формы, образованные от глаголов с корнем *пер-*, рекомендовано произносить с накоренным ударением: *упе́ртый*, *подпе́ртый* и т. п. Исключение составляют причастия от глаголов *отпереть* и *запереть*, имеющие ударение на приставке: *отпе́ртый* и *запе́ртый*.

В причастиях от производных глагола *жить* с приставками *до-*, *на-*, *про-* нормативным признается вариант с ударением на приставке, а допустимым — с ударением на корне; с приставками *об-*, *от-*, *пере-* рекомендуются оба варианта. В причастии *изжи́тый* ударение только на корне.

В причастиях от производных глагола *лить* с приставками *за-*, *на-*, *по-*, *про-* нормативный вариант ударения признается на приставке, а на корне допускается; с приставками *до-*, *об-*, *от-* рекомендуются оба варианта. В формах *перелитый*, *подлитый*, *разлитый*, *излитый* ударение только на корне. Причастие *проклятый* также имеет единственное нормативное произношение.

Причастия с элементом *я-* (*ня-*) словари рекомендуют произносить всегда с ударением на приставке, кроме форм *унятый* и *разнятый*.

В формах, образованных от глаголов с корнем *пи-*, нормативными признаются оба варианта, однако в причастиях *запítый*, *испítый* и *распítый* допускается исключительно начерченное ударение.

Анализ данных проведенного эксперимента показал четко проявляющуюся тенденцию к переходу ударения с префикса на корень.

Формы полных и кратких страдательных причастий ед. ч. м. и ср. р. и мн. ч., образованных от глаголов с корнями *бы-* и *ви-*, 90–100 % респондентов произносят с ударением на корне: *добытый*, *добыт*, *завытый*, *завыт*. Исключением являются причастные формы от глагола *развить* в значении ‘постепенно совершенствуя, довести до высокого уровня, сделать сильнее, крепче’, в которых ударение с высокой степенью вероятности падает на приставку: *не по годам рáзвитый мальчик*; *рынок в стране рáзвит*. По всей видимости, здесь мы можем наблюдать лексикализацию места ударения.

Произнесение форм, образованных от глаголов с корнем *пер-*, не изменилось. По-прежнему с ударением на приставке произносятся две формы: *отпертый* и *запертый*. Все остальные причастия с этим корнем имеют начерченное ударение.

В причастиях с корнем *пи-* ударение в основном падает на корень: *допитый* (0 % ст., 10 % ср., 20 % мл.) и *допítый* (100 % ст., 90 % ср., 80 % мл.), *отпítый* (10 % ст. и мл., 0 % ср.) и *отпítый* (90 % ст. и мл., 100 % ср.). Исключением являются причастия с приставкой *про-*, в которых процент произнесений с ударением на приставке достигает до 60 %.

У причастий, образованных от глаголов с корнем *ли-*, у всех возрастных групп четко прослеживается тенденция к увеличению количества произнесений с ударением на корне, причем даже с теми приставками, с которыми ранее такой вариант произношения лишь допускался: *залитый* (80 % ст., 70 % ср., 50 % мл.) и *залítый* (20 % ст., 30 % ср., 50 % мл.), *залит* (50 % ст., 15 % ср., 20 % мл.) и *залít* (50 % ст., 85 % ср., 80 % мл.), *налитый* (60 % ст., 40 % ср. и мл.) и *налítый* (40 % ст., 60 % ср. и мл.), *налит* (20 % ст., 50 % ср. и мл.) и *налít* (80 % ст., 50 % ср. и мл.), *политый* (40 % ст., 25 % ср., 20 % мл.) и *полítый* (60 % ст., 75 % ср., 80 % мл.), *полит* (10 % ст., 15 % ср., 20 % мл.) и *полít* (90 % ст., 85 % ср., 80 % мл.). Дольше остальных приставок удерживает ударение приставка *про-*: *пролитый* (60 % ст., 75 % ср., 80 % мл.) и *пролítый* (40 % ст., 25 % ср., 20 % мл.), *пролит* (80 % ст., 40 % ср., 60 % мл.) и *пролít* (20 % ст., 60 % ср., 40 % мл.).

В причастиях от производных глагола *жить* с приставкой *об-* ударение в 90 % случаев падает на корень. Формы с приставкой *от-* сохраняют ударение на приставке всего в 30 % случаев, а с приставкой *пере-* — в 20 %. В формах же с приставками *до-*, *на-*, *про-*, вариант с ударением на которых признавался основным, приставки продолжают удерживать позиции: *прѳжитый* (40 % ст., 85 % ср., 100 % мл.) и *прожитый* (60 % ст., 15 % ср., 0 % мл.), *нажитый* (60 % ст., 75 % ср., 90 % мл.) и *нажитый* (40 % ст., 25 % ср., 10 % мл.), *дожитый* (40 % ст., 30 % ср., 60 % мл.) и *дожитый* (60 % ст., 70 % ср., 40 % мл.), *дожит* (50 % ст. и ср., 80 % мл.) и *дожит* (50 % ст. и ср., 20 % мл.), причем процент произнесений с ударением на приставке, как видно, у младшей группы значительно выше, чем у старшей и средней.

Причастия с элементом *я-* (*ня-*) в речи литературно говорящих респондентов сохраняют ударение на приставке. Исключение составляет форма с приставкой *пере-*: *перенятый* (40 % ст. и ср., 70 % мл.) и *перенятый* (60 % ст. и ср., 30 % мл.).

Итак, итоги эксперимента дают возможность констатировать, во-первых, полную утрату всех форм причастий с ударным окончанием *-ѳй*. В орфоэпических словарях больше практически нет необходимости давать запретительные пометы для форм ед. ч. ср. р. и мн. ч. с ударением на окончании, типа: *завитѳй*, *извитѳй*. Во-вторых, наблюдается постепенный переход акцента с префикса на корень как в полных, так и в кратких формах причастий м. и ср. р. ед. и мн. ч., хотя акцентогенные приставки продолжают удерживать ударение.

Формы кратких страдательных причастий ж. р. ед. ч.

В поэзии XVIII–XIX вв. краткие причастия в форме ж. р. ед. ч., образованные от глаголов первой группы, в основном употребляются с ударением на окончании: *Я дважды чрез тебя лишилася покою: Тобой наш пал престол, тобой, жестокий, я Взятѳй в пленение из славы своея.* (А. П. Сумароков, 1768); *О путник, ты дочь его зришь пред собою: Во гробе лежит мой несчастный отец: Он встретил страданьям желанный конец, И смерти рука поднятѳй надо мною!* (А. А. Крылов, 1821); *Время пролетело, Слава прожитѳй, Вече онемело, Сила отнятѳй.* (Э. И. Губер, 1841); *И рукава вот порваны, И рожка не чиста, И силы понадорваны, И совесть пропитѳй...* (И. С. Никитин, 1861); *Когда от уз Москва и плена спасена, Так мне сестра моя с ней вместе отданѳй!* (М. М. Херасков, 1798); *Смотри, как роца зеленеет, Палящим солнцем облитѳй, А в ней — какую негой веет От каждой ветки и листа!* (Ф. И. Тютчев, 1857).

В XIX–XX вв. начинают появляться редкие примеры с ударением на корне: *Вся облитѳа блеском злата, Мыслью вся озарена, Ты счастлива, ты богата, Ты роскошна, ты сильна.* (А. С. Хомяков, 1836); *Жарко сватана, В жены не взѳята, — Я дорога твоя Невозвратна.* (М. И. Цветаева, 1922).

Орфоэпические словари формы кратких страдательных причастий ж. р. рекомендуют произносить с ударением на окончании. Ударения на приставке и на корне имеют различную степень допустимости или запрета. Так, в глаголах с корнями *я-* (*ня-*), *ли-*, *жи-*, *кля-* произнесение с наосновным ударением не рекомендуется или признается неправильным: *пoнyтá*, не рек. *пoнyтa*, грубо неправ. *пoнyтá*; *пoлитá*, не рек. *пoлитa*, *пoлитá*; *пpoжитá*, не рек. *пpoжитa*, *пpoжитá*; *пpoклятá*, не рек. *пpoклятa*, неправ. *пpoклятá*. В формах с корнем *ви-* произнесение с ударением не на окончании не рекомендуется только с приставкой *за-*: *завитá*, не рек. *завитa*, *завитá*. В формах ж. р. со всеми остальными приставками ударение на корне допускается: *привитá* и доп. *привитá*, *свитá* и доп. *свитá*, *перевитá* и доп. *перевитá*, *увитá* и доп. *увитá*, *извитá* и доп. *извитá*. Формы от глаголов с корнем *пи-* с ударением на окончании и на корне признаются равноправными, а с произнесением на приставке не рекомендуются: *отпитá* и *отпйтá*, не рек. *отпитa* и т. д.

В глаголах *запереть* и *отпереть* нормативным признано флективное ударение, а ударение на префиксе дается как неправильное: *запертá*, неправ. *зáперта*; *отпертá*, неправ. *oтперта*; ударение на корне в этих формах не упоминается. В глаголах *упереть* и *подпереть* нормативным признано накоренное ударение, а флективное не рекомендовано: *упёрта*, не рек. *упертá*; *подпёрта*, не рек. *подпертá*.

Проведенный эксперимент выявил тенденцию перехода ударения в формах кратких страдательных причастий ж. р. ед. ч. от рассмотренных глаголов с флексии на префикс или корень.

Так, в формах причастий ж. р. ед. ч., образованных от префиксальных производных глагола *пить*, ударение падает в основном на корень; ударение на окончании, как и на приставке, встречается в 10–20 % случаев. Исключением является приставка *про-*, на которую приходится 60 % ударных произнесений у представителей всех возрастных групп.

В формах от глаголов с корнем *ви-* 70–100 % произнесений зафиксировано с ударением на корне. Только в форме от глагола *развить* в значении ‘постепенно совершенствуя, довести до высокого уровня, сделать сильнее, крепче’ в младшей группе вариант с ударением на окончании встречается в 50 %, при этом отсутствуют случаи произнесения этой формы с ударением на корне. Ударение на корне в форме ж. р. от глагола *развить* со значением ‘распутать’ — *развйтá* — связано с омонимическим отталкиванием.

В причастиях, образованных от префиксальных производных глагола *жить*, место ударения во многом зависит от приставки. Максимальный процент произнесений с флективным ударением, рекомендованным орфоэпическими словарями, обнаруживается у представителей младшей группы в формах с приставками *из-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *с-*: *изжитá* (20 % ст., 40 % ср., 60 % мл.), *обжитá* (50 % ст., 70 % ср. и мл.), *отжитá* (20 % ст., 25 % ср., 40 % мл.), *перезитá* (30 % ст., 50 % ср. и мл.), *сжитá* (40 % ст., 50 % ср., 60 % мл.).

Процент произнесений с ударением на приставке в формах с этим корнем практически не зависит от возраста респондентов и обуславливается только конкретными приставками. Максимальный процент ударного произношения приходится на приставки *до-*, *на-* и *про-*: *до́жита* (50 % ст. и ср., 70 % мл.), *на́жита* (80 % ст. и мл., 85 % ср.), *про́жита* (60 % ст., 75 % ср., 80 % мл.). На приставках *пере-* и *от-* сделали ударение 15–30 % респондентов, а произнесений с ударными приставками *из-* и *об-* не зафиксировано вообще.

Количество ударений на корне обратно пропорционально количеству ударений на приставке: в формах с акцентогенными приставками *до-*, *на-* и *про-* минимальный процент произнесений с ударением на корне, а в формах с остальными приставками максимальный. Однако во всех случаях, с любыми приставками, процент произнесений с накоренным ударением последовательно уменьшается от старшей группы к младшей: *до́жита* (30 % ст., 25 % ср., 10 % мл.), *изж́ита* (80 % ст., 60 % ср., 40 % мл.), *наж́ита* (20 % ст., 15 % ср., 10 % мл.), *обж́ита* (50 % ст., 30 % ср. и мл.), *отж́ита* (50 % ст., 60 % ср., 30 % мл.), *переж́ита* (60 % ст., 50 % ср., 30 % мл.), *прож́ита* (20 % ст., 10 % ср., 0 % мл.).

В причастиях с корнем *ли-* максимальное количество произнесений с ударением на окончании обнаруживается в формах с приставками *в-* и *с-*, не образующими слога, причем процент таких произнесений резко повышается у представителей младшей группы: *влит́а* (40% ст. и ср., 80% мл.) и *слит́а* (30% ст., 25% ср., 70% мл.). Минимальное количество случаев с ударным окончанием отмечается в формах с приставкой *про-*: *пролит́а* (0% ст. и ср., 10% мл.). Формы с приставками *до-*, *из-*, *об-*, *-от*, *пере-*, *по-*, *под-*, *раз-* имеют ударение на окончании в 10–20% случаев, а с приставками *за-* и *на-* — в 30–40%.

В причастиях с этим корнем приставка *про-* по-прежнему самая акцентогенная (50 % ст., 60 % ср. и мл.). Приставки *до-*, *за-*, *на-*, *по-* бывают ударными в 10–40 % случаев, примеры префиксального ударения с остальными приставками не превышают 10 %. Зато именно с этими приставками очень высокий процент произнесений с накоренным ударением: *изли́та* и *обли́та* (90 % ст. и ср., 80 % мл.), *отли́та* (100 % ст., 90 % ср. и мл.), *перели́та* (80 % ст., 85 % ср., 90 % мл.), *подли́та* (100 % ст., 90 % ср., 70 % мл.), *поли́та* (90 % ст. и ср., 50 % мл.). В формах с остальными приставками случаи произнесения с ударением на корне колеблются от 30 до 70 %.

Причастие от глагола *проклясть* с ударением на окончании не произнес никто; 100 % респондентов из всех возрастных групп поставили ударение на префиксе: *про́клята*.

В причастиях, образованных от префиксальных глаголов со связанным корнем *я-* (*ня-*), рекомендованное орфоэпическими словарями ударное окончание сохраняется в трех словоформах: *заня́та* (80 % ст., 75 % ср., 90 % мл.), *сня́та* (60 % ст., 90 % ср., 70 % мл.), *взя́та* (70 % ст. и ср., 50 % мл.). В первой словоформе такое произнесение связано, по всей видимости,

с традицией, одобряемой образованным сообществом, а во второй и третьей — с приставкой, не содержащей слога. В словоформах с приставками *раз-*, *при-* и *у-* рекомендованное словарями ударное окончание обнаруживается в основном у представителей младшего поколения: *разня́та* (30 % ст., 25 % ср., 60 % мл.), *приня́та* (10 % ст., 30 % ср., 60 % мл.) и *уны́та* (20 % ст., 15 % ср., 50 % мл.). С остальными приставками произнесение с флексивным ударением, как правило, не превышает 10–30 %.

В словоформах с приставками *на-*, *при-*, *по-*, *под-*, в которых не встречается ударение на корне, велик процент префиксальных ударений: *на́нята* (90 % ст., 75 % ср., 70 % мл.), *прíнята* (90 % ст., 70 % ср., 40 % мл.), *по́нята* (80 % ст., 90 % ср. и мл.), *по́днята* (80 % ст., 65 % ср., 60 % мл.). В словоформах с приставками *об-*, *от-*, *пере-*, которые допускают ударение на корне, процент ударений на префиксе ниже: *о́бнята* (40 % ст., 60 % ср., 30 % мл.), *о́тнята* (60 % ст., 65 % ср., 70 % мл.), *пе́рнята* (30 % ст., 25 % ср., 50 % мл.).

Следует отметить, что в младшей возрастной группе обычно процент произнесений с ударением на корне (-ня-) ниже, чем в старшей: *о́бнята* (60 % ст., 25 % ср., 30 % мл.), *о́тнята* (30 % ст., 10 % ср., 30 % мл.), *пе́рнята* (40 % ст., 50 % ср., 30 % мл.), *разня́та* (60 % ст., 75 % ср., 30 % мл.), *сня́та* (40 % ст., 10 % ср., 30 % мл.), *уны́та* (80 % ст., 85 % ср., 40 % мл.).

Формы от глаголов *запереть* и *отпереть* большинство респондентов произносят с ударением на окончании: *запе́рта* (40 % ст., 70 % ср., 80 % мл.) и *отпе́рта* (50 % ст., 80 % ср., 60 % мл.), однако также отмечается и ударение на приставке: *за́перта* (60 % ст., 30 % ср., 20 % мл.) и *о́тперта* (30 % ст., 10 % ср., 30 % мл.). Произнесений с накоренным ударением в словоформе от глагола *запереть* не зафиксировано, а от глагола *отпереть* отмечается небольшой процент таких произнесений во всех возрастных группах: *отпéрта* (20 % ст., 10 % ср. и мл.).

Если в форме причастия ж. р. от глагола *упереть* наблюдается небольшой процент произнесений с флексивным ударением: *упе́рта* 10 % ст. и мл., то процент произнесений словоформы *подпéрта* с таким ударением значительно выше: 30 % ст., 15 % ср., 70 % мл.

Словоформу *добы́та* респонденты всех возрастных групп произносят с ударением на корне в соответствии с рекомендациями орфоэпических словарей.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что в современном узусе есть тенденция перехода ударения в формах кратких страдательных причастий ж. р. ед. ч. от рассмотренных глаголов с флексии на префикс или корень, причем место ударения зачастую зависит от приставки: префиксы *про-*, *на-*, *до-* чаще других приставок оказываются под ударением, а *от-*, *из-*, *об-* — реже других. Следует отметить, что при общей тенденции перехода ударения на основу, свойственной всем возрастным группам, в отдельных глаголах флексивное окончание встречается у представителей молодого поколения чаще, чем у более старшего.

**Глаголы с исконно двусложной основой.
 Полная форма страдательных причастий прошедшего времени,
 краткие формы ед. ч. м. и ср. р. и мн. ч.**

Известно, что в XVIII–XIX вв. страдательные причастия от глаголов с исконно двусложной основой *бра-*, *зва-*, *сла-* и др., а также от глагола с исконно односложной основой *да-*, согласно норме литературного языка того времени, произносились с ударением на суффиксе *-а-* или корне *да-*: *забрáнный*, *собрáнный*, *назвáнный*, *призвáнный*, *послáнный*, *издáнный* и т. д. [Еськова 2008: 390–402]. В современном русском литературном языке полная форма этих причастий, а также краткие формы ед. ч. м. и ср. р. и мн. ч. имеют нормативное ударение исключительно на префиксе, другие акцентологические варианты в произносительном узусе отсутствуют: *за́бранный*, *за́бран*, *за́брано*, *за́браны*; *при́званный*, *и́зданный* и т. д.

Отдельно следует сказать о причастиях с приставками *пере-* от этой группы глаголов. Орфоэпические словари указывают единственно возможное ударение для полной формы, а также для кратких форм ед. ч. м. и ср. р. и мн. ч. на втором слоге приставки: *перéвранный*, *перéвран*, *перéврано*, *перéвраны*; *перéжданный*, *перéжданый*, *перéсланный* и т. д. Данные проведенного эксперимента говорят о том, что ударение в этой приставке переходит на первый слог, достигая у представителей младшего поколения максимума: *пéревранный* (40 % ст., 65 % ср., 100 % мл.) и *пéревраный* (40 % ст., 25 % ср., 0 % мл.); *пéрежданый* (40 % ст., 40 % ср., 90 % мл.) и *пéрежданый* (20 % ст., 25 % ср., 0 % мл.); *пéресланный* (60 % ст. и ср., 90 % мл.) и *пéресланный* (30 % ст., 20 % ср., 10 % мл.). Интересно отметить, что только в словах с этой приставкой сохраняется устаревшее произнесение с ударением на суффиксе: *переврáнный* (20 % ст., 10 % ср., 0 % мл.), *пережданáнный* (40 % ст., 35 % ср., 10 % мл.), *переслáнный* (10 % ст., 20 % ср., 0 % мл.).

Формы кратких страдательных причастий ж. р. ед. ч.

Формы кратких причастий ж. р. ед. ч., образованные от этих основ, в XVIII–XIX вв. произносились с ударением на окончании: *Искусной рукою Коса убранá*, *И ножка собою Прельщать созданá*. (А. С. Пушкин, 1815); *Так, древле, жрица Аполлона, Доколе им не призванá*, *У мрачных капищ Геликона Нема, спокойна, холодна*. (А. Н. Майков, 1842); *...в уме моем Головка та ничем не изгнанá*... (М. Ю. Лермонтов, 1830).

Современные орфоэпические словари рекомендуют произносить подобные формы с ударением на приставке: *при́гнана*, *за́драна*, *со́жрана*, *обл́гана*, *изо́рвана*, *ото́слана*, *пóстлана*, *со́ткана*. Исключением являются глаголы *звать* и *брать*, в которых ударение на окончании в формах ж. р. еще допускается как устаревшее: *ото́звана* и доп. устар. *отозванá*; *со́брана* и доп. устар. *собранá*.

Причастия от префиксальных производных глагола *дать* по-прежнему рекомендуется произносить с ударением на флексии, префиксальное ударение со всеми приставками признается допустимым: *созданá* и допуст. *сóздана*, *разданá* и допуст. *рóздана*, *приданá* и допуст. *при́дана* и т. д.

Данные эксперимента говорят о том, что формы кратких причастий ж. р. с корнями *бра-* и *зва-* произносятся с ударением на окончании не более 10 % респондентов, причем не обязательно старшей возрастной группы.

В причастиях с корнем *да-* ударение в 90–100 % падает на приставку: *зáдана*, *и́здана*, *пéрдана*, *прóдана*. В словоформах с приставками *по-*, *роз/раз-*, *со-* процент произнесений с префиксальным ударением немного ниже: *пóдана* (90 % ст., 75 % ср., 80 % мл.), *рóздана* (90 % ст. и ср., 80 % мл.), *сóздана* (70 % ст., 75 % ср., 80 % мл.). В формах с приставками *до-*, *от-* и *при-* произнесение с ударным окончанием сохраняется дольше и доходит до 50 %: *доданá* (10 % ст., 25 % ср., 50 % мл.), *отданá* (20 % ст., 30 % ср., 50 % мл.), *приданá* (20 % ст., 50 % ср. и мл.).

С приставкой *пере-* для форм ж. р. рекомендуется произнесение с ударением на втором слоге приставки: *перéврана*, *перéслана*; для формы от глагола *перебрать* указывается в качестве допустимого устарелого варианта произношение с ударением на окончании: *перебранá*. Причастие от глагола *передать* рекомендуется произносить с ударением на окончании: *переданá* и допускается произнесение *пéредана*.

Эксперимент показал, что формы кратких причастий ж. р. в основном произносятся с ударением на первом слоге приставки *пере-*: *пéребрана* (70 % ст., 65 % ср., 100 % мл.), *пéреврана* (40 % ст., 60 % ср., 70 % мл.). Незначительный процент респондентов произносит эти формы с ударением на втором слоге приставки и с устаревшим ударением на окончании: *пéрэбрана* (20 % ст., 10 % ср., 0 % мл.) и *пéребранá* (10 % ст., 20 % ср., 0 % мл.); *перéврана* (0 %) и *перевранá* (10 % ст., 25 % ср., 30 % мл.). Форму от глагола *передать* все респонденты произнесли с ударением на первом слоге приставки: *пéредана*.

Итак, подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что страдательные причастия прошедшего времени, образованные от двух групп глаголов, имеют противоположные акцентологические тенденции: формы ед. ч. м. и ср. р. и мн. ч. от некогда односложных глаголов стремятся к переносу ударения с префикса на корень, в то время как в аналогичных формах от некогда двусложных глаголов ударение перешло с корня на префикс. В формах кратких причастий ж. р. в обеих группах ударение стремится перейти с окончания: в первой группе на приставку или корень, а во второй — исключительно на приставку. Таким образом, если ранее у причастий, образованных от глаголов с особенностями в ударении, аналогично именам прилагательным [Каленчук и др. 2017: 9–28], наблюдалась тенденция к актуализации родового противопоставления в формах ед. ч., то на данный момент развития языка в этих формах действует прямо противоположная тенденция выравнивания акцентной парадигмы, что сближает их с причастиями, образованными от глаголов с регулярными акцентными типами.

Словари

БОС 2017 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017.

ОС 1999 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. 6-е изд. М., 1999.

Резниченко 2015 — И. Л. Резниченко. Словарь ударений русского языка. М., 2015.

СРНГ 1972 — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 7. Л., 1972.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. М., 1935–1940.

Литература

Булаховский 1948 — Л. А. Булаховский. Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы // Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 18–48.

Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология, М.: Наука, 1981.

Елистратов 2000 — В. С. Елистратов. Словарь русского арго (материалы 1980–1990-х гг.). М.: Русские словари, 2000.

Еськова 2008 — Н. А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Зализняк 2010 — А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010.

Зданевич 1959 — И. К. Зданевич. Система ударений причастий в современном русском языке. Горький: Горьковский гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1959.

Каленчук и др. 2017 — М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2. С. 9–28.

Колесов 2010 — В. В. Колесов. Русская акцентология. Т. II. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010.

Мокиенко, Никитина 2000 — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.

Савинов и др. 2020 — Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова, А. Е. Сомова. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация глаголов прошедшего времени // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2. С. 11–32.

Суханова 1980 — М. С. Суханова. Ударение в атрибутивных формах глаголов. Русская грамматика. Т. I. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 693–702.

Шапиро 1948 — А. Б. Шапиро. Об ударении в страдательных причастиях // Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 2. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 101–129.

Ekaterina S. Skachedubova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
skaekaterina@yandex.ru

ACTIVE PROCESSES IN THE PROSODIC SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE: ACCENTUATION OF PAST PASSIVE PARTICIPLES

The article is devoted to the accentuation of the past passive participles of the non-productive class of verbs in Modern Standard Russian. Based on the data obtained in a series of experiments, the paper discovers the main accentological regularities in the analyzed forms, which can be explained by accent paradigm leveling and by convergence with participles of regular accentological types. Besides, the results of the experiment are compared with codified stress variants and the necessity of revising the norms in the orthoepic dictionaries is pointed out.

Keywords: past passive participles, accentology, Modern Standard Russian, accent, orthoepic dictionary

References

- Dybo, V. A. (1981). *Slavianskaia aktsentologiya*. Moscow: Nauka.
- Elistratov, V. S. (2000). *Slovar' russkogo argo (materialy 1980–1990-kh gg.)*. Moscow: Russkie slovari.
- Eskova, N. A. (2008). *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Poiasnitel'nye stat'i*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Kalenchuk, M. L., Savinov, D. M., & Skachedubova, E. S. (2017). Aktivnye protsessy v prosodicheskoi sisteme russkogo yazyka: aktsentuatsiia prilagatel'nykh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 9–28.
- Kolesov, V. V. (2010). *Ruskaia aktsentologiya* (Vol. 2). St Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo.
- Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (2000). *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona*. St Petersburg: Norint.
- Savinov, D. M., Skachedubova, E. S., & Somova, A. E. (2020). Aktivnye protsessy v prosodicheskoi sisteme russkogo yazyka: aktsentuatsiia glagolov proshedshego vremeni. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 11–32.
- Sukhanova, M. S. (1980). Udarenie v atributivnykh formakh glagolov. In N. Yu. Shvedova (Ed.), *Ruskaia grammatika* (Vol. 1, pp. 693–702). Moscow: Nauka.
- Zaliznyak, A. A. (2010). *Trudy po aktsentologii* (Vol. 1). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Zdanevich, I. K. (1959). *Sistema udarenii prichastii v sovremennom russkom yazyke*. Gorkiy: Gor'kovskii gos. ped. in-t im. A. M. Gor'kogo.

Received on December 14, 2020

В. Ю. ГУСЕВ

Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
valentin.gusev@iling-ran.ru

ПРАВИЛА ЗАМЕНЫ СВ НА НСВ ПРИ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛАХ С ОТРИЦАНИЕМ

Статья посвящена правилам замены совершенного вида на несовершенный в контексте модального глагола с отрицанием: *должен купить* — *не должен покупать*. Показывается, что эта замена в целом подчиняется одному правилу: если субъект модальности контролирует действие, то СВ заменяется на НСВ; в противном случае СВ сохраняется. Помимо этого, СВ может сохраняться тогда, когда отсутствие действия противоречит ожиданиям говорящего (СВ «напрасного ожидания»). Оба эти типа контекстов — частные случаи правил, действующих в русском языке более широко.

Ключевые слова: употребление видов, видовые пары, модальные глаголы, отрицание, СВ напрасного ожидания

1. Введение

1.1. Как известно, в русском языке существует правило, по которому инфинитив совершенного вида при модальном глаголе при добавлении отрицания меняет вид на несовершенный:

- (1) *Я должен **написать**_{СВ} это письмо — Я не должен **писать**_{НСВ} это письмо.*

Однако также известно, что такая замена происходит не всегда: иногда она факультативна, а иногда вовсе невозможна, ср. следующие примеры:

- (2) *Он должен сегодня **уехать**_{СВ} — Он не должен сегодня **уезжать**_{НСВ} — Он не должен сегодня **уехать**_{СВ}.*
(3) *Он должен **купить**_{СВ} хлеб — Он не должен **покупать**_{НСВ} хлеб — *Он не должен **купить**_{СВ} хлеб.*
(4) *Он может сегодня **прийти**_{СВ} — *Он не может сегодня **приходить**_{НСВ} — Он не может сегодня **прийти**_{СВ}.*
(5) *Он может сегодня **прийти**_{СВ} — Он может сегодня не **приходить**_{НСВ} — Он может сегодня не **прийти**_{СВ}.*
(6) *Вы хотите мне **помочь**_{СВ} — Вы не хотите мне **помогать**_{НСВ} — Почему вы не хотите мне **помочь**_{СВ}?*

- (7) *Я хочу вам **помочь**_{СВ} — Я не хочу вам **помогать**_{НСВ} — ?Я не хочу вам **помочь**_{СВ}.*
 (8) *Он хочет **упасть**_{СВ} — ?Он не хочет **падать**_{НСВ} — Он не хочет **упасть**_{СВ}.*
 (9) *Он не хочет **упасть**_{СВ} в ее глазах — *Он не хочет **падать**_{НСВ} в ее глазах.*

Правилам выбора вида в этих случаях был посвящен раздел в книге О. П. Рассудовой [1982: 120–127]. Они же в контекстах возможности и необходимости рассматривались в специальной статье [Padučeva 2008], см. также [Падучева 2013: 211–218]. Е. В. Падучевой было, в частности, отмечено, что замена на НСВ происходит в контексте деонтической возможности и не происходит в контексте алетической и эпистемической возможности, ср. примеры из [Padučeva 2008: 199–201]:

- (10) *Здесь нельзя **переходить**_{НСВ} улицу (запрещено).*
 (11) *Здесь нельзя **перейти**_{СВ} улицу (невозможно).*
 (12) *Иван не смог / не сможет **переплыть**_{СВ} Волгу.*
 (13) *Иван не мог **ошибиться**_{СВ}.*

Что касается необходимости (*должен*), замена на НСВ также не происходит в эпистемическом контексте и обычно происходит во всех остальных [Там же: 203–206]:

- (14) *Ты не должен ей **помогать**_{НСВ}.*
 (15) *Он не должен **выиграть**_{СВ} (= вряд ли выиграет).*

Однако ряд случаев все же не встраивается в эту систему, ср. следующие примеры [Там же: 208–210]:

- (16) *Поход на пляж не должен **окончиться**_{СВ} неприятностями.*
 (17) *Но (...) остальные жители села не должны **оказаться**_{СВ} за бортом.*
 (18) *Сухость и формальность этого утверждения не должны **затенить**_{СВ} тот факт, что кое-что экстраординарное было обнаружено.*
 (19) *Но Маша никогда не позволяла обижать этот фикус и не разрешила Андрею **вынести**_{СВ} его на кухню...*

Эти примеры предлагается объяснять различными другими факторами: тем, что в (18) *затенить* относится к так называемым перфективным глаголам [Падучева 1996: 152–160]; в (16) и (19) однократное событие противопоставляется многократному, а *оказаться* в (17) также имеет эпистемический оттенок¹. А. Д. Шмелев в специальной статье, посвященной упо-

¹ В другом изложении этих же фактов [Падучева 2013: 216] примеры (16) и (18), а также (19) и ряд других объявляются неудачными («СВ означает просто плохое владение автором русским языком»), однако нам эти примеры кажутся абсолютно грамматичными, во всяком случае в отношении употребления видов.

треблению видов при слове *нельзя*, видит их различие в фокусе эмпатии: СВ указывает, что в фокусе эмпатии находится субъект [Шмелев 2015]².

Не споря с этими замечаниями, в настоящей работе мы постараемся показать, что замена СВ на НСВ при отрицании с модальными глаголами (*мочь, быть должным, хотеть* и близких к ним по значению) подчиняется в основном одному фактору: контролируется ли действие субъектом модальности (не обязательно совпадающим с субъектом самого действия, особенно в случаях с *должен*, см. примеры ниже). НСВ возникает только в случае контролируемого действия; в прочих случаях остается СВ. В разделе 2 мы рассмотрим различные случаи и кажущиеся исключения из этого правила.

Кроме того, замены на НСВ не происходит тогда, когда отсутствие действия неожиданно или неправильно с точки зрения говорящего, т. е., в терминах А. А. Зализняка [1990], в конструкциях «напрасного ожидания» или, по О. В. Рассудовой [1982: 126], в конструкциях «упрека». Это значение будет рассмотрено в разделе 3.

Наконец, в разделе 4 мы покажем, что указанный принцип не ограничивается контекстами с модальными глаголами и их синонимами: он же работает в конструкциях «осознанного выбора», с каузативными глаголами, и он же объясняет известное распределение СВ и НСВ при отрицательном императиве.

В разделе 5 будет рассмотрено несколько грамматических контекстов, в которых описанное правило не действует или действует факультативно.

1.2. Необходимо уточнить, что в данной статье рассматриваются только такие случаи, в которых речь идет именно о замене СВ на НСВ, т. е. такие, где без отрицания употребляется совершенный вид, а при отрицании он может либо заменяться, либо не заменяться на несовершенный. Правила, которым подчиняется эта замена, мы постараемся здесь сформулировать.

Есть многочисленные случаи, в которых НСВ присутствует уже в утвердительных предложениях, например при стативных, хабитуальных, итеративных или других предикатах (*Он хочет быть врачом, Дети должны помогать родителям, Он может приходить, когда захочет* и т. д.). Такие случаи здесь не рассматриваются.

Таким образом, собственно аспектуальная семантика, разумеется, полностью сохраняет свою роль при выборе формы вида. Здесь речь идет лишь о случаях, когда вид в отрицательных и утвердительных предложениях различается, хотя ситуация остается той же самой.

Из сказанного следует, что все примеры в статье, если не оговорено иное, должны пониматься «однократно». Другими словами, например, *он не должен приходить* понимается как отрицание к *он должен прийти (сего-*

² В статье А. Д. Шмелева рассматривается конструкция «*нельзя* + инфинитив» в целом, безотносительно к тому, какой вид имеют ее утвердительные корреляты. Здесь нас интересуют только те случаи, когда при *нельзя* выбирается иной вид, чем при *можно*.

дня / на завтрашний концерт и т. д.), а не к *он должен приходиться* (каждый день / регулярно / по первому требованию...).

Отметим также, что сформулированные здесь правила относятся к семантике, а не к лексемам как таковым, т. е. не к сочетаниям частицы *не* с лексемами *хотеть*, *мочь*, *быть должным*, а к сочетаниям значений желания, возможности и долженствования с отрицанием независимо от того, как эти значения выражены. Из этого следует, что правила употребления видов остаются теми же самыми для синонимов трех основных модальных глаголов — например для *нельзя* (ср. (10) и (11)), *не обязан*, *не способен*, *запрещается*, *не разрешается*, *не желает* и пр. В дальнейшем синонимы модальных глаголов будут рассматриваться в соответствующих разделах без дополнительных уточнений.

Не исключено, что сформулированные правила действуют не только при собственно отрицании, но в какой-то степени вообще в контекстах снятой утвердительности, ср. *Ты думаешь, ты должен завтра приходиться?* Но эти контексты здесь не рассматриваются и требуют дополнительного изучения.

В заключение будет полезно еще одно замечание общего свойства (мы благодарны рецензентам статьи за указание на его необходимость). В примерах ниже встречаются глаголы СВ или НСВ, не имеющие видовой пары (например, (22) *не может устоять* или (25) *ничего не могу поделат*). Формально говорить в таких случаях о возможности или невозможности замены вида некорректно: заменять не на что. Однако правила употребления видов не зависят от конкретных видовой пар: если в конструкции, где нужен тот или иной вид, нужная лексема не имеет нужной пары, она просто не употребляется. К примеру, *устоять* нельзя употребить в следующем контексте: *Ты устоял один раз, а я буду ___ каждый день* — потому, что сложное будущее время требует НСВ, а НСВ-коррелята нет. Поэтому возможность употребления лексемы СВ или НСВ в том или ином контексте доказывает допустимость в этом контексте соответствующего вида независимо от наличия у конкретной лексемы видовой пары.

2. Контролируемые и неконтролируемые действия

Как уже было сказано, правило замены СВ на НСВ в общем виде формулируется достаточно просто: в контексте модальных глаголов с отрицанием СВ заменяется на НСВ, если действие контролируется субъектом модальности (который может совпадать, но не обязательно совпадает с субъектом самого глагола) и не заменяется в прочих случаях.

Эта закономерность, насколько нам известно, была впервые отмечена И. Б. Шатуновским [1996: 345–348] (см. также [Шатуновский 2009: 237–244]): «за отрицательными модальными высказываниями с контролируемым общефактическим НСВ закрепляется значение модальности выбора, предложения с СВ выражают абсолютную, “физическую” невозможность».

Однако, по-видимому, это объяснение не было замечено; во всяком случае, в более поздних работах ссылок на него мы не нашли. Очень бегло и только в связи с эпистемической модальностью неконтролируемость упоминается и Е. В. Падучевой [2013: 218]; ср. также о том, что «тенденция употреблять СВ вместо ожидаемого НСВ касается исключительно неагентивных глаголов» [Там же: 216]. Кроме того, в обеих работах ничего не говорится о сочетаниях с *хотеть*, которые на самом деле подчиняются тому же правилу. То есть связь замены видов с контролируемостью/агентивностью отмечалась ранее, но вскользь и в применении лишь к части примеров, при том что, на наш взгляд, именно она является определяющей в этом и ряде других (см. раздел 4) аспектов грамматики русского языка.

По сформулированному правилу естественным образом отсекаются эпистемические контексты, в которых замены СВ на НСВ, как известно, не происходит. В предложениях типа *Он может не успеть, Он не должен сегодня прийти* речь вообще идет не о способностях или возможностях субъекта, а о большей или меньшей вероятности соответствующего события. Даже тогда, когда действие на самом деле зависит от воли его субъекта, речь в эпистемических контекстах идет не об этом, что демонстрирует контраст, например, в следующем диалоге (где в первом случае *должен* эпистемическое, а во втором — деонтическое):

- (20) *Думаю, вахтер не должен его пропустить*_{СВ}. — *Да, он не должен пропускать*_{НСВ} человека, у которого нет пропуска.

Далее эпистемические контексты мы рассматривать не будем, и все примеры ниже, в случае возможной омонимии, должны пониматься не-эпистемически.

2.1. Возможность

2.1.1. Как было показано Е. В. Падучевой, отрицание алетической возможности — как внутренней, так и внешней — не ведет к замене СВ на НСВ. Это естественным образом объясняется через неконтролируемость: невозможность автоматически означает отсутствие контроля со стороны агенса. Поэтому при сочетании *не с мочь* и близкими к нему по значению предикатами, такими как *не способен, не в состоянии* и др., СВ сохраняется:

- (21) *Вторую ночь подряд не могу заснуть*_{СВ}. *Для меня это удивительно — обычно бывает с точностью наоборот* (Запись LiveJournal (2004)).
- (22) *Никто из нас не может устоять*_{СВ} *перед румяной корочкой, ароматом свежего, только что испечённого теста и сочетания самых любимых начинок* (Мастерица. Праздник каждый день! // «Даша», 2004).
- (23) *Просто потому, что ни один обычный диктофон по своим техническим характеристикам не способен сделать*_{СВ} *запись подобного качества* (В. Зелинский. Виражи криминальной экспертизы // «Криминальный отдел», 2010).

- (24) *Мы не в состоянии **вспомнить**_{СВ} даже своих прямых родственников за последние 100 лет* (Д. Гасак, О. Филина. «Уваровская триада не работает» // «Огонек», 2015).

Это верно и для устойчивых сочетаний, например *ничего не могу поделаться*:

- (25) *Тоннами ем апельсины и не могу ничего с собой **поделаться**_{СВ}* (Скажите, доктор... // «Даша», 2004).

То же верно для лексем, у которых отрицание является частью их семантики, например *нельзя* (см. выше (11): *Здесь нельзя перейти улицу*), *невозможно*, *бессилен* и т. д.:

- (26) ***Объяснить**_{СВ} это ни с точки зрения экономики, ни с точки зрения здравого смысла невозможно* (Сговор — тоже преступление // «Аргументы и факты», 2003.06.04).
- (27) *Не только люди, но и Бог **бессилен** **уменьшить**_{СВ} зло жизни* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 2 (1960)).

Ср. также примеры из [Шмелев 2015: 301, 306], где модальной лексемы как таковой нет, но сама конструкция имеет модальное значение:

- (28) а. *Туда не войти.*
б. *Теперь в институте не покуришь.*

У этих конструкций нет непосредственного утвердительного коррелята, поэтому вести речь об «отсутствии замены СВ на НСВ», строго говоря, нельзя; однако примечательно, что в них также используется СВ³.

2.1.2. Один из рецензентов статьи обратил наше внимание на группу контекстов, где при выражении невозможности инфинитив стоит в НСВ, ср.:

- (29) а. *Петя вчера был не в состоянии **исполнять**_{НСВ} сонату.*
б. *Я хотел больше не есть, но не смог **оставаться**_{НСВ} равнодушным при виде румяной корочки.*

Здесь явно имеется в виду однократное, ограниченное во времени действие, поэтому объяснить НСВ аспектуальной семантикой ситуации на первый взгляд невозможно. Тем не менее НСВ возможен здесь и без отрицания:

- (30) а. *Петя, хоть накануне и перебрал, был в состоянии **исполнять**_{НСВ} сонату и уверенно сел за рояль.*
б. *Несмотря на голод, я смог **оставаться**_{НСВ} равнодушным при виде румяной корочки.*

³ Другая безличная конструкция, также упоминаемая А. Д. Шмелевым [2015: 306] *В институте не курят* («нельзя курить»), менее интересна для нас здесь, поскольку имеет НСВ и без отрицания: *В институте курят только в специально отведенных местах.*

Ср. также реальные примеры:

- (31) а. *Сегодня же товарищ Берман будет знать о происшествии, разумеется, в том случае, если он в состоянии **исполнять**_{НСВ} свои служебные обязанности, вы понимаете, о чём я говорю...* (И. Л. Солоневич. Две силы (1953)).
 б. *Все были под какого-то рода гипнозом. Я специализируюсь на этом в Дарлингтоне, так что я смог **оставаться**_{НСВ} в сознании. Это было нелегко, скажу я вам (<https://context.reverso.net>).*

Это означает, что НСВ в этих примерах присутствует и без отрицания, а значит, речь не идет о замене СВ на НСВ. Каковы бы ни были причины появления здесь НСВ, с отрицанием они не связаны и, соответственно, могут быть не связаны с контролируемостью.

2.1.3. Сочетание *мочь* и его синонимов с *не* в обратном порядке, т. е. возможность что-либо не делать, напротив, обычно предполагает свободный выбор (если можно не делать, то можно и делать). Поэтому *мочь не* требует замены СВ на НСВ:

- (32) *И от боли за него, от страха, ноги отнимаются. — Ты же можешь не **идти**_{НСВ}!*⁴ *Любая комиссия тебя отставит* (Г. Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злчном, в месте покойном (1995)).
 (33) — *Передаш имел право не участвовать в голосовании. Он мог не **опускать**_{НСВ} бюллетень. Он даже мог сделать вид, что опускает, а сам даже и не думал опускать* (С. Носов. Фигурные скобки (2015)).

То же верно для употребления *мочь не* в качестве разрешения:

- (34) — *Типовой договор, — безразлично отвечал Григорьев. — Не хочешь — можешь не **подписывать**_{НСВ}!.. — и выпил ещё пивца для терпения. Шоколадов углубился в изучение бумаги* (С. И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // «Волга», 2013).

2.1.4. При двойном отрицании *не мочь не* употребляется СВ, поскольку главным оказывается первое, «верхнее» отрицание, указывающее на невозможность:

- (35) *Я представляю здесь Институт славяноведения и после услышанного доклада не могу не **сказать**_{СВ}, что Валентин Васильевич Седов в настоящее время — крупнейший в мире учёный в области исследований самых ранних фаз этногенеза славян* (В. В. Седов. Этногенез ранних славян // «Вестник РАН», 2003).

⁴ Ты можешь не пойти тоже возможно, это СВ напрасного ожидания, см. об этом раздел 3.

2.2. Долженствование

2.2.1. Не должен + НСВ

Что касается *быть* *должным* и ему подобных, то обычное деонтическое долженствование требует замены СВ на НСВ, поскольку по определению обозначает требование, которое субъект должен выполнить в силу неких внешних правил. Физическая возможность выполнить эти правила у субъекта заведомо должна быть, иначе требование теряет смысл. Несколько простых примеров уже было приведено выше.

При этом субъект модальности часто не совпадает с грамматическим субъектом, как в примерах из статьи Е. В. Падучевой:

(36) *Автобус не должен **отправляться**_{НСВ} ночью*

— очевидно, что долженствование относится не к самому автобусу, но к тем, кто отвечает за его отправление: к водителю или диспетчеру.

(37) *Его обувь пока не нужно **ремонтировать**_{НСВ}*

— здесь агенсом является тот, кто чинит обувь, или тот, кто отдает ее в ремонт (*пока* в этом примере добавлено нами, чтобы избежать хабитуальной интерпретации «никогда не нужно ремонтировать»).

Ср. еще подобные примеры⁵:

(38) *Кроме того, при взгляде на войну будущего опыт боевых действий против Ирака или Югославии, носивших по существу односторонний характер, не должен **ослеплять**_{НСВ}* (М. Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия // «Отечественные записки», 2003) = «мы не должны позволить себя ослепить».

(39) *Но для большинства теле- и кинозрителей она останется режиссёром «Человека с бульвара Капуцинов», что ни в коем случае не должно Аллу Ильиничну **обижать**_{НСВ}: фильм этот — воистину народный, любимый всеми, из тех, что можно смотреть десятки раз, и каждый раз с огромным удовольствием* (Ю. Рахаева. Настоящая женщина в мужском деле. Книжный развал (2002) // «Известия», 2002.03.31) = «Алла Ильинична должна понять ситуацию, и тогда ей не будет обидно».

(40) *И прибавка в весе не должна **превышать**_{НСВ} 1,5–2 кг за два месяца (если больше, значит, препарат не для вас)* (А. Варшавская. Дар не случайный (2002) // «Домовой», 2002.02.04) = «вы должны следить, чтобы прибавка в весе не превысила указанное значение».

Должен в русском языке обычно сопровождается подъемом отрицания, поэтому *не должен* и его синонимы часто омонимичны и могут означать

⁵ В примерах, подобных этим, СВ также возможен, если действие подается как не полностью контролируемое, см. раздел 2.2.2.

как отсутствие обязанности (как в примере (37)), так и запрет что-либо делать (как в примере (36)). На правило замены видов это, однако, не влияет, поскольку действие и в том, и в другом случае контролируется субъектом; ср. ниже еще несколько примеров.

— *Не должен* как обязанность не делать что-либо:

- (41) *По мнению спасателей, капитан Валерий Авдеев не должен был **выводить**_{НСВ} в море сухогруз класса «река-море» при волне в пять баллов* (К. Гетманский. Сухогруз утонул из-за шторма (2003) // «Известия», 2003.02.03).
- (42) *Ей казалось, что она никому не должна **открывать**_{НСВ} это ужасное знание, потому что кому ни скажешь, и у того тоже жизнь рухнет, развалится, как у неё самой* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000).

— *Не должен* как отсутствие обязанности:

- (43) *Как студент и единственный сын, я не должен был **идти**_{НСВ} на фронт. Но общая атмосфера «нашего общества» и «нашей литературной среды» были настолько удушливы, что я придрался к случаю и по-мальчишески ушел на фронт, сначала в автомобильную часть, потом в Союз городов: лишь бы не дышать затхлостью тыловой Москвы* (В. Г. Шершеневич. Великолепный очевидец (1934–1936)).

Из правила замены СВ на НСВ при деонтическом запрете есть исключение: некоторые лексемы и устойчивые сочетания, как *нельзя* или *не иметь права*, допускают СВ:

- (44) а. *К сожалению, не имею права сейчас **привести**_{СВ} известные мне данные, **назвать**_{СВ} имена причастных, пока дело не будет исследовано как уголовное* (Оборотни первой волны // «Завтра», 2003.08.06).
- б. *«А что значит “вести разговоры”? Если на рынке человек моложе тридцати лет продает горшок, мне нельзя **спросить**_{СВ} его, почем горшок?» — «О том, чего ты не знаешь, спрашивать можно; но ты обычно говоришь о том, что ты знаешь, вот это ты и прекрати». — «Очень хорошо; а если какой-нибудь молодой человек меня спросит, где живет Критий, мне тоже нельзя будет ему **ответить**_{СВ}?»* (М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция (1998)).
- в. *Страховая медицинская организация не имеет права **отказать**_{СВ} страхователю в заключении договора обязательного медицинского страхования, который соответствует действующим условиям страхования* (Закон О медицинском страховании граждан в Российской Федерации (1991) // «Энциклопедия российского права», выпуск 2 (96) 2004).

г. *Цивилизованное общество держится на запретах и ограничениях: нельзя убивать, нельзя ударить_{СВ} женщину, нельзя сжечь_{СВ} книгу* (Е. Бай, А. Максимов) [Шмелев 2015: 302].

В примерах (44а–б) речь идет явно об однократном действии, (44в–г) допускают и однократную, и хабитуальную («наглядно-примерное значение сов. вида») интерпретацию. Независимо от этого, НСВ в таких примерах также возможен, кажется, без какой-либо разницы в значении. Другие синонимичные лексемы, например *запрещено* или то же *не должен*, в этом значении СВ не допускают.

В качестве очень осторожной гипотезы можно предположить, что подобные контексты представляют запрет как объективную невозможность. В пользу этого говорит тот факт, что в контексте пренебрежения запретом «нельзя, но X делает», как кажется, предпочитается НСВ, а СВ сомнителен⁶:

- (45) а. *Когда Петров отвернулся от лампочки и уставился на светлые обои на стене напротив него, в глазах его заплясали чернильные скобочки, как после электросварки, на которую нельзя смотреть_{НСВ}, но все равно все смотрят* (А. Б. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него // «Волга», 2016).
- б. *Когда Беличенко представляли к ордену, Леонтьев, как только узнал, сообщил ему по секрету. Он не имел права делать_{НСВ} этого, но он все же сообщил* (Г. Я. Бакланов. Южнее главного удара (1957)).

2.2.2. Не должен + СВ при неполном контроле

Однако, как известно, *не должен* может сочетаться и с СВ. Как выше было сказано, деонтическое *должен* в принципе не может употребляться с неконтролируемыми ситуациями, это лишает долженствование смысла. Тем не менее контроль может быть неполным, т. е. ситуация может не находиться под полным контролем того, кто должен предотвратить указанное событие. В таком случае субъект долженствования (который не обязательно совпадает с субъектом действия) должен принять все возможные меры к тому, чтобы что-то осуществилось или не осуществилось, а лексема *должен* с отрицанием требует СВ. Именно по этой причине СВ не заменяется на НСВ при отрицании в примерах (16) и (17) выше (напомним,

⁶ Для не иметь права + СВ в таком контексте нашлось одно исключение, середины XIX в.: *Надобно было достать пропуск во Францию, через Варский мост; я поехал к Леону Пиле, французскому консулу (...) Пиле, уже прежде что-то слышавший о случившемся, сказал мне: — Я не имею права дать_{СВ} вам позволение, но есть обстоятельства, в которых отказ был бы преступлением. Я вам дам на свою ответственность билет для пропуска через границу, приходите за ним через полчаса в консулат* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж (1862–1866)). Для *нельзя* подобных контекстов нам найти не удалось.

что речь идет только об однократном прочтении): они означают необходимость принять меры к тому, чтобы поход на пляж не закончился неприятностями или жители села не оказались за бортом, но успешность этих мер, вообще говоря, не гарантирована. Еще отчетливее та же семантика в следующем примере:

(46) *Как напоминание о величайшей трагедии народа, которая не должна **повториться**_{СВ} (коллективный. Форум: История — это то, что с нами будет (2010)).*

(47) *Тебе ни в коем случае нельзя **опоздать**_{СВ} на эту встречу («речь идет не о том, что опоздать невозможно, а о том, что надо приложить все усилия, чтобы этого не произошло» [Шмелев 2015: 301]).*

Многие глаголы могут иметь форму и СВ, и НСВ со слабо уловимой разницей в значении, например:

(48) *То, что я сейчас сделаю, никого не должно **обидеть**_{СВ} или **оскорбить**_{СВ} (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)).*

Ср. выше пример (39), где в таком же контексте употреблен НСВ. Разница между этими примерами в том, что в (39) «ответственность» за отсутствие обиды возлагается на конкретного человека, который, как полагает говорящий, способен разумно оценить ситуацию; в (48) говорящий не уверен, что никто из неопределенного круга людей не обидится или не оскорбится.

Взаимозаменимость СВ и НСВ при *не должен* вообще характерна для глаголов или сочетаний, которые обозначают отношение к чему-либо. Человек, с одной стороны, может сознательно менять свое отношение к тем или иным вещам; с другой стороны, власть над собственными эмоциями неполна, и четкую границу провести сложно. Глаголы *обидеть* и *оскорбить* употребляются именно в подобных ситуациях. Ср. также следующие примеры:

(49) а. *Привязка к месту и датировка тоже не должны **вызывать**_{НСВ} сомнений, я очень надеюсь, что погрешности минимальны (А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)).*

б. *Продумано было всё до мельчайших деталей: утром Катя с детьми уедет в Шереметьево, что не **должно вызвать**_{СВ} никаких подозрений, поскольку Катя всегда отправлялась на дачу заранее, чтобы подготовить дом к приезду Мур (Л. Улицкая. Пиковая дама (1995–2000)).*

(50) а. *Конечно, поиски новых отношений не должны **становиться**_{НСВ} самоцелью, но бояться их искать тоже не стоит (М. Мелия. Деловая, успешная и одна // «Психология на каждый день», 2011).*

б. *Успехи не должны **стать**_{СВ} поводом для эйфории или ослабления внимания к теме демографии (И. Рубанов. Крест на «русский крест» // «Эксперт», 2014).*

- (51) а. *Во время производства натуральная кожа впитывает в себя запахи огромного количества разнообразной химии и всего, что ее окружает. Именно поэтому химический запах не должен вас испугать_{СВ} и привести_{СВ} в заблуждение, тем более, что в настоящее время существуют даже ароматизаторы с запахом натуральной кожи, чтобы придать тот самый «характерный» запах изделиям из заменителя (<https://www.livemaster.ru/topic/3181704-mify-o-tom-kak-otlichit-naturalnuyu-kozhu-ot-poddelki>).*
- б. *Вице-премьер Дмитрий Козак, отвечавший за подготовку к Играм, заявил, что расходы на Олимпиаду составили 214 млрд рублей. Примерно в то же время министр финансов Антон Силуанов признал, что общий размер инвестиций в Сочи составил 1,5 трлн рублей. Разница не должна пугать_{НСВ}, на самом деле никакого противоречия здесь нет: Козак говорил о стоимости олимпийских объектов, а Силуанов — об инвестициях в регион в целом (А. Щукин. Научились делать мегапроекты // «Эксперт», 2014).*
- в. *Собственно, главный вывод уже ясен: сравнительное спокойствие на внешних рынках ни в коем случае не должно вводить_{НСВ} в заблуждение (П. Быков. Откуда придет гроза // «Эксперт», 2014).*

В приведенных выше примерах СВ обозначает меньшую степень контроля над ситуацией, однако один вид может быть заменен на другой без заметного изменения смысла. Но важно, что только СВ (в однократном прочтении) сочетается с обстоятельствами, подчеркивающими ненамеренность действия, типа *случайно* или *вдруг*:

- (52) *То, что я сейчас сделаю, никого не должно случайно оскорбить_{СВ} / *оскорблять_{НСВ}.*

Наконец, есть третий класс случаев, где возможны и СВ, и НСВ, но с отчетливо разной семантикой. Сравним следующие два примера:

- (53) а. *Иванов (находящийся под подпиской о невыезде) не должен покидать_{НСВ} город.*
- б. *Джон Смит (шпион) не должен покинуть_{СВ} город.*

Пример (53а), в соответствии с обычной семантикой *должен*, сообщает, что субъекту запрещено выезжать из города, при том, что у него есть физическая возможность это сделать. Пример (53б) означает совсем иное — что кто-то другой должен постараться помешать шпиону покинуть город; причем удастся ли это предотвратить, неизвестно. Замена видов в обоих этих примерах приведет к изменению смысла. СВ в примере (53а) означал бы, что Иванов предположительно попытается нарушить подписку о невыезде, и это нарушение следует предотвратить. НСВ в примере (53б) звучал бы скорее комично, поскольку предполагал бы, что шпиону пытаются что-то запретить и предполагают, что он будет прислушиваться к запретам.

Предикатив *обязан*, выражающий исключительно «юридическое» должествование, всегда требует НСВ, поскольку писанные законы относятся только к тем ситуациям, которые предполагают свободу воли, и, кроме того, субъект обязанности всегда совпадает с субъектом действия (что, как мы видели, не обязательно в случае *должен*).

- (54) *Они больше не были обязаны делать различные вещи, в частности — быть атеистами. Этой догмы они больше не обязаны были **принимать**_{НСВ}* (К. Миловидов. Богословие XXI века: что дальше? (2016.01.16) // 2016).
- (55) *И потому, если ты знаешь, что вино не приносит никакой пользы, производит великое зло людям, то не только ты не обязан **рабски повторять**_{НСВ} то, что делали отцы и деды, — **употреблять**_{НСВ} вино, **покупать**_{НСВ} его и **угощать**_{НСВ} им, — а напротив, обязан отменить этот обычай и заменить его другим* (Л. Н. Толстой. Богу или Маммоне? (1896)).

2.3. Желание

2.3.1. Стандартный случай

Поскольку желать можно чего угодно, *не хотеть* сочетается и с контролируемыми, и с неконтролируемыми действиями и, соответственно, и с НСВ ((56), (57)), и с СВ ((58), (59)):

- (56) *Но с другой стороны, я же ведь не хотел этим настоящим мечом по-настоящему **рубить**_{НСВ} людей...* (Е. Гришковец. ОднорЕмЕнно (2004)).
- (57) *Когда училась в школе, не хотела **уходить**_{НСВ}, думала, нафиг мне этот универ...* (коллективный. Форум: Универ (институт) VS школа. Плюсы и минусы. Где в итоге лучше и почему? (2011)).
- (58) *Однако игра, если это игра, совершенно незнакомая, и Стрепетов не хотел бы **сделать**_{СВ} неверного хода и шага* (В. Маканин. Отдушина (1977)).
- (59) *Он отражается в ее глазах, в мертвых глазах ведьмы, и никто не хотел бы **увидеть**_{СВ} этого отражения* (О. Онойко. Некромантиса (2014)).

Если нежелательное действие является результатом других действий агенса (которых, соответственно, не следует производить), то употребляется СВ:

- (60) *Он не хотел **испортить**_{СВ} её дорогой мех и твёрдо решил поймать зверя капканом* (М. Горький. Чарли Мэн (1906)).
- (61) — *Нам придется идти на существенно более широкое использование средств ФНБ, если мы не хотим **застрясть**_{СВ} в этой инвестиционной паузе еще на несколько лет* (А. Ивантер, А. Клепач. Длинные, эмиссионные, меченые // «Эксперт», 2015).

Порча меха в примере (60) или застревание в инвестиционной паузе в примере (61) — это события, которые могут произойти помимо и против воли субъекта и в этом смысле, безусловно, не контролируются им, чем объясняется СВ в таких контекстах.

Однако, хотя сами эти события относятся к неконтролируемым, их можно избежать, если не производить действий, которые к ним ведут; при такой трактовке они — точнее, отсутствие их — становятся контролируруемыми. Поэтому НСВ в примерах (60) и (61) выше также возможен:

- (62) *Он не хотел **портить**_{НСВ} её дорогой мех и твёрдо решил поймать зверя капканом.*
- (63) *Нам придется идти на существенно более широкое использование средств ФНБ, если мы не хотим **застревать**_{НСВ} в этой инвестиционной паузе еще на несколько лет⁷.*

Ср. также:

- (64) а. *Она не пошла на дискотеку, потому что не хотела **встретить-ся**_{СВ} с Эдиком.*
 б. *Она не пошла на дискотеку, потому что не хотела **встречать-ся**_{НСВ} с Эдиком.*
- (65) а. *Я дождался зеленого света, потому что не хотел **попасть**_{СВ} под машину.*
 б. *Я дождался зеленого света, потому что не хотел **попадать**_{НСВ} под машину.*

Встреча с кем-то на дискотеке и тем более попадание в ДТП зависят от стечения обстоятельств, которые не контролируются человеком; однако эти события можно предотвратить, и отсутствие их становится контролируемым. Благодаря такой двоякой трактовке глаголы, означающие нежелательные результаты действий субъекта, могут употребляться после *не хотеть* и в СВ, и в НСВ практически без разницы в значении.

Отметим, тем не менее, что глаголы, означающие типично неконтролируемые действия, в НСВ звучат хуже. Так, примеры (63) и (65б) кажутся менее удачными, чем (62) и (64б).

Только с СВ, как и в случае долженствования, могут в однократном прочтении сочетаться наречия типа *случайно*: *не хотела случайно встретиться* / **случайно встречаться с Эдиком*.

Еще один контекст, типичный для *не хотеть* + СВ, — это извинения и оправдания, что было отмечено О. В. Рассудовой. Это, естественно, также связано с неконтролируемостью: извиняются часто за то, что сделали случайно.

⁷ Ср. *Централизация лабораторных служб — неизбежна, если мы не хотим **застревать**_{НСВ} в 70х годах прошлого века* (<https://kursktv.ru/33734>).

- (66) *Поверьте, я вовсе не хотел **оскорбить**_{СВ} вас или как-нибудь задеть ваше самолюбие* [Рассудова 1982: 126].
- (67) *А я всегда думал, что вы умеете держать себя, Оскар Казимирович... — огрызнулся стармех. — Почему вы разговариваете со мной таким тоном? — Он гордо поднял голову с копной серебряных волос. — Прошу вас, Николай Анисимович, — спохватился Гроссе, — я не хотел **обидеть**_{СВ}, прошу садиться. В это тяжелое время мы не должны ссориться* (К. С. Бадигин. Секрет государственной важности (1974)).
- (68) *Синеглазка подбежала к зеркалу: — Хорошо, нечего сказать! Вдруг меня кто-нибудь увидит с этим пластырем на лбу! <...> — Я совсем не хотел **ударить**_{СВ} вас, — сказал Незнайка. — А кого? Незнайка хотел сказать, что его дразнила незнакомая малышка, но сообразил, что это будет ябедничество. — Никого, — ответил он. — Я просто хотел попробовать, можно ли этой линейкой кого-нибудь стукнуть* (Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953–1954)).

Если бы речь шла просто о желании, был бы употреблен НСВ⁸; СВ же указывает, что действие совершилось помимо воли субъекта.

3. СВ напрасного ожидания

Известен один класс случаев, когда СВ не меняется на НСВ после *не хотеть*. О. В. Рассудова говорит в этих случаях о значении «упрека»: «глагол СВ [при инфинитиве с отрицанием] может придавать высказыванию оттенок упрека, обращенного к собеседнику: *Вы не хотите даже поговорить со мной, даже выслушать меня. Вы просто не хотите вдуматься, не хотите понять меня.* С точки зрения говорящего, действие, которое субъект отказывается выполнить, должно быть выполнено» [Рассудова 1982: 126].

Ср. еще примеры:

- (69) *И мы снова ужасно поссорились. — Болван! — кричал мой дядя. — Ты не хочешь **понять**_{СВ}! Идея коммунизма, скомпрометированная бездарными адептами, по-прежнему гениальна! Недаром коммунистическую идеологию разделяют миллионы людей!* (С. Довлатов. Наши (1983)).

⁸ Вместо *ударить* в примере (68) скорее было бы употреблено *бить*, хотя *ударять* также возможно: *Вот, если ты талант, сатирик, возьми и ударь сатирой по мусорным бачкам. — Шубкин побледнел еще больше, напыжился: — А я не хочу **ударять**_{НСВ} сатирой по ба-бачкам. Я хо-хочу сатирой ударить по Ста-та-та...* (В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000).

- (70) *Отчего ни на один мой вопрос вы не хотите **ответить**_{СВ} прямо?* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 3 (1943–1958)).
- (71) *Я в общих чертах вам её расскажу, раз вы не хотите **выслушать**_{СВ} её со всеми подробностями за бутылкой коньяка. Неужели вы не хотите со мной **выпить**_{СВ} из-за этой несчастной кровати? Будь она проклята!* (Ф. Искандер. Муки совести, или Байская кровать (1980–1990)).

Упрек может быть обращен не только ко второму, но и к третьему лицу:

- (72) *Он махровый эгоист, он не хочет ради детей **сменить**_{СВ} работу и заниматься тем, что ему не так интересно, но за что платят хорошо. Пусть сменит работу, пусть идет туда, где ему будут платить достаточно, чтобы содержать няню. Вот и все решение* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)).
- (73) *Не может же быть, чтобы таким силам не нашлось предназначения. Отчего же? Не только может, но именно так и бывает сплошь и рядом, не бывает иначе — вот и разгадка печоринской тайны. Он это чувствует, да не хочет **признаться**_{СВ}, не хочет в это **поверить**_{СВ} и прячется за интересным и необыкновенным* (В. Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // «Октябрь», 2002).

Под «правило упрека» подпадают также синонимы *хотеть* (например, *желать*):

- (74) *Что такое рационалистическая философия, как не самоутверждение индивидуального разума, отпавшего от Истины, от истоков бытия, как не утверждение прав мышления, не желающего **избрать**_{СВ} Истину и от неё получить силу для познания?* (Н. А. Бердяев. Новое средневековье (1924)).

Однако можно заметить, что СВ после *не хотеть* не обязательно предполагает «упрек», т. е. неодобрение говорящим действий субъекта (точнее, отказа от некоего действия). Есть примеры, где несовершение действия оценивается очевидно положительно:

- (75) — *Как договорились. Давно ждем... — Семен Самуилович уже снимал с мамы плащ. — Окажите честь. — Я потом... Очередь же... — мама никак не хотела **отдать**_{СВ} авоську с картошкой* (Г. Башкуев. Маленькая война // «Сибирские огни», 2013).
- (76) *Собрав в охапку ребятишек, старики успели вовремя подняться на склон. Только младший мальчик не хотел **бросить**_{СВ} стадо. Он кричал на животных, но те заупрямились, не шли из загона. Волна набежала, и в ней погиб двенадцатилетний Лхаба, погибло все стадо — семь яков и четыре овцы...* (В. В. Овчинников. Вознесение в Шамбалу (2006)).

- (77) *Трудно было винить офицерство, что оно не желало **подчиниться**_{СВ} храбрейшему генералу, который, командуя армией в 1917 году, бросил морально офицерство в тяжёлые дни, ушёл к буйной солдатине и искал популярности демагогией...* (А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. IV. Вооруженные силы Юга России (1922)) — неподчинение офицеров генералу, очевидно, противоречит ожиданиям, хотя иногда и может быть оправдано.

Представляется, что значение приведенных выше примеров можно сформулировать более широко — как указание на то, что несовершенство действия противоречит ожиданиям говорящего. Кажется естественным сопоставлять это употребление с описанным А. А. Зализняком [1990] употреблением СВ в значении «презенса напрасного ожидания».

В названной статье А. А. Зализняка рассматривается класс конструкций с отрицанием и презенсом глаголов СВ, где глагол имеет значение настоящего времени — хотя вообще, как известно, глаголы СВ не имеют настоящего времени и их презенсные формы относятся к будущему. Это значение описывается так: говорящий «ожидает (часто с надеждой или страхом), что [событие] вот-вот наступит, или даже старается ускорить или предотвратить его, но событие все не наступает» [Там же: 109].

В этой же статье показывается, что такое употребление существовало на протяжении всей истории русского языка; вот только три примера из приведенных в ней:

- (78) а. *ѡ Жировита к Столанови. Како ты оу мене и чъстное дрѣво възъмъ и вевериць ми **не присълеци**, то девѣтое лето ‘От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте и не присылаешь [букв. «не пришлешь»] мне денег, идет девятый год (берестяная грамота № 246, XI в.)*
- б. *А иное жалуемъся тебе, своему господину, что по твоеи державе по городомъ воеводы и мещане нашихъ псковичомъ купцомъ с немъцы торговати **не дадутъ** [= не дают, не хотят давать] (ГВНП № 339, список XVI в. с грамоты 1480 г.)*
- в. *Надо б лампочку повесить — денег все **не соберем*** (Б. Окуджава).

См. также [Анна А. Зализняк 2015] о презенсе напрасного ожидания в целом; [Мишина 2020: 110–112] об этой конструкции в древнерусском языке.

Мы будем, ориентируясь на названные работы, называть рассматриваемые здесь случаи употребления совершенного вида после *не хотеть* «СВ напрасного ожидания».

Можно заметить, что в примерах, приведенных в этом разделе, далеко не всегда речь идет о желании в прямом смысле этого слова (в смысле, например, [Апресян 1995: 434–452]). Если в (70)–(72) и (75)–(77) действительно имеется в виду осознанное (не)желание субъектов, то в (69), (73), (74) подразумевается максимум неосознанное отторжение некоей идеи.

Отметим, что во многих примерах выше замена на НСВ затруднена. *Не хочешь понимать* (ср. (69)) в однократном значении вообще сомнительно (потому что подразумевало бы осознанный отказ от понимания, что невозможно, поскольку понимание — неконтролируемый процесс). *Не хочет признаваться* в (73) означало бы, что субъект осознает отсутствие предназначения, но не хочет сообщать об этом, — что явно противоречит смыслу текста. Сходный эффект дала бы замена на НСВ в примере (74): *мышления, не желающего избирать Истину и от нее получать пути для познания* означало бы сознательный отказ избрать Истину, что прагматически странно. Только *не хочет поверить* в примере (73) можно заменить на *не хочет верить* благодаря перфектной семантике видовой пары: из *поверить* следует и *верить*.

Тем не менее конструкции типа *не хотеть* + СВ, даже в случае неконтролируемых предикатов, представляют ненаступление события как результат сознательных действий субъекта. Отсюда и возникает во многих случаях значение упрека. *Никак не хочет понять* не синонимично *никак не поймет*: если во втором случае причина непонимания не указана, то в первом имеется в виду, что субъект упорствует в своих заблуждениях, не прилагает достаточных усилий, чтобы разобраться, и т. п.⁹

Этим объясняется тот факт (кажется, не отмечавшийся ранее), что «*не хотеть* напрасного ожидания», как в примере (79а), плохо совместимо с 1-м лицом, за исключением контекстов, где нарушенные ожидания, эксплицитно или имплицитно, приписываются другому человеку (79б, в); в случае обычного декларативного высказывания оно практически невозможно (79г):

- (79) а. Почему вы не хотите мне **помочь**_{СВ}?
 б. С чего вы взяли, что я не хочу вам **помочь**_{СВ}?
 в. Здравствуй, товарищ. Я предлагаю тебе *попробовать себя* в индустрии сетевого маркетинга в компании «xxx». (...) По сути наша компания — это финансовая пирамида. (...) Я *вовсе не хочу тебе* **помочь**_{СВ}¹⁰ («...как ты думал»)
 г. Да, я не хочу вам **помочь*_{СВ} / **помогать**_{НСВ}.

Причина этого, вероятно, в том, что такие высказывания означали бы, что говорящий действует сам вопреки собственным ожиданиям;

⁹ Это частое развитие значения ‘хотеть’ [Holvoet 2020]: неправильные, с точки зрения говорящего, действия субъекта представляются как результат злонамеренного желания — не понимать чего-то очевидного можно, только сознательно отказываясь понять. Кажется, однако, что в русском языке связь с исходным *хотеть* уже слабо ощущается: это употребление распространяется на неодушевленные объекты: *Машина никак не хотела заводиться*; см. также выше про разницу в употреблении видов при прямом употреблении *хотеть* и при «*хотеть* упрека».

¹⁰ https://vk.com/@stop_mlm-samoe-chestnoe-priglasenie-v-mlm.

это в принципе возможно (ср. пример (80)), но по понятным причинам редко¹¹:

- (80) *Рекуррентных платежей у нас никогда не было, потому что мы не очевидный фонд, которому хочется таким образом помочь. До такой степени, что мои близкие друзья говорили мне: «Оль, я тебе что-то не хочу **помогать**_{НСВ}. Смотрю на тебя — и не хочу тебе **помочь**_{СВ}, извини»*¹² («должен был бы хотеть, но не хочу»).

При этом сам по себе СВ напрасного ожидания с 1-м лицом возможен: *никак не пойму* нормально, если понимаю препятствуют какие-то внешние или внутренние обстоятельства.

Тем, что конструкции типа *не хотеть* + СВ представляют ненаступленные события как результат сознательных действий субъекта, объясняет и еще одно обстоятельство: что СВ после *не хотеть* затруднено в случае неодушевленных субъектов. Так, хотя *машина никак не хотела заводиться* совершенно нормально, *машина никак не хотела завестись* кажется менее удачным. При поиске в НКРЯ на сочетание «*никак не + хотеть + СВ*» на

¹¹ Поиск в интернете дает ряд примеров на *я не хочу тебе/вам помочь*, не отсылающих непосредственно к чужой точке зрения: анекдот/мем «Извините, но, к сожалению, я ничем не хочу вам помочь», намекающий, по мнению ряда коллег, на фразу *Я не могу вам ничем помочь*; стихотворение Линк(а?) Чумовски с параллельными строфами *Я не смогу тебе помочь... Я не могу тебе помочь... Я не хочу тебе помочь...* (<https://stihi.ru/2019/08/07/2850>); стихотворение Е. Алипанова 1829 г., где есть строки *Полно, милый, беспокоить! Не хочу тебе помочь; Пусть Господь тебя прикроет, От меня лети ты прочь* (<https://bibra.ru/composition/belka-i-motylek/>); в этом стихотворении ниже также есть *Я не могу тебе помочь*. Такие примеры представляют собой либо языковую игру, либо поэтическую вольность, либо, на наш взгляд, архаичны. Приемлемы, разумеется, фразы типа *Нет-нет, я ничем не могу и не хочу тебе помочь*, которые объясняются тем, что инфинитив здесь зависит сразу от двух модальных глаголов (см. об этом в разделе 5).

Интересно, что на одном из форумов прямо обсуждается разница между *я не хочу помочь тебе* и *я не хочу помогать тебе* (<https://hinative.com/ru/questions/17284263>). Ответ, который там дается, указывает на аспектуальные характеристики, однако они иллюстрируются на контекстах без *не*. В применении именно к отрицательным контекстам ответ сводится к тому, что «“Я не хочу тебе помочь” звучит более грубо». Этот ответ, на наш взгляд, неверен: грубость никак не препятствует появлению НСВ (*Иди к черту, не хочу я тебе помогать*) и не делает более естественным СВ (²⁷*Иди к черту, не хочу я тебе помочь*). Заметим, что попытки противопоставить СВ и НСВ по степени вежливости имеют давнюю историю, ср. дискуссию о том, какой вид более вежлив в императиве, — как теперь известно, вежливость не связана напрямую с видом, а определяется тем, как понимаются интересы адресата в конкретной ситуации ([Падучева 1992]; см. специально посвященную вежливости в императиве монографию [Benacchio 2010]).

¹² <https://www.forbes.ru/forbes-woman/409649-hudozhnik-rasskazyval-kak-el-iz-pomoynogo-vedra-kak-s-pomoshchyu-onlain>.

первые 50 документов¹³ нашлось лишь 8 примеров с неагентивным субъектом. Напротив, на сочетание «*никак не + хотеть* + НСВ» в первых 50 документах примеров с неагентивным субъектом оказалось 38.

Выше приводились примеры только с *хотеть* и его синонимами, но СВ напрасного ожидания возможен и с другими модальными глаголами. СВ возникает здесь в контексте контраста, противопоставления иному варианту, часто, по мнению говорящего, более естественному.

- (81) а. *А почему мне нельзя подарить_{СВ} цветы?* — *взвилась Калугина* (Э. Рязанов, Э. Брагинский) [Шмелев 2015]
- б. *Жизнь в квартале вилл замирает: в день Молитвы запрещено включать свет, ездить на машине, курить. Даже обед подогреть_{СВ} нельзя* (В. Генина. Самаритяне: племя древнее, незнакомое // «Вестник США», 2003.11.12).
- в. — *Что значит по-всякому? То есть можно прийти, а можно и не прийти_{СВ}?* *Говорите ясно* (А. Львов. Двор (1981)).

Итак, конструкции (в том числе со значением упрека, но не только), где СВ после модальных глаголов не меняется на НСВ при отрицании, представляют собой частный случай более общего правила в русском языке, согласно которому сочетание отрицания с глаголами СВ может иметь значение нарушенного, или напрасного, ожидания. Возможно, данными двумя классами примеров это употребление не исчерпывается. Вероятно также, что это употребление не ограничивается и контекстами с отрицанием; упомянем здесь два класса примеров. Во-первых, это хабитуальные примеры следующего типа:

- (82) а. *Он на работе каждый день придумывает_{НСВ}/*придумает_{СВ} рекламные тексты.*
- б. *Такой затейник: каждый день придумывает_{НСВ}/придумает_{СВ} что-нибудь новое.*
- в. *Ему давно надоело веселить окружающих, но все равно он каждый день придумывает_{НСВ}/*придумает_{СВ} что-нибудь новое.*

СВ в примере (82а) невозможен по понятным, на первый взгляд, причинам: ситуация многократно повторяется. Однако в примере (82б) ситуация также повторяется, но СВ, наряду с НСВ, возможен. Вероятно, причина этого в том, что в (82б) подчеркивается неожиданность, нестандартность каждой придумки, в отличие от рутинного придумывания в (82а), а равно и в (82в).

¹³ В одном документе могло быть несколько вхождений. С другой стороны, в этих 50 документах встретилось несколько примеров с инфинитивом НСВ, который был разобран как СВ в корпусе с неснятой омонимией (*Валун никак не хотел покидать своего места* (М. Гиголашвили. Чертово колесо (2007))).

Во-вторых, сюда же может относиться уже упоминавшаяся закономерность употребления видов в утвердительном императиве¹⁴: НСВ употребляется тогда, когда действие ожидается в данной ситуации, а СВ — когда не ожидается [Падучева 1992].

Эта тематика, однако, выходит за рамки настоящей статьи.

4. Конструкции осознанного выбора, каузативы и императив

Замена СВ на НСВ при отрицании подчиняется тому же правилу, которое было рассмотрено выше, и в ряде других конструкций. Это императивы, сочетания с некоторыми каузативными глаголами, а также с лексемами «осознанного выбора»: *решить*, *отказаться* и др. Мы полагаем, что причина такого сходства в поведении — сходство в семантике: все указанные значения подразумевают контроль над действием.

Это очевидно в отношении конструкций осознанного выбора: чтобы принять решение о каких-либо действиях, необходимо эти действия контролировать. Конструкции дистантной каузации, по крайней мере речевой каузации, также предполагают сознательного агенса. Наконец, контролируемость действия как необходимое условие повелительного речевого акта также хорошо известна.

В данном разделе мы рассмотрим последовательно примеры замены видов в конструкциях осознанного выбора (4.1), при каузативах (4.2) и императивах (4.3).

4.1. Конструкции осознанного выбора

Как было сказано, лексемы и конструкции, выражающие решение что-то сделать или не сделать, по определению предполагают свободную волю субъекта и поэтому при отрицании обычно, если нет семантики нарушенного ожидания, требуют замены СВ на НСВ; ср. примеры с *решить*, *решено*, *согласиться*, *отказаться*:

- (83) *Если всё вместе сложить, то получится всё не так плохо. Главное, что учёбу решила не **бросать**_{НСВ}* (Наши дети: Подростки (2004)).
- (84) *Каждый вечер, приходя из фракции, Саша приносит разные слухи: то Думу совсем уже решено разогнать («Укладывайся!»), то решено не **разгонять**_{НСВ}* (Е. Я. Кизеветтер. Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) (1905–1907)).
- (85) *А вдруг прокурор или судья не согласятся **возбуждать**_{НСВ} дело?* (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)).

¹⁴ При отрицании употребление видов в императиве, как известно, кардинально меняется; см. об этом в разделе 4.3.

- (86) *Академия тогда отказалась **выдвигать**_{НСВ} Сахарова в Верховный Совет* (А. А. Данилова, Г. М. Гупало. Юрий Норштейн: Опять забыли человека // 2016).

К этой же группе относятся конструкции с *не стать* в значении осознанного выбора (см. об этой конструкции [Короткова, Сай 2006; Стойнова 2016]):

- (87) *Кино («Похороните меня за плинтусом») **смотреть**_{НСВ} тоже не стану, книги хватило* (коллективный. Форум: Похороните меня за плинтусом. Фильм (2009–2011)).
- (88) *Во дворце тем временем уже всё было готово к свадьбе. Но Робин не стал её **дожидаться**_{НСВ}. Объяснив всё любимой невесте, он помчался на выручку к своим друзьям* (С. Седов. Доброе сердце Робина // «Мурзилка», 2002).

Стать сочетается с НСВ во всех своих значениях, например в фазовом (*станет продолжать, пока не станет темнеть* и т. д.), т. е. конструкции осознанного выбора не отличаются в этом смысле от остальных употреблений *стать*.

Как и в сочетаниях с *хотеть* (см. раздел 3), в конструкциях осознанного выбора может употребляться СВ напрасного ожидания:

- (89) *Будучи по существу государственным назначенцем, он категорически отказался **пойти**_{СВ} навстречу замечаниям вышестоящего чиновника к спектаклю и, судя по всему, просто не оставил министр культуры выбора* (Коротко // «Эксперт», 2015).
- (90) *Но Ольга Борисовна ни за что не согласится **продать**_{СВ} музейную мебель, несмотря на маленькую зарплату в 800 тысяч рублей* (С. Шерстенников. Такая, значит, история // «Столица», 1997.04.01).

Разница в семантике между СВ и НСВ во многих случаях кажется очень небольшой, формы практически взаимозаменяемы, ср. *отказался **пойти**_{СВ}/**идти**_{НСВ} навстречу пожеланиям чиновника, прокурор не согласится **возбудить**_{НСВ}/**возбудить**_{СВ} дело* и т. д. Конечно, не исключено, что есть и другие факторы, влияющие на употребление СВ и НСВ в таких примерах. Можно заметить, в частности, что на приемлемость СВ влияет позиция отрицания: при *не согласиться* или *отказаться* СВ нормален (*судья не согласился / отказался возбудить дело*), но при *решить не* или *согласиться не* СВ напрасного ожидания невозможен (**судья решил/согласился не возбудить дело*). Этот сюжет нуждается в дополнительном исследовании.

Хотя осознанное принятие решения предполагает контроль над своими действиями, контроль может быть неполным, как и в ситуации с должествованием, рассмотренной в разделе 2.2.2. Напомним, что, деонтическое должествование также требует, чтобы «должествующий субъект» контролировал действие, которое он должен совершить или совершение кото-

рого он должен обеспечить; однако контроль этот может быть неполным, и в таком случае при отрицании будет употреблен СВ (*Трагедия не должна повториться*_{СВ}). Конструкции решения устроены таким же образом. Можно принять решение стремиться к какой-то цели; но если достижение цели не находится под полным контролем субъекта, при отрицании СВ сохранится. Ср. примеры:

- (91) *Наше начальство решило не **упасть**_{СВ} в грязь лицом и велело расстрелять двух русских* (М. Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010).
- (92) *Гришкина заметили, поручили ему расчет, и он решил не **упустить**_{СВ} такой случай* (Д. Каралис. Феномен Крикушина (1984)).
- (93) *Не знал, что враг решил не **дать**_{СВ} нам возможности закрепиться и уже атаковал снова* (Л. И. Брежнев. Малая земля (1979)).
- (94) *Поэтому и здесь правительство решило не **допустить**_{СВ} резкого роста цен* (Ф. Чапковский. Тарифы подождут // «Русский репортер», 2012).

Упасть в грязь лицом, как в (91) — типичный пример нежелательного, но не полностью контролируемого события. Другой такой пример — это *упустить свой шанс, упустить случай* (ср. (92)). Интересно, однако, что, по ощущению, большинство примеров с *решить не* + СВ составляют фразы с глаголами типа *допустить, дать* (сделать что-либо) и т. п., т. е. описывающие решение не позволить совершиться некоей ситуации, которая готова совершиться (примеры (93) и (94)), — что семантически тоже вполне понятно¹⁵. НСВ в таких контекстах также возможен, если предполагается большая уверенность в результате:

- (95) *Следующего раза он решил не **допускать**_{НСВ} и под любыми предлогами отказывался от повторных встреч — размяться он мог и в спортзале* (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой (1998)).

4.2. Каузативы

В этом разделе будут рассматриваться в основном лексемы речевой каузации типа *сказать* (в значении ‘велеть’), *велеть, приказать, распорядиться, разрешить, позволить* и т. п. Речевая каузация — или, иными словами, описание повелительного речевого акта — как и собственно императивы (о которых см. следующий раздел), предполагают агентивного каузи-

¹⁵ К примеру, при поиске «решить + не + СВ» в НКРЯ на первые 100 документов встретилось 11 вхождений с *дать* и *пустить* и 4 с другими глаголами СВ (остальные были с неправильно разобранными НСВ или совсем с другими конструкциями).

В древнерусском языке те же глаголы *дати* и *пустити* в каузативном значении были склонны к образованию форм, в принципе характерных для глаголов НСВ (презенса, имперфекта, действительного причастия настоящего времени), именно с отрицанием в значении напрасного ожидания [Мишина 2012].

руемого субъекта. Поэтому в стандартном случае в конструкциях с матричными каузативными предикатами замена СВ на НСВ происходит по обычному правилу. Это касается как инфинитивов, так и придаточных предложений:

- (96) а. Я сказал ему *прийти*.
 б. Я сказал ему не *приходить*_{НСВ} / *не *прийти*_{СВ}.
 в. Я сказал, чтобы он не *приходил*_{НСВ} / *не *пришел*_{СВ}.

Ср. примеры из корпуса:

- (97) — *Ко мне она тоже приходила, но я ее приказал не пускать*_{НСВ} (В. П. Катаев. Уже написан Вертер (1979)).
- (98) *Иван затолкал её себе под рубаху и только хотел выйти в туалет, как дверь отъехала и заглянул проводник. — Бутылку с коньяком не велели трогать*_{НСВ}. Вообще, ничего не трогать — отпечатки пальцев будут снимать. И сами сидите (В. Шукшин. Печки-лавочки (1970–1972)).
- (99) *Леха не разрешил подгонять*_{НСВ} машину к самолету ближе, чтобы не нарушать инструкцию «по подъезду спецтранспорта к воздушным судам» (С. Иванов. Марш авиаторов // «Звезда», 2002).
- (100) — Я говорю: пусть он только сбегает разменять да прикажет, чтобы не *запирали*_{НСВ}, а вы пойдете и сами скажете... (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)).

Вместе с тем каузируемое действие может не поддаваться полному контролю, и тогда, по общему правилу, употребляется СВ:

- (101) *Доктор дал билеты казенные, велел не потерять*_{СВ} и читал наставление, чтобы слушались мы своих будущих хозяев; да еще роздал нам от казны по яблоку и по мармеладинке (З. Н. Гиппиус. Простая жизнь (1896)).
- (102) *Да вот еще — почему-то велел не забыть*_{СВ} мастеру захватить с собой двадцатифунтовую гирю точного веса (А. Ф. Кошко. Очерки уголовного мира царской России. 2 (1928)).
- (103) — Скажите, чтобы не *забыли*_{СВ} этих артистов проводить куда следует (А. Степанов. В последнюю очередь (1984)).

Наконец, каузативные конструкции также допускают СВ напрасного ожидания:

- (104) *Брату не разрешили вернуться*_{СВ} в Москву, а в городишке под Калугой, где он поселился, не принимали на работу (О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)).
- (105) *Приличия не велели залезть*_{СВ} под стол при собственном чествовании, а ловкости сделать это ему хватило бы; его неспортивность и малоподвижность обманывали; как-то при мне он на хо-

ду быстро пересел в маленькой «Ладе» с заднего сиденья на правое переднее; попробуйте как-нибудь сами (В. В. Биbihин. Сергей Сергеевич Аверинцев (1998–2004)).

Различные каузативные конструкции в разной степени допускают СВ напрасного ожидания. Как и в случае с конструкциями осознанного выбора (см. предыдущий раздел), отрицание при матричном глаголе легко сочетается с СВ, а отрицание при подчиненном глаголе его практически исключает. Так, *не разрешить* или *не позволить* вполне принимает СВ (ср. *Леха не разрешил подогнать машину к самолету*), а при *разрешить не* в НКРЯ СВ встретился всего три раза, всегда в сочетании с императивом:

(106) — *Разрешите не **согласиться**_{СВ}, товарищ полковник, — упрямо и скромно наклонил голову Нейман, — конечно, сейчас уж ему ничего не предъявишь, это безусловно так, но я думаю, что именно с этого началась его карьера* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 4 (1978)).

Впрочем, *не велеть* чаще требует НСВ. Причина этого, вероятно, в следующем. Глагол *велеть*, в отличие от многих (возможно, от всех?) других русских каузативных глаголов, допускает подъем отрицания: *не велеть* обычно синонимично *велеть не*; поэтому и замена видов происходит, как будто отрицание стоит при подчиненном глаголе (ср. *приказать не*). При этом, если отрицание относится к самому акту повеления, то СВ сохраняется:

(107) *Я не прочёл большой решимости в этом беспокойном взгляде и сказал майору, что напрасно он не велит **выломать**_{СВ} дверь и **броситься**_{СВ} туда казакам, потому что лучше это сделать теперь, нежели после, когда он совсем опомнится* (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)).

Не исключено, что пермиссивные глаголы (*разрешить*, *позволить*) с отрицанием легче допускают СВ — может быть, потому, что из контекста всегда следует ожидание иного варианта развития событий (*не разрешил прийти* значит, что разрешение в принципе ожидалось)? Правила замены видов при каузативных глаголах требуют дальнейшего изучения, и мы не претендуем здесь на окончательную их формулировку.

Отметим в заключение этого раздела, что семантика конструкций речевой каузации очевидно связана с долженствованием и возможностью: в результате каузации у каузируемого субъекта возникает либо обязанность, либо возможность совершить соответствующее действие, например:

X приказывает Y P → Y должен P
X разрешает Y P → Y может P

Поэтому можно считать, что правила замены видов у каузативов «наследуются» от долженствования и возможности, которые являются частью их семантики.

4.3. Императив

Хрестоматийной особенностью русского императива является его взаимодействие с видом при отрицании. В отрицательном императиве СВ обязательно заменяется на НСВ, а СВ в этом контексте приобретает значение превентива:

- (108) *Купи хлеба — Не **покупай**_{НСВ} хлеб — Не **купи**_{СВ} хлеб* (случайно, вместо чего-то другого).

Это правило общеизвестно и не нуждается в дальнейших иллюстрациях.

Хорошо известно, однако, что ключевое различие отрицательного императива и превентива состоит в контролируемости действия: императив предполагает контроль, а превентив, напротив, употребляется только в применении к неконтролируемым событиям (см., например, [Булыгина 1980: 341; Бирюлин, Храковский 1992: 35]). Таким образом, замена видов в русском отрицательном императиве оказывается лишь частным случаем общего правила.

Известно также, что императив непосредственно связан по своему значению с каузативами; «императив — это перформативный каузатив» [Касевич 1990; Гусев 2013: 21–25]. Поэтому здесь, как и в случае с самими каузативами выше, можно говорить о наследовании правила замены видов императивами от компонентов их семантики.

Наконец, императивы имеют общие семантические и формальные черты с придаточными предложениями цели (см. [Гусев 2002]); вероятно, это касается и правил замены видов:

- (109) — *Но я тебе не скажу, чтобы не **портит**_{НСВ} впечатление* (Н. Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)) (ср. *чтобы **испортить**_{СВ} впечатление*; с отрицанием *чтобы не **испортить**_{СВ} впечатление* также было бы возможно, если бы говорящий отказывался от полного контроля над ситуацией).

5. Некоторые особые грамматические контексты

5.1. Замена вида не происходит, если отрицание эксплетивное (110–112), а также в риторических вопросах (113):

- (110) *А вы не хотите **примерить**_{СВ} самую продвинутую сейчас рубашку — из крапивной ткани?* (А. Волков. Одеться с иголки и без ниточки // «Знание — сила», 2003).
- (111) *Имеет ли советский естествоиспытатель моральное право заниматься своей наукой в современном мире, пока еще разделенном на два лагеря, мире, весьма далеком от совершенства, мире, в котором еще столько миллионов голодных и несчастных людей? Не обязан ли он **отложить**_{СВ} свои занятия до эпохи коммунизма,*

а знания и способности обратить на служение практике сегодняшнего дня? (А. Китайгородский. Пути и цели // «Химия и жизнь», 1965).

- (112) *Остров казался весьма живописным, и мы осведомились у капитана, нельзя ли **отправиться**_{СВ} на берег, но за неимением времени он нам этого не разрешил* (О. А. Щербатова. В стране вулканов (1897)).
- (113) *Кто из вас не хочет **напоить**_{СВ} своего коня в устье тихого Дона?* (А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Книга третья. Хмурое утро (1941)).

В обычных вопросах замена видов происходит по общим правилам:

- (114) — *Почему ты не хочешь **ехать**_{НСВ}? — Я болен. Мне надо в больницу* (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961))¹⁶.
- (115) — *Кто поступает в дворники, а потом получает секции? Кто в колхозы не хотел **идти**_{НСВ}? Кто упирался?! — Деятель стиснула зубы и оглянулась во гневе* (В. Шукшин. Три грации (1970–1974)).

5.2. Если инфинитив относится сразу к двум модальным лексемам, которые требуют разного вида инфинитива, то вид определяется одной из них — чаще последней, но не обязательно:

- (116) а. *Как ни волновали его призывы Савонаролы к покаянию, как ни заманчивы были планы создания народного самоуправления, христианской республики, которая, зародившись во Флоренции, поведет за собою всю Италию, Микельанджело чувствовал, что он не может и не должен **отказываться**_{НСВ} от своего искусства, от своего пути* (Ал. Алтаев (М. В. Ямщикова). Микельанджело (1955)) (не может **отказаться**_{СВ}, но не должен **отказываться**_{НСВ}).
- б. *Если бы Нехлюдов тогда ясно сознал бы свою любовь к Катюше и в особенности если бы тогда его стали бы убеждать в том, что он никак не может и не должен **соединить**_{СВ} свою судьбу с такой девушкой, то очень легко могло бы случиться, что он, с своей прямолинейностью во всем, решил бы, что нет никаких причин не жениться на девушке, кто бы она ни была, если только он любит ее* (Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)) (не может **соединить**_{СВ}, но не должен **соединять**_{НСВ}).

¹⁶ Верно, что без отрицания НСВ здесь также возможен, по крайней мере в некоторых контекстах: *Когда ты хочешь ехать? Ты уверен, что хочешь ехать?* Кажется, однако, что без отрицания более нейтрален СВ *хочешь поехать*, а с отрицанием НСВ *не хочешь ехать*, и это позволяет говорить о соответствии «утвердительному» СВ «отрицательному» НСВ. Случаи, где НСВ употребляется без отрицания, в этой статье, напомним, не рассматриваются.

- (117) а. *Которая, по мнению Бразаускаса, начата рановато: он «не хочет и не может **объявлять**_{НСВ} досрочные парламентские выборы, ссылаясь на правительственный кризис», ибо сомневается в их необходимости, когда до очередных осталось меньше года* (С. Сухова. Политическая ситуация в Литве // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.18) (*не хочет **объявлять**_{НСВ}, но не может **объявить**_{СВ}*).
- б. *Они приходили просить, чтобы их помиловали, и мама сказала, что ничего не хочет и не может для них **сделать**_{СВ}* (Т. Л. Сухотина-Толстая. Из дневника (1880–1910)) (*не хочет **делат**_{НСВ}¹⁷, но не может **сделать**_{СВ}*).

5.3. Интересны случаи, когда одной модальной лексеме подчинены два инфинитива, связанных сочинительным союзом, из которых один имеет отрицание и должен был бы сменить вид с СВ на НСВ, а другой — нет. Если инфинитивы связаны союзом *а*, то у инфинитива с отрицанием факультативно может остаться СВ — очевидно, в результате, так сказать, «согласования вида» со вторым глаголом. При этом замена на НСВ также возможна — как кажется, без какой-либо разницы в значении:

- (118) *Поэтому ты решил не **купить**_{СВ} (/ не **покупать**_{НСВ}), а просто отобрать!* (А. Волос. Дом у реки // «Новый Мир», 1998).
- (119) *После того уже я узнал, что он действительно прочел документы (он мне их не вернул), спрашивал совета какого-то врача, какого я не мог узнать, и потом я узнал в Думе, не помню от кого, что дело было приказано не **пересмотреть**_{СВ} (/ не **пересматривать**_{НСВ}), а только смягчить степень наказания* (Показания А. И. Шингарева в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (1917)).

Однако НСВ невозможен, если инфинитив с отрицанием семантически не входит в сферу действия модального или каузативного глагола, ср. следующий пример:

- (120) *Это можно рассматривать как преднамеренное убийство, и за подобное служебное преступление рейсфюрер Гиммлер, пожалуй, прикажет не **расстрелять**_{СВ} (/ *не **расстреливать**_{НСВ}) даже, а позорно повесить* (В. Кожевников. Щит и меч. Книга первая (1968)).

¹⁷ Как кажется, в данном случае *хотеть*, употребленное отдельно, могло бы иметь при себе только НСВ, потому что СВ напрасного ожидания тут вряд ли возможен. Во многих других случаях при *хотеть* можно «восстанавливать» и СВ, и НСВ, например: *Собрались, наверное, на семейный совет, и решили: раз глупый муж Анечки не хочет и не может **сделать**_{НСВ} прекрасную карьеру в аппарате вначале комсомола, а потом и партии, дадим этому идиоту возможность возиться с его обожаемыми книгами* (Э. Лимонов. Молодой негодяй (1985)) — *не хочет **сделат**_{СВ} карьеру и не хочет **делат**_{НСВ} карьеру* было бы одинаково возможно.

В (120), при самом естественном понимании, расстрел вообще не будет упомянут в приказе; этот вариант говорящий добавляет от себя: *прикажет [не расстрелять, а] повесить*. Но если предполагается, что Гиммлер будет рассматривать оба варианта и эксплицитно прикажет отказаться от одного из них и выбрать второй, то НСВ становится возможен наряду с СВ: *прикажет не **расстреливать**_{НСВ} / не **расстрелять**_{СВ}, а позорно повесить*.

Такая же омонимия присутствует в примере (119), но поскольку при наиболее естественном понимании пересмотр или непересмотр дела является необходимой частью такого решения, замена СВ на НСВ кажется более вероятной. То же касается примера (118): отказ от покупки в пользу насильственного отбора, скорее всего, — необходимая составная часть решения.

Впрочем, следует учитывать и семантику напрасного ожидания, которая также может стать причиной появления СВ в таких контекстах.

В случае союза *и*, как кажется, согласования видов не происходит — если правила требуют замены СВ на НСВ, то такая замена должна произойти:

- (121) *Царь приказал не **наказывать**_{НСВ} / *не **наказать**_{СВ} и отпустить вора.*

СВ, как и в других случаях, может остаться как маркер нарушенного ожидания:

- (122) *Я хочу завтра не **пойти**_{СВ} / не **ходить**_{НСВ} на работу и остаться дома.*

При этом, как и в примерах с союзом *а* выше, замена вида на НСВ невозможна, если первый инфинитив по смыслу не входит в сферу действия матричного глагола, ср. пример:

- (123) *Я не хочу **купить**_{СВ} машину и остаться без денег.*

Употребление СВ в (123) кажется парадоксальным, поскольку покупка машины находится полностью под контролем субъекта (ср. (124а, б)). Однако предложение (123) — не о том, что кто-то не хочет покупать машину; скорее, наоборот, он в принципе хотел бы ее купить, но он не хочет остаться без денег в результате покупки и поэтому ее не покупает.

- (124) а. *Я не хочу **покупать**_{НСВ} / ***купить**_{СВ} машину*
 б. *Я не хочу **покупать**_{НСВ} / ***купить**_{СВ} машину, потому что тогда останусь без денег.*
 в. *Я не хочу **оставаться**_{НСВ} / **остаться**_{СВ} без денег, поэтому не покупаю машину.*
 г. **Я не хочу **покупать**_{НСВ} машину и **оставаться**_{НСВ} без денег.*

СВ у глагола *купить* в этом примере объясняется тем, что *купить* вообще не входит в сферу действия *не хочу*: *Я не хочу [купить машину и] остаться без денег*.

6. Заключение

Итак, в статье мы постарались показать, что замена СВ на НСВ при модальных глаголах с отрицанием подчиняется в сущности одному правилу: если действие контролируется субъектом модальности, то при отрицании совершенный вид должен меняться на несовершенный (*Я не хочу **уходить**_{НСВ}*); в противном случае совершенный вид сохраняется (*Я не хочу **попасть**_{СВ} под дождь*); см. раздел 2. Под это правило подпадают и эпистемические контексты (*Он не должен сегодня **приехать**_{СВ}*), и контексты возможности (*Здесь нельзя **перейти**_{СВ} улице* в отличие от деонтической модальности *Здесь нельзя **переходить**_{НСВ} улице*).

Исключением к сформулированному правилу является сохранение СВ в предложениях, которые были определены О. В. Рассудовой как выражающие «упрек»: *Почему вы не хотите мне **помочь**_{СВ}?* (см. раздел 3). Это употребление, однако, более широко, чем упрек; оно выражает несоответствие ожиданиям говорящего, что не обязательно оценивается отрицательно: *Он не хотел **бросить**_{СВ} друзей в беде*. Его можно связать с описанным А. А. Зализняком «презентом напрасного ожидания» (*Никак не **допишу**_{СВ} статью*), и, таким образом, значение напрасного ожидания оказывается вообще характерно для СВ с отрицанием (возможно, не только с отрицанием).

Правило контролируемости в русском языке не ограничивается контекстами с модальными глаголами: оно же действует в конструкциях «осознанного выбора», в каузативных конструкциях, а также, как давно известно, с императивами (см. раздел 4).

Вероятно, сходные правила действуют и в других случаях, прежде всего в придаточных предложениях (ср. *Я не хочу, чтобы он меня **встречал**_{НСВ}*, vs. *Я не хочу, чтобы он меня случайно **встретил**_{СВ}*), однако такие конструкции здесь не рассматривались.

Наконец, раздел 5 посвящен особым типам грамматических конструкций, в которых СВ не меняется или может не меняться на НСВ. Замены не происходит в вопросах, если отрицание не находится в пресуппозиции (*Никто не хочет пойти **пообедать**_{СВ}?*), а также в риторических вопросах (*Кто же не хочет **заработать**_{СВ} много денег?*). Замена СВ на НСВ факультативна, если тому же модальному глаголу подчинен и другой глагол без отрицания: *Я хочу не **купить**_{СВ}/**покупать**_{НСВ} телефон, а **починить**_{СВ} старый*. При этом замена невозможна, если глагол с отрицанием по смыслу вообще не относится к модальному глаголу: *Он хотел не **помочь**_{СВ}, а только изобразить участие*.

Литература

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Бирюлин, Храковский 1992 — Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. Повелительные предложения: проблемы теории // В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992.

Булыгина 1980 — Т. В. Булыгина. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Гусев 2002 — В. Ю. Гусев. Императив и смежные значения // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002. С. 173–206.

Гусев 2013 — В. Ю. Гусев. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Зализняк 1990 — А. А. Зализняк. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презент напрасного ожидания») // Z. Saloni (red.). Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok, 1990. S. 109–114.

Зализняк, Анна А. 2015 — Анна А. Зализняк. Презент совершенного вида в значении настоящего времени // Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 308–313.

Касевич 1990 — В. Б. Касевич. Императивность, каузативность, перформативность // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Л., 1990. С. 85–90.

Короткова, Сай 2006 — Н. А. Короткова, С. С. Сай. Глагол *стать* в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация // III Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2006. С. 96–101.

Мишина 2012 — Е. А. Мишина. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 219–241.

Мишина 2020 — Е. А. Мишина. Влияние отрицания на функционирование видо-временных форм в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1. С. 109–137.

Падучева 1992 — Е. В. Падучева. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.

Падучева 2013 — Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Рассудова 1982 — О. П. Рассудова. Употребление видов глагола в русском языке. 2-е изд., доп. М.: МГУ, 1982.

Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Конструкция *(не) стать* + инфинитив: корпусные свидетельства микродиахронических изменений // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 11. 2016. С. 294–309.

Шатуновский 1996 — И. Б. Шатуновский. Семантика предложения и нерферентные слова. М.: Языки русской культуры, 1996.

Шатуновский 2009 — И. Б. Шатуновский. Семантика русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009.

Шмелев 2015 — А. Д. Шмелев. Выбор и интерпретация вида инфинитива в контексте слова *нельзя* // Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 297–307.

Benacchio 2010 — R. Benacchio. Вид и категория вежливости в славянском императиве: Сравнительный анализ. München; Berlin: Otto Sagner, 2010.

Holvoet 2020 — A. Holvoet. On a minor law of modality and its corollaries // ВАПросы языкознания: Мега сборник наностатей: Сборник статей к юбилею В. А. Плуногяна. М.: Буки-Веди, 2020. С. 447–451.

Padučeva 2008 — E. Padučeva. Russian modals *možet* “can” and *dolžen* “must” selecting the imperfective in negative contexts // W. Abraham, E. Leiss (eds.). Modality-Aspect Interfaces: Implications and typological solutions. Amsterdam: Benjamins, 2008. P. 197–211.

Статья получена 20.07.20

Valentin Gusev

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

valentin.gusev@iling-ran.ru

RULES OF SUBSTITUTION PF TO IPF AFTER MODAL VERBS WITH NEGATION IN RUSSIAN

This paper deals with the cases in Russian where the perfective aspect (PF) is, or is not, replaced by the imperfective aspect (IPF) after a modal verb with negation: *dolžen kupit'*_{PF} ‘must buy’ — *ne dolžen pokupat'*_{IPF} ‘must not buy’, but *mozhet kupit'*_{PF} ‘can buy’ — *ne mozhet kupit'*_{PF} ‘cannot buy’. It shows that in most contexts this substitution is governed by one rule: if the subject of modality controls the action, PF is changed to IPF; if not, PF is retained. Hence, the change normally occurs in deontic contexts, when the subject has a full control over the situation, and does not occur if the control is only partial. Epistemic contexts and expressions of internal modality do not allow the substitution. Expressions of will allow both possibilities.

The same rule is acting in other parts of Russian grammar, including the well-known case of negated imperatives.

The main exception from the rule of controllability is that PF can be retained if the absence of action contradicts the speaker’s expectations. This is also paralleled in the so-called “contrary-to-expectations present”.

The paper also discusses a number of particular cases where the expected substitution is blocked.

Keywords: verbal aspect, modal verbs, negation, aspectual pairs, “contrary-to-expectations” perfective

References

Apresian, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy. T. 2: Integral'noe opisanie yazyka i sistemmaia leksikografiia*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Benacchio, R. (2010). *Vid i kategorii vezhlivosti v slavianskom imperative: Sravnitel'nyi analiz*. München; Berlin: Otto Sagner.

Biryulin, L. A., & Khrakovsky, V. S. (1992). Povelitel'nye predlozheniia: problemy teorii. In V. S. Khrakovsky (Ed.), *Tipologii imperativnykh konstruktii* (pp. 5–50). St Petersburg: Nauka.

Bulygina, T. V. (1980). Grammaticheskie i semanticheskie kategorii i ikh sviazi. In A. A. Ufimtseva, E. S. Kubryakova, & N. D. Arutyunova (Eds.), *Aspekty semanticheskikh issledovaniï* (pp. 320–355). Moscow: Nauka.

Gusev, V. Yu. (2002). Imperativ i smezhnye znacheniiia. *Semiotika i informatika*, 37, 173–206.

Gusev, V. Yu. (2013). *Tipologii imperativa*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Holvoet, A. (2020). On a minor law of modality and its corollaries. In A. A. Kibrik et al. (Eds.), *VAProsy yazykoznaniiia: Megasbornik nanostatei: Sbornik statei k yubileiu V. A. Plungiana* (pp. 447–451). Moscow: Buki-Vedi.

Kasevich, V. B. (1990). Imperativnost', kauzativnost', performativnost'. In L. A. Biryulin, & V. S. Khrakovsky (Eds.), *Funktional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa* (pp. 85–90). Leningrad: AN SSSR.

Korotkova, N. A., & Sai, S. S. (2006). Glagol *stat'* v russkom yazyke: semantika, sintaksis, grammatikalizatsiia. In A. P. Vydrin et al. (Eds.), *III Konferentsiia po tipologii i grammatike dlia molodykh issledovatelei* (pp. 96–101). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Mishina, E. A. (2012). «Situatsiia naprasnogo ozhidaniia» i otritsanie. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(24), 219–241.

Mishina, E. A. (2020). Vliianie otritsaniia na funktsionirovanie vido-vremennykh form v drevnerusskom yazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 109–137.

Padučeva, E. (2008). Russian modals *možet* “can” and *dolžen* “must” selecting the imperfective in negative contexts. In W. Abraham, E. Leiss (Eds.), *Modality-Aspect Interfaces: Implications and typological solutions* (pp. 197–211). Amsterdam: Benjamins.

Padučeva, E. V. (1992). Semantika i pragmatika nesovershennogo vida imperativa. In Yu. N. Karaulov (Ed.), *Rusistika segodnia. Funktsionirovanie yazyka: leksika i grammatika* (pp. 36–55). Moscow: Nauka.

Padučeva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovaniia: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Padučeva, E. V. (2013). *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Rassudova, O. P. (1982). *Upotreblenie vidov glagola v russkom yazyke* (2nd ed.). Moscow: MGU.

Shatunovskiy, I. B. (1996). *Semantika predlozheniia i nereferentnye slova*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Shatunovskiy, I. B. (2009). *Semantika russkogo vida*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Shmelev, A. D. (2015). Vybor i interpretatsiia vida infinitiva v kontekste slova *nel'zia*. In Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelian, A. D. Shmelev (Eds.), *Russkaia aspektologiiia: v zashchitu vidovoi pary* (pp. 297–307). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Stoynova, N. M. (2016). Konstruktsiia (*ne*) *stat'* + *infinitiv*: korpusnye svidetel'stva mikrodiakhronicheskikh izmenenii. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 11, 294–309.

Zaliznyak, A. A. (1990). Ob odnom upotreblenii prezensa sovershennogo vida («prezens naprasnogo ozhidaniia»). In Z. Saloni (Ed.), *Metody formalne w opisie języ-*

ków słowiańskich (pp. 109–114). Białystok: Dział Wydawnictw Filii Uniwersytetu Warszawskiego w Białymstoku.

Zaliznyak, Anna A. (2015). Prezens sovershennogo vida v znachenii nastoiashchego vremeni. In Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelyan, & A. D. Shmelev (Eds.), *Russkaia aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* (pp. 308–313). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Received on July 20, 2020

И. А. ПОДТЕРГЕРА

Институт славистики Гейдельбергского университета
(Гейдельберг, Германия)
igina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

ГЕРМАНСКОЕ, ЛАТИНСКОЕ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ СМОЛЕНСКОЙ ГРАМОТЫ 1229 Г.

Смоленская грамота 1229 г. содержит текст одного из ранних международных договоров восточных славян с товариществом германских готландских купцов. Статья исходит из тезиса о том, что старшая, рижская, редакция договора была ориентирована на латинские языковые образцы, а при работе над младшей, готландской, редакцией использовался текст на средненижнемецком языке. Цель статьи — рассмотреть Смоленскую грамоту в контексте латинских и немецкоязычных грамот XIII в. и выявить на уровне языкового оформления отдельных частей формуляра и на уровне синтаксиса условных предложений ее связь с латинской, германской, но также и церковнославянской письменными традициями. После двух вступительных разделов, в которых представлены актуальные взгляды на датировку обеих редакций и обосновывается постановка проблемы, в статье предлагается обзор результатов предшествующих исследований, в которых уже ставился вопрос об иноязычных оригиналах грамоты. Далее делается акцент на культурно-языковые и социолингвистические аспекты использования сакральных и народных языков при письменной фиксации правовых актов в XIII в. В исследовательской части древнерусская Смоленская грамота анализируется с точки зрения следования латинскому формуляру, но одновременно учитывается немецкоязычная рецепция этого формуляра. В латинских грамотах, составленных в Риге в XIII в., обнаруживаются очень близкие, почти дословные параллели к преамбуле рижской редакции грамоты. В свете немецкоязычной традиции адаптации латинского формуляра предлагается новое понимание арэнги готландской редакции. Систематический анализ синтаксиса условных конструкций позволяет наглядно показать различия в языковом оформлении условных предложений в обеих редакциях договора, которые объясняются следованием различным языковым образцам. В списках готландской редакции обнаруживаются еще несколько характерных синтаксических германизмов, тогда как ориентирующаяся на латинский формуляр рижская редакция оказывается одновременно связанной с церковнославянской традицией юридических текстов.

Ключевые слова: Смоленский договор 1229 г., латинский дипломатический формуляр, немецкое влияние на древнерусский язык, язык правовых актов, внутренние и внешние языковые контакты

1. Смоленская грамота 1229 г., содержащая торговый и мирный договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом, неоднократно становилась предметом исторических и лингвистических исследований. На сегодняшний день известно, что договор представлен в

двух редакциях, каждая из которых дошла до нас в трех списках: «рижская» редакция — в списках D, E и F; «готландская» редакция — в списках A, B и C. Исследования В. А. Кучкина и П. В. Петрухина показывают, что обе редакции возникли не одновременно, как считалось раньше, а в разное время [Кучкин 1966: 107–113; Петрухин 2013; Petrukhin 2013]. При этом рижская редакция — более ранняя: ее списки датируются примерно третьей четвертью XIII в., тогда как готландская редакция представляет собой новую версию договора, которая была составлена в новых исторических условиях при смоленском князе Федоре Ростиславиче (1280–1297) [Петрухин 2013: 170–174]. Ее древнейшим свидетелем является список A, долгое время считавшийся подлинником договора 1229 г. [Кучкин 1966: 107]. Однако уже Н. П. Лихачев на основании сфрагистических данных сомневался в правильности этой датировки ([Лихачев 1928: 22–23]; см. об этом [Кучкин 1966; Петрухин 2013: 161–162; Petrukhin 2013: 11]). Исходя из аргументации В. А. Кучкина и П. В. Петрухина, следует признать, что оригинал договора не сохранился (см. также [Зимин 1953: 55; Янин 1970: 108]) или, по крайней мере, до сих пор не обнаружен, а список A является подлинником договора, заключенного Федором Ростиславичем и вышедшего из его княжеской канцелярии в 1284 г.¹ [Петрухин 2013: 172–173].

2. С лингвистической точки зрения Смоленская грамота 1229 г. представляет значительный интерес для изучения как внутренних, так и особенно внешних языковых контактов восточных славян XIII в. По меткому замечанию Эмили Кленин: «the text (...) documents the kaleidoscopically rich language situation that obtained in the Baltic region not only in the Middle Ages but even in modern times» [Klenin 2003: 249; (ср. [Петрухин 2012: 479])] ‘Текст (...) фиксирует пеструю, как в калейдоскопе, языковую ситуацию, сложившуюся в балтийском регионе не только в Средние века, но и в современное время’. Отличительной чертой этой языковой ситуации является многоязычие (см. [Peters 2012/1986: 279–285]). Однако данный аспект до сих пор не стал центральным в исследованиях, посвященных восточнославянскому Средневековью.

В. И. Борковский определял Смоленскую грамоту в свое время как «русский памятник» [Борковский 1944]. Л. П. Якубинский подчеркивал, что в тексте грамоты «мы находим в изобилии материал, иллюстрирующий древнерусский, а не церковнославянский характер ее языка» [Якубинский 1953: 285]. Б. А. Ларин исходил из того, что

[в] смоленской грамоте широко представлены явления, которые уже известны нам из памятников делового языка. Здесь основой (еще более, может

¹ В. А. Кучкин склонялся, но без полной уверенности к датировке старшего списка готландской редакции временем правления князя Михаила Ростиславича (1277–1279), полагая, что при Федоре Ростиславиче он был заново подтвержден и скреплен печатью [Кучкин 1966: 112].

быть, очевидно, чем в старых памятниках) выступает именно городская общеразговорная речь [Ларин 2005/1975: 122].

Однако следует принять во внимание, что списки Смоленской грамоты не едины в языковом отношении. Й. Схакен и Е. Братищенко не без оснований придерживаются мнения, что список А (1284 г.) был составлен писцом восточнославянского происхождения, прошедшим профессиональную выучку [Schaeken 2001; Bratishenko 2002]. Интересно то, что список А — единственный, который «с достоверностью может быть признаваем за подлинный акт, писанный в Смоленске» [Соболевский 2006/1886: 121]. Списки В и С готландской редакции и список F рижской редакции не отражают особенностей смоленского диалекта и тем самым не являются смоленскими по языку, как утверждает Й. Схакен [Schaeken 2003]. Из проведенного Й. Схакенем лингвистического анализа явствует, что список В (около 1300 г.), скорее всего, вышел из-под пера писца полоцкого происхождения; список С (1-я пол. XIV в.) содержит характерные особенности псковского диалекта, что в свое время предполагал уже А. И. Соболевский [2006/1886: 121, прим. 2]; список F (копия сер. XIV в., протограф сер. XIII в.) был совершенно очевидно составлен новгородским писцом (см. также [Схакен 2002: 325]).

Частично это связано с тем, что договор имел важное политическое значение для восточнославянских княжеств и был распространен по городам, в которых он должен был соблюдаться (Смоленск, Полоцк, Витебск). Это напрямую следует из текста договора. Его содержательная часть (*dispositio*) заканчивается формулой, определяющей сферу действия договора, — так называемой *Pertinenzformel*. Во всех изданиях Смоленской грамоты эта формула, к сожалению, ошибочно представлена как заключительная клауза статьи 37 рижской редакции и статьи 35 готландской редакции (о некорректности такого прочтения см. [Goetz 1916: 291] со ссылками на М. Ф. Владимирского-Буданова). Говоря о формуляре грамоты, это предложение следует читать именно как *Pertinenzformel*, т. е. в данном случае как формулу, регулирующую территориальную сферу действия договора:

- та жо правда боуди роусиноу и немчицю · по смоленьскои волости · по полотьскои · по витьвьскои (D: lin. 143–144; ср. E: lin. 127–128)²;
- та же правда буди русину · в ризѣ и на готьскомъ верезѣ · и нѣмчицю въ смольньскои волости · и въ по[ло]тьскои и въ витьвьскои (F: lin. 300–305);

² Здесь и далее в тексте список А цитируется по изданию [Treaty], в скобках указывается литера А, а после двоеточия приводятся соответствующие строки. Поскольку более новое издание [Иванов, Кузнецов 2009] мне, к сожалению, было недоступно, ссылки на остальные списки делаются по изданию [СмолГр]. В круглых скобках приводится соответствующая латинская литера, после двоеточия указываются строки. Все цитаты были откорректированы по приложенным к изданию факсимиле списков.

— Тага правда · латинескомуꙗ въздати · оуꙗ роускои земли · оуꙗ възлѣсти · княза смольнеского ꙗ · и оуꙗ полотьского княза възлѣсти ꙗ · и оуꙗ витѣвского княза · възлѣсти (А: lin. 90–92; ср. В: lin. 158–161; С: lin. 65).

«Псковский экземпляр» (список С), как предполагал П. В. Голубовский (но в таком случае, возможно, также и новгородский список F), мог быть скопирован в Риге по поручению немецких властей, «такъ какъ въ Ригѣ было много купцовъ, проживавшихъ тамъ постоянно, и изъ Пскова, и изъ Новгорода и т. д.» [Голубовский 1895: 127].

Но это еще не все. Списки рижской редакции отличаются от списков готландской редакции языковыми формулировками статей одного и того же или сходного содержания³. Отличия касаются как лексики, так и синтаксиса. В. И. Борковский, традиционно считавший готландскую редакцию старшей, а список А — оригиналом договора 1229 г., писал в связи с этим:

⟨...⟩ Рижская редакция в отношении синтаксических конструкций в такой степени отличается от Готландской редакции, что для нас наиболее вероятным является предположение о составлении ее вновь, лицом, предпочитавшим другие обороты, чем те, которые характерны для составителя Готландской редакции [Борковский 1944: 42; 1958: 69].

В. В. Колесов интерпретировал языковые различия между редакциями патетически как «стремительность языковых перемен» [Колесов 1989: 125].

Однако причины синтаксических, как, впрочем, и лексических, различий следует искать не в стилистических предпочтениях лиц, вовлеченных в составление обеих редакций грамоты, а в их ориентации на разные языковые модели при работе над восточнославянским текстом договора. Должно принять во внимание тот факт, что Смоленская грамота представляет собой один из ранних договоров международного образца, отражающих международное право. В списках, которыми мы сегодня располагаем, письменно зафиксированы достигнутые в результате переговоров соглашения между восточнославянской и немецкой сторонами. Грамота оформлена, как частично показала А. Ф. Литвина, по западноевропейскому, изначально латинскому, дипломатическому формуляру [Литвина 2002: 324]. В заключительной части грамоты приводится список свидетелей договора — это так наз. *corroboratio*. Все это говорит о том, что переговоры велись согласно дипломатическому протоколу того времени. Совершенно естественно исходить из того, что во время переговоров в 1229 г. использовались

³ Имеются, кроме того, и различия в содержании. На основании этих различий В. А. Кучкин и сделал вывод о том, что готландскую редакцию договора следует признать младшей по отношению к рижской [Кучкин 1966: 107–113]. Подробный анализ содержания каждой статьи договора по спискам А и D, с привлечением других списков и с учетом исторического контекста XIII в., в свое время был предложен Л. К. Гётцем [Goetz 1916: 231–304] и А. А. Зиминим [1953: 54–71, 75–85, 88–97].

три языка: латинский как письменный язык западной дипломатии и международного права и как язык делопроизводства Ганзейского союза, средненижне немецкий как *lingua franca* ганзейских торговцев и региональные разновидности древнерусского языка, на которых общались между собой представители восточнославянской делегации (в первую очередь смоленско-полоцкий диалект). Одновременно нельзя сбрасывать со счетов влияние церковнославянской книжной традиции. Ко второй половине XIII в. функции языка права распространились на региональные письменные разновидности немецкого языка: написанные по-немецки документы также стали обладать юридической силой [Schulze 2011: 39–42]. При пересмотре договора в 1284 г. был допустим отказ от латыни для письменной фиксации соглашения [Петрухин 2013: 168–169; Petrukhin 2013: 10–11], тем более что Ганза начиная с конца 60-х гг. XIII в. стала активнее использовать средненижне немецкий язык в контактах с Русью [Сквайрс, Фердинанд 2002: 48–54; Squires 2009: 54–56].

Настоящая статья основывается на результатах упомянутых выше исследований В. А. Кучкина и П. В. Петрухина, согласно которым младшая, готландская, редакция представляет собой не просто обновленную, а переработанную версию договора. Принципиальное значение для лингвистического исследования Смоленской грамоты, а также для понимания ее места в письменности XIII в. имеет тот факт, что хронологически более ранняя рижская редакция была сориентирована на проект или оригинал договора на латинском языке, тогда как при работе над более поздней готландской редакцией использовался текст на средненижне немецком языке [Петрухин 2012; 2013: 165; Petrukhin 2013]. Именно этим, на наш взгляд, и были продиктованы языковые различия, особенно в синтаксических конструкциях.

Цель предлагаемой статьи — рассмотреть Смоленскую грамоту в контексте латинских и немецкоязычных грамот XIII в. и выявить на уровне языкового оформления отдельных частей формуляра и на уровне синтаксиса условных предложений ее связь с латинской и немецкой, но одновременно и с церковнославянской письменными традициями.

3. Вопрос об иноязычных оригиналах Смоленской грамоты уже не однажды поднимался исследователями. Подробный аналитический обзор литературы по этой теме предлагается в отдельной работе, поскольку данный аспект представляет самостоятельный научный интерес [Подтергера 2021].

Несмотря на иную датировку списков А и D и на расхождения во мнениях о языке оригинала договора, ученые XIX — начала XX в. Э. К. Тобин, А. А. Куник, П. В. Голубовский и Л. К. Гётц привели большое число веских языковых аргументов, позволяющих возводить списки рижской редакции к латинскому, а списки готландской редакции — к средненижне немецкому проекту договора [Tobien 1845; Kunik 1868; Голубовский 1895: 110–170; Goetz 1916: 231–304]. Этому же мнению придерживался А. А. Зимин,

полагавший, что послы Мстислава Давыдовича привезли из Риги латинский, а с Готского берега немецкий противни. Оба противня, по А. А. Зимину, были переведены в Смоленске на древнерусский язык, но ни сами аутентичные экземпляры, ни снятые с них копии не сохранились [Зимин 1953: 54–55] (см. также выше 1).

Кроме того, А. А. Куник обнаружил документальные свидетельства, подтверждающие потенциальное существование иноязычных версий договора [Kunik 1868: 408–410], однако сами эти версии на сегодняшний день неизвестны. П. В. Голубовский и Л. К. Гётц обратили внимание на факт обмена экземплярами договора между обеими сторонами, что было обычной дипломатической практикой того времени, подтверждающей взаимную договоренность в заключенной сделке [Голубовский 1895: 125 и особенно 132; Goetz 1916: 299]. Еще одно важное наблюдение Л. К. Гётца касается содержательных различий между редакциями: списки рижской редакции в большей степени отражают интересы русской стороны, тогда как списки готландской редакции составлены с позиций немецкой стороны [Goetz 1916: 298–299].

Иную интерпретацию предложил В. Кипарский [Kiparsky 1939; 1960]. Указав на целый ряд германизмов и якобы грамматические ошибки в тексте грамоты, он пришел к выводу, что не следует искать ни средненижне-немецкого, ни тем более латинского оригинала договора, поскольку договор был изначально написан по-древнерусски немцем, проживавшим в Смоленске и на высоком уровне владевшим древнерусским языком. В. Кипарский считает автором договора упомянутого в тексте Тумаша Смольнянина, чье имя свидетельствует о немецком происхождении его носителя, иначе бы его звали Фомой. После составления договора Тумаш Смольнянин, согласно В. Кипарскому, дал текст на вычитку русским писцам [Kiparsky 1939: 87; 1960: 244–245, 247].

В работах И. С. Кошкина и П. В. Петрухина был проанализирован еще ряд лексических и грамматических германизмов [Кошкин 2008; Петрухин 2012], так что сегодня следует окончательно признать, что при создании списка А действительно использовался текст на средненижне-немецком языке. Данное обстоятельство одновременно свидетельствует в пользу более позднего происхождения готландской редакции договора [Петрухин 2012; 2013; Petrukhin 2013].

4. В исследованиях XIX — середины XX в., как и в работах современных исследователей, защищающих традиционную датировку, не принимается во внимание тот факт, что с исторической и социолингвистической точек зрения немецкая сторона в 1229 г. могла использовать в качестве письменного документа для удостоверения правового акта только латинский текст, поскольку только документы на латинском языке имели юридическую силу. Это было связано с тем, что право в германских землях

Священной Римской империи в первой половине XIII в., а особенно в его первой трети все еще сохраняло свои сакральные основания, поэтому правовые акты письменно фиксировались на языке, одновременно функционировавшем как сакральный язык, но провозглашались они на народном языке [Steinbauer 1989: 37–41].

У нас нет никаких оснований полагать, что Ганзейский союз в 1229 г. сделал исключение для смоленского князя и предложил проект договора на средненижненемецком языке. Такой ход событий не представляется возможным (см. также [Сквайрс, Фердинанд 2002: 52; Squires 2009: 27]). Это означало бы, как подчеркнул П. В. Петрухин, что оригинал списка А «пришлось бы признать по сути первым средненижненемецким текстом, на десятки лет опередившим большинство памятников начального периода развития нижненемецкой письменности» [Петрухин 2013: 169; ср. Petrukhin 2013: 11], а также на многие годы опередившим первые немецкоязычные грамоты вообще. В германистике общепринято мнение, что «[п]оявление первых грамот на немецком языке на территории Священной Римской империи относится ко второй трети XIII в.» [Бондарко 2001: 4], т. е. уже после 1229 г. В корпусе немецкоязычных грамот до 1300 г., включающем на сегодняшний день более 5000 документов [CaOU], только 13 текстов восходят к первой половине XIII в., т. е. датированы до 1250 г. включительно. Из этих 13 текстов только восемь представляют собой собственно грамоты: семь из них написаны на средневерхненемецком языке и одна — на среднениддерландском [Schulze 2011: 14–15; ср. Boonen 2010: 29–30]. Самая ранняя из этих грамот, Майнцский имперский мир [CaOU № 4], датирована 1235 г., однако ее немецкоязычные списки датируются более поздним временем [Schulze 2011: 14, прим. 24]. Немецкая версия заключенного в 1238 г. на латинском языке договора между настоятелем монастыря Рюти (под Цюрихом) и графом фон Тоггенбургом [CaOU № 5] датируется на самом деле, как установил Ш. Зондереггер, XIV веком ([Schulze 2011: 14, прим. 24] со ссылкой на [Sonderegger 1987]). Таким образом, самой ранней аутентичной немецкоязычной грамотой в германистике сегодня признается судебный приговор в отношении графов Габсбургов, вынесенный в Базеле в период между 17 февраля 1238 и 23 марта 1239 г. и оформленный как грамота [CaOU № 6; Schulze 2011: 14, прим. 24]. До второй половины 1230-х гг. историческая германистика не знает ни одной грамоты, которая была бы полностью написана по-немецки. Грамоты на средненижненемецком языке появляются еще позже — только в середине 1260-х гг. [Nagel 2002: 38; ср. Squires 2009: 55; Петрухин 2013: 168–169; Petrukhin 2013: 10–11]. При этом показательно, что к числу ранних средненижненемецких грамот относится договор Новгорода с Любеком и Готландом 1268/69 г. [Nagel 2002: 38; ср. Squires 2009: 55]. Но и в данном случае проект договора, на что указывал еще Л. К. Гётц, немецкая сторона предъявила на латинском языке, а перевод на средненижненемецкий был сделан с восточнославян-

ской версии договора [Goetz 1916: 298, 90–166; Squires 2009: 194–203; Хрусталёв, Бондарь 2011].

К 1229 г. еще не был выработан немецкоязычный формуляр грамот. Писать по-латински для западноевропейцев было проще: «Wer im 13. Jahrhundert schreiben konnte und imstande war, eine Urkunde auszufertigen, beherrschte in der Regel auch Latein» [Winkelmann 1991: 6] («Кто в XIII в. мог писать и был в состоянии составить грамоту, тот, как правило, также владел латынью»). Тезис П. В. Голубовского о том, что не все ганзейские купцы понимали по-латински, для языковой ситуации XIII–XIV вв. мало-правдоподобен: «In der Schule lernte der angehende Kaufmann Latein; diese Sprache verwendete er im 14. Jahrhundert zur Führung seiner geschäftlichen Aufzeichnungen» [Peters 2012/1986: 291] («Будущие купцы учили в школе латынь; [и еще. — И. П.] в XIV в. они использовали этот язык для ведения своих деловых записей»). Перевод делопроизводства на народные языки во всей латинской Европе не был связан с отсутствующими знаниями латыни [Winkelmann 1991: 16–17]. Это касается как германских, так и романских и нидерландских земель. Более того,

(...) die mangelnde Kodifizierung der Volkssprache sowie die «Zeitdauer, die für die Genese einer fachsprachlichen Varietät nötig ist», sind vielmehr ein Grund für das Festhalten am Lateinischen (Winkelmann 1991: 16 f.). Daher kann für die Skribenten nicht von einer Vereinfachung durch die Verwendung der Volkssprache in den Urkunden ausgegangen werden [Boonen 2010: 25].

‘(...) отсутствие кодификации народного языка, как и «время, необходимое для генезиса специальной разновидности языка [scil.: специальных средств выражения. — И. П.]», в гораздо большей степени заставляют придерживаться латыни. Поэтому нельзя исходить из того, что использование в грамотах народного языка было облегчением для писцов’.

Письменным языком Ганзейского союза вплоть до последней четверти XIV в. оставалась латынь [Peters 2012/1986: 283–285]. Ганзейские города располагали развитыми латиноязычными канцеляриями. Чтобы перейти на использование народного языка для составления грамот, сначала надо было выработать на народном языке систему выражений, воспроизводящих латинский формуляр.

Этот культурно-языковой и социолингвистический контекст исключает составление проекта международного договора на нижненемецком языке в конце 1220-х гг. Но одновременно становится очевидным, что в переговорах с послами Мстислава Давыдовича немецкая сторона должна была использовать латинский текст.

5. Смоленская грамота открывается типичной для латинских грамот аренгой (экзордиумом). По справедливому замечанию А. Ф. Литвиной, это первый известный восточнославянский документ, содержащий аренгу [Литвина 2001: 324]. В рижской редакции (D, E, F) текст аренги сформулирован иначе, чем в готландской (A, B, C):

- (1a) Ч^то са въ которое в^ремя на^чнетъ д^вѣати то оутвѣржають грамотою · а быша са не заб^выли · познайте · на память держите нынѣшнии · и по сѣмь веремени [в]оуд^оучи : : Къ комуу си грамота придетъ (D: lin. 1–4);
- (1b) Ч^то са въ которое в^рѣвма на^чнетъ д^вѣати · то оутвѣрживають грамотою · а быша са не заб^выли · познайте · и на память д^ржите нынѣшнии · и по семь в^рѣмѣни боуд^оучи : : Къ комуу си грамота придетъ (E: lin. 1–3);
- (1c) а что са в кое в^рѣ на^чне д^вѣати · то оутвѣрживайте грамотою [sic!] · да быша са не заб^вывали · Познайте · и на пам^а держите · Нынѣшнии · И по семь времени буд^уущии : : (...) Къ комуу си грамота придетъ (F: lin. 1–6, 13);
- (2a) Ч^то са д^вѣтѣ по в^рѣмьнемъ · то ѿидето по в^рѣмьнемъ · приказано боудѣте добрзимъ людѣмъ · а любо грамотою оутвѣрдатъ · како то боудѣте всемъ вѣдомъ · или кто послѣ живзи встанѣтъ са (A: lin. 1–2; ср. C: lin. 1–2);
- (2b) Ч^то д^вѣтѣ · по временомъ · то ѿиде по временомъ · приказано боудетъ · добрзимъ · людемъ · а любо · грамотою оутвѣрдатъ · како боудетъ всемъ вѣдомо · или кто послѣ · живзи · встанѣтъ (B: lin. 4–7).

Уже первые исследователи Смоленской грамоты, А.-Х. Лерберг и Э. К. Тобин, видели в этих формулировках перевод с латинского и приводили возможные латинские параллели. А.-Х. Лерберг назвал в качестве соответствия для списка А латинскую фразу «Quum ea, quae fiunt in tempore, labuntur cum tempore» [Lehrberg 1816: 263]⁴ («Поскольку то, что случается в какое-либо время [*var.*: во времени]⁵, исчезает со временем»). Э. К. Тобин обратил внимание на разницу в формулировках в обеих версиях договора, объяснив различия ориентацией на разные латинские оригиналы [Tobien 1845: 49–50]. Он согласился с приведенным А.-Х. Лербергом соответствием для списка А, в качестве же соответствия для списка D он предположил также встречающееся в латинских грамотах рассуждение: «Si quid memorabile temporaliter agitur, ad successive posteritatis memoriam scriptorum testimonio transferatur» [Ibid.: 50]⁶ («Если что-то достопамятное в какое-либо время [*var.*: во времени] совершается, то пусть оно передается письменным свидетельством на память будущему потомству»). Относительное предложение Къ комуу си грамота придетъ писец списка D, по мнению Э. К. Тобина [Ibid.], понял как новое предложение, думая о таких начальных формулах латинских грамот, как «Universis (...) praesentem paginam inspecturis» («Всем (...), увидевшим [собственными глазами] настоящую грамоту») или «Omnibus hoc scriptum visuris vel audituris etc.» («Всем (...), писание это увидевшим или услышавшим, и т. д.»).

Интересное наблюдение сделал А. А. Куник, обнаружив подобную аренгу в грамоте, выданной рижскими городскими властями любекским купцам в 1231 г., т. е. всего лишь два года спустя после заключения дого-

⁴ Из грамоты епископа Рижского Альберта от 22 июня 1224 г. [LUB I: 64, № 61].

⁵ О переводе выражений *in tempore* и *temporaliter* см. ниже 5.2.1 и 5.2.2.

⁶ Из грамоты от 24 июня 1287 г., содержащей принятые в Висбю решения купцов, которые посещают Готланд [LUB I: 640, № 518].

вора между Смоленском, Ригой и Готландом [Kunik 1868: 417–418; ср. Литвина 2002: 325]. Грамота опубликована в издании Ф. А. Бунге [LUB I: 146], она начинается словами:

Universis Christi fidelibus, pr[a]esentem paginam inspecturis, consules et cives rigenses perpetua pace gaudere. Quoniam ea, qu[a]e aguntur in tempore, labuntur cum tempore et, nisi scriptis et testimonio roborentur, memoriis hominum facillime excidunt et mutantur; vnde notum esse uolumus pr[a]esentibus et futuris, quod nos etc. [Kunik 1868: 418].

‘Ратманы и бюргеры Риги всем верующим во Христа, кто увидит [*var.*: прочитает] собственными глазами⁷ настоящую грамоту: †_{INSC} Радуйтесь в вечном мире! †_{SALT} Поскольку то, что затевается в какое-либо время [*var.*: во времени], исчезает со временем и, не будучи скрепленным на письме и [заверенным] свидетельством, с величайшей легкостью стирается из людской памяти и изменяется, †_{ARNG} потому мы хотим, чтобы стало известно сейчас живущим и будущим поколениям, что мы †_{PROM} и т. д. †_{NARR/DISP}’.

Особенный интерес эта грамота, как заметил А. А. Куник [Kunik 1868: 418], представляет еще и потому, что в ней упоминается Фредерик из Любека, который в Смоленской грамоте назван в числе свидетелей заключения договора: *вередриксъ доумомъ из любка* (<...> (D: lin. 150–151) или *вредриксъ доумвъ* (<...> из любка (A: lin. 96). К слову сказать, в грамоте рижского епископа Николая Науэна от 9 августа 1231 г. этот же Фредерик из Любека также упоминается в качестве свидетеля, при этом вместе с Рольфом из Касселя (*Rodolfus de Casle*) [LUB I: 146], который в 1229 г. вел переговоры с посланниками Мстислава Давыдовича. В грамоте Николая Науэна от 16 февраля 1232 г. Фредерик вновь упоминается как свидетель в числе других *fratres militiae Christi* — «Божьих дворян» — и называется полным именем *Fridericus Tumme* [LUB I: 162]. К латинскому написанию *Tumme*, скорее всего, восходит передача его фамилии в списке D — доумомъ. Имена некоторых из перечисленных в этой грамоте свидетелей также встречаются в списке свидетелей договора Мстислава Давыдовича. Этому аспекту следует посвятить отдельную работу. Он тем более интересен, что в списках рижской редакции при перечислении свидетелей употребляется настоящее время, тогда как в списках готландской редакции те же свидетели перечисляются в прошедшем времени:

(За) *а се же соутъ послосу томоу · регемъ: бодъ · тетартъ · адамъ · горожане · на готъскомъ верезе · мѣмверь · вередриксъ · доумомъ из любка ти соутъ · анд-*

⁷ Для латинского глагола *inspectare* и его дериватов я предпочитаю перевод ‘увидеть/прочитать собственными глазами’, поскольку для неумевших читать грамоты зачитывались вслух. В немецкоязычных грамотах это обращение расширилось до *sehen oder hoeren lesen*, т. е. ‘читать видя или слыша’ (‘кто прочитает сам и кому прочитают’) [Schulze 2011: 30–31, 126–127]. Таким же образом эта формула представлена, например, в грамотах великого князя литовского Свидригайла: «хто нань возрить или его чтучи услышить» [ГрВКЛ: 5 № 3].

- рикс · готъ · илиерь · ти же соуть изъ жожа-жата · кондратъ кривъзи · еганъ · кинотъ · ти же соуть изъ моуньстера · берникъ · фолкъзиръ · ти соуть изъ гроули · гаремъ · брахтъ · и алъбрахтъ · ти же соуть · изъ дротминъзи · индрикъ · чижикъ · ти же изъ брамъ · альбракъ · слоукъ · верьнаръ · валтъбрь · алверъ · соудина рижскъзи · то же соуть · рижане (D: lin. 149–156);
- (3b) се орудие · исправили · оумнии коупчи · регньводъ · д'втартъ · адамъ · то бзили горожане :: на гоукомъ березе · мьмьвернь · вредрикъ доумбъ · ти бзили изъ любка :: гиндрикъ готъ · илдибрь · та два бзила изъ жата · конратъ шхель · вдъ гагантъ кинтъ · та два бзила изъ мюньстера · бернаръ · вдъ възкеръ · та два бзила изъ грюнигъ :: кермьбрьхтъ · вдъ албрахтъ · та два бзила изъ дортмьна · тиндрикъ цижикъ изъ времьнь · албрахтъ слоукъ · вернартъ · вдъ валтъбрь · вдъ албрахтъ фоготъ · то бзили горожане оу ризъ :: и инехъ много оумнъихъ добръихъ людъи (A: lin. 94–100).

Это еще одно языковое подтверждение старшинства списков рижской редакции, восходящих, судя по всему, к оригиналу договора. В оригинале все свидетели перечислялись как живущие в настоящее время (1229 г.), тогда как 55 лет спустя (1284 г.) о них говорят уже в прошедшем времени. Перечень свидетелей в списке D также вводится в настоящем времени по латинскому образцу «*Testes huius facti sunt*» (см. в тех же двух грамотах Николая Науэна). В списке A делается ссылка на людей, которые в прошлом подтвердили достигнутое соглашение. Показательно и то, что переводчик с восточнославянской стороны, которого рижская редакция называет тоумашъ михалевичъ (D: lin. 9–10), в готландской редакции зовется тоумаше смолнанинъ (A: lin. 7), что одновременно может свидетельствовать о немецком взгляде на переговорщика: немецкая сторона называет его смольнянином, тогда как славянская сторона зовет его по имени и отчеству. Заметим, кроме того, что составленные в Риге латинские грамоты 1230-х гг., в которых среди прочих упоминаются поименно свидетели договора Мстислава Давыдовича, не оставляют никаких сомнений в том, что участники переговоров с немецкой стороны владели латинским языком и не было необходимости изготавливать для них специально немецкий перевод, как в свое время полагал П. В. Голубовский [1895: 124–125].

5.1. Из процитированной выше грамоты рижских властей явствует, что в Смоленской грамоте выпущены некоторые части начального протокола и контекста. Так, нет инскрипции (*inscriptio*), в которой обозначаются адресаты грамоты, и — в готландской редакции, в отличие от рижской, — нет промульгации как самостоятельной части текста. Промульгация также называется нотификацией или публикацией. Это — формула, вводящая, как правило, с помощью союза *что* либо наррацию, в которой излагаются «обстоятельств[а], предшествующи[е] совершению акта», либо диспозицию, т. е. само распоряжение, собственно правовой акт [Чиркова 2019: 27–28]. Кроме того, в списке A, вероятно, но без абсолютной уверенности, нет ин-

вокации, которая «представляет собой апелляцию к божественному авторитету, освящающему порождаемое актом изменение правовых отношений» [Там же: 27]. В списке D инвокация символически передана знаком креста, что также соответствует западному формуляру [Там же]. Помимо того, в Смоленской грамоте отсутствуют еще некоторые части. Однако соблюдение всех частей формуляра, как известно, не было обязательным [Там же: 27–32]. Поэтому нет оснований делать выводы о неполноте формуляра Смоленской грамоты.

Чтобы предложить адекватную языковую интерпретацию текста, необходимо правильно увидеть его составные части и понять, как они оформлены в языковом отношении. В предлагаемой далее таблице (с. 238–240) Смоленская грамота рассматривается в контексте латинских грамот, составленных в Риге в 1220–1230-е гг. Для сравнения взяты по изданию Ф. А. Бунге три грамоты епископа Рижского Альберта [1]–[3] и упомянутая выше грамота рижских городских властей [4]:

[1] об основании богадельни в Риге, 1220 г. [LUB I: № 48],

[2] о введении в конвенте Альберта устава премонстрантов, 1 января 1223 г. [Там же: № 56],

[3] о назначении брата Альберта Германа епископом Леальским, 22 июня 1224 г. [Там же: № 61],

[4] с подтверждением передачи в собственность бюргерам Любека двора в пределах городских стен Риги, 1231 г. [Там же: № 110].

Эти тексты особенно интересны, поскольку они вышли из епископской и городской канцелярий Риги, представители которых в той или иной степени имели отношение к составлению письменного текста договора со Смоленском. Грамоты содержат формулировки, очень близкие формулировкам Смоленской грамоты, а в некоторых случаях даже почти дословно совпадающие с ними. Одновременно они иллюстрируют вариативность языкового оформления частей латинского формуляра, а также пропуск некоторых частей, который в таблице обозначается прочерком < — - — >.

Очевидно, что за символически переданной инвокацией в списке D — а также в списке E (lin. 1) — следует аренда, с которой начинается содержательная часть грамоты (контекст). Список A, судя по всему, сразу же открывается арендой, при этом выпущены вообще все части начального протокола, в том числе инвокация. Тем не менее невозможно с уверенностью утверждать, что инвокации действительно нет: в приложенном к изданию [СмолГр] факсимиле списка A посередине листа над приказано, а именно над слогом -ка-, слабо просматривается начертание, похожее на крест, однако из-за образовавшейся в том месте складки невозможно точно рассмотреть, действительно ли там было изображение креста или это трещины на пергамене. В палеографических описаниях А. А. Куника и Т. А. Сумниковой о наличии креста ничего не говорится [Kunik 1868: 411; СмолГр: 52]. Но показательно, что текст списка С начинается заставкой, которую Т. А. Сумникова комментирует как «поясное изображение юного

Формуляр грамоты: структура начального протокола и контекста

Формуляр	Латинские грамоты [1]–[4]	Смоленская грамота	
		Список D	Список A
Invocatio	[1] In nomine sanctae et individuae trinitatis.	✠	- - - (?), ср. С
	[2] - - -		
	[3] - - -		
	[4] ? (см. < : > перед началом текста)		
Initulatio	[1] Albertus, Dei gratia Rigensis episcopus,	- - -	но ср. В [lin. 1–3]: Се азъ князь · смоленьскни · млекси мѣдръ (<...>)
	[2] Albertus, Dei gratia Rigensis episcopus,		
	[3] Albertus, Dei gratia Livoniensis episcopus,		
	[4] - - -		
Inscriptio	[1] universis praesentem paginam inspecturis in perpetuum.	- - -	- - -
	[2] universis, ad quos haec pagina perveniet,		
	[3] omnibus hoc scriptum legentibus		
	[4] Universis Christi fidelibus, pr[a]esentem paginam inspecturis, consules et cives rigenses		
Salutatio	[1] - - -	- - -	- - -
	[2] salutem in Domino.		
	[3] salutem in eo, qui est salus omnium.		
	[4] perpetua pace gaudere.		

		Смоленская грамота	
		Список D	Список А
Формуляр	Латинские грамоты [1]–[4]		
	[1] Ea, quae in pias causas statuuntur, videlicet in religiosas domus, ad hospitalia seu pauperum sustentationes, ne cum tempore labantur aut obliuione tradantur, sua decet firmitate muniri et ad notitiam posterorum transmitti.		Уто са дѣветѣ по вѣрвильнемь · то видѣто по вѣрвильнемь · приказано боудѣте дообръимъ людѣмъ · а любо грамотою оутвѣрждатъ · како то боудѣте всемъ вѣдомъ · или кто послѣ жизни встанѣтъ са
	[2] — — —		
	[3] Quum ea, quae fiunt in tempore, labuntur cum tempore, necesse est, ut ea, quae in ecclesia Dei utiliter disponuntur, ad posterorum notitiam scripta transferant.		
	[4] Quoniam ea, quae aguntur in tempore, labuntur cum tempore et, nisi scriptis et testimonio roborentur, memoriae hominum facillime excidunt et mutantur;		
Promulgatio	[1] Unde notiam facimus, quod	познаите · на память держите	
	[2] — — —	изыбшнии · и по ебъмъ вѣрвильнемь	
	[3] Quapropter notum esse volumus tam futuris quam praesentibus,	[Б] оудѣти : Къ кому оу си грамота придетъ	
	[4] vnde notum esse uolumus presentibus et futuris, quod		

		Смоленская грамота	
		Список D	Список А
Формуляр	Латинские грамоты [1]–[4]		
	[1] — — —	того лѣта · коли еписѣпъ длаверхѣтъ · рижьскыи мѣрты · кнѣзь мѣстиславъ дѣдѣвѣтъ посадалъ свое мѡужѣ <...> [lin. 4–21]	того лѣѣ коли длаверхѣтъ · едѣдѣса рижьскии оумьрѣлъ · ѡздѡумѣлъ князѣ смѡльнескыи · мѣстиславъ · дѣдѣвѣтъ снѣ · прислалъ въ ригѡу <...> [lin. 2–13]
	[2] Ad plantandam ecclesiae nostrae religionem conventum nostrum de ordine Praemonstratensi instituere cupientes <...>		
	[3] qualiter in partibus Livoniae, <...> Theodoricum, abbatem <...> ad titulum Lealensem in Estonia episcopum ordinavimus.		
	[4] — — —		
Dispositio	[1] ad usum pauperum infirmantium <...>	А се пощиноукъ правдѣ [lin. 21–143]	Здѣ пощинаметъ са правдѣ [lin. 14–90]
	[2] Concedimus igitur <...>		
	[3] <...>		
	[4] nos de communi consilio <...>		

безбородого святого с кудрявыми волосами под нимбом в омофоре с книгой в руках» [СмолГр: 56], не соглашаясь с мнением А. А. Куника, который видел в этом изображении «образ Христа с евангелием в руке» (ср. [Kunik 1868: 414]). Думается, что эта заставка и заменяет символически инвокацию, причем А. А. Куник был, предположительно, прав, видя в ней образ Христа. Параллели в данном случае следует искать скорее в западных изображениях Христа, а не в древнерусских, на которые ссылается Т. А. Сумникова. В списке В (lin. 1–3) сделана приписка от имени смоленского князя Александра Глебовича. Особенно показательно то, что она соответствует интитуляции западного формуляра грамот. Все остальные части начального протокола во всех списках выпущены. Это могло быть обусловлено тем, что договор заключался между группами участников с обеих сторон, представляющих как клир, так и светскую власть, а также торговые сообщества; все они одновременно были адресатами достигнутых соглашений. Еще точнее говоря, это договор между институтами. Случаи, когда в грамотах был выпущен или иначе представлен начальный протокол, многочисленны в западной канцелярской и дипломатической практике того времени, см. [LUB I: №№ 74–76, 78–79, 164]. Более того, установлено, что при переносе на народные языки, например на региональные варианты немецкого языка, латинский формуляр упрощался [Schulze 2011: 9]. Эта же тенденция наблюдается в Смоленской грамоте: западный формуляр соблюден в ней в той мере, которая требовалась для оформления в виде грамоты текста договора.

5.2. Обстоятельный филологический анализ аренги в Смоленской грамоте предложила А. Ф. Литвина, включив ее в контекст бытования подобных формул в латиноязычных грамотах Германии, Франции и Польши и особенно в восточнославянских канцеляриях Великого княжества Литовского [Литвина 2002]. Исследователь исходит из того, что данная часть текста в обеих редакциях грамоты переведена с латинского. Более того, она полагает, что обе редакции восходят к одному и тому же латинскому оригиналу [Там же: 328]. В готландской редакции, по мнению А. Ф. Литвиной, этот латинский оригинал переведен дословно, однако переводчик «не всегда располагал средствами, необходимыми для построения аналога латинской синтаксической конструкции» [Там же]. В отличие от этого, составитель рижской редакции, «хорошо понимавший латинский текст и не чуждый русской книжной образованности (...), пошел не по пути калькирования конструкции оригинала, а по пути передачи общего смысла, как он его понимал» [Там же].

А. Ф. Литвина не исключает полностью «возможност[и] того, что латинский оригинал сначала был переведен на немецкий язык и потом — с немецкого на русский», но ко времени работы над статьей ей не были известны документы XIII в. с немецкоязычной аренгой [Там же: 325–326]. На наличие таких документов для списка А указал П. В. Петрухин [2012:

481–482] (см. ниже 5.2.2). В германистике также имеются исследования, специально посвященные средневековым немецкоязычным аренгам в сравнении с латинскими [Fichtenau 1957: 157–182; Reiffenstein 1969]. А. Ф. Литвина была права в том смысле, что ко времени составления оригинала договора (1229 г.) немецкоязычные аренги еще не получили распространение и фактически еще не существовали. Однако проблема заключается в том, что, исходя из латинского языкового оформления аренг, А. Ф. Литвина анализирует языковое оформление аренги в списке А, восходящем к немецкоязычному оригиналу. В результате она и приходит к выводу о «[н]екотор[ой] невразумительност[и] русского текста аренги в списках готландской редакции», что

объясняется, видимо, тем, что переводчик не вполне усвоил синтаксическую конструкцию оригинала или не нашел адекватных средств для ее передачи и при переводе просто опустил существенный для ее построения элемент (или элементы) [Литвина 2002: 327].

Но это не так. Прав П. В. Петрухин, утверждавший, что

[п]одлинный смысл, который в этот текст вкладывали составители грамоты, восстанавливается только путем сравнения с аналогичными фрагментами средневековых западноевропейских актов» [Петрухин 2012: 481].

Для аренги рижской редакции следует искать параллели в латинских грамотах, аренгу готландской редакции следует анализировать в немецкоязычном контексте рецепции латинских аренг. При этом надо принимать во внимание, что перевод мог быть достаточно свободным, что, например, было характерно для немецкоязычных аренг XIII в. [Reiffenstein 1969; Schulze 2011: 9].

5.2.1. Относительному предложению *‘что са въ которое вѣрѣма начнетъ дѣяти соответствую*т в латинских грамотах прототипически такие формулировки, как «*quae aguntur/geruntur/fiunt in tempore*» (см. примеры выше и в [LUB I: №№ 206, 299, 305, 447; и мн. др.]) или также «*quid <...> temporaliter agitur*», как предполагал Э. К. Тобин (см. 5). Предложные группы *въ которое вѣрѣма* и *in tempore* являются достаточно близкими эквивалентами, при этом неопределенным местоимением подчеркивается значение ‘в какое бы то ни было [время]’, ‘в какое-либо [время]’. Не станем исключать того, что в латинском оригинале формулировка была формально еще более близкой — *quodam tempore*, хотя заметим, что в корпусе ливонских грамот XIII в. нам ни разу не встретилось такое сочетание. Исходное значение латинской лексемы *tempus* — ‘*Zeiteil, Zeitabschnitt*’, ‘*die Zeit als ein bestimmter Zeitpunkt*’ [Georges II: 3052], т. е. ‘часть времени, отрезок времени’, ‘время как определенный момент времени’. Именно такое понимание времени представлено в древнерусской версии аренги. Это подтверждается употреблением лексемы *время* в сочетании с определенным местоимением *сеи*

в следующей далее промультгации: по сѣмь веремени [с]оудоучи. В исходном латинском выражении *время* может пониматься в философском смысле, т. е. время как 'одна из форм существования материи'. Древневосточно-славянская письменность знала такое словоупотребление (см. примеры в [СДРЯ I: 493]). А. Ф. Литвина справедливо замечает, что в латинской аренге «выражено противопоставление временности того, что происходит во времени и ничем не засвидетельствовано, и вечности того, что записано и закреплено свидетельством» [Литвина 2002: 237]. Такое же понимание лексемы *tempus* в латинских аренгах гнездинских архиепископов XIV в. представлено в исследовании З. Вильк-Вось [Wilk-Woś 2016: 151–152]. В этом случае мы должны переводить предложную группу *in tempore*, а также наречие *temporaliter* как *во времени*. Но это не дает нам оснований считать перевод 'в какое-либо время' ошибочным. С точки зрения языка он в такой же степени оправдан. Более того, засвидетельствованы варианты той же латинской аренги, но с пониманием времени в значении периода, отрезка времени, как, например, в грамотах князя Польского Владислава I Локетка (1298 г.): «⟨...⟩ ea que *etatis nostre tempore* peraguntur, literis ac testibus perhenniter confirmamus» [KDW II: Nr. 795] ('⟨...⟩ то, что во время нашей жизни происходит, мы утверждаем на веки грамотами и свидетельствами') или «⟨...⟩ cum ea que *nostro tempore* peraguntur, testibus et literis memoriter perennamus» [Ibid.: Nr. 799] ('⟨...⟩ то, что в наше время происходит, мы увековечиваем в памяти свидетельствами и грамотами'). Такая же формулировка аренги встречается в одной из грамот опольских герцогов первой половины XIII в. [Wójcik 2016: 129]. Понимание времени как определенного периода или отрезка времени поддерживалось латинскими промультгациями, в которых в качестве адресатов называлось поколение настоящего и будущего времени: *tam praesentes quam futuri [temporis posteritas]* (см. ниже). По всем этим причинам перевод *въ которое вѣрѣма* мы считаем корректным: он передает исходное значение лексемы *tempus* (см. также ниже 5.2.2).

Чтение в кое *врѣ* в списке F синонимично чтению списков D и E. Личная форма глагола *начнетъ/начнеть*, скорее всего, указывает на итеративность — 'всякий раз, когда что-то делается/происходит'. Итеративная семантика присутствует в латинской глагольной группе *aguntur in tempore*. Матричному предложению *то оутвържаютъ грамотою* соответствуют в латинских текстах такие формулировки, как «ea ⟨...⟩ scriptis ⟨...⟩ roborentur» (см. 5 и 5.1, Таблицу 1) или «quod litterarum testimonio ⟨...⟩ firmatur» [LUB I: № 143], а также «consuetum est scripturae patrocínio roborari» [Ibid.: № 206], «convenit scripturarum praesidio communire» [Ibid.: №№ 213, 227, 267] и др. Чтение в списке B — *то оутвърживаютъ грамотою* — подчеркивает в главном предложении итеративную семантику предиката *начнетъ* зависимого предложения. В списке C необходимость письменного засвидетельствования передана формой императива: *то оутвърживайте грамо[то]ю*. Параллелью для целевого придаточного *а възша са не збываши* является «ne ⟨...⟩ oblivione tradantur»

(см. Таблицу 1), при этом древнерусская форма сослагательного наклонения имитирует латинский конъюнктив в целевой конструкции с союзом *ne*.

В качестве даже если не дословно совпадающих, но тем не менее очень близких арэнг из корпуса латиноязычных ливонских грамот укажем в дополнение к выше названным на еще две:

- (4a) *Ea, quae geruntur in tempore, ne simul ab humana memoria labantur cum tempore, scripturae testimonio solent perhennari* [LUB I: № 404] (‘Чтобы то, что совершается в какое-либо время [*var.*: во времени], не стерлось из человеческой памяти вместе со временем, его обычно увековечивают письменным подтверждением [*var.*: свидетельством]’) и
- (4b) *Ea, quae geruntur in tempore, ut in oblivionem cum tempore non labantur, solent litterarum testimonio perhennari* [Ibid.: № 432] (‘Чтобы то, что совершается в какое-либо время [*var.*: во времени], не пришло в забвение со временем, его обычно увековечивают подтверждением [*var.*: свидетельством] грамот’).

А. Ф. Литвина приводит большое число очень похожих по содержанию и языковому оформлению арэнг из великопольских грамот [Литвина 2002: 322–323] (см. также [Wilk-Woś 2016: 157, прим. 45]). Все эти арэнги объединяются единой целью: они обосновывают необходимость письменной фиксации события [Fichtenau 1957: 130–135; Schulze 2011: 42].

Исходя из всего вышеизложенного и принимая во внимание лексическое оформление восточнославянской арэнги по спискам рижской редакции, ее латинский оригинал по параллелям в ливонских актах XIII в. можно реконструировать примерно следующим образом: **Ea, quae aguntur in tempore, ne oblivione tradantur, solent scriptis roborari*. Другие варианты, при этом с большим набором компонентов, также возможны, особенно потому, что не следует ожидать, что перевод был абсолютно дословным. Любопытно в этом отношении результаты исследования немецкоязычных арэнг:

Die auch im Lateinischen vorhandene Variationsbreite der Formulierungen ist frei — nicht Wort für Wort — und mit vielen regionalen und individuellen Abwandlungen übertragen oder eher selbständig formuliert [Schulze 2011: 9].

‘Характерный также для латинского языка диапазон варьирования в формулировках передается свободно — не слово в слово — и с большим числом региональных и индивидуальных отклонений или, скорее, формулируется самостоятельно’.

Текст договора должен был быть понятен каждому, тем более что его могли зачитывать вслух. Понятность текста была важнее точного воспроизведения конструкций оригинала. Как замечает Г. Фихтенау: «Urkunden und ihre Arengen mußten (...) auch dem „kleinen Mann“ verständlich bleiben, sonst wäre ihre öffentliche Verkündung sinnlos gewesen» [Fichtenau 1957: 9] (‘Грамоты и их арэнги должны (...) были оставаться понятными также для

„маленького человека“, иначе заключенное в них публичное сообщение было бы бессмысленным”). Эти прагматические аспекты, о которых мы сегодня в древневосточнославянской письменности слишком мало знаем, непременно должны стать предметом специального исследования.

Наряду с аренгой А. Ф. Литвина выделяет также промульгацию [Литвина 2002: 324]. Однако о промульгации можно говорить по отношению к спискам рижской редакции, но в списках готландской редакции ее совершенно точно нет как самостоятельной синтаксической конструкции, как части текста (см. 5.2.2). Как уже отмечалось выше (5.1), промульгация — это формула, содержащая волеизъявление отправителя грамоты, которое доносится до сведения адресатов. Промульгация зачастую (но не всегда) заканчивается союзом *quod*. Следующая далее информация (*narratio* или *dispositio*) должна выступать как грамматический объект волеизъявления:

- (5a) *A memoria hominum facile labitur, quod litterarum testimonio non firmatur, unde notum esse cupimus universis praesentis cartulae inspectoribus, quod nos <...>* [LUB I: № 143] (‘Из человеческой памяти легко исчезает [то], что не было подтверждено письменным свидетельством, *потому мы хотим, чтобы было известно всем, кто собственными глазами прочитает настоящую грамоту, что мы <...>*’);
- (5b) *Labilis hominum requirit memoria, ea, quae robor perpetuitatis exigent, scripti testimonio perhennari. Noverint igitur tam praesentes, quam futuri temporis posteritas, quod nos <...>* [Ibid.: № 486] (‘Мимолетная память человеческая требует увековечивать свидетельством письма то, что будет вытеснено прочностью вечности. *Потому пусть знают как нынешнии, так и потомство будущего, что мы <...>*’);
- (5c) *Necessarium est in scripturam authenticam redigi, quod in memoria hominum debet perpetuo conservari. Scire igitur volumus universos praesentium inspectores, quod nos <...>* [Ibid.: № 449] (‘Необходимо обращать в подлинное письменное свидетельство то, что вечно должно храниться в человеческой памяти. *Поэтому мы хотим, чтобы знали все, собственными глазами видящие настоящее [писание], что мы <...>*’).

В списках рижской редакции предложение *познайте · на память держите нынѣшнии · и по сѣмь веремени [в]оудочи : : Къ кому си грамота придетъ* допустимо интерпретировать как промульгацию, если исходить из того, что оно содержательно направлено на следующие далее части текста, т. е. что его коммуникативная цель состоит в том, чтобы в императивной форме призвать нынешнее и будущее поколения узнать и запомнить обстоятельства создания договора и его содержание, т. е. информацию, которая в дальнейшем будет изложена. Такое понимание этого высказывания вполне оправдано (см. также [Литвина 2002: 324]). Для всех его частей опять же можно найти соответствия в латинских грамотах. Так, императив *познайте* соотносится как с *notum esse*, так и с *noverint*: обе формы в контекстах, в которых они

употребляются в промульгации, передают семантику долженствования и призыва к — в данном случае интеллектуальному — действию, что в восточнославянском переводе выражено императивом. Для фразового глагольного сочетания (в терминах Петера фон Поленца — *Funktionsverbgefüge*) на память держите мы не нашли дословных соответствий в первом томе издания Ф. А. Бунге. Но заметим, что прототипом этого выражения, скорее всего, следует считать латинское фразовое сочетание *memoria tenere* ‘держать в памяти; помнить’, которое, не будучи засвидетельствованным в первом томе Ф. А. Бунге, тем не менее достаточно часто встречается в средневековых латинских грамотах. Кроме того, мотив памяти был устойчивым в начальных частях грамот:

- (6a) Honorius etc. universis Christi fidelibus per Russiam constitutis salutem etc. Legistis, ut credimus, et *memoriae commendastis*, qualiter <...> [LUB I: № 66] (‘Гонорий и т. д. всем верующим во Христа, на Руси находящимся, здравия и т. д. Вы прочитали, как мы верим, и запомнили [дословно: *вверили памяти*], как <...>’);
- (6b) Rudolfus, Dei gratia Romanorum rex semper augustus, omnibus Romani imperii fidelibus, ad quos praesens pagina pervenerit, *in memoriam sempiternam* [Ibid.: № 438] (‘Рудольф, Божией милостью римский король, всегда священный, всем верующим Римской империи, к кому придет эта рукопись, *на вечную память*’);
- (6c) Emundus, D. g. Curoniensis ecclesiae episcopus, universis Christi fidelibus, ad quos praesens scriptum pervenerit, salutem et benedictionem a Domino. *Ad perpetuam rei memoriam* praesentibus potestamur, quod <...> [Ibid.: № 534] (‘Эмунд, Божией милостью епископ курляндской церкви, всем верующим во Христа, к кому придет это письмо, здравия и благословения от Господа. *На вечную память о событии* мы распоряжаемся настоящим [письмом], что <...>’).

В последнем примере темой вечной памяти (*formula perpetuitatis*) открывается именно промульгация.

Эквивалентом для обозначенных в промульгации списков рижской редакции адресатов является часто встречающаяся формула «tam praesentes, quam futuri temporis posteritas» (см. (5b)) или ее варианты, например:

- (7a) Ea, quae geruntur in tempore, ne simul cum cursu temporis elabantur, convenit scripturarum praesidio communiri, quae rerum seriem incommutabili veritate locuntur. Ideoque notum esse volumus cunctis Christi fidelibus, *tam praesentibus quam futuris*, quod nos <...> [Ibid.: №№ 227, 267] (‘Чтобы то, что совершается в какое-либо время [*var.*: во времени], не исчезло вместе с бегом времени, подобает укреплять его посредством записей, которые с незаблемой истиной говорят о веренице событий. А потому мы хотим, чтобы стало известно всем верующим во Христа, *как нынешним, так и будущим*, что мы <...>’);

(7b) Ea, quae in tempore fiunt, ut post lapsum temporis a memoria non recedant, litterarum testimonio perhennantur, et scriptis autenticis stabilitate perpetua confirmantur. Igitur tenore praesentium *tam praesentibus quam futuris* notum esse volumus et apertum, quod nos (...) [Ibid.: № 447] ('Чтобы то, что бывает в какое-либо время [*var.*: во времени], с течением времени не удалилось из памяти, его увековечивают письменными свидетельствами и подлинными письменами утверждают на вечную прочность. Поэтому содержанием настоящего документа мы хотим, чтобы *как нынешним, так и будущим [поколениям]* стало известно и открылось, что мы (...)').

Особенный интерес представляет в связи с этим написанная в Риге в 1263 г. осведомительная грамота литовского князя Герденя о заключении мирного договора и установлении торговых отношений между Ригой и Готландом, с одной стороны, и Полоцком и Витебском — с другой. На эту грамоту обращал внимание Л. К. Гётц, приводя дополнительные примеры ганзейских грамот, составленных по западному формуляру и касающихся контактов с восточными славянами [Goetz 1916: 232] (обстоятельный комментарий к грамоте см. в [ПолГр II: 7–10]):

Князь Гердень кланяется всемъ темь, кто видить сую грамоту, тие люди, что ныне живи суть, а темь, кто напосле приидуть, тѣмь вѣдомо буди, какъ мирь есмы створили промежи местеря и с ратьманы Рижьскими, и с Полочаны и Видьбляны тако, како грамота написано (...) [Napiersky 1868: № XXV^a].

Как видим, грамота начинается приветствием, за которым обозначены адресаты по модели *universis praesentium litterarum inspecturis tam praesentibus quam futuris* или *tam praesentes quam futuri temporis posteritas*. Далее следует эксплицитно оформленная промульгация: *тѣмь вѣдомо буди, какъ*. На то, что грамота Герденя написана по западному формуляру, указывала в комментариях к изданию грамоты А. Л. Хорошкевич [ПолГр II: 9].

Также многочисленны соответствия для относительного предложения *Kz komou si gramota pridetъ*: «ad quos praesens scriptum pervenerit» [LUB I: №№ 343, 374] или «ad quos litterae istae [*var.*: haec litterae] pervenerint» [Ibid.: №№ 60, 67].

По параллелям в ливонских актах XIII в. латинское оформление промульгации в списках рижской редакции восстанавливается примерно следующим образом: **Noverint et memoria tenuerint* [*var.*: *Noscite et memoria tenete / Noscant et memoria tenuant*] *tam praesentes quam futuri [temporis posteritas], ad quos hoc scriptum pervenerit*.

Таким образом, близость вступительной части списков рижской редакции к языковому оформлению формуляра латинских грамот, на наш взгляд, очевидна. Несмотря на то что для каждого древнерусского предложения можно найти соответствие в латинских грамотах, следует все же исходить из того, что восточнославянский переводчик, скорее всего, не делал дословного перевода, а адаптировал латинский текст для своих соотечест-

венников, передавая его смысл, но отказавшись передавать в полном объеме конструкции оригинала. Такого же мнения придерживается А. Ф. Литвина [2002: 328].

5.2.2. Списки готландской редакции прототипически также восходят к латинскому формуляру. Кроме того, невозможно исключить, что латинский текст использовался наряду с текстами на средненижненемецком и древнерусском языках, как это было при заключении упомянутого выше новгородского договора с немцами 1268/69 г. Но многочисленные лексические, как и некоторые грамматические германизмы списка А (см. подробный обзор в [Подтергера 2021]) явно свидетельствуют о существовании немецкой версии договора. Немецкое влияние в готландской редакции проявляет себя также на уровне свободной адаптации частей формуляра, в частности — аренги, и на уровне синтаксиса.

На одну из немецкоязычных аренг середины XIII в., содержащую мотивы непостоянства времени, ненадежности человеческой памяти и необходимости предавать события письму, вслед за Э. Кленин указал П. В. Петрухин [Klenin 1983: 63; Петрухин 2012: 482]. Приведем для сравнения еще три немецкоязычных аренги из грамот конца XIII в.⁸

- (8a) Sit ellv dinch zerganchklich sint · vnd def menschen gehugede langer fteti nvt enhat / So ift gewonlich vnde recht daz man mit fhrift bestete fwaf man endelicher dinge in difen tagen zelhaffen hat / dur daz / daf du fhrift der selben dingen / ein ewige vrkvnde múge sin · Da von so kvndin wir / <...> Allen dien die difen brief lefent oder hörint lesen · daz wir <...> [CaOU: № 506] ('Поскольку все вещи непостоянны и не хранятся длительное время в человеческой памяти, потому существует обыкновение и оно справедливо закреплять письмом важные дела, которые в эти дни должны быть сделаны; благодаря записыванию тех же самых дел они будут навечно засвидетельствованы. Таким образом мы <...> сообщаем всем тем, кто будет читать и услышит прочитанным это письмо, что мы') — 1282 г.;
- (8b) Wan in der vntætē zegānchlichen [sic!] zit elliv irdišchen dich vntæt vnd zergānchlich sint / so ift des dvrft daz man Alle gvte getat der man lange gedenchen sol / vnd wil mit brieven vnd mit insigeln also vesten vnd bestætigen/ daz ir die lebentigen lvte iht vergezzen! vnd di chvnftigen dar / an iht zwiveln / Da von ich <...> vergih vnd tvn chvnt allen den di difen brief sehen vnd hören / daz ich <...> [Ibid.: № 1104B] ('Поскольку в непостоянное скоротечное время все земные дела

⁸ Эти примеры восходят к грамотам на средневерхненемецком языке. Из перечисленных у Н. Нагеля средненижненемецких грамот только две содержат аренгу: № 14 (ср. [CaOU: № 1310B]) и № 25 [Nagel 2002: 39–44]. Обе аренги по формулировке в меньшей степени совпадают с аренгой Смоленской грамоты, поэтому мы их здесь не учитываем.

непостоянны и скоротечны, то необходимо, чтобы все благие дела, которые люди должны или хотят долго помнить, закреплялись и подтверждались письмами и печатями, чтобы вы, живущие, не забывали [их]! и будущее поколение в них не сомневалось. Потому я признаю и сообщаю всем тем, которые читают и слышат это письмо, что я ⟨...⟩' — 1289 г.;

- (8c) Wan alles des daz gefchiht / lihte vergezzen wirt / ez werde danne der gehvge enpholhen / mit der gefchrift / vnd mit gezivgen / Darvmb ich ⟨...⟩ tvn chvnt allen den / die difen brief an sehent / daz ich ⟨...⟩ [Ibid.: № 1901; ср. Reiffenstein 1968: 185] ('Поскольку все, что случается, легко забывается, то его передают [*var.*: рекомендуют] памяти с помощью грамот и свидетелей. Поэтому я ⟨...⟩ сообщаю всем тем, которые увидят это письмо, что я ⟨...⟩') — 1294 г.

Как видим, все эти аренги содержат те же топосы, что и латинские аренги: время, память, письменный текст. Как уже упоминалось выше, они представляют собой не только риторическое украшение, но обосновывают необходимость записывать правовые акты. На основании того, что в немецких грамотах явно доминируют аренги, тематизирующие значение письменной фиксации произошедшего, достигнутых договоренностей, заключенных сделок и т. д., И. Райфенштайн приходит к выводу,

⟨...⟩ daß es für die Aussteller (oder Empfänger) volkssprachiger Urkunden ein besonderes Bedürfnis gewesen sein muß, die Notwendigkeit oder Nützlichkeit der schriftlichen Fixierung von Rechtsgeschäften herausstellen [Reiffenstein 1986: 662].

⟨...⟩ что те, кто выдавал (или получал) грамоты на народном языке, должно быть, ощущали особенную потребность подчеркнуть необходимость и пользу письменной фиксации правовых сделок'.

Преамбула готландской редакции Смоленской грамоты вызывала затруднения у многих исследователей. А. А. Зимин, комментируя в параллельном издании списков А и D обе редакции договора, замечал: «Вступительный абзац (ввиду того, что перед нами списки с разных переводов договора) не вполне ясен» [Зимин 1953: 76]. А. Ф. Литвина, как и в случае со списком D, разделила вступительную часть грамоты по списку А на аренгу (Что са дъветъ ⟨...⟩ грамотою оутвѣрждать) и промульгацию (како то воудѣте всемъ вѣдомъ · или кто послъ живъли встанѣть са) [Литвина 2002: 324]. В результате, как уже упоминалось выше, она пришла к выводу о некоторой невразумительности вступительной части грамоты в списке А (а также в списках В и С), полагая, что выпущен один из элементов прототипической конструкции (см. выше 5.2). П. В. Петрухин допустил два варианта прочтения. Первый согласно гипотезе А. Ф. Литвиной предполагает пропуск элементов в древневосточнославянском переводе, а именно отсутствие соответствий латинским союзам *nisi* 'если не' или *ne* 'чтобы не' [Литвина 2002: 327]:

Что происходит во времени, со временем проходит (далее должны были следовать примерно такие слова: если не будет зафиксировано письменно и не будут привлечены свидетели). Да будет (это соглашение) объявлено добрым людям или утверждено грамотой, так чтобы было всем известно, (а также) тем, кто будет жить потом (после нас) [Петрухин 2012: 481–482].

Перевод элемента како то целевым выражением *так чтобы* восходит к работе А. А. Зализняка, предложившего именно такое понимание этого места [Зализняк 1981: 99; Петрухин 2012: 482, прим. 6]. Второй вариант сориентирован на переводы Л. К. Гётца [Goetz 1916: 232] и Э. Кленин [Klenin 1983: 63] и не предполагает пропуска каких-либо элементов: «Что происходит во времени, со временем проходит, (поэтому) пусть будет объявлено добрым людям <...>» [Петрухин 2012: 482]. Такое понимание соотносится с императивной конструкцией промульгации рижской редакции. Но все-таки обратим внимание на то, что в готландской редакции, в отличие от рижской, форма повелительного наклонения ни у одного из предикатов во втором сложном предложении морфологически не выражена: отсутствует частица *да*, которая бы позволила с уверенностью прочитать это место как *пусть будет*. П. В. Петрухин приходит к выводу:

В любом случае, перед нами явно не самый удачный перевод, что, впрочем, вполне объяснимо, учитывая, что это, по-видимому, первый перевод подобного рода в истории восточнославянской письменности [Там же].

Однако заметим, что это не первый, а как минимум третий перевод: первый перевод подобного рода текста был предложен в 1229 г. и отражается, как мы полагаем, в рижской редакции договора; второй представлен в осведомительной грамоте Герденя (1264 г.) [ПолГр II: 8, 10]; третий — в готландской редакции Смоленской грамоты (1284 г.).

Думается, что проблему можно решить, если отказаться от деления вступительной части на аренгу и промульгацию и иначе разделить весь пассаж на предложения: (1) *Что са дѣятъ по вѣрьменьемъ · то ѿидето по вѣрьменьемъ*, (2) *приказано боудѣте добрымъ людѣмъ · а любо грамотою оутвѣрдатъ · како то боудѣте всемъ вѣдомъ · или кто послѣ живзии встанѣтъ са*. Промульгация в грамоте может быть опущена (см. Таблицу 1). Формула со значением ‘да будет известно нынешнему и будущему поколениям’ не обязательно является составной частью промульгации: она также может употребляться в инскрипции (см. Таблицу 1) или в самой аренге, как в примере (8b), в котором она приводится сначала в аренге, а затем в промульгации. Сравним латинскую и средневрхненемецкую аренги в грамоте № 26 из [CaOU], датированной 1252 г., И. Райфенштайн заключает:

Der Grundgedanke ist in beiden Arengen der gleiche. Damit aber sind die Übereinstimmungen auch schon erschöpft. Während der lateinische Text Teil einer größeren Satzkonstruktion ist, die die Promulgatio einschließt (*sciat praesens [a]jetas et discat futura posteritas*) und zur Narratio weiterführt (*quod nos ...*), steht die deutsche Arenga syntaktisch abgeschlossen für sich. Der eigentliche

Kontext beginnt mit der die Narratio einleitenden Promulgatio (*Darumbe svn [sollen] wizens alle ...*). Zwar entsprechen einander einige Motive (<...>), sie stehen aber in zum Teil verschiedenem syntaktischem und semantischem Zusammenhang [Reiffenstein 1969: 182].

‘Основная идея в обеих аренгах одинаковая. Однако на этом совпадения уже и заканчиваются. В то время как латинский текст является частью более крупного предложения, включающего в том числе промульгацию (*пусть знает этот век и узнает будущее потомство*) и ведущего далее к нарративной части (*что мы ...*), немецкая аренга синтаксически самостоятельна и закончена как предложение. Собственно контекст начинается с промульгации, которая вводит нарративную часть (*Потому да будет всем известно ...*). Хотя некоторые мотивы соответствуют друг другу (<...>), они [в параллельном латинском и немецком текстах. — И. П.] частично находятся в разных синтаксических и семантических контекстах’.

Все эти примеры при учете немецкой традиции составления грамот на народном языке в XIII в. говорят о том, что не следует ожидать от восточнославянской аренги абсолютно точных соответствий латинским или немецким оригиналам, даже если таковые, по крайней мере, для отдельных выражений, действительно можно обнаружить. Переводчик мог свободно адаптировать текст, передавая его смысл так, чтобы он был понятен, в том числе будучи прочитанным вслух, например, смоленскому князю, который должен был его подтвердить. Как уже отмечалось выше, промульгация представляет собой синтаксическую конструкцию с союзом *что* по модели ‘настоящим мы сообщаем, что’. С явной промульгации, содержащей одновременно топику интитуляции и характерное для аренги, но очень краткое обоснование того, почему текст был записан, начинается Новгородская скра (1268):

[D]hat si wetelic unde openbare allen dhen genen, dhe nu sin unde hir na comen solen, dhe dhese schra sen unde horen, dhat van ganceme rade unde van eneme gemenen wilcore dhene wisesten van allen steden van dhutsche lande recht, dhat van aneginne gehalden is unde gewesen hevet in dheme hove dhene Dhutschen to Nogarden, aldus beschreven is, to haldende allen dhen genen, dhe dhen beschenen hof pleget to sokende bi watere unde bi lande [Schra: 50].

‘Да будет известно и откроется всем тем, которые ныне суть и после должны прийти [в этот мир], которые видят и слышат эту скру, что всем советом и одним общим волеизъявлением мудрейших от всех городов немецкой земли это право, которого искони придерживались и которое искони существовало в немецком подворье Новгорода, записано с той целью, чтобы оно соблюдалось всеми теми, кто имеет обыкновение заходить на названное подворье по воде и по земле’.

Промульгация вводит синтаксически информацию, которая должна следовать далее. Такого рода конструкции в списках готландской редакции нет, см. примеры (2a)–(2b). Предложение, начинающееся с *приказано боудѣте*, логически продолжает предыдущее предложение, отсылая на морфосинтаксическом уровне (значение ср. р. ед. ч. у *приказано*) анафорически к его

подлежащему, которое было выражено коррелятивной группой *что – то*. Таким образом, всю вступительную часть готландской редакции — от *Уто са дьветъ* и включительно по *живъи встанѣтъ са* — следует считать аренгой.

Для первого предложения аренги готландской редакции обнаруживаются очень близкие соответствия в латинских аренгах, на что указывали уже А.-Х. Лерберг и Э. К. Тобин: *ea, quae fiunt/aguntur in tempore, labuntur cum tempore* (см. 5 и там же полную цитату из грамоты рижских городских властей любекским купцам 1231 г., а также Таблицу 1). В древнерусском переводе коррелятивное местоимение *ea* в функции подлежащего в соответствии с восточнославянским синтаксисом перенесено в матричное предложение. Вероятность ориентации именно на латинскую модель в данном случае высока. Тем не менее есть также близко совпадающие немецкоязычные аренги. Число немецкоязычных аренг XIII в. ограничено: их всего лишь 104 во всем корпусе оригинальных грамот [Schulze 2011: 42]. При этом по подсчетам И. Райфенштайна 88 из них представляют собой так называемые *Schriftlichkeitsarengen*, т. е. аренги, в которых тематизируется необходимость и польза письменного засвидетельствования правовых актов [Reiffenstein 1969: 180–181, прим. 17; 1986: 661]. Исходя из перечня И. Райфенштайна, мы обнаружили в корпусе оригинальных древнемецких грамот две очень близкие к первому предложению аренги готландской редакции формулировки:

- (9a) *Sit alles das man in dem Zite tv̄t / v̄lv̄ffet hin mit dem zite / so ift billich v̄n recht / das man mit schrift bestete / swaz man eimer fl̄ete welle sin / v̄n ane wandel <...>* [CaOU: 824]. ‘Поскольку *все, что делается во времени, исчезает со временем*, то имеют обыкновение, и это правильно, подтверждать на письме [то], что хотят утвердить навсегда и оставить без изменений <...>’;
- (9b) *Wan fuuaz in der zit geschicht / daz ift och zerganchlich mit der zit / man enphelhe ez danne menschlicher geh̄ve mit der geschrift <...>* [Ibid.: 2534]. ‘Когда *что-либо происходит во времени, оно также исчезает со временем*. Потому его вверяют человеческой памяти с помощью записанного <...>’.

Обращает на себя внимание то, что в древнерусской версии с предложными группами *in tempore* и *cum tempore* соотносится предложная группа по *върьменьемъ / по върьменьемъ*. Множественное число существительного *время* свидетельствует о том, что при работе над готландской редакцией *время* в данном контексте снова понималось как определенный отрезок времени. В немецкоязычных грамотах обнаруживаются аренги с подобным пониманием топоса времени:

- (10a) <...> ift zimelich v̄n ift och göttelich / fwc gv̄ter dinge b̄i vnseren ziten geschicht der man gedenchen sol / dc man div der schrift bevæle v̄n si mit der schrift vrkivnde vnseren nachkomen behalte <...> [CaOU: 838].

‘⟨...⟩, пристойно и также богоугодно, чтобы хорошие дела, которые *в наши времена* происходят и которые следует помнить, вверяли письму и свидетельством письма сохраняли для наших потомков ⟨...⟩’;

- (10b) *Dc gefchehen ist in gegenwortigem gezit / von krancheit menscheliches finnel / vergessen nit werde in kûnphtigem gezit / so kûnden wir mit difem brieve / gegenwortigen / vn kûnphtigen / dc ⟨...⟩* [Ibid.: 1183].
 ‘Чтобы происходящее *в настоящее время* от болезни человеческого рассудка не забылось в будущем времени, поэтому мы сообщаем этим письмом настоящим и будущим, что ⟨...⟩’.

Второе сложное предложение аренги мы читаем как бессоюзное условное предложение: *приказано боудѣте добрымъ людѣмъ · а любо грамотоу оутвѣрждатъ · како то боудѣте всемъ вѣдомъ · или кто послѣ жившии встанѣтъ са*, т. е. ‘Если [это] поручат⁹ свидетелям или утвердят грамотой, [то] тогда [scil.: то вот каковым образом] оно станет всем известно, а также [тем], кто останется жить после нас’. При таком понимании лексема *како то* имеет либо результативно-следственное значение в условно-следственной конструкции, либо значение образа действия при предикате матричного предложения.

На потенциальную возможность употребления *како то* в значении следствия указывал А. А. Зализняк, подчеркивавший особенно широкий спектр функций этой лексемы в древнерусском языке [Зализняк 1981: 99]. К сожалению, А. А. Зализняк не привел примеров для значения следствия, и в словарях такие примеры не зафиксированы. Сам он перевел конструкцию с *како то* как целевую: ‘так чтобы было всем известно’ (см. выше). Но такая интерпретация не очевидна, тем более что она подразумевает изменение грамматической формы предиката, что еще дальше отдаляет ее от исходного текста.

Бессоюзные условные предложения были распространены в древне- и старорусском языке [Лавров 1941: 7–14; Борковский 1958: 67–84] и встречаются также в тексте Смоленской грамоты. При этом, как будет показано ниже (см. 6), в готландской редакции они употребляются в три раза чаще, чем в рижской. Они также характерны для современного русского языка: *Пересадят почку — откажет печень. Смотри, будешь болтать, погубишь не только себя, но и всех нас. Расскажешь кому — убью* (примеры из [Fortuin 2011: 90–91]). При этом их типичной особенностью является начальная позиция предиката [Ibid.: 97]. Думается, что, скорее всего, именно по такому синтаксическому образцу и построено второе сложное предложение аренги: ‘Поручено будет свидетелям или грамотой утвердят — та-

⁹ Ср. употребление лексемы *приказати* в значении ‘вверить, предоставить заботам’ или ‘вменить в обязанность’ в других древнерусских памятниках [СДРЯ VIII: 445–446].

ким образом [*scil.*: каковым образом] оно станет всем известно, а также [тем], кто останется жить после нас'. В этом случае *како то* выступает как наречие образа действия при предикате *будѣте вѣдомѣ*. Употребление лексемы *како (то)* в значении образа действия подтверждается рядом примеров из древнерусских текстов и в том числе из смоленских грамот [СДРЯ IV: 190; ср. Успенский 1950: 69; Зализняк 1981: 99–100]. Показательно, что в коррелятивной конструкции наречие *како* может иметь значение 'так', 'таким образом', ср. в „Книге паломник“ Антония Новгородского (нач. XIII в.): *а весь написавъ рекъ пишець зра на нь · ги какъ еси живъ былъ какоже та еми написалъ* [КнПал: 159v7–10], т. е. 'А написав полный образ [Христа], иконописец сказал ему, глядя на него: Господи, каким ты был в жизни, таким [*scil.*: так] я тебя и изобразил' (см. также древнецерковнославянский пример в [СССЯ II: 6]).

Кроме того, можно предположить, что использование бессоюзной условной конструкции в данном случае поддерживалось влиянием немецкого языка, в котором также распространены бессоюзные условные предложения. В немецких грамотах XIII в. часто встречаются условные предложения, зависимая часть которых начинается с личного глагола, а матричное предложение вводится полифункциональным союзом *so*, имеющим в этой конструкции результативно-следственное значение [Schulze 1975: 123–134; 2011: 146–154]. Одновременно лексема *so* может функционировать как наречие образа действия. Этой полифункциональности нем. *so* аналогична полифункциональность др.-рус. *како то*. Соответственно в начинающемся с *приказано будѣте* предложении следует видеть качественную восточнославянскую версию немецкого условного предложения. (Но заметим, что речь тем не менее не идет о синтаксической кальке, потому что древнерусское предложение формально начинается не с личной формы глагола.)

Немецкое влияние в рассматриваемом предложении сказывается уже в использовании термина *добрые люди* в значении 'свидетели'. Л. К. Гётц возводил этот термин к латинским выражениям *boni viri, probati homines* и подобным, встречающимся в латинских правовых актах [Goetz 1916: 232]. Очень близкое соответствие лат. *boni viri* обнаруживается в статье 34b списков рижской редакции:

(11a) *которага си тажа будѣте соузона смоленьскъ · или оу княза или оу тивоуна · или оурадили будоуть добрии мужи · воле же не поминати того ни въ ризѣ ни на готъскомъ березе* (D: lin. 127–130).

В соответствующей ей статье 24b готландской редакции читается:

(11b) *Которе ироудие доконечано будѣте · оу смольнескъ · мъжо роусию · и мъжо латинескимъ языкомъ · пьредъ соудинами · и пьредъ добрыми людми · Боль того не починати · оу ризѣ · и на готкомъ березѣ* (A: lin. 68–70).

В обеих статьях представлены ситуации, в которые вовлечены свидетели в их разных функциях (см. [Ibid.: 278–279] со ссылкой на комментарии

М. Ф. Владимирского-Буданова). В рижской редакции термин со значением ‘свидетель’ фактически калькирует лат. *boni viri*. В готландской он прототипически восходит к тому же латинскому выражению, но с большой долей вероятности не напрямую, а через посредство ср.-ниж.-нем. *gude lude*. Эта немецкая интерференция на достаточном количестве примеров исследована И. С. Кошкиным, обнаружившим термины *добрые люди* и *gude lude* в дипломатических грамотах XIII–XVI вв., составленных в Новгороде, Пскове и Полоцке на восточнославянских региональных разновидностях письменного языка и на средненижнемецком [Кошкин 2008: 105–114].

Однако немецкое влияние также ощутимо на уровне синтаксиса условных предложений.

6. Условная конструкция является основным структурным элементом договора как типа текста. Большинство предложений содержательной части, т. е. диспозиции, Смоленской грамоты построено по модели ‘казус — санкция’. Подробный сравнительный анализ условных предложений рижской и готландской редакций текста был предложен В. И. Борковским [1944; 1958: 67–70, 166–184]. Изучив работы А. А. Куника и П. В. Голубовского, В. И. Борковский пришел к выводу, что вступительную и заключительную части договора следует считать переводом, который представители смоленской делегации под руководством Тумаша Смольнянина сделали с немецкого языка, сохранив в древнерусской версии латинизмы немецкого оригинала [Борковский 1944: 41]. Однако «основной текст Правды (...) был составлен в Смоленске и написан на русском языке» [Там же]. Кроме того, как упоминалось выше, В. И. Борковский был убежден в том, что существенные различия в синтаксических конструкциях обеих редакций следует объяснять различными стилистическими предпочтениями книжников, трудившихся над текстом договора (см. 2).

Исследуя исторический синтаксис сложного предложения, В. И. Борковский рассматривает Смоленскую грамоту в широком контексте древневосточнославянских грамот XI–XVI вв. и представляет особенности ее синтаксиса как типичные для древнерусского языка. При этом он в принципе не задается вопросом о том, что некоторые из конструкций могли быть привнесенными или по крайней мере получили широкое распространение благодаря параллельному влиянию других письменных языков.

В дальнейшем мы предлагаем систематический обзор структуры условных придаточных предложений основной части договора по всем шести спискам Смоленской грамоты. Это позволит нам выявить сходства и различия в конструировании условных придаточных в обеих редакциях договора и наглядно показать конкуренцию синтаксических конструкций как внутри редакций, так и между ними. Кроме того, исходя из этих данных, мы сможем сделать первые наблюдения об иноязычном подтексте некоторых конструкций.

Таблица 2

Структура обуславливающих предложений

Средство связи	D:	E:	F:	A:	B:	C:
	21–143	19–127	47–300	14–90	29–158	11–65
аже (Vf (N))	9b, 21c	3b, 9b, 11a, 21c	3b, 9b, 21c	1a, 1b, 3d ² , 4a, 4b, 4b ² , 6a, 8a, 8b, 11a, 12d, 14b, 15 ² , 20a (22a), 22b (32b), 28b (25b), 29b (26b), 30b (27b), 33b (16b), 35b (37b)	1a, 1b, 3d ² , 4a, 4b, 4b ² , 6a, 8a, 11a, 12d, 14b, 15 ² , 20a (22a), 22b (32b), 28b (25b), 29b (26b), 30b (27b), 33b (16b), 35b (37b)	1a, 3d ² , 4a, 4b, 4b ² , 6a, 8a, 8b, 11a, 12d, 14b, 15 ² , 20a (22a), 22b (32b), 28b (25b), 29b (26b), 30b (27b), 33b (16b), 35b (37b)
аже = разве что / если только				9a, 9b	9a	9a, 9b
аже бюджет + -и-Part.				12c	12c	1b, 12c
аже бюджет	23	23	37b	14a	14a	14a
аже (N ₁ Vf)	25a	25a, 33	33	5a, 7a, 10b, 10c, 12a, 14c, 15, 17a (19a), 18a (20a), 19a (21a), 19c (21c), 22a (32a), 29a (26a), 30a (27a), 31 (28), 32 (29), 33a (16a)	5a, 7a, 10b, 12a, 14c, 15, 17a (19a), 18a (20a), 19a (21a), 19c (21c), 22a (32a), 29a (26a), 30a (27a), 31 (28), 32 (29), 33a (16a)	5a, 7a, 10b, 10c, 12a, 14c, 15, 17a (19a), 18a (20a), 19a (21a), 19c (21c), 22a (32a), 29a (26a), 30a (27a), 31 (28), 32 (29), 33a (16a)
аже (N ₃ N ₁ Vf)	37b	37b				
аже (N ₃ Vf N ₁)			3c			
аже (N ₄ Vf)				3d	3d	3d
аже (PP Vf)				13	13	13
аже (кто Vf)	1c	1c	1c			
аже	6	9	7	43	40	43

Средство связи	D:	E:	F:	A:	B:	C:
	21–143	19–127	47–300	14–90	29–158	11–65
аще (Vf N/PP)	3b, 27a	27a	27a			
аще (PrdN Vf)	16b					
аще (N ₁ Vf)	4a, 6a, 13, 29a, 32a, 33	4a, 6a, 13, 16b, 29a, 32a	4a, 6a, 16b, 29a, 32a			
аще (N _{3/4} Vf)	2a, 3c	2a, 3c	2a, 37a			
аще (который N _{1/4} Vf)	12a, 12d, 20a, 21a	12a, 12d, 20a, 21a	12a, 20a, 21a			
аще (кто Vf)	3a, 3d	3a, 3d	3d			
аще ли (кто Vf)	14c	14c				
аще (N ₄ Vf)	37a	37a				
аще/аще	18 + 1	16 + 1	12			
вжо, вже, оже, ожо (Vf + N)	1a, 4a ² , 4b ² , 32a ²	1a, 4a ² , 4b ² , 32a ²	1a, 4a ² , 4b ² , 32a ²			
оже будет			23			
оже (Vinf + N)			25a			
оже (N ₁ Vf)	5a, 22a, 28	5a, 22a, 28	5a, 22a, 28			
оже	7	7	9			

Средство связи	D:	E:	F:	A:	B:	C:
или (V)	21–143 25b, 27b	19–127 25b, 26b, 27b,	47–300 25b, 26b, 27b	14–90	29–158	11–65
или (N ₁ Vf)	4b, 7a, 10b, 14a, 34b ²	4b, 7a, 10b, 14a, 34b ²	4b, 7a, 10b, 34b ²			
или (который N ₁ Vf)		26a	20b, 21b, 26a			
или	7	9	10			
како/как (VfN)	15, 17, 19b	15, 17, 19b	15, 17, 19a, 19b		26 (17)	
како (N ₁ Vf)	19a	19a				
како тако / то боудет, како (VfN)				26 (17)		26 (17)
како	4	4	4		1	
коли V	35	35	35			
али (который N ₁ Vf)	20b	20b				
иже (Vf+N)	11a					
редкие союзы	1 + 1 + 1	1 + 1	1			
Vf+ли	4a ³ , 21d	4a ³ , 21d	4a ³ , 21d			
будет ли + -л-Part.	12c	12c				
частица ли	2 + 1	2 + 1	2			

Средство связи	D:	E:	F:	A:	B:	C:
	21–143	19–127	47–300	14–90	29–158	11–65
N ₁				2		2
N ₁ Vf	14b	14b			10c, 11b	
N ₃ Vf				3c	3c	3c
PP Vf				3b	3b	3b
PP Vf N ₁				35a (37a)		35a (37a)
PP N ₁ Vf					35a (37a)	
Vf N ₁			11a	6a ² , 6a ³ , 12d ² , 28a (25a)	6a ² , 6a ³ , 12d ² , 28a (25a)	6a ² , 6a ³ , 12d ² , 28a (25a)
V _{inf} + N ₃				11b		
будет + -l-Part.				12a ²	12a ²	12a ²
который N ₁ Vf	18a, 21b, 34b	18a, 21b, 34b	18a	16a (18a), 23 (33), 24b (34b)	16a (18a), 23 (33), 24b (34b)	16a (18a), 23 (33), 24b (34b)
PP (= P NP [= который N ₁] Vf кто ₁ Vf	приписка	приписка				
что _d /што ₄ Vf			3a	3a	3a	3a
без союза	5	5	3	15	15	14

В таблице приняты следующие сокращения: N (имя, именная часть речи), NP (именная группа), Part. (причастие), PrdN (имя предиката, именная часть сказуемого), PP (предложная группа), Pt (местоимение), V (глагол), Vf (личный глагол), V_{inf} (инфинитив). Цифровые индексы после N указывают на падеж, т. е. 1 = ИП, 3 = ДП, 4 = ВП. Предложенные схемы не отражают предикативную структуру предложений. Они фиксируют пре- или постпозицию сказуемого по отношению к подлежащему. При этом не принимается во внимание, отделено ли сказуемое от подлежащего другими членами предложения или нет, поскольку на данном этапе работы этот аспект не имеет значения. Для каждого списка указываются статьи и параграфы; при статьях голландской редакции в скобках называются соответствующие статьи рижской редакции.

Предложенная статистика показывает высокую степень вариативности в использовании средств, вводящих условную конструкцию в рижской редакции договора. Прежде всего эту функцию выполняют восемь подчинительных союзов. Самый частотный из них — церковнославянский союз *аще*, в списках D и E один раз представленный русифицированной формой *аче*. Даже если рассматривать *аче* как самостоятельный союз, вывод о широком употреблении *аще* в рижской редакции договора останется неизменным. За *аще* следует по частотности союз *или*, который, однако, в большинстве случаев используется не в начале статьи, а во втором параграфе, в значении ‘если же’. В началах статей чаще, чем *или*, употребляются союзы *оже* и *аже*. Последний один раз встречается в комбинации с формой *будет*, функционирующей не как личная форма лексического или вспомогательного глагола, но образующей вместе с *аже* условную конструкцию. Четыре раза условное придаточное вводится условно-временным союзом *како*. По одному разу используются союзы *коли*, *али* и *иже*, при этом *али* зафиксирован в списках D и E, а *иже* только в списке D. Условное значение придаточного может, кроме того, обозначаться частицей *ли*, поставленной после личной формы глагола. Наконец, четыре раза в списках D и E и три раза в списке F условное значение имеют бессоюзные конструкции.

В готландской редакции наблюдается совершенно иная картина. Наиболее часто употребляется союз *аже*, на что уже обращал внимание В. И. Борковский [1958: 167]. Более того, это единственный союз, которым вводятся условные предложения в готландской редакции. Других условных союзов эта редакция не знает.

Союз *како* зафиксирован только в списке B как вариант чтения сложной конструкции *како тако воудѣте · како*, вводящей условное предложение в списках A (lin. 73) и C (lin. 52, здесь: *како то вудеть · како*) и имеющей значение ‘если случится, что’, ‘в случае, когда/если’. Показательно то, что подобного рода выражения были широко распространены в немецкоязычных грамотах. Они засвидетельствованы в многочисленных вариантах, как с глаголами *sîn* и *wesen*, так и с *geschehen*, *beschehen*, *komen* и др.: *Vñ beschehe ðch daf, daf...* или *Queme id oug also, dat...* [Schulze 1975: 124–128, цит. по 127]. В средненижнемецкой версии новгородского торгового договора 1268/69 г. условные предложения статьи 15 вводятся выражениями *So wat so* и *So wat sake*, а в статье 17 — *Is dhat sake, dhat...* (см. текст в [Goetz 1916: 134, 142; Squires 2009: 207]). С помощью подобных выражений могут вводиться условные предложения в Новгородской скре, в списках которой *Comet oc* варьируется с *Is it ouc sake, dat* [Schra: 58, § 5]), и засвидетельствованы такие конструкции, как *Is it ouc also, das* [Ibid.: 76, § 19], *Is dat also dat* и *Weret ouc also, dat* [Ibid.: 78, § 20], *Wante koemet it also, dat* [Ibid.: 106, § 57]. Все они передают одно и то же значение — ‘если случится, что’ — и являются альтернативным средством для ввода условных предложений. В конструкции *како тако воудѣте · како* с большой долей вероятности следует видеть синтаксический германизм. Писец списка B,

скорее всего, счел ее языковое оформление излишним и сократил ее до более знакомого ему союза *како*. Однако это единственный случай использования этого союза только в одном из трех списков готландской редакции договора. Поэтому мы не считаем его показательным.

Еще один синтаксический германизм, по нашему мнению, представлен в статье 9, немецкое влияние на которую проявляется также на лексико-семантическом уровне, а именно в использовании выражения *вести ко железу горячему* [Kiparsky 1939: 85] (см. подробно [Подтергерера 2021: 703–704]): Русиноу не вѣсти латинина · ко жельзоу горячемоу · аже самъ възхочетъ (A: lin. 34), т. е. ‘Русин не должен отправлять латинянина на испытание горячим железом, но разве что тот сам захочет [*var.*: если только тот сам не захочет]’. Союз *аже* в данном случае вводит эксцептивную, т. е. содержащую исключаящее условие, конструкцию со значением ‘если только (не)’, ‘разве что’. В латинском тексте на этом месте ожидался бы союз *nisi*. С точки зрения восточнославянского языка обращает на себя внимание отсутствие отрицания в придаточном предложении. Это объясняется, как мы думаем, тем, что предложение построено по немецкой модели эксцептивных условных конструкций: поскольку матричное предложение уже содержит отрицание, в условном придаточном оно опущено [Ullsperger 1880: XV]. В немецких грамотах XIII в. такие предложения могли вводиться полифункциональным союзом *wande/wanne/wan daz*, употребляющимся в том числе в условных предложениях [Schulze 1975: 139; 2011: 153–154].

Особенно показательны то, что в готландской редакции в три раза чаще используются бессоюзные условные конструкции. Это конструкции разного типа. По одному разу в списках А и С встречается назывное предложение (статья 2) в функции условного придаточного; в списке В оно выпущено без нарушения смысла статьи. Также по одному разу во всех трех списках зафиксировано неопределенно-личное предложение (статья 3с). В семи случаях в списке А, в восьми — в списке В и в шести — в списке С условное значение передается двусоставными предложениями с прямым (N V) и обратным (V N) порядком слов. При этом обратный порядок слов встречается чаще, хотя в то же время следует учитывать то, что во многих случаях с обратным порядком слов с глагола начинается второе условное предложение. Данное обстоятельство не позволяет сделать убедительных выводов о тенденции начинать условные предложения с глагола. В придаточных условия, введенных с помощью союза *аже*, порядок N V и порядок V N встречаются одинаково часто в обеих редакциях. Однако в придаточных условия с церковнославянским союзом *аще* для явно большего количества примеров характерна постройка подлежащего перед сказуемым. Не делая в связи с этим никаких выводов, мы тем не менее подчеркнем, что показателен сам факт, что в готландской редакции одно- и двусоставные предложения без союза во многих случаях могут иметь условное значение в сложноподчиненной конструкции, тогда как в рижской редакции зафиксировано только по одному такому случаю в каждом списке. Бессоюзные

условные предложения были широко распространены в языке немецких правовых актов и в том числе в немецкоязычных грамотах [Schulze 2011: 28]. Как уже упоминалось, в древневосточнославянском языке они были также возможны. Однако мы не можем исключить того, что их более частое употребление в списках готландской редакции поддерживалось именно влиянием немецкого оригинала или немецкой традиции составления грамот вообще.

Отдельного комментария заслуживают формы второго будущего (предбудущего). В древнерусской письменности они использовались как в оригинальных, так и в переводных текстах [Пенькова 2014; 2019]. В Смоленской грамоте они представлены только в статье 12 обеих редакций. Статья 1b списка С готландской редакции, формально также содержащая второе будущее, непоказательна, поскольку соответствующее чтение возникло в результате переинтерпретации текста: *Аже будетъ хотѣлъ* погубити, ѿ гривна сѣбра [sic!] платити (С: lin. 12), ср. исходное: *Аже боудѣте хѣлѣтъ* оубитъ : ѿ гривна сѣрѣбра заплатити (А: lin. 14–15). Во всех случаях формы предбудущего в статье 12 используются в условном протасисе и сохраняют ретроспективность (о важности этого критерия см. [Пенькова 2018]), дополнительно выраженную наречиями времени:

- (12a) [a] аще которзи немчичь оучинитъ насилье надъ волною женою · смоленскѣ а дотолѣ не слѣшати бѣло владне ее · ѿ гривнъ сѣрѣбра за соромъ · [b] та жо правда боуди роусиноу въ ризе на готѣскомъ верезѣ · [c] *боудет ли* дотолѣ бѣла · гривна сѣрѣбра за соромъ · [d] аще которзи немчичь оучинитъ насилье надъ робою гривна сѣрѣбра за соромъ (D: lin. 62–67);
- (12b) [a] Аже латинескзи члѣвкѣ · оучинитъ насилне свободнѣ жене · а *боудѣтъ* пѣреже на неи не бѣмъ сорома : за то платити гривнъ ѿ сѣрѣбра : [b] Тага правда оузати роусиноу · оу ризѣ · и на готѣскомъ верезе : [c] Аже *боудѣте* пѣрѣвѣ на нѣи сѣрѣмъ бѣмъ · взати ни гривна сѣрѣбра за насилне : [d] Аже насилоучетъ робѣ · а боудоучѣ на него послуси · дати емуу гривна сѣрѣбра (...) (А: lin. 40–42).

В параграфе [c] рижской редакции условное значение эксплицитно передано частицей *ли*. Личная форма вспомогательного глагола, образующего предбудущее время, используется в абсолютном начале предложения, в котором оговаривается обратная ситуация по сравнению с ситуацией при условии в предложении [a]. В готландской редакции в той же статье предбудущее используется дважды: как дополнительное условие в параграфе [a] в условном предложении, в котором основное условие введено союзом *аже*, и как обратное условие в предложении [c], введенном условным союзом *аже*. Таким образом на уровне языка достигается параллелизм синтаксических конструкций, передающих условия, от которых зависят санкции. Кроме того, в предложении [a] с помощью предбудущего маркируется значение условия в условии — ‘если... и при этом если окажется, что’, тогда как в том же предложении списка D подана ситуация, разъясняющая усло-

вие. Несмотря на то что во всех трех случаях сохраняется значение ретроспективности, сложное будущее одновременно функционирует как средство, поддерживающее образование условных конструкций, что особенно очевидно в готландской редакции договора.

Самостоятельную разновидность двусоставных условных придаточных представляют конструкции, именная часть которых состоит из неопределенного местоимения *который* и существительного. При образовании условных предложений такого типа может дополнительно использоваться условный союз, как в статье 12 рижской редакции, в параграфах [a] и [d], см. пример (12a). Но, кроме того, они могут конструироваться без союза. Как показывает Таблица 2, в диспозиции рижской редакции договора представлено четыре случая бессоюзной связи с предложениями, содержащими группу ⟨который + N⟩, а в готландской редакции — три. В двух случаях это совпадающие по содержанию предложения: во-первых, статья 18а всех трех списков рижской редакции и соответствующая ей статья 16а всех трех списков готландской редакции, во-вторых, статья 34b в списках D и E (в списке F данное место выпущено) и соответствующая ей статья 24b в списках A, B и C. Статья 21 рижской редакции с группой ⟨который + N⟩ в параграфе [b] переформулирована и иначе структурирована в готландской редакции, поэтому здесь невозможны прямые сравнения. Эта же конструкция зафиксирована в приписке к спискам D и E. Показательно, что она используется в рамках предложной группы, также задающей условное значение: *а на которомь подворьи стоять немци · или гость немьцьскни · не поставити на томь дворѣ князю · ни татарина · ни иного которого пивсла* (D: lin. 162–165). Но и в данном случае сравнение невозможно, поскольку нет соответствующего места в списках A, B и C. Любопытно сравнить статью 23 готландской редакции (A) с параллельной ей статьей 33 рижской редакции (D):

(13a) *аще роусинъ или немчичъ иметь тате въ своего товада в томь его вола*
(D: lin. 124–125);

(13b) *Которзи роусинъ · или латинескзи · иметь тата · надъ тѣмь немюу своа
въла* (A: lin. 66).

В списке D условие вводится с помощью союза *аще*, в списке A условное значение передается конструкцией с группой ⟨который + N⟩. Это типичный случай, когда предложение с союзной связью рижской редакции заменяется в готландской редакции синонимичным ему бессоюзным предложением. Еще один такой случай с группой ⟨который + N⟩ представлен в заключительной части договора, а именно в санкции, в которой высказывается угроза за несоблюдение описанных в договоре соглашений¹⁰. Заметим, что санкция также является составной частью западного формуляра грамот [Чиркова 2019: 30–31].

¹⁰ Примеры с условной конструкцией, вводимой группой ⟨который + N⟩, встречаются и в других древнерусских памятниках (см. [СДРЯ IV: 275–277]). Однако в СДРЯ эта конструкция не рассматривается как условная.

- (14a) аще къторзи роусинъ или немчичъ противити възхочеть сеи правде · да тъ противенъ боу и сви правдъ (D: lin. 156–158);
- (14b) которзи роусинъ · или латинескзи · противоу сеи правды мълвити · того почести за лихши моужь (A: lin. 100–101).

В отличие от всех предыдущих примеров, в данном случае перед нами относительное предложение, представляющее собой обращение и одновременно задающее условие. Условно-относительные предложения, особенно как в примере (14b), были распространены в латинском языке, но также и в средневековых немецкоязычных грамотах и в том числе в текстах на средненижнемецком языке [Figge 1978; Lötscher 1992; Dreessen, Ihden 2016: 23–25]. В дальнейших исследованиях Смоленской грамоты с точки зрения языковых контактов данному аспекту следует посвятить специальное внимание. Это же касается обобщающих относительных предложений, начинающихся с *кто* и функционирующих как условные. Они также встречаются в готландской редакции Смоленской грамоты (см. Таблицу 2; статья 3а в списке F рижской редакции малопоказательна, поскольку это поздний список) и были характерны для немецкоязычных грамот [Schulze 2011: 28, 102–103].

Значительный интерес вызывает тот факт, что в рижской редакции условные предложения с группой ⟨который + N⟩ употребляются чаще, чем в готландской, при этом в большинстве случаев в комбинации с условными союзами и особенно с союзом *аще*. В готландской редакции эта группа ни разу не используется в сочетании с союзом. Кроме того, в рижской редакции встречаются условные предложения, вводимые союзом и начинающиеся с местоимения *кто* (см. Таблицу 2). В готландской редакции нет ни одного такого предложения. Для подобного рода конструкций можно найти немало соответствий как в латинских, так и в немецкоязычных грамотах XIII в. Однако эти конструкции хорошо известны и по древнецерковнославянским текстам: они были особенно распространены в памятниках церковного права [СССЯ II: 56–57]. В большом количестве они встречаются, например, в Ефремовской кормчей (XII в.): *Аште которзи епѣъ <...> сѣзи днь пасхы · преже весныааго равньо-дньства съ иудеи сътворитъ · да извържетьса [КЕ: 63], Аште кто съ неприобьштагштимьса любо и въз домж помолитьса · тъ да отълоучитьса [Там же: 64] и мн. др.* Показательно, что в древнерусской грамоте Варлаама Хутынского, датируемой 1192–1210 гг. [Зализняк, Янин 1992/93: 197], в качестве одного из церковнославянских элементов в тексте, составленном на письменных идиомах древневосточнославянского языка, в санкции используется именно условная конструкция *аще кто*: *аще кто дьявол[ъ]мъ п[о]-[ъ]чєнъ и злыми члвкы зваж[єнъ] <...> а боуди емоу против[ьн] сѣи спсѣ · и въз съ вѣкъ и въз боудуции [Там же: 186]¹¹.*

¹¹ Ряд примеров с *аще кто* в условных предложениях зафиксирован в [СДРЯ IV: 376–378], однако они не выделены в самостоятельную — условную — конструкцию.

Если внимательно присмотреться к составу делегации, посланной в 1229 г. смоленским князем в Ригу для заключения договора, станет понятным, кто конкретно мог стоять за церковнославянскими формулировками Смоленской грамоты, которые отражаются в рижской редакции: князь мьстиславъ дѣвчъ послалъ свое мѹже · геремея попа · пантелея сотьского (D: 5–6). В готландской редакции Еремей называется *лучшим попом* (A: lin. 4), что следует, вероятно, читать как ‘много раз испытанным’ (*vir probatus, wise man*). Как клирик, Еремей был знаком с церковнославянской традицией и в том числе с церковным правом и владел книжным языком.

Церковнославянский элемент в тексте договора не является случайным. Приближаясь таким образом к церковнославянской парадигме, текст становился легитимным, т. е. получал юридическую силу. Вместе с тем он следовал традиции использования церковнославянских формульных конструкций в древнерусском письменном узусе. Сохранившийся в приложении к договору Александра Невского с немцами (1262/63 г.) и свободный от церковнославянского влияния список договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами (1190-е гг.) не противоречит этому тезису. Новгородский договор конца XII в. не был ратифицирован, поэтому он и не оформлен как грамота. Уже Л. К. Гётц подчеркивал, что данный текст представляет собой лишь проект, т. е. черновик договора (*Vertragsentwurf*), подготовленный и позже даже используемый новгородской стороной, но не получивший легитимного статуса международного договора [Goetz 1916: 63–72]. Формуляр договора в тексте не выдержан: нет даты, не называются свидетели, не упоминается клятвенное целование креста и т. д. Отсутствие церковнославянского элемента в данном случае объясняется именно тем, что сохранившийся текст имел чисто практическое значение: новгородцы приготовили его для себя, чтобы на основании этого черновика вести переговоры с немцами. Тем не менее данный текст не является окончательной версией договора. Как не ратифицированный черновик, новгородский договор 1190-х гг. не был легитимным, что и объясняет отсутствие в нем церковнославянской стихии.

Таким образом, становится очевидным, что Смоленская грамота находится на стыке различных письменных традиций: как славянских (восточнославянские письменные идиомы, церковнославянская письменность), так и западноевропейских (латинской и немецкой). При этом следы иноязычного влияния ощутимы не только в начальном и конечном протоколе, но и в основном тексте грамоты. Данный аспект должен непременно стать предметом специальных исследований.

7. Необходимо принимать во внимание тот факт, что текст смоленского договора в обеих его редакциях был плодом коллективной работы членов делегации, которые непосредственно вели переговоры, а также переводчиков, свидетелей и писцов. Вряд ли следует сомневаться в том, что предварительно были изготовлены проекты текста с обеих сторон: как с немец-

кой, так и с восточнославянской. Упомянутый выше проект договора Новгорода с немцами 1190-х гг., как и предоставленный в 1268 г. немецкой стороной латинский проект договора с Новгородом (см. 4), свидетельствуют о том, что черновики договоров изготавливались заранее. Но окончательный текст договора возник в результате переговоров, которые в 1229 г. велись двумя названными в тексте по имени контрагентами (Рольфом из Касселя с немецкой стороны и немцем Тумашем Михалевичем из Смоленска со славянской стороны). Их разговор должен был переводиться для присутствующих при переговорах свидетелей. Переговоры вполне могли вестись на немецком языке, но при этом обсуждался и для немецкой стороны заново создавался текст на латинском языке, для которого участники смоленской делегации должны были составить восточнославянскую версию (см. о роли латыни и народных языков при ведении устных переговоров в Средние века и раннее Новое время [Науе 2005: 1–68]). Мы до сегодняшнего дня не знаем, в чем заключалась роль попа Еремея и сотского Пантелея: были ли они сторонними наблюдателями или вместе с Тумашем-смоляннином непосредственно участвовали в переговорах, или, может быть, они контролировали создание текста, за письменную фиксацию которого отвечали писцы. Церковнославянизмы в тексте договора свидетельствуют о том, что в работу над ним, вероятно, был вовлечен священнослужитель. Рижская редакция, как мы полагаем, достаточно близко воспроизводит оригинал 1229 г. или, по крайней мере, восходит к нему.

Переработанная в 1284 г. готландская редакция договора также возникла в результате коллективного труда, но в другой социолингвистической ситуации — в ситуации, когда немецкая сторона признавала легитимность текстов, написанных на родном языке. Тем не менее невозможно полностью исключить того, что при этом продолжал использоваться латинский текст, например текст 1229 г. или текст, положенный в основу рижской редакции, если это действительно был текст с обновленным содержанием. Кроме того, мы должны принять во внимание факт обмена экземплярами договора, на который указывали П. В. Голубовский и Л. К. Гётц. Это поможет лучше понять ряд содержательных и языковых особенностей текста готландской редакции.

В исторической русистике утвердилось мнение, что языковым эталоном для текстов типа Смоленской грамоты служила Русская правда, задававшая образцы для структуры и языкового оформления не книжных правовых текстов. При этом Смоленская грамота рассматривается как частное явление по отношению к Русской правде, игравшей центральную роль [Гиппиус 1996: 55]. Это мнение может быть справедливым для готландской редакции договора (1284 г.), но его сложнее применить к рижской редакции, восходящей, судя по всему, к оригиналу договора 1229 г. Следует учитывать, что самые ранние списки Русской правды возникли несколько десятилетий спустя после заключения смоленского договора. При реконструкции ранних версий Русской правды необходимо все же принимать во вни-

мание роль устной традиции и тот факт, что в XII и в начале XIII в. еще не существовало или было очень слабым осознание необходимости письменной фиксации правовых актов на письменных разновидностях народного языка. Гражданское право оглашалось устно. Напомним в связи с этим позицию В. М. Живова, в свое время замечавшего, что на основании того, что в древней Руси, судя по данным берестяных грамот, была распространена элементарная грамотность, невозможно сделать выводов о том, что в XI–XII вв. «судопроизводство основывалось на писанном праве. Более правдоподобно, что в это время, как и в дописьменный период, юридические тексты выучивались наизусть» [Живов 2002: 224, прим. 37]. Тем не менее В. М. Живов не исключает наличие письменного текста, по которому проводилось обучение.

Аренга Смоленской грамоты, будучи риторической формулой, одновременно отражает важный этап в истории европейских письменных традиций — переход от устного к письменному заключению правовых актов на народных идиомах. Это был общеевропейский процесс, в который оказалась вовлечена древнерусская письменность в рамках экономических, политических и культурных контактов с латинским Западом.

Сегодня все еще распространено мнение о том, что в функциональной парадигме древнерусской письменности не было места для латинского языка. Это мнение ошибочно, и от него следует полностью отказаться. Латинский язык функционировал как язык западной дипломатии и, соответственно, как язык для контактов с западной Европой. Для поддержания контактов с латинским Западом восточнославянские князья располагали подданными, которые обеспечивали для них эти контакты и были в состоянии соотнести западные (латинские, но позже и немецкие) тексты с древнерусским языковым узусом и с церковнославянской письменной традицией. Древнерусский язык как письменный язык находился в контакте с другими письменными языками Европы. Ярким примером, иллюстрирующим этот тезис, является Смоленская грамота 1229 г. Причем история ее редакций отражает один из важнейших процессов европейского языкового развития — вытеснение латыни народными идиомами в сфере гражданского и международного права. На фоне этого процесса сферу гражданского и международного права осваивает древнерусский язык.

Источники и словари

ГрВКЛ — Грамоты великих князей литовских сь 1390 по 1569 годъ / Собр. и изд. под ред. В. Антоновича и К. Козловскаго. Киевъ, 1868.

КЕ — (Кормчая Ефремовская) Древне-славянская кормчая XIV титуловъ безъ толкованій. Трудъ В. Н. Бенешевича. СПб., 1906.

КнПал — (Книга паломник) A. J o u r a v e l. Die Kniga palomnik des Antonij von Novgorod. Edition, Übersetzung, Kommentar (Imagines Medii Aevi. Interdisziplinäre Beiträge zur Mittelalterforschung. Bd. 47). Wiesbaden, 2019.

ПолГр — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич (отв. ред.), С. В. Полехов (зам. отв. ред.), В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин. Т. II. М., 2015.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–IV. М., 1988–1991; Т. VIII. М., 2008.

СССЯ — Словарь старославянского языка. Репринт. изд. СПб., 2006. Т. 2.

СмолГр — Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печ. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. М., 1963.

CaOU — F. Wilhelm et al. Corpus der altdeutschen Originalurkunden bis zum Jahr 1300. Lahr, 1932–2004. 5 Bde. Электронный ресурс. URL: <http://tcdh01.uni-trier.de/cgi-bin/iCorpus/CorpusIndex.tcl> (дата обращения: 14.10.2020).

Georges — K. E. Georges. Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch, aus den Quellen zusammengetragen und mit besonderer Bezugnahme auf Synonymik und Antiquitäten unter Berücksichtigung der besten Hilfsmittel ausgearbeitet. Bd. 2. Darmstadt, 1998 (Reprint der Ausgabe: Hannover, 1918).

KDW II — Kodeks dyplomacyjny wielkopolski. T. 2: Zawiera numera 617–1292 lata 1288–1346. Poznań, 1878. Электронный ресурс. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/12462/edition/20067/content?> (дата обращения: 17.01.2021).

LUB I — см. [Bunge 1853].

Schra — W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhundert. Lübeck, 1916.

Treaty — J. Schaeken. The 1229 Treaty between Smolensk, Riga and Gotland (version A). Электронный ресурс. URL: <http://www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/1229/index.html> (дата обращения: 18.09.2020).

Л и т е р а т у р а

Бондарко 2001 — Н. А. Бондарко. Средневерхнемецкая грамота XIII в. как жанр деловой прозы // Ученые записки молодых филологов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. С. 5–25.

Борковский 1944 — В. И. Борковский. Смоленская грамота 1299 года — русский памятник // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. Вып. 1. Гуманитарные науки. 1944. С. 27–46.

Борковский 1958 — В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Гиппиус 1996 — А. А. Гиппиус. «Русская правда» и «Вопрошание Кирика» в Новгородской кормчей 1282 г. (к характеристике языковой ситуации древнего Новгорода) // Славяноведение. 1996. № 1. С. 48–62.

Голубовский 1895 — П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст. Киевъ, 1895.

Живов 2002 — В. М. Живов. История русского права как лингвосомиотическая проблема. Postscriptum // В. М. Живов. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 187–305.

Зализняк 1981 — А. А. Зализняк. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. М.: Наука, 1981. С. 89–107.

Зализняк, Янин 1992/93 — А. А. З а л и з н я к, В. Л. Я н и н. Вкладная грамота Варлаама Хутынского // *Russian Linguistics*. 1992/93, 16 (2/3). С. 185–202.

Зимин 1953 — А. А. З и м и н. 1229 г. Договор Смоленска с Ригою и Готским берегом // А. А. Зимин (сост.). Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. (Памятники русского права. Вып. 2). М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1953. С. 54–98.

Иванов, Кузнецов 2009 — А. И в а н о в, А. К у з н е ц о в. Смоленско-рижские акты: XIII в. — первая половина XIV в.: Документы комплекса *Moscowitica — Ruthenica* об отношениях Смоленска и Риги. (Исторические источники. Вып. 6). Рига: Латвийский государственный исторический архив; Латвийское общество архивистов; Институт исследования Латгалии Даугавпилсского университета, 2009.

Колесов 1989 — В. В. К о л е с о в. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989.

Кошкин 2008 — И. С. К о ш к и н. Русско-германские языковые контакты в грамотах Северо-Запада Руси XII–XV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.

Кучкин 1966 — В. А. К у ч к и н. О древнейших смоленских грамотах // *История СССР*. 1966. 2. С. 103–114.

Лавров 1941 — Б. В. Л а в р о в. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л., 1941.

Ларин 2005/1975 — Б. А. Л а р и н. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). 2-е изд., испр. СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2005.

Лихачев 1928 — Н. П. Л и х а ч е в. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928.

Литвина 2002 — А. Ф. Л и т в и н а. Аренга: судьба латинской формулы в восточнославянских документах // Т. М. Николаева (отв. ред.). Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 315–351.

Пенькова 2014 — Я. А. П е н ь к о в а. К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // *Русский язык в научном освещении*. 2014. № 1 (27). С. 150–184.

Пенькова 2018 — Я. А. П е н ь к о в а. От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы // *Вопросы языкознания*. 2018. № 2. С. 53–70.

Пенькова 2019 — Я. А. П е н ь к о в а. Второе будущее (предбудущее) в древне-новгородском диалекте: время или наклонение? // *Russian Linguistics*. 2019. 43 (1). С. 65–78.

Петрухин 2012 — П. В. П е т р у х и н. К вопросу о языке Смоленской договорной грамоты 1229 г. // От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 477–488.

Петрухин 2013 — П. В. П е т р у х и н. О датировке списка А договора Смоленска с Ригой и Готским берегом // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013)*. 2013. С. 161–178.

Подтергера 2021 — И. А. П о д т е р г е р а. Смоленская грамота 1229 года в научном освещении // И. М. Ладыженский, М. А. Пузина (отв. ред.). *Sub specie aeternitatis: Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько*. М.: ИЦ Азбуковник: ЛЕКРУС, 2021. С. 686–714.

Сквайрс, Фердинанд 2002 — Е. Р. Сквайрс, С. Н. Фердинанд. Ганза и Новгород. Языковые аспекты исторических контактов. М.: Индрик, 2002.

Соболевский 2006/1886 — А. И. Соболевский. Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2. Статьи и рецензии. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 121–132.

Схакен 2002 — Й. Схакен. Цоканье в смоленских грамотах XIII–XIV вв. // А. А. Гиппиус et al. (ред.). Берестяные грамоты. 50 лет открытия и изучения. Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г. М.: Индрик, 2002. С. 321–331.

Успенский 1950 — С. М. Успенский. Язык смоленских грамот XII–XIV вв. // Филологический сборник. Смоленск: Смоленское областное гос. изд-во, 1950. С. 5–148.

Хрусталёв, Бондарь 2011 — Д. Г. Хрусталёв, Л. Д. Бондарь. Проект торгового соглашения Новгорода с Любеком и Готландом 1268/1269 гг. (латинская грамота) // Новгородский исторический сборник. 2011. 12 (22). С. 453–480.

Чиркова 2019 — А. В. Чиркова. Западноевропейская дипломатика Средних веков и Раннего Нового времени. СПб.: Нестор-История, 2019.

Якубинский 1953 — Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953.

Янин 1970 — В. Л. Янин. К вопросу о датировке экземпляров Д и К «Смоленской правды» // Археографический ежегодник за 1968 год. М.: Наука, 1970. С. 102–108.

Boonen 2010 — U. K. Boonen. Die mittelniederländische Urkundensprache in Privaturkunden des 13. und 14. Jahrhunderts. Vorlagen, Normierung, Sprachgebrauch (Niederlande-Studien. Bd. 47). Münster etc.: Waxmann, 2010.

Bratishenko 2002 — E. Bratishenko. On the authorship of the 1229 Smolensk–Riga trade treaty // Russian Linguistics. 2002. 26. P. 345–361.

Bunge 1853 — F. G. Bunge, von (= Ф. А. Бунге). Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 1 (1093–1300). Reval; Dorpat, 1853 [= LUB I].

Dreessen, Ihden 2016 — K. Dreessen, S. Ihden. Mittelniederdeutsche Schragen des Baltikums. Eine textlinguistische Untersuchung Tallinner und Rigaer Zunftordnungen des 14. bis 16. Jahrhunderts // Niederdeutsches Jahrbuch. 2016. 139. S. 7–36.

Fichtenau 1957 — H. Fichtenau. Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Erg.-Bd. 18). Graz; Köln: Verl. H. Böhlau Nachf., 1957.

Figge 1978 — U. L. Figge. Zum konditionalen Relativsatz im Lateinischen und im Französischen // Romanistisches Jahrbuch. 1978. 29. S. 17–32.

Fortuin 2011 — E. Fortuin. Iconicity, economy and frequency: the paratactic conditional perfective present construction in Russian // Russian Linguistics. 2011. 35 (1). P. 89–123.

Goetz 1916 — L. K. Goetz. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. (Abh. des Hamburgischen Kolonialinstituts. Bd. 37. Reihe A. Rechts- und Staatswissenschaften. Bd. 6). Hamburg, 1916.

Haye 2005 — T. Haye. Lateinische Oralität. Gelehrte Sprache in der mündlichen Kommunikation des hohen und späten Mittelalters. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2005.

Kiparsky 1939 — V. Kiparsky. Rezension zu: [Gertrud Schmidt, Das Eindringen der hochdeutschen Schriftsprache in der Rigaschen Ratskanzlei (Mitteilungen aus der baltischen Geschichte [N. F. der Mitteilungen a. d. livländischen Geschichte], herausg.

von der Gesellschaft für Geschichte u. Altertumskunde zu Riga, 1. Band, 1. Heft) Riga, 1938. Verlag E. Bruhns, Buchhandlung, VIII + 88 Seiten in 8⁰, 17 Abbildungen der Handschriftenproben] // Neuphilologische Mitteilungen. 1939. 40 (1). S. 83–87.

Kiparsky 1960 — V. K i p a r s k y. Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229 aufgesetzt? // Neuphilologische Mitteilungen. 1960. 61 (2). S. 244–247.

Klenin 1983 — E. K l e n i n. Animacy in Russian. A new interpretation. (UCLA Slavic Studies. Vol. 6). Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1983.

Klenin 2003 — E. K l e n i n. The Smolensk trade treaty of 1229 (copy A): observations on pragmatics, text boundaries, and orthographic variation // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 247–259.

Kunik 1868 — A. A. K u n i k. Anhang. № I. Handelsvertrag des Fürsten Mstislaw II. Dawydowitsch von Smolensk mit Riga und der niederdeutschen Handelsgesellschaft auf Gothland im J. 1229. Nach drei Redactionen. № II. Erneuter Handelsvertrag eines Fürsten von Smolensk mit Riga und Gothland, in welchem die gegenseitigen Rechte und Pflichten russischer und deutscher Kaufleute auf Grundlage des Vertrages von Mstislaw Dawydowitsch festgestellt werden. (Ohne Datum, zwischen 1230–1270, vielleicht von einem Fürsten Rostislaw zwischen 1240–1250 abgefasst.) // [Napiersky 1868: 403–453].

Lehrberg 1816 — A. C h r. L e h r b e r g. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands. St. Petersburg, 1816.

Lötscher 1992 — A. L ö t s c h e r. Relativsätze mit konditionaler Funktion im Mittelhochdeutschen — Reanalyse oder Grammatikalisierung? // Folia Linguistica Historica. XIII (1/2). S. 167–187.

Nagel 2002 — N. N a g e l. Die mittelniederdeutschen Wunstorfer Urkunden von 1290 und 1303 — zwei Fälschungen aus dem 14. Jahrhundert? Ein Beitrag zum Stand der Erforschung der mittelniederdeutschen Urkunden der Zeit um 1300 // Niederdeutsches Jahrbuch. 2002. 125. S. 27–81.

Napiersky 1868 — K. E. N a p i e r s k y. Russisch-livländische Urkunden. St. Petersburg, 1868.

Peters 2012/1986 — R. P e t e r s. Das Mittelniederdeutsche als Sprache der Hanse // Peters R. Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003 / Hrsg. von R. Langhanke. Bielefeld: Verl. für Regionalgeschichte, 2012. S. 279–297.

Petrukhin 2013 — P. P e t r u k h i n. War der deutsch-russische Vertrag von 1229 das erste Dokument in mittelniederdeutscher Sprache? // Niederdeutsches Jahrbuch. 2013. 136. S. 7–19.

Reiffenstein 1969 — I. R e i f f e n s t e i n. Deutschsprachige Arengen des 13. Jhs // D. Albrecht et al. (Hrsg.). Festschrift für Max Spindler zum 75. Geburtstag. München: Beck, 1969. S. 177–192.

Reiffenstein 1986 — I. R e i f f e n s t e i n. Zur Begründung der Schriftlichkeit in deutschen Urkunden des 13. Jahrhunderts // K. Hauck et al. (Hrsg.). Sprache und Recht. Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelalters. Festschrift für Ruth Schmidt-Wiegand zum 60. Geburtstag. Bd. II. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1986. S. 659–669.

Rossignol, Adamska 2016 — S. R o s s i g n o l, A. A d a m s k a (Hrsg.). Urkundenformeln im Kontext. Formen der Schriftkultur im Ostmitteleuropa des Mittelalters (13.–14. Jahrhundert) (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Bd. 65). Wien: Böhlau, 2016.

Schaeken 2001 — J. S c h a e k e n. L'orthographe de la charte de Smolensk de 1229, version A // Slavica occitania. 2001. 12. S. 327–341.

Schaeken 2003 — J. S c h a e k e n. Zur Spracheinheit im Korpus der Smolensker Urkunden des 13.–14. Jahrhunderts // S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger (Hrsg.). Русис-

тика — Славистика — Лингвистика. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag (Die Welt der Slaven. Sammelbände/Сборники. Bd. 19). München: Sagner, 2003. S. 261–272.

Schulze 1975 — U. S c h u l z e. Lateinisch-Deutsche Parallelurkunden des 13. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Syntax der mittelhochdeutschen Urkundensprache. (Medium aevum. Philologische Studien. Bd. 30). München: Willhelm Fink Verlag, 1975.

Schulze 2011 — U. S c h u l z e. Studien zur Erforschung der deutschsprachigen Urkunden des 13. Jahrhunderts. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011.

Sonderegger 1987 — S. S o n d e r e g g e r. Die ältesten deutschsprachigen Urkunden aus der Schweiz // M. Dyrh, J. Olsen (Hrsg.). Festschrift für Karl Hyldgaard-Jensen (Kopenhagener Beiträge zur germanistischen Linguistik. Sonderband 3). Kopenhagen: Reitzel, 1987. S. 248–263.

Squires 2009 — C. S q u i r e s. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittel-niederdeutschen mit dem Russischen: mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England (Niederdeutsche Studien. Bd. 53). Köln etc.: Böhlau, 2009.

Steinbauer 1989 — B. S t e i n b a u e r. Rechtsakt und Sprechakt. Pragmalinguistische Untersuchungen zu deutschsprachigen Urkunden des 13. Jahrhunderts (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Germanistische Reihe. Bd. 36). Innsbruck: Inst. für Germanistik, 1989.

Tobien 1845 — E. S. T o b i e n. Die Handels-Verträge Riga's und Gothland's mit Smolensk, vom Jahre 1228 und 1229 n. Chr. // E. S. Tobien (Hrsg.). Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes. Bd. I. Die Prawda Russkaja und die aeltesten Tractate Russlands. Dorpart; Leipzig, 1845. S. 42–72.

Ullsperger 1880 — F. U l l s p e r g e r. Über die syntaktische Verwendung der Verbindung 'wan daz' im Mittelhochdeutschen // Programm des k. k. Staats-Ober-Gymnasiums zu Eger (Böhmen) für das Jahr 1880. Eger, 1880. S. I–XX.

Wilk-Woś 2016 — Z. W i l k - W o ś. *Memoriae commendare*. Memorative Arengen in den Urkunden der Gnesener Erzbischöfe im 14. Jahrhundert // [Rossignol, Adamska 2016: 149–163].

Winkelmann 1991 — O. W i n k e l m a n n. Zur Ablösung des Lateins durch das Französische als Urkundensprache. (Eichstätter Hochschulreden. H. 80). Regensburg: Verlag F. Pustet, 1991.

Wójcik 2016 — M. W ó j c i k. *Diploma Opoliense*. Das Formular der Oppelner Herzogsurkunden im 13. Jahrhundert // [Rossignol, Adamska 2016: 119–147].

Статья получена 27.11.2020

Irina Podtergera

Institute of Slavic Studies, Heidelberg University
(Heidelberg, Germany)

irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

GERMAN, LATIN, AND CHURCH SLAVONIC IN THE LANGUAGE AND TEXT OF THE SMOLENSK TRADE TREATY OF 1229

The Old Russian Smolensk *gramota* of 1229 contains the text of one of the early international treaties between the East Slavs and the society of German traders from Gotland. This article assumes that the older Riga redaction of the treaty was based on Latin linguistic tem-

plates, and that a Middle Low German text was used in the process of drawing up the newer Gotland redaction. The goal of the article is to examine the Smolensk treaty in the context of 13th century Latin and German charters and to ascertain, based on the linguistic composition of select parts of formulae used in it and the syntax of conditional sentences, its connection with the Latin, German, and also the Church Slavonic written traditions. After two introductory sections, in which current views on the dating of both redactions are presented and the problem is stated, the article offers an overview of the results of previous research in which the question of the foreign-language originals of the document has been raised. Emphasis is further laid on linguo-cultural and sociolinguistic aspects of the use of sacred and vernacular languages in writing up legal documents in the 13th century. In the research part of the article, the Smolensk Treaty is analysed with regard to its adherence to Latin formulae, while the reception of these formulae in German is also considered. Very close, nearly word-for-word parallels to the preamble of the Riga redaction of the Treaty can be found in Latin charters composed in Riga in the 13th century. In light of the German tradition of adapting Latin formulae, a new understanding of the preamble of the Gotland redaction is proposed. A systematic analysis of the syntax of conditional constructions makes it possible to demonstrate clearly the differences in the patterns of conditional sentences in both redactions of the treaty, which can be explained by their following different linguistic templates. Some characteristic German syntactic constructions are discovered in the Gotland redaction, while the Riga redaction, which is based on Latin formulae, is shown to be simultaneously associated with the Church Slavonic tradition of legal texts.

Keywords: The 1229 Treaty between Smolensk, Riga and Gotland; Latin diplomatic formulae; German influence on Old East Slavic; language of legal texts; internal and external language contacts

References

- Bondarko, N. A. (2001). Srednevrkhnemetskaia gramota XIII v. kak zhanr delovoi prozy. In E. V. Dushechkina (Ed.), *Uchenye zapiski molodykh filologov* (pp. 5–25). St Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta.
- Boonen, U. K. (2010). *Die mittelniederländische Urkundensprache in Privaturkunden des 13. und 14. Jahrhunderts. Vorlagen, Normierung, Sprachgebrauch*. Münster: Waxmann.
- Borkovsky, V. I. (1958). *Sintaksis drevnerusskikh gramot. Slozhnoe predlozhenie*. Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Bratishenko, E. (2002). On the authorship of the 1229 Smolensk–Riga trade treaty. *Russian Linguistics*, 26, 345–361.
- Chirkova, A. V. (2019). *Zapadnoevropeiskaia diplomatika Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni*. St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Dreessen, K., & Ihden, S. (2016). Mittelniederdeutsche Schragen des Baltikums. Eine textlinguistische Untersuchung Tallinner und Rigaer Zunftordnungen des 14. bis 16. Jahrhunderts. *Niederdeutsches Jahrbuch*, 139, S. 7–36.
- Fichtenau, H. (1957). *Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln*. Graz, Köln: Verl. H. Böhlau Nachf.
- Figge, U. L. (1978). Zum konditionalen Relativsatz im Lateinischen und im Französischen. *Romanistisches Jahrbuch*, 29, 17–32.
- Fortuin, E. (2011). Iconicity, economy and frequency: the paratactic conditional perfective present construction in Russian. *Russian linguistics*, 35(1), 89–123.

Gippius, A. A. (1996). «Russkaia pravda» i «Voproshanie Kirika» v Novgorodskoi kormchei 1282 g. (k kharakteristike yazykovoi situatsii drevnego Novgoroda). *Slavianovedenie*, 1, 48–62.

Haye, T. (2005). *Lateinische Oralität. Gelehrte Sprache in der mündlichen Kommunikation des hohen und späten Mittelalters*. Berlin; New York: W. de Gruyter.

Ivanov, A., & Kuznetsov, A. (2009). *Smolensko-rizhskie akty: XIII v. — pervaiia polovina XIV v.: Dokumenty kompleksa Moscovitica — Ruthenica ob otnosheniakh Smolenska i Rigi*. Riga: Latviiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv; Latviiskoe obshchestvo arkhivistov; Institut issledovaniia Latgalii Daugavpilsskogo universiteta.

Khrustalev, D. G., & Bondar', L. D. (2011). Proekt torgovogo soglasheniia Novgoroda s Liubekom i Gotlandom 1268/1269 gg. (latinskaia gramota). *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 12(22), 453–480.

Kiparsky, V. (1960). Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229 aufgesetzt? *Neuphilologische Mitteilungen*, 61(2), 244–247.

Klenin, E. (1983). *Animacy in Russian. A new interpretation*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers.

Klenin, E. (2003). The Smolensk trade treaty of 1229 (copy A): observations on pragmatics, text boundaries, and orthographic variation. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(6), 247–259.

Kolesov, V. V. (1989). *Drevnerusskii literaturnyi yazyk*. Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta.

Koshkin, I. S. (2008). *Russko-germanskie yazykovye kontakty v gramotakh Severo-Zapada Rusi XII–XV vv.* St Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta.

Kuchkin, V. A. (1966). O drevneishikh smolenskikh gramotakh. *Istoriia SSSR*, 2, 103–114.

Larin, B. A. (2005). *Lektsii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X — seredina XVIII v.)*. 2nd ed. St Petersburg: Avalon; Azbuka-klassika.

Litvina, A. F. (2002). *Arenga*: sud'ba latinskoj formuly v vostochnoslavianskikh dokumentakh. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Slavianskaia yazykovaia i etnoyazykovaia sistemy v kontakte s neslavianskim okruzeniem* (pp. 315–351). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Lötscher, A. (1992). Relativsätze mit konditionaler Funktion im Mittelhochdeutschen — Reanalyse oder Grammatikalisierung? *Folia Linguistica Historica*, 13(1/2), 167–187.

Nagel, N. (2002). Die mittelniederdeutschen Wunstorfer Urkunden von 1290 und 1303 — zwei Fälschungen aus dem 14. Jahrhundert? Ein Beitrag zum Stand der Erforschung der mittelniederdeutschen Urkunden der Zeit um 1300. *Niederdeutsches Jahrbuch*, 125, 27–81.

Penkova, Ya. A. (2014). K voprosu o semantike tak nazyvaemogo budushchego slozhnogo II v drevnerusskom yazyke (na materiale «Zhitiia Andreia Yurodivogo»). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(27), 150–184.

Penkova, Ya. A. (2018). Ot retrospektivnosti k prospektivnosti: grammatikalizatsiia predbudushchego v yazykakh Evropy. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 53–70.

Penkova, Ya. A. (2019). Vtoroe budushchee (predbudushchee) v drevnenovgorodskom dialekte: vremia ili naklonenie? *Russian linguistics*, 43(1), 65–78.

Peters, R. (2012). *Mittelniederdeutsche Studien. Gesammelte Schriften 1974 bis 2003*. Bielefeld: Verl. für Regionalgeschichte.

Petrukhin, P. (2013). War der deutsch-russische Vertrag von 1229 das erste Dokument in mittelniederdeutscher Sprache? *Niederdeutsches Jahrbuch*, 136, 7–19.

Petrukhin, P. V. (2012). K voprosu o yazyke Smolenskoj dogovornoj gramoty 1229 g. In M. Voeikova (Ed.), *Ot znacheniiia k forme, ot formy k znacheniiu: Sbornik statei v chest' 80-letiiia chlena-korrespondenta RAN Aleksandra Vladimirovicha Bondarko* (pp. 477–488). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Petrukhin, P. V. (2013). O datirovke spiska A dogovora Smolenska s Rigoi i Gotskim beregom. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo yazyka (2012–2013)* (pp. 161–178). Moscow: Drevlekhranilishche.

Podtergera, I. A. (2021). Smolenskaia gramota 1229 goda v nauchnom osveshchenii. In I. M. Ladyzhenskii, M. A. Puzina (Ed.), *Sub specie aeternitatis: Sbornik nauchnykh statei k 60-letiiu Vadima Borisovicha Kryz'ko* (pp. 686–714). Moscow: ITs Azbukovnik; LEKSRUS.

Reiffenstein, I. (1969). Deutschsprachige Arengen des 13. Jh.s. In D. Albrecht et al. (Ed.), *Festschrift für Max Spindler zum 75. Geburtstag* (pp. 177–192). München: Beck.

Reiffenstein, I. (1986). Zur Begründung der Schriftlichkeit in deutschen Urkunden des 13. Jahrhunderts. In K. Hauck et al. (Ed.), *Sprache und Recht. Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelalters. Festschrift für Ruth Schmidt-Wiegand zum 60. Geburtstag* (Bd. 2, pp. 659–669). Berlin; New York: W. de Gruyter.

Rossignol, S., & Adamska, A. (Eds.). (2016). *Urkundenformeln im Kontext. Formen der Schriftkultur im Ostmitteleuropa des Mittelalters (13.–14. Jahrhundert)*. Wien: Böhlau.

Schaeken, J. (2001). L'orthographe de la charte de Smolensk de 1229, version A. *Slavica occitania*, 12, 327–341.

Schaeken, J. (2002). Tsokan'e v smolenskikh gramotakh XIII–XIV vv. In A. A. Gippius et al. (Ed.), *Berestiane gramoty. 50 let otkrytiia i izucheniiia. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. (Velikii Novgorod, 24–27 sentiabria 2001 g.)* (pp. 321–331). Moscow: Indrik.

Schaeken, J. (2003). Zur Spracheinheit im Korpus der Smolensker Urkunden des 13.–14. Jahrhunderts. In S. Kempgen, U. Schweier, & T. Berger (Eds.), *Rusistika — Slavistika — Lingvistika. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag* (pp. 261–272). München: Sagner.

Schulze, U. (1975). *Lateinisch-Deutsche Parallelurkunden des 13. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Syntax der mittelhochdeutschen Urkundensprache*. München: Willhelm Fink Verlag.

Schulze, U. (2011). *Studien zur Erforschung der deutschsprachigen Urkunden des 13. Jahrhunderts*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.

Sobolevsky, A. I. (2006). *Trudy po istorii russkogo yazyka*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Sonderegger, S. (1987). Die ältesten deutschsprachigen Urkunden aus der Schweiz. In M. Dyhr, & J. Olsen (Eds.), *Festschrift für Karl Hyltdgaard-Jensen* (pp. 248–263). Kopenhagen: Reitzel.

Squires, E. R., & Ferdinand, S. N. (2002). *Ganza i Novgorod. Yazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov*. Moscow: Indrik.

Squires, C. (2009). *Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen: mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England*. Köln: Böhlau.

Steinbauer, B. (1989). *Rechtsakt und Sprechakt. Pragmalinguistische Untersuchungen zu deutschsprachigen Urkunden des 13. Jahrhunderts*. Innsbruck: Inst. für Germanistik.

Uspenskii, S. M. (1950). Yazyk smolenskikh gramot XII–XIV vv. In L. G. Kaianidi (Ed.), *Filologicheskii sbornik* (pp. 5–148). Smolensk: Smolenskoe oblastnoe gos. izd-vo.

Wilk-Woś, Z. (2016). Memoriae commendare. Memorative Arengen in den Urkunden der Gnesener Erzbischöfe im 14. Jahrhundert. In Rossignol, S., & Adamska, A. (Eds.), *Urkundenformeln im Kontext. Formen der Schriftkultur im Ostmitteleuropa des Mittelalters (13.–14. Jahrhundert)* (pp. 149–163). Wien: Böhlau.

Winkelmann, O. (1991). *Zur Ablösung des Lateins durch das Französische als Urkundensprache*. Regensburg: Verlag F. Pustet.

Wójcik, M. (2016). Diploma Opoliense. Das Formular der Oppelner Herzogsurkunden im 13. Jahrhundert. In Rossignol, S., & Adamska, A. (Eds.), *Urkundenformeln im Kontext. Formen der Schriftkultur im Ostmitteleuropa des Mittelalters (13.–14. Jahrhundert)* (pp. 119–147). Wien: Böhlau.

Yakubinsky, L. P. (1953). *Istoriia drevnerusskogo yazyka*. Moscow: Gos. uch.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR.

Yanin, V. L. (1970). K voprosu o datirovke ekzempiarov D i K «Smolenskoj pravdy». In S. O. Shmidt (Ed.), *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1968 god* (pp. 102–108). Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (1981). Protivopostavlenie otnositel'nykh i voprositel'nykh mestoimenii v drevnerusskom. In V. V. Ivanov (Ed.), *Balto-slavianskie issledovaniia 1980* (pp. 89–107). Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (1992–1993). Vkladnaia gramota Varlaama Khutynskogo. *Russian linguistics*, 16(2/3), 185–202.

Zhivov, V. M. (2002). *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zimin, A. A. (1953). 1229 g. Dogovor Smolenska s Rigoiu i Gotskim beregom. In A. A. Zimin (Ed.), *Pamiatniki prava feodal'no-razdroblennoi Rusi. XII–XV vv.* (pp. 54–98). Moscow: Gos. izd-vo iuridicheskoi literatury.

Received on November 27, 2020

А. М. МОЛДОВАН

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
alexandr.moldovan@gmail.ru

«СЛОЖИЛЪ ЕСМЪ ГРЪЧЬСКИЙ НОМОКАНОНЪ»*

В статье рассматриваются разные версии перевода и интерпретации загадочной фразы из протокола церковного устава Ярослава Мудрого, которая приведена в заглавии настоящей работы. Попытки объяснить смысл этой фразы, опирающиеся на различные варианты истолкования значения слова *сложилъ*, неубедительны в лингвистическом отношении и вступают в противоречие с историческими данными. Трудности в понимании фразы *сложилъ есмъ гръчскыи номоканонъ* могут быть разрешены, если видеть в слове *гръчскы(и)* не прилагательное, а наречие, относящееся к многочисленной в прошлом категории бесприставочных наречий на *-ьскы*, соотнесенных с субстантивной основой. Слова Ярослава значат следующее: ‘составил то, что по-гречески именуется номоканон’. Ярослав сообщает, что составил перечень правил, который может быть назван греческим словом *номоканон*.

Ключевые слова: история языка русской письменности, древнерусский язык, лингвистические источники, лексикология

Церковный устав Ярослава Мудрого предваряется следующим сообщением, в котором говорится об обстоятельствах издания устава и о его содержании: *Се азъ, кнзь великыи Ярославъ, снъ Володимеръ, по данію ѿца своегѣ сгадалъ есмъ с митрополитомъ с Лариномъ, сложи есмъ грескыи номоканонъ, аже не побѣае си тѣхъ соудити кнзю и боярѣмъ далъ есмъ митрополитѣ и еппѣмъ тѣхъ суды, что писаны е правилѣхъ, в номоканонѣхъ, по всѣмъ городѣмъ и по всѣмъ властемъ, гдѣ хрѣтиаство* [Щапов 1976: 110]¹.

¹ Статья написана в ходе работы по теме «Лингвистические параметры жанров оригинальной книжной письменности Древней Руси», выполняемой при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-012-00241).

Текст цитируется по Краткой редакции устава, наиболее распространенной в списках. В аналогичном сообщении Пространной редакции устава имеется ряд отличий: *А се азъ, кнзь великыи Ярославъ, снъ Володимеръ, по данію ѿца своего сгада есмъ с митрополитомъ кнескыи и всеа рѣси иларинѣмъ, сложихомъ греческыи номоканонъ; ѣ не побѣае си тѣхъ судити кнзю, ни боярѣмъ его, ни соудити его, да есмъ митрополитѣ и еппѣмъ: роспѣсты по всѣмъ городѣмъ, тѣмъ нѣю мыта къ цркви и к митрополитѣ, а людемъ его не даати мыта нигдѣ; осминѣчье да есми* [Щапов 1976: 86]. Различные из-

Сам устав, разграничивавший судебные полномочия князя и церкви и устанавливавший круг лиц, которые подлежали церковному суду, существенно отличается по форме и содержанию от аналогичных положений византийского права [Неволин 1859: 300–301; Голубинский 1901: 629; Щапов 1971 и др.]. Поэтому правильное понимание смысла его предведомительного сообщения представляет важность для оценки исторического значения события. Однако у специалистов возникли затруднения с переводом формулы **сложилъ есмь гръчскыи номоканонъ**². Дело в том, что глагол *сложити* в его основном значении ‘составить, сочинить, создать’ имеет прагматическое ограничение на выбор объектного актанта: нельзя создать то, что уже существует (**гръчскыи номоканонъ**). В поисках выхода из этого затруднения исследователи обратились к другим значениям глагола *сложити*. Я. Н. Щапов, посвятивший данному вопросу специальную статью, предположил, что **сложилъ** употреблено в переносном значении ‘отменил, отверг’. Ярослав, по мнению Я. Н. Щапова, сообщает, что он «отверг греческий номоканон» [Щапов 1971]. Несмотря на остроумие этой гипотезы, она не выдерживает критики. Справедливые возражения были приведены В. М. Живовым, указавшим, что переносное значение ‘отверг’ у слова *сложил* реализуется только в устойчивых сочетаниях типа *сложить крестное целование, сложить дань*, когда речь идет о том, что кто-то снимает с себя прежде принятое обязательство [СлРЯ XI–XVII, 25: 111–112]. В данном случае такого ранее принятого обязательства не было. Еще менее убедительна эта интерпретация с точки зрения этикета восточнославянской письменности. Как замечает В. М. Живов, «не следовать византийскому образцу было, конечно, возможно, но заявлять об этом во всеулышание противоречило бы самым основам православной культуры» [Живов 2017: 119]³. Действительно, Ярослав подчеркивает, что составил свой устав **по данню ѿца своего**, т. е. согласно с установлениями Владимира⁴. Но в протоколе своего устава Владимир объявляет, что составил его, исходя из положений греческого номоканона, — **разгноуѡше греческыи номоканонъ**

воды Пространной и Краткой редакций представляют широкий диапазон текстологического варьирования списков. Однако эти различия не затрагивают сути основных пунктов сообщения о том, что Ярослав издал свой устав по согласованию с митрополитом Иларионом и что он *сложил греческий номоканон*.

² «Ранние тексты Устава Ярослава о церковных судах содержат неясное по смыслу упоминание византийского номоканона в связи с акцией князя Ярослава» [Щапов 1978: 237].

³ Сомнительность своей гипотезы отчасти признавал и сам Я. Н. Щапов, писавший о том, что «такое важное заявление в официальном княжеском документе, составленном вместе с митрополитом, кажется невероятным» [Щапов 1972: 306].

⁴ Эти слова прямо перекликаются с похвалой Ярославу в «Слове о законе и благодати» Илариона, свидетелевавшего, что Ярослав не нарушал установления своего отца Владимира, но утверждал их (**не рѡшаца твоѡ оуставѡ. нѡ оуствержаюца** [Молдован 1984: 97]).

[Щапов 1976: 18 и др.]. В заглавии Троицкой редакции этого устава «номоканонъ» прямо указаны как источник: **Уставъ по греческыи номоканонѣ стго велика князѣ володимерѣ** (...) [Там же: 75]. Да и Ярослав в своем предведомлении к уставу ссылается на правила из номоканона: **далъ есмь митрополитѣ и еппѣмъ тѣ сѣды, что писаны ѣ правилѣ, в номаканонѣ** 'Отдал [в ведение] митрополита и епископов те дела, о которых говорится [ниже] в правилах номоканона'. Эти ссылки на номоканон в уставах Владимира и Ярослава со всей очевидностью свидетельствуют о стремлении их авторов встроить свои акты в авторитетную правовую традицию, а не о намерении демонстративно порвать с ней.

Исходя из такого понимания замысла Ярослава, В. М. Живов предложил иное прочтение фразы **сложились есмь гръчьскыи номоканонъ**. По его мнению, *сложил* в данном случае является семантической калькой с греч. συντίθημι 'складывать', которое имело переносное значение 'принимать во внимание, держать в мыслях' [Живов 2017: 119]. В интерпретации В. М. Живова разбираемый пассаж может значить следующее: «...посоветовался с митрополитом Ларионом, принял во внимание греческий номоканон, а именно то, что данные дела не должны разбираться князем и боярами, и отдал эти дела в юрисдикцию митрополита и епископов» [Там же]. Перевод в целом верно передает общий смысл предложения, однако трудно поверить, чтобы Ярослав мог использовать в этом контексте слово *сложил* в особом значении 'принял во внимание', о котором могли догадаться лишь носители греческого языка, но не большинство тех, для кого данный текст предназначался.

На самом деле нет причин сомневаться в том, что слово *сложил* употреблено Ярославом в своем основном значении 'составил'. О том, что именно так понимали это слово переписчики и редакторы текста, говорят его парафразы в многочисленных вариантах устава. Например, в поздней западнорусской редакции («Свиток Ярославль») соответствующее место читается следующим образом: **Се а князъ Ярославъ (...)** **сѣди написан снѣ номоканонѣ и свито кѣ соблюденнѣ ради впасного правѣ свѣты апостол и свѣаты богоносныи вѣтѣ (...)** [Щапов 1976: 137]. В конце этой редакции указано: **Написан же бы свито сей номоканонѣ в лето Ѡ содания мнѣ сѣмѣ** [Там же: 138]. Об этом же свидетельствует воспроизведение устава в текстах позднейших подтвердительных грамот XV в.: (...) **стын князь Володѣмеръ и снѣ его князь великыи Ярославъ всеа Русѣ (...)** **спѣсалѣ номаканонъ по греческомуу номаканонуу** [Там же: 183]; (...) **спѣсан жо бы снѣ спѣсокъ изъ великого и старого номаканона** (...) [Там же: 184] и др.

Трудности в понимании фразы **сложились есмь гръчьскыи номоканонъ** могут быть разрешены, если видеть в слове **гръчьскыи(и)** не прилагательное, а наречие, относящееся к многочисленной в прошлом категории бесприставочных наречий на *-ьскы*, соотнесенных с субстантивной основой: **гръчьскы**, **клиньскы**, **роумьскы**, **латиньскы**, **евренскы**, **егюптьскы**, **арменьскы**, **еретичьскы**, **скотьскы**, **оубоиничьскы**, **поганьскы**, **рабьскы**,

вражьскы, вълчьскы, львьскы, матерьскы, отчьскы, сыновьскы, моужьскы, женьскы, Ѡходничьскы, татьскы и т. п. В более поздних списках эти наречия нередко бывают представлены написанием на *-ьскыи*: **и нарекоша има емоу въ стѣомъ крѣщенѣ Гергии. а мирьскии Игорь Ли ок. 1425, 153 (1151); и нарѣкоша има емоу во стѣмъ крѣщени. Дмитръѣи, а мирьскии Володимеръ. Там же, 228 об. (1187)** [СДРЯ XI–XIV, 4: 546]; **плѣтьскы** [в др. сп. **плѣтьскыи**] **от ниуъ видима** (КЕ XII, 286а); **древлане... жиуше скотъски** [в др. сп. **скотъскыи**] (ЛЛ 1377, 5); **голубъ... члчкк к нему гла** (ПрЮр XIV, 67в) и др. [Чурмаева 1989: 105]⁵; **вса вазата вражыа мужьскыи разрѣшнстѣ. Мин к. XIV (май), 18** [СДРЯ XI–XIV, 6: 300]; **но како может са словеньскѣи писати добрѣ греческими писмены бѣтъ или животъ** («Сказание како состави Кирилл Философ азбуку...») [Азбука 1578: 48 об.] и др.

Таким образом, слова Ярослава значат следующее: ‘составил то, что погречески именуется номоканон’. Ярослав сообщает, что составил перечень правил, который может быть назван греческим словом *номоканон*. Именно так и понимали это сообщение позднейшие переписчики. В Архивном изводе устава Ярослава, входящем в состав созданного в Западной Руси в XIV–XV вв. «Летописца русских царей», глава о разводах имеет заглавие **А се роспжсты из наканѣ гарослави Ѡ правилъ** [Щапов 1976: 146] — т. е. «из номоканона, от Ярославовых правил». В подобных контекстах **номоканонъ** фигурирует не в терминологическом значении, которое оно приобрело в византийской книжности, став названием кормчей книги, а в том широком смысле, в каком русские книжники, очевидно, понимали само слово *номоканон*, выводя его из значений составляющих его частей (‘закон-правило’)⁶. Называя свой документ номоканоном, Ярослав и Иларион стремились просто обозначить этим греческим словом соответствие своего акта православной юридической традиции.

⁵ Как отмечает Н. В. Чурмаева, такой же вариант встречается и у наречий на *-шьды*: *дѣвашьдыи, мѣногашьдыи* [Чурмаева 1989: 105]. На самом деле довольно широко распространенные в рукописях написания с «лишним» и после **ы** и **и** не ограничиваются окончаниями наречий, но встречаются в самых разных словах и в разных позициях: **быналъ, женыи и дѣти, пазыницы, сыиро, с выисотыи** и т. п. [Макеева 2015]. Причиной таких написаний могло быть прочтение в качестве выносного и амбивалентного знака — двух надстрочных рисок (кендемы), которые в одних и тех же рукописях могли обозначать выносное **и**, но могли и просто маркировать букву **ы**.

⁶ Об употреблении слова «номоканон» в таком широком смысле свидетельствует, в частности, название «худые номоканунцы», относившееся к епитимийным правилам неканонического характера, которые получили распространение и практическое применение на Руси, несмотря на официальные церковные запреты [Смирнов 1912: 412–415]. Задаваясь вопросом, что все-таки сделали Ярослав вместе с Иларионом: составили греческий номоканон или отвергли его, — Я. Н. Щапов не без основания сравнивал устав Ярослава с этими «худыми номоканунцами» [Щапов 1971: 76].

В целом разбираемый пассаж может быть переведен следующим образом: «Настоящим [объявляю, что] я, великий князь Ярослав, сын Владимира, соблюдая установления своего отца, посоветовался с митрополитом Ларионом [и] составил [именуемый] по-гречески номоканон о тяжбах, которые не должны разбираться князем и боярами. Отдал [в ведение] митрополита и епископов те дела, о которых говорится [ниже] в правилах номоканона, по всем христианским городам и областям».

Словари и источники

- Азбука 1578 — Острожская азбука Ивана Федорова 1578 г. М., 1983.
Остр. ев. 1988 — Остромирово евангелие. Факсимильное издание памятника, хранящегося в РНБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1988.
СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. 1–12. М., 1988–2019.
СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015.

Литература

- Голубинский 1901 — Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви. Т. I, пол. 1. 2-е изд. М., 1901.
Живов 2017 — В. М. Ж и в о в. История языка русской письменности. Т. 1–2. М., 2017.
Макеева 2015 — И. И. М а к е е в а. Об одной особенности русских рукописей XV–XVI вв. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2014–2015. М., 2015. С. 186–212.
Молдован 1984 — А. М. М о л д о в а н. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
Неволин 1859 — К. А. Н е в о л и н. Полное собрание сочинений. Т. VI. СПб., 1859.
Смирнов 1912 — С. И. С м и р н о в. Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины (тексты и заметки). М., 1912.
Чурмаева 1989 — Н. В. Ч у р м а е в а. История наречий в русском языке. М., 1989.
Щапов 1971 — Я. Н. Щ а п о в. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. Т. 31. М., 1971. С. 71–78.
Щапов 1972 — Я. Н. Щ а п о в. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972.
Щапов 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976.
Щапов 1978 — Я. Н. Щ а п о в. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978.

Alexandr M. Moldovan

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
alexandr.moldovan@gmail.ru

“SLOŽILŦ ESMŦ GRĚČŦSKYI NOMOCANONŦ”

The paper considers various interpretations and translations of the problematic phrase (cited above in the title) from the protocol of the Church Statute of Yaroslav the Wise. Previous attempts to explicate it based on different meanings of the verb *složilŦ* are linguistically inconclusive and do not agree with historical facts. The problem may be solved by assuming that *grěčŦskyi* is not an adjective but an adverb pertaining to the vast group of Old Russian (Slavonic) unprefixated adverbs ending with *-bŦsky* and derived from a nominal stem. Yaroslav's words then mean: 'I have composed [what] they call Nomocanon in Greek'. He is saying that he has composed a juridical compendium, the Greek term for which is “Nomocanon”.

Keywords: history of Russian written language, Old Russian, linguistic sources, lexicology

References

- Churmaeva, N. V. (1989). *Istoriia narechii v russkom yazyke*. Moscow: Nauka.
- Makeeva, I. I. (2015). Ob odnoi osobennosti russkikh rukopisei XV–XVI vv. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, Iss. 5: Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo yazyka, 186–212.
- Moldovan, A. M. (1984). «Slovo o zakone i blagodati» *Ilariona*. Kiev: Naukova dumka.
- Shchapov, Ya. N. (1971). Ustav kniazia Yaroslava i vopros ob otnoshenii k vizantiiskomu naslediiu na Rusi v seredine XI v. *Vizantiiskii vremennik*, 31, 71–78.
- Shchapov, Ya. N. (1972). *Kniazheskie ustavy i tserkov' v drevnei Rusi XI–XIV vv.* Moscow: Nauka.
- Shchapov, Ya. N. (1978). *Vizantiiskoe i yuzhnoslavianskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv.* Moscow: Nauka.
- Shchapov, Ya. N. (Ed.). (1976). *Drevnerusskie kniazheskie ustavy XI–XV vv.* Moscow: Nauka.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriia yazyka russkoi pis'mennosti* (Vols. 1–2). Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke.

Received on February 2, 2021

А. К. ПОЛИВАНОВА

Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
nastiapo@yandex.ru

ЭНКЛИНОМЭНЫ В БАРСОВСКОМ ХРОНОГРАФЕ XVI В.

Статья посвящена акцентуации древнерусской рукописи конца XVI в. — хронографа из собрания Е. В. Барсова (ГИМ, Барс., № 1695). В работе рассматриваются словоформы глаголов и существительных из этой рукописи, восходящие к раннедревнерусским словоформам-энклиноменам, а также иные словоформы, представляющие в Барсовском хронографе энклиноменное ударение.

После общей характеристики изучаемой рукописи и разъяснения ряда необходимых акцентологических терминов, прежде всего понятия «этимологических энклиноменов», следуют разделы, посвященные анализу именных и глагольных энклиноменов в тексте Барсовского хронографа. В каждом разделе проводится сопоставление раннедревнерусского состояния акцентной системы и состояния, представленного в изучаемом памятнике. При рассмотрении глаголов особое внимание уделено акцентуации форм аориста и возможностям их интерпретации. Попутно отмечаются данные, релевантные для диалектной характеристики памятника.

Основные результаты исследования таковы. Во-первых, мы видим, что, как это характерно для памятников XVI в., феномен энклиномии весьма широко представлен в существительных и, напротив, очень ограниченно — в глаголах. Старое энклиноменное ударение сохраняется в склонении практически стопроцентно. В глагольном же словоизменении, подвергшемся унификации акцента по субпарадигмам, старое ударение удерживается лишь приблизительно в 20 % акцентуированных глагольных словоформ — наследников старых энклиноменов. Однако несмотря на малочисленность и относительную редкость глагольных энклиноменов, их состав не вполне обычен и побуждает к дальнейшему пристальному рассмотрению системы глагольной акцентуации изучаемого памятника. Так, следы энклиноменного ударения представлены в Барсовском хронографе в формах аориста, что само по себе неожиданно даже для значительно более ранних памятников. Наконец, рассмотрение энклиноменов дает ценную информацию о локализации рукописи, а именно: предпочтительной оказывается локализация диалекта писца Барсовского хронографа на ближнем северо-западе, возможно, в районе Новгорода. Отметим, что именно поведение этимологических энклиноменов, в отличие от наблюдаемых в тексте диалектизмов другого рода, позволяет указать наиболее конкретную область.

Ключевые слова: древнерусский язык, энклиномены, акцентуация, Барсовский хронограф

В настоящей статье рассматривается акцентуация древнерусской рукописи конца XVI в., хранящейся под номером 1695 в собрании Е. В. Барсова в Государственном историческом музее (далее — Барсовский хронограф).

Задача построения полного акцентного описания конкретного памятника письменности («точечной» системы в терминологии А. А. Зализняка — см. [Зализняк 2010 (1981): 710, § 3]) в том случае, когда установлена достаточная акцентологическая значимость этого памятника, — задача вполне понятная и в целом бесспорная. Ясно, однако, что именно для памятников, представляющих достаточно высокую ценность с точки зрения акцентологии, т. е. значительных по объему, имеющих высокий процент акцентуированных форм и (хотя бы по предварительным оценкам) единую систему акцентуации, такая задача обычно весьма трудоемка, а результат — акцентное описание памятника — слишком объемно для публикации в рамках отдельной статьи. Поэтому, как правило, исследователи подходят к решению такого рода задач поэтапно, представляя результаты акцентного описания той или иной морфологической подсистемы. Образцом в этом отношении может служить описание А. А. Зализняком акцентной системы Космографии — см. «Глагольная акцентуация в “Космографии”» [Зализняк 2010 (1981)] и «Акцентуация существительных в “Космографии”» [Зализняк 2010a], возможны и более дробные представления — ср. «Историю штокавской акцентуации *i*-глаголов в свете данных старосербской рукописи XV в. “Апостол” (НБКМ № 889)» С. Л. Николаева [2014] и «Акцентуацию непроизводных существительных *ǫ*-основ мужского рода в старосербском» Р. В. Булатовой [1989].

Рукопись, на которую направлено мое внимание, представляет собой как раз такого рода объемный (1368 л.), хорошо акцентуированный (средний коэффициент акцентуации — 70–75 %) и достаточно однородный по лингвистическим характеристикам памятник. В рамках составления акцентной грамматики этого памятника ранее, в соответствии с традиционным подходом, мною была опубликована статья об акцентуации *i*-глаголов [Поливанова Анастасия К. 2018]. Соответствующая работа продолжается и по другим частям грамматической системы.

При этом в порядке обзорного представления той или иной «точечной» акцентной системы может оказаться небезынтересным также взгляд на данную систему с определенного не морфологического, а собственно акцентологического ракурса. В данной статье речь пойдет о сохранении в акцентной системе Барсовского хронографа особого акцентного статуса словоформами — наследниками так называемых словоформ-энклиноменов (т. е. в раннедревнерусском — фонологически безударных словоформ).

Напомним, что вообще энклиномичность как акцентное свойство некоторых словоформ и подвижность ударения в парадигме как акцентное свойство некоторых лексем — это самые яркие черты первоначальных славянских акцентных систем, включая древнерусскую. Поэтому проследить развитие этих черт — всегда одна из первых и часто одна из самых интересных задач для исследователя конкретного идиолекта, будь то письменный памятник или живой говор.

Как мы увидим ниже, решение такого рода задачи дает возможность не только составить общее представление о степени сохранности в памятнике

архаичных «энклиноменных» акцентовок, но и обнаружить некоторые нетривиальные характеристики изучаемой «точечной» акцентной системы как таковой, а также высказать аргументы в пользу той или иной локализации говора писца.

Дальнейшее изложение строится следующим образом. Введение содержит общую характеристику изучаемой рукописи и ее акцентной системы, а также сведения о представленных в ней акцентных знаках. Здесь же вводятся основные используемые в статье акцентологические термины и понятия, прежде всего понятие «этимологических энклиноменов»; в этих терминах формулируется конкретная задача статьи.

Основная часть работы содержит разделы, посвященные анализу именных (раздел 2) и глагольных (раздел 3) энклиноменов в тексте Барсовского хронографа. В каждом из разделов проводится сопоставление раннедревнерусского состояния акцентной системы, как оно описано А. А. Зализняком [1985], и состояния, представленного в изучаемом памятнике. Попутно отмечаются данные, релевантные для диалектной характеристики памятника. В разделе 3 особое внимание уделено акцентуации форм аориста в Барсовском хронографе (§ 3.4.3) и возможностям их интерпретации.

В заключительной части работы представлены выводы, а также подведены итоги полученных в результате анализа наследства форм-энклиноменов диалектологических данных и предложена соответствующая зона возможной локализации изучаемого идиолекта.

1. Введение

§ 1.1. Общая характеристика изучаемой рукописи

Исследуемая рукопись содержит вторую половину Русского хронографа первой редакции 1512 г. и является второй частью лицевого Хронографа № 202 из собрания Е. Е. Егорова (РГБ, ф. 98), который послужил одним из источников реконструкции древнерусской акцентуации в книге А. А. Зализняка «От праславянской акцентуации к русской» [Зализняк 1985: 220, § 3.26]. Барсовский хронограф — рукопись большого формата, 1°, написанная полууставом, одним почерком. Содержит 1368 листов, почти на каждом листе оставлены места для миниатюр и инициалов.

В Барсовском хронографе ударение проставлено примерно в 70 % словоформ; акцентуированные словоформы равномерно распределены по тексту рукописи, а наличие или отсутствие знака ударения в целом не зависит от грамматического класса и грамматической характеристики словоформы¹.

В рукописи представлены следующие надстрочные знаки: 1) « » — оксия (акут), знак ударения, используется над гласной в любой позиции: над

¹ Особого внимания в этом отношении заслуживают словоформы аориста 2-3Sg, о которых пойдет речь ниже.

первой гласной (оў храма), над гласной в середине слова (градѣмь), над конечной гласной (написа); 2) «`» — вария, знак ударения, который ставится в основном только тогда, когда ударная гласная — последняя буква в слове или в строке (соблюдѣ); 3) «'» — придыхание, ставится над гласной в начале слова (оў храма) или над гласной, которая следует за другой гласной (дойде); 4) «'» „ паерок, может ставиться между соседними согласными, в том числе на месте опущенных редуцированных (изъствѣ).

В Барсовском хронографе представлена широколитерная система различия графем «класса О»² по классификации А. А. Зализняка [1985: 208, § 3.19].

В безударной позиции «Ѣ» может заменяться на «е». Ср.: ѡѣловѣ (364b₁), ѡѣловѣша (986a₂₋₃), ѡѣловѣвъ (1104a₄), ѡѣловѣлъ (1305b₁₄₋₁₅).

Акцентную систему глаголов Барсовского хронографа по классификации А. А. Зализняка следует отнести к западной зоне: нечленные формы *n*-причастий акцентной парадигмы (далее — а. п.) *c* имеют ударение на суффиксе (типа *процѣно*), нечленные формы именительного падежа единственного числа *n*-причастий *v*-корневых и *a*-глаголов а. п. *c* — на корень (типа *продѣнъ*, например *предѣнъ* (650b₉)), инфинитивы *c*-корневых глаголов акцентуируются по модели *нѣсти* — *нѣстися*, встречается тематизация ударения в глаголах а. п. *a* (типа *думѣти*), словоформы презенса с неслоговым корнем имеют ударение на первом слоге (типа *вѣзметъ*). Между тем представлены и некоторые черты восточной зоны, ср. сохранение подвижного ударения *v*-корневых глаголов в *л*-причастиях. Подробнее об этих акцентных особенностях см. [Там же: 343–344, 352, 358, 364, 369, § 3.68, 3.71, 3.73, 3.76, 3.77].

Так как глагольная акцентная система Барсовского хронографа содержит черты и западного, и восточного типа, можно предположить, что писец данной рукописи был родом из пограничья восточной и западной зоны. При этом, судя по богатому оформлению, рукопись писалась, скорее всего, для царя и, вероятно, в Москве. Стоит отметить, что хотя Барсовский хронограф и является второй частью Егоровского, написаны они разными почерками и акцентуация в них не идентична³.

К настоящему времени мной составлена полная роспись и электронная база данных всех глагольных словоформ Барсовского хронографа, а также частичная роспись остального материала, прежде всего — словоформ существительных, база данных по которым продолжает пополняться. В ходе

² Для передачи фонемы /о/ в рукописи используются три графемы «класса О»: о, о, ѡ. Они распределяются следующим образом: «О» используется только в ударной позиции, при этом над ним знак ударения проставляется факультативно; «о» — в любой позиции, а «ѡ» — только в позиции после гласной или в начале слова.

³ Подробному описанию рассматриваемой рукописи и сравнению ее с рукописью Егоровского хронографа посвящена моя статья [Поливанова, Анастасия К. 2020]. Гипотеза о написании Егоровско-Барсовского хронографа для Федора Иоанновича принадлежит А. А. Турилову.

исследования оказалось, что акцентная система Барсовского хронографа представляет значительный научный интерес: так, эта рукопись является единственным из известных источников, показывающим древнее распределение *n*-причастий глаголов а. п. *b* в зависимости от долготы/краткости корневой гласной [Поливанова, Анастасия К. 2018].

§ 1.2. Общие акцентологические сведения.

Понятия энклиноменов и этимологических энклиноменов

Исследованиями В. А. Дыбо и А. А. Зализняка установлено⁴, что в славянском языке и в восходящем к нему раннедревнерусском словоформы делились на две группы — ортотонические и энклиномены. В число энклиноменов попадают определенные грамматические формы лексем а. п. *c*, а все прочие словоформы относятся к числу ортотонических. При этом принадлежность той или иной парадигматической лексемы к а. п. *a* (с неподвижным ударением на корне), а. п. *b* (изначально — с неподвижным ударением справа от корня) или к а. п. *c* (с подвижным ударением внутри парадигмы и наличием в парадигме форм-энклиноменов) — это словарное свойство лексемы. Словоформы-энклиномены в составе неодночленной тактовой группы безударны, а при самостоятельном употреблении получают так называемое автоматическое ударение на первом слоге. Например, ASg от *голова* — энклиномен, показывает такие формы: *го́лову*, но *на́ голову* и *не́ на голову*; ISgPrae от (*воз*)нести — энклиномен, показывает такие формы: *не́су*, *во́знесу*, *не́ вознесу*, *вознесу ся́*. Ударение ортотонических словоформ называется автономным.

Считается, что автоматическое ударение энклиноменов в раннедревнерусском фонетически отличалось от автономного ударения ортотонических словоформ. Подтверждением тому служат показания рукописей, различающих фонемы *o* открытое (*o*) и *o* закрытое (*ô*). Так в рукописи XIV в. «Мерило Праведное», изученной и описанной А. А. Зализняком [1985: 178, § 3.6; 2010 (1978): 571–578]. В этом памятнике, помимо разного развития фонемы /*o*/ под автономным ударением (раннедр.-рус. /*o*/ > /*ô*/, ср. *зако́на*, где *o* передает фонему /*ô*/) и под автоматическим ударением в первом слоге энклиноменов (раннедр.-рус. /*o*/ > /*o*/, ср. *горо́да*, *просто*), о фонетической разнице автономного и автоматического ударения свидетельствует феномен ритмического второстепенного ударения, возникающего в ударной части ортотонических словоформ (ср. *ко́нчано*, *писа́но*, *мѣрило*, *зеркало*, *стави́ло*, где конечные буквы *o* передают /*ô*/ под второстепенным ударением через слог от главного) и отсутствующего в словоформах-энклиноменах (ср. *при́то*, *свободно*, *непросто*, *золото*, *око за око* — буква *o* передает /*o*/ под автоматическим ударением и в безударных слогах)⁵.

⁴ См. [Дыбо 1981; Зализняк 1985; 2019].

⁵ Примеры взяты из работы А. А. Зализняка [2010 (1978): 571, 572, § 12], адреса форм см. [Там же]. В неакцентуированном «Мерило Праведном» используется

Можно полагать, что фонетическое различие автономного и автоматического ударения исчезло не позднее XVI в., однако когда именно это произошло, не установлено, см. [Зализняк 1985: 120, § 2.5].

Феномен энклиноменов как класса словоформ с описанными нетривиальными акцентными свойствами — самая оригинальная черта ранних акцентных систем славянских языков, почти бесследно утраченная в современных языках. Разумеется, славянские языки переживали и другие изменения акцентных систем, однако деформации в среде энклиноменов и в связи с этим в системе парадигматической подвижности ударения составляют наиболее значимые изменения акцента.

Словоформы, которые восходят к раннедревнерусским словоформам-энклиноменам, ниже называются этимологическими энклиноменами. В любой рукописи, представляющей идиолект-наследник, каждое вхождение этимологического энклиномена в принципе может быть оценено или как свидетельствующее о сохранении статуса энклиномена, или как свидетельствующее о потере статуса энклиномена и переходе слова в класс ортотонических словоформ, или, наконец, как непоказательное.

Наиболее яркими свидетельствами сохранения статуса древнего энклиномена являются, конечно, так называемые «оттяжки ударения на (про)клитики», т. е. ударения вида *за́ голову, не́ жили* и под.⁶ Такого рода архаизмы сохраняются, как известно, и в современном русском языке. Напротив, о заведомой потере статуса энклиномена можно говорить при фиксации ненадлежащего ударения в многосложных формах, ср., например, совр. рус. лит. *родíли, соберу́*.

Как правило, статус энклиноменов сохраняется только у словоформ, принадлежащих в изучаемом идиоме лексемам маргинально-подвижного⁷ акцентного типа (ср. в совр. рус.: *голова́ ~ го́лову, за́ голову*), хотя изредка архаичные формы с «оттяжками» могут наблюдаться и у лексем, потерявших старую подвижность ударения в парадигме (ср. в совр. рус.: *на́бело* при *белó, белы́, белá*).

При этом, если старое подвижное ударение сохраняется в парадигме некоторой лексемы, то можно говорить о том, что ее начальнударные словоформы — континуанты древних энклиноменов — сохраняют этот

омеговая система различения фонем *о* и *ó*, которая позволяет определить ударение содержащих эти фонемы словоформ [Зализняк 1985: 208, § 3.19].

⁶ Разумеется, об «оттяжках» ударения здесь может идти речь только с точки зрения синхронного соотношения форм, в частности без предлога и с предлогом; с исторической точки зрения никаких изменений по месту ударения здесь не происходит; см. подробнее [Зализняк 2010 (1981): 712, § 3].

⁷ Маргинально-подвижный тип ударения в парадигме (ср. *сторонá, стóрону, сторонý, стóроны, сторонáм*) в славянских системах-наследниках противопоставляется смежно-подвижному, где подвижность ударения ограничивается соседними слогами (ср. *высотá, высоты́, высóты, высóтам*); см. подробнее [Зализняк 1985: 17, § 1.10; 2002 (1967): 164–165].

статус; если же лексема поменяла акцентный тип на неподвижный, такие словоформы хотя формально и сохраняют древнее место ударения, должны быть, строго говоря, признаны непоказательными. Ср. в современном русском языке слова с неподвижным начальным ударением во всей парадигме, относившиеся в древности к а. п. с: *пóсох* (этимол. энклиномен), при Р. мн. *пóсохов* (< *посохóвъ*), так же *храм*, *тур* (животное) и некоторые др.

В Таблице 1 дана классификация этимологических энклиноменов по их показательности как свидетельств сохранения или утраты статуса энклиномена с примерами из Барсовского Хронографа⁸.

Таблица 1

Статус этимологических энклиноменов

	Условие	Примеры
Свидетельства сохранения статуса энклиномена	Ударение на клитике в составе неодночленной тактовой группы	нѣ вѣзали (1070'а ₂), нѣ спилъ (1294а ₁₆), и́з мора (185а ₄)
	Ударение на первом слоге в составе одночленной тактовой группы при наличии словоформ, свидетельствующих о неутраченной подвижности в парадигме	ѣспилъ (515b ₈), мо́ра _{АР1} (1006b ₆) (при наличии и́з мора), вѣзѣли (1037'а ₁) (при наличии нѣ вѣзали)
Свидетельства потери статуса энклиномена	Ударение на окончании	соберу́ (1316b ₂₀)
	Ударение на суффиксе: смена акцентной парадигмы	затвори́лъ (467а ₈)
	Ударение на корне при наличии приставки	собра́въ (258а ₈)
Непоказательные формы	Ударение на первом слоге в составе одночленной тактовой группы при отсутствии словоформ, свидетельствующих о неутраченной подвижности в парадигме	зи́му (172b ₁₅) (не представлено словоформ этой лексемы с ударением не на корне), рече́ (542b ₆)
	Формы с необозначенным ударением	взѣлъ (1245b ₇), сотвори́лъ (649b ₃)

При изучении эволюции системы энклиноменов вопрос прежде всего ставится так: в каких идиолектах какие этимологические энклиномены сохраняют архаическую акцентовку, т. е. сохраняют свой статус энклиномена? При обращении к конкретному памятнику вопрос ставится так: какие из этимологических энклиноменов показывают в данном памятнике архаиче-

⁸ В таблице и ниже в работе примеры даются с их адресами: в круглых скобках указаны листы и строки Барсовского хронографа. О нумерации листов рукописи см. [Поливанова, Анастасия К. 2020].

скую акцентовку (см. свидетельства сохранения статуса энклиномена в Таблице 1)?

Разумеется, исследователь не ограничивается лишь составлением списка всех этимологических энклиноменов, сохранивших архаическую акцентовку, но старается представить этот список в компактном и обозримом виде, удобном для сопоставления как с раннедревнерусской системой энклиноменов, так и с системами энклиноменов, наблюдаемых в других идиолектах.

Полезно подчеркнуть, что деформация первоначальной системы энклиноменов состоит в передвижении границы между ортотоническими словоформами и энклиноменами. Причем число энклиноменов, как правило, сокращается: этимологические энклиномены утрачивают статус энклиноменов, переходя в ортотонические словоформы. Обратное изменение встречается реже: так, лексема *врагъ*, которая в раннедревнерусском относилась к а. п. *b*, с отклонениями к а. п. *c*, в одних рукописях представлена с сохранением ранней а. п. *b*, а в других рукописях следует а. п. *c*, ср. Чуд. *врагá*, *вразí*, *врагý*; но Флав. *на врагы*⁹.

§ 1.3. Задача настоящей статьи

Основной задачей предпринятого исследования стало определение состава словоформ-энклиноменов и тем самым границы между энклиноменами и ортотоническими словоформами в идиолекте писца Барсовского хронографа. При рассмотрении энклиноменов глагольный материал был использован полностью. Существительные Барсовского хронографа изучены мной частично: лл. 1–380 были обследованы полностью, а остальной текст — выборочно.

Забегая вперед, можно отметить, что в существительных Барсовского хронографа наблюдается практически стопроцентная сохранность энклиноменного ударения, в то время как в глаголах — лишь его остатки. Такое распределение следов древних энклиноменов между субстантивными и глагольными формами нормально для рукописей XVI–XVII вв. Между тем распределение энклиноменов по субпарадигмам и по лексемам нельзя назвать тривиальным: некоторые словоформы, сохраняющие статус энклиноменов в Барсовском хронографе, должны быть признаны, согласно А. А. Зализняку [1985: 144, § 2.20], неожиданной редкостью даже для памятников XIV в.

2. Существительные

Как уже говорилось чуть выше, акцентное поведение имен в Барсовском хронографе не было изучено мной в полном объеме. Однако общее обследование памятника показывает, что процент акцентуированных сло-

⁹ Примеры из Чудовского Нового Завета и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия взяты из [Зализняк 2019: 31].

воформ существительных в рукописи — столь же высокий, как в целом по памятнику (70–75 %), и, что более важно, значительных колебаний ударения в словоформах существительных, по-видимому, не представлено, во всяком случае, это верно для этимологических энклиноменов (о колебании ударения в D Pl *людемъ* от *люди* см. ниже, коммент. 3 к Таблице 3).

В дальнейшем обзоре полностью учтен материал существительных на лл. 1–380 Барсовского хронографа и выборочно — материал остальной части рукописи. При этом, поскольку соответствующих словоформ существительных много и их акцентное поведение вполне однородно, а точные подсчеты мной не проводились, ниже я ограничиваюсь только показательными примерами по обсуждаемым группам именных словоформ.

§ 2.1. *Субстантивные энклиномены в раннедревнерусском*

В Таблице 2 показано распределение субстантивных энклиноменов по парадигме для раннедревнерусского. Эти данные приводятся в точном соответствии с книгой «От праславянской акцентуации к русской» А. А. Зализняка [1985: 144, § 2.20] и сопровождаются диалектным комментарием, которым эти данные снабдил А. А. Зализняк. В клетках, отвечающих словоформам-энклиноменам, помещен символ «•», клетки с серой заливкой отвечают оротоническим словоформам.

Таблица 2

Энклиномены в парадигме склонения существительных в раннедревнерусском

		o-скл.		a-скл.	i-скл.		
		m	n		m	f	
Sg	N	•			•		
	A			•			
	G			• ^{*5}			
	L			• ^{*4-1}		• ^{*6}	
	D			• ^{*4-2}		•	
	I					• ^{*5}	• ^{*5}
Pl	N	•	• ^{*1}	•	•	•	
	A			•			
	G						
	L	• ^{*2}				•	
	D	• ^{*3}				•	
	I						
Du	NA	•		•			
	GL						
	DI						

Комментарии см. на с. 292.

Таблица 3

Энклиномены в парадигме склонения существительных Барсовского хронографа

		o-скл.		a-скл.	i-скл.		
		m	n		m	f	
Sg	N	•			•		
	A			•			
	G			• ⁵⁾			
	L			• ⁴⁾		• ⁶⁾	
	D			• ⁴⁾		?	
	I					• ⁵⁾	• ⁵⁾
Pl	N	•	• ¹⁾	•	?	?	
	A			?			
	G						
	L	• ²⁾				•	
	D	• ³⁾				•	
	I						
Du	NA	•		?			
	GL						
	DI						

Комментарии см. на с. 293–294.

Комментарии к Таблице 2

^{*1} Флекссионная акцентовка словоформ а. п. с NA Pl neutra характерна для территории восточной зоны, а энклиноменная, наоборот, — для западной зоны [Зализняк 1985: 254, § 3.40].

^{*2} Флекссионная акцентовка словоформ а. п. с L Pl о-скл. характерна для Москвы и для близких к ней районов. Остальным регионам свойственна энклиноменная акцентовка [Там же: 279, § 3.47].

^{*3} Энклиноменная акцентовка в словоформах D Pl о-скл. характерна для территории западной зоны и для некоторых памятников дальнего северо-востока. Флекссионная акцентовка распространена в основной части восточной зоны. Между этими двумя ареалами представлена, как правило, смешанная акцентовка: встречаются формы как с корневым, так и с флекссионным ударением [Там же: 272, § 3.45].

^{*4-1} Энклиноменная акцентовка в словоформах L Sg а-скл. — редкость. Она встречается в рукописях западной зоны наряду с флекссионной акцентовкой, в рукописях восточной зоны встречается только флекссионное ударение [Там же: 141, § 2.18; 252–254, § 3.39; 2019: 16].

^{*4-2} Энклиноменная акцентовка в словоформах D Sg а-скл. раннедревнерусская, флекссионная акцентовка в этой форме более поздняя [Там же: 141, § 2.18; 2019: 16].

^{*5} Окончания G Sg *i*-скл. и I Sg *i*-скл. в раннедревнерусском были ударными, позже перестроились в безударные, следовательно в раннедревнерусском существительные а. п. с в вышеназванных формах были конечноударными, однако в XVI в. мы с большой вероятностью встретим в этих формах «новые» энклиномены [Там же: 141, § 2.18].

^{*6} Флекссионная акцентовка словоформ а. п. с L Sg *i*-скл. характерна для территории восточной зоны, а энклиноменная, наоборот, — для западной зоны [Там же: 248, § 3.37].

§ 2.2. Субстантивные энклиномены в Барсовском хронографе

В Таблице 3 (с. 291) клетки, в которых в Барсовском хронографе представлены словоформы с последовательным энклиноменным ударением, снабжены символом «•», а символом «◦» — те клетки, в которых в рукописи наблюдаются колебания. Те клетки, материал по которым не был выявлен в Барсовском хронографе, помечены символом «?». Как и в Таблице 2, серой заливкой помечены клетки, представленные только ортотоническими словоформами.

В Барсовском хронографе существительные показывают весьма высокую сохранность энклиноменов.

Приведем некоторые примеры¹⁰.

о-скл. NA Sg m: **во грѣбѣ**_{ASg} (435a₈); NA Sg n: **слово**_{NSg} (361b₁₅); G Sg m, n: **дѣ вечера** (140a₅), **из града** (113a₄), **оу храма** (203b₁₁), **из моря** (185a₄); L Sg m, n: **при градѣ** (210b₁), **на градѣ** (133a₄), **на грѣбѣ** (290b₅),

¹⁰ Акцентные парадигмы указаны соответственно акцентным типам нашего памятника.

ў троусѣ (346b₁), в мѡри (143b₄); D Sg m, n: кѡ градѡу (93b₁), дѡмоу (134a₄), по морю (89b₉); I Sg m, n: глѡдомъ (177a₂), злѡтомъ (175b₁₀), тѣломъ (160b₆); N Pl m: врѡзи (127a₁); A Pl m: дѡмы (102b₁), грѡды (148a₅), зѡубы (981b₇); NA Pl n: мѡра_{API} (1006b₆), слѡва_{API} (275a₃); L Pl m, n: вѡ градѣхъ (482b₂), вѡ вратѣхъ (1211a₂); D Pl m: врагѡмъ (342a₄), к моужемъ (95b₃), по градѡмъ (947a₃), градѡмъ (1034b₇), ѡблѡкомъ (418a₃); NA Du m: два мѡста (119b₂).

a-скл. A Sg: в вѡ|доу (479a₃₋₄), нѡ горѡу (134b₂), нѡ землю (114b₇, 418a₇), ѡ землю (116a₆), зѡмоу (172b₁₅), стѣноу (106b₁), на стѣноу (125a₅); L Sg: нѡ земли (170a₁₀, 1028b₆); D Sg: по земли (248b₁₆); NA Pl: нѡ горы_{API} (792a₂), роуки_{API} (112a₈, 119a₁₀), страны_{API} (148a₅); NA Du нѡзѣ_{NDu} (20a₇), нѡзѣ_{NDu} (203b₄).

i-скл. N Sg: рѣчь (995a₁₀), лѣсть (995a₁₀); A Sg: нѡ брань (201a₁₀), нѡ помощь_{ASg} (385b₂); G Sg: бѣзъ вѣсти_{GSg} (1100b₁₅), нѡщи_{GSg} (11a₁₃); L Sg: вѡ власти_{LSg} (1053a₁₃); I Sg: властїю (308b₇); L Pl: ѡ властихъ_{LPI} (20b₁); D Pl: рѣчѣмъ (85a₁₃).

Комментарии к Таблице 3

1) Начальное ударение в формах NA Pl *n* *o*-скл., представленное в Барсовском хронографе, говорит о возможности локализации в западной зоне.

2) В *o*-скл. энклиноменное ударение представлено в форме L Pl, такое ударение свойственно всем регионам, кроме Москвы и ее окрестностей.

3) Колеблущееся ударение в формах D Pl *o*-скл., которое мы видим в Барсовском хронографе, представлено в ареалах между западной и восточной зоной. Причем, по-видимому, мы имеем дело с характерным распределением вида *зубѡмъ* ~ *мужемъ* (флексивное ударение в твердой разновидности, энклиномены — в мягкой разновидности) [Зализняк 1985: 271–276, § 3.45 и 278, карта 6]. Заметим, впрочем, что в неодносложных основах это распределение могло нарушаться, см. [Там же: 272, § 3.45], что можно предполагать в нашем памятнике для формы *ѡблѡкомъ* (418a₃).

В подавляющем большинстве слова мужского рода, исторически относившиеся к *i*-скл., к XVI в. ничем уже не отличаются, в том числе в плане акцентуации, от основ *o*-скл. мягкой разновидности. Однако форма D Pl лексемы Pl *tantum* *люди* может составлять исключение и потому заслуживает отдельного внимания. Согласно А. А. Зализняку [Там же: 271, § 3.45], флексивное ударение в форме D Pl позднее и отмечено только в ряде северо-западных памятников¹¹, в то время как ударение на основе распространено повсеместно. В Барсовском хронографе эта словоформа представлена и с начальным ударением *лѡдѣмъ* (271b₈), и с флексивным *людѣмъ* (85a₁₃). Следовательно, локализацию нашего памятника можно сузить до северной части пограничной между Западом и Востоком зоны.

4) Имеющиеся данные по формам L и D Sg *a*-скл. говорят о наличии в них энклиноменов, т. е. весьма архаичной акцентовке этих форм. Для окончательного

¹¹ Заметим, что в их число не входит первая часть нашего хронографа — сокр. Хр. у А. А. Зализняка.

суждения здесь требуется полный анализ материала, который будет возможен в будущем, однако один важный вывод всё же возможен, а именно: наличие форм L Sg f типа **нѧ зѣмли** (и отсутствие в просмотренном материале словоформ L Sg f с конечным ударением) исключает локализацию памятника в центральной и южной части восточной зоны (см. [Зализняк 1985: 252–254, § 3.39; 2019: 92, карта 4а]).

5) В формах G и I Sg существительные *i*-скл. в Барсовском хронографе имеют энклиноменное ударение, повсеместно ожидаемое для XVI в.

6) Сохранение энклиноменов в форме L Sg *i*-скл. говорит о западной локализации рукописи.

Таким образом, существительные Барсовского хронографа сохранили почти всё энклиноменное ударение, даже в тех формах, в которых в XVI в. энклиноменное ударение практически не ожидается (LD Sg *a*-скл.).

Кроме того, распределение энклиноменов в именной парадигме дает возможность диалектной характеристики акцентной системы нашего памятника: ударение в формах L Pl *o*-скл. **вѣ градѣхъ**_{LPl}, **вѣ братѣхъ**_{LPl} говорит о том, что рукопись написана не москвичом. При этом ударение в формах NA Pl n *o*-скл. (**мѡра**_{APl}, **слова**_{APl}) и L Sg *i*-скл. (**вѣ власти**_{LSg}) указывает на западную локализацию, а колеблющееся ударение в формах DPl *o*-скл. — на пограничную между западной и восточной зону. Ударение словоформы **людѣмъ** (наряду с **людѣмъ**) позволяет отнести Барсовский хронограф к близнецу северо-западному (возможно, новгородскому) ареалу.

3. Глаголы

§ 3.1. Глагольные энклиномены в раннедревнерусском

В Таблице 4 указано распределение глаголов-энклиноменов для раннедревнерусского. Эти данные приводятся в точном соответствии с книгой «От праславянской акцентуации к русской» А. А. Зализняка [1985: 143–145, § 2.20, 2.21]. Клетки словоформ-энклиноменов отмечены символом «•», клетки с серой заливкой отвечают ортотоническим словоформам (специально обратим внимание, что уже в раннедревнерусском часть словоформ, реконструируемых как энклиномены для праславянского, перешли в ортотонические; подробности см. [Там же: 144–145, § 2.20, § 2.21]).

Словоформы причастий (краткие формы), в которых представлены группы 1* и 2*, распределены в соответствии с акцентными характеристиками именных окончаний и суффиксов следующим образом: группа 1* (с безударным окончанием) — NAGLDI Sg m,n; NALD Pl m,n; AD Sg f; NA Pl f; NA Du; группа 2* (с самоударным окончанием) — NGLI Sg f; GLDI Pl f; GI Pl m,n; GLDI Du. Среди полных форм причастий словоформ-энклиноменов нет.

Таблица 4

Энклиномены в глаголах

Класс глагола ¹²		Формы				
		l'ubiti 1	trypěti 2	zъvati 3	piti, mrěti 4v,h	nesti 4c
Prae	1Sg	•				
	прочие					
Impv						
Щ-part	1*	•				
	2*					
M-part	1*			•		
	2*					
Inf						
Impf						
Aor	2-3Sg	•		•		
	прочие					
Ш-part	1*	•		•		•
	2*					
Н-part	1*			•		
	2*					
Т-part	1*				•	
	2*					
Л-part	Sg m,n, Pl	•		•		•
	Sg f					

§ 3.2. Глагольные энклиномены в Барсовском хронографе

В Барсовском хронографе наблюдается низкая сохранность глагольных энклиноменов. Приведем обзорную таблицу 5.

Словоформы, отвечающие клеткам с символом «•», представлены в Барсовском хронографе как с энклиноменной, так и с неэнклиноменной акцентровкой. Клетки с серой заливкой отвечают ортотоническим словоформам. В клетках без заливки в XVI в. могут ожидать энклиномены,

¹² В моей работе используется классификация глаголов, предложенная Анной К. Поливановой [2013: 256] для старославянского; образцы для справки: 1-й класс — Любити; 2-й — трыпěти; 3-й — плакати, каати; 4с — нести, 4v — знати, 4h — кляти; 5-й — дъвигнѹти, минуѹти; 6-й — миловати; 7-й — дъвати, старѹти. В Таблице 4 в качестве образцов обсуждаемых глагольных классов приведены глаголы, относящиеся в праславянском и раннедревнерусском к а. п. с. Классы, не упомянутые в Таблице 4, не содержат лексем а. п. с.

однако в Барсовском хронографе они не представлены. Вопреки ожиданиям, следы энклиноменов представлены в формах 2-3 Sg аориста глаголов 4-го класса, что обозначено символом «•» в затемненной клетке.

Специально отметим, что, в отличие от ситуации с существительными, глагольные словоформы, даже сохраняющие в Барсовском хронографе статус энклиноменов, сохраняют его лишь отчасти, во всех случаях показывая в большем или меньшем количестве дублетные по ударению ортонические формы.

Таблица 5

Энклиномены в глаголах Барсовского хронографа

Класс глагола / Формы		1'ubiti	тыррѣти	зъвати	piti, mrѣti	nesti	po-meŋoti
		1	2	3	4v,h	4с	5
Prae	1Sg						
	прочие						
Impv							
Щ-part	NSg m		•				
	прочие						
M-part							
Inf							
Impf							
Aor	2-3Sg				•		
	прочие						
III-part	Nsg m			•			
	прочие						
H-part	NSg m			•			
	прочие						
T-part	1*				•		
	2*						
Л-part	Sg m,n, Pl	•		•			
	Sg f						

§ 3.3. Перестройка системы глагольных энклиноменов в истории русского языка

С точки зрения сохранности или утраты этимологических энклиноменов в глаголе важнейшую роль играет тенденция к унификации ударения внутри отдельной субпарадигмы, общая для всех русских диалектов. Так, единственная словоформа презенса, имевшая в а. п. с не флексийное ударение (1 Sg), повсеместно меняет его на флексийное; формы от инфини-

тивной основы действительного залога (*л*-, *ш*-причастия и инфинитив) также повсеместно приобретают колонное предфлекссионное ударение в противоположность формам страдательных причастий, генерализующих колонное ударение на корне, — и в том, и в другом случае подвижность ударения, позволяющая говорить о сохранении статуса старых энклиноменов, упраздняется (см. подробнее [Зализняк 1985: 378–381, § 4.4]). Таким образом, приведенная выше Таблица 5 показывает результат перестройки акцентной системы глагола в направлении устранения энклиноменов в том виде, в котором это отражено в Барсовском хронографе.

Сопоставим наблюдаемые в Барсовском хронографе данные с событиями, которые переживали разные идиомы при переходе от раннедревнерусского состояния к тому, что наблюдается в XVI в. Рассмотрим восемь событий, относящихся к потере глагольных энклиноменов, как они описаны А. А. Зализняком.

1) Форма 1Sg Prae уподобилась прочим формам презенса, так что в рукописях XVI в. форма 1Sg Prae с начальным ударением — редкость, см. [Зализняк 2019: 107]. В Барсовском хронографе здесь энклиноменов не сохраняется.

2) Суффиксы *-ущ-* и *-ащ-* к XVI в. становятся ударными, следовательно единственная форма *щ*-причастий, сохраняющая следы энклиномичности, — это N Sg m, n. В Барсовском хронографе представлена всего одна словоформа *щ*-причастия N Sg m, сохранившая энклиноменное ударение.

3) Суффикс *-ом/-ем-* становится ударным, соответственно, энклиноменов среди *м*-причастий не остается [Зализняк 1985: 145, § 2.21 (4)]. В Барсовском хронографе также не представлено этих форм с энклиноменным ударением.

4) Форма 2-3 Sg аориста уподобилась прочим словоформам аориста, так что и здесь энклиноменов не остается [Там же: 144, § 2.20]. В Барсовском хронографе, однако, мы находим несколько словоформ аориста 2-3 Sg с энклиноменным ударением; подробнее о ситуации в аористе см. ниже § 3.4.3.

5) Среди *ш*-причастий только словоформа N Sg m, n может быть энклиноменом, так как к XVI в. все окончания действительных причастий становятся ударными [Там же: 145, § 2.21 (7)]. В Барсовском хронографе есть несколько словоформ *ш*-причастий NSg m с энклиноменным ударением.

6) *н*-причастия сохраняют энклиноменное ударение только в рукописях восточной зоны [Там же: 344–345, § 3.69]. В Барсовском хронографе представлена всего одна словоформа *н*-причастия N Sg m, сохранившая энклиноменное ударение.

7) Среди *л*-причастий энклиноменное ударение сохраняется в а. п. с глаголов 1-го и 5-го классов только в ареале ближнего Запада, Москвы и в южной половине восточной зоны, а у глаголов а. п. с 3-го и 4-го классов с корнем, оканчивающимся на гласную или сонант (так называемые «тематические глаголы с корнями на нешумную», см. [Дыбо 1981: 203]), —

энклиномены в *л*-причастиях сохраняются всюду, кроме основной части западной зоны, т. е. во всей восточной зоне и в пограничной межзоновой полосе [Зализняк 1985: 327–331, § 3.63; 239, карта 2]. В Барсовском хронографе энклиноменное ударение *л*-причастий представлено достаточно последовательно у тематических глаголов с корнями на нешумную и, как исключение, — в двух словоформах 1-го класса.

8) Словоформы *т*-причастий морфологически возможны только у глаголов 4v, 4h и 5-го классов. К XVI в., вероятно, среди *т*-причастий энклиномены сохранялись там же, где они были представлены в XIV в., однако в некоторых, в том числе ранних, памятниках зафиксированы отклонения в сторону корневого ударения [Зализняк 2010 (1981): 767]. В Барсовском хронографе представлено всего 10 акцентованных *т*-причастий от глаголов а. п. с (все 4h класса), из них два с энклиноменным ударением и пять с оротоническим корневым (прочие формы непоказательны).

Таким образом, в XVI в. глагольные формы а. п. с с энклиноменным ударением с наибольшей вероятностью ожидаются в следующих парадигматических клетках: N Sg *т*,п *ш*- и *щ*-причастий; в *н*- и *л*-причастиях в рукописях восточной зоны, а также в *т*-причастиях.

§ 3.4. Анализ сохранности глагольных энклиноменов в Барсовском хронографе

На этом фоне глагольные словоформы Барсовского хронографа, показывающие энклиноменное ударение, выглядят довольно неожиданно. В Барсовском хронографе представлено всего 33 глагольные словоформы, для которых сохранение статуса энклиномена можно считать подтвержденным, а также 20 не вполне показательных словоформ аориста, начальное ударение которых может объясняться как сохранением статуса энклиномена, так и другими причинами (см. § 1.2 и § 3.4.3 ниже). Вот все эти словоформы.

аорист: *йзнесе*¹³, *йз'сѣче*, *обрѣте*, *пѣжи*[Ⓢ]; а также не вполне показательные *оумре* (12×), *рече* (3×), *срѣте* (5×);

л-part: *было* (4×), *были* (2×), *не было*, *не дали*, *померли*, *не спилъ*, *испилъ*, *не поустилъ*, *оучилъ*, *пучалъ*, *взали* (2×), *взали*, *не взалъ*, *не взали* (2×);

ш-part: *собрѣ*[Ⓢ], *сбравъ*, *пѣживъ* (3×);

н-part: *рѣзван*[Ⓢ] же;

т-part: *прѣклати*, *прѣклѣ*[Ⓢ];

щ-part: *нехота*.

Из всех вышеперечисленных форм только словоформы аориста с энклиноменным ударением не ожидаемы для XVI в.

¹³ Адреса всех глагольных словоформ, упоминаемых в основном тексте статьи, даны в Приложении.

§ 3.4.1. *Л*-причастия

Л-причастия с начальным ударением у глаголов а. п. с 3-го и 4v, h классов для XVI в. вполне законны, более того — в Барсовском хронографе почти все акцентованные *л*-причастия 4v, h классов глаголов а. п. с имеют начальное ударение (*л*-причастия от глаголов а. п. с 3-го класса в Барсовском хронографе не зафиксированы). Вот они все: **БЫЛЪ** (15×), **БЫЛА**, **БЫЛО** (4×), **БЫЛИ** (2×), **НÉ БЫЛО**, **НÉ ДАЛИ**, **ПОМЕРЛИ**, **НÉ СПИЛЪ**, **ЙСПИЛЪ**, **ПОЧАЛЪ**, **НÉ ВЗАЛЪ**, **НÉ ВЗАЛИ** (2×), **ВЗАЛЪ** (7×), **Й ВЗАЛЪ**, **ВЗАЛИ** (2×), **ВЗАЛИ**, **ПРІАЛЪ**. Среди них удивление вызывает только словоформа Sg f *л*-part глагола *быти* (**БЫЛА**), в которой ожидается ударение на окончании, а не на корне. Вероятно, глагол *быти* в Барсовском хронографе перестраивается под а. п. *а*, но, судя по форме **НÉ БЫЛО**, перестройка еще не произошла полностью¹⁴. Формально исключение составляют две словоформы. Во-первых, **ПРІАЛЪ**, возможно, отражающая книжное корневое ударение, характерное для форм от инфинитивной основы приставочных глаголов с корнем *-яти*, сохраняющих *ј* в начале корня (типа *пріяти* в отличие от *пріяти*), — см. [Зализняк 1985: 351, § 3.71]; во-вторых, сочетание **Й ВЗАЛЪ** — без переноса ударения на проклитику, что, впрочем, вполне ожидаемо, поскольку «в XV–XVII вв. (...) оттяжки ударения на союзы уже практически отсутствуют» [Зализняк 2010b: 805].

В противоположность рассмотренным формам *л*-причастий 4v, h классов, показывающих почти стопроцентную сохранность энклиноменов, для глаголов а. п. с 1-го класса энклиномены среди *л*-причастий составляют исключение на фоне господствующего суффиксального ударения. Приведем все *л*-причастия а. п. с 1-го класса Барсовского хронографа: **ПОБѢДИЛЪ** (5×), **ОУМОРІЛЪ**, **ШБНАЖІЛЪ**, **СНОСИЛЪ**, **НÉ ПОУСТИЛЪ**, **СВОБОДИЛЪ**, **ЗАТВОРИЛЪ**, **СОТВОРИЛЪ** (3×), **ОУХВАТИЛЪ**, **ЙСЦѢЛИЛЪ**, **ОУЧИЛЪ**. Таким образом, из 17 словоформ только две формы: **НÉ ПОУСТИЛЪ** и **ОУЧИЛЪ** — имеют начальное ударение.

§ 3.4.2. Прочие причастия прошедшего времени

Хотя энклиноменное ударение в кратких формах *ш*-, *н*- и *т*-причастий 3-го и 4v, h классов допустимо в рукописях XVI в., в Барсовском хронографе представлены лишь следы такого ударения. Приведу список всех словоформ кратких *ш*-, *н*- и *т*-причастий глаголов а. п. с указанных классов Барсовского хронографа, который иллюстрирует, что словоформы с энклиноменным ударением являются исключениями на общем фоне: **ЙЗЪБРАНЪ**, **ЙЗЪБРАВЪ** (3×), **СОБРАВЪ** (7×), **СОБРАВ**, **ПРЕБЫВЪ** (4×), **ПРЕБЫВЪ**, **ПРЕДАВЪ** (2×), **ПРЕДАВШЕ**, **ПРЕДАНЪ**, **ПРИЗВАНЪ**, **ПРИЗВАН**_{NSGF}, **ПРОЗВАНЪ**, **СОЗВАВЪ**, **ПОПРАНЪ**, **ВОСПРІАТЬ**, **ШБЫАТЬ** (2×), **ШБЫАТЬ** (2×), но **СОБРА**, **СОБРАВЪ**, **ПОЖИВЪ** (3×), **РИЗВАН** же, **ПРОКЛАТИ**, **ПРОКЛА**. Непоказательны бесприста-

¹⁴ Других вхождений формы *л*-причастия Sg f от глагола *быти* или его приставочных производных в тексте Барсовского хронографа нет.

вочные формы **бѣвъ** (40×), **дѣвъ** (5×), **вдѣвъ** (3×), **дѣнъ**, **живъ** (11×), **жѣвъ**, **ѣтъ** (4×).

По результатам проведенного анализа можно заметить следующее. Почти полная сохранность энклиноменного ударения в *л*-причастиях и следы энклиноменной акцентовки в прочих причастиях тематических глаголов с корнями на нешумные указывают на восточную или пограничную диалектную зону, почти полное отсутствие энклиноменов в *л*-причастиях 1-го класса — на северную половину этой зоны [Зализняк 1985: 327–331, § 3.63, § 3.64].

Таким образом, в совокупности данные по возможной локализации нашего памятника, полученные при анализе именных и глагольных энклиноменов, указывают на северную часть полосы, пограничной между западной и восточной диалектными зонами.

§ 3.4.3. Замечания о формах аориста

Отдельного внимания заслуживают словоформы аориста. Согласно А. А. Зализняку [1985: 144, § 2.20], в праславянском и в раннедревнерусском все окончания аориста были самоударными («плюсовыми») морфемами, кроме окончания *-e/Ø* (2-3Sg), которое было «минусовым». Следовательно, в раннедревнерусском из словоформ аориста только словоформы 2-3Sg могли быть энклиноменами. После XIV в. окончание 2-3Sg Аор становится «плюсовым» (для нулевого окончания, выступающего после основ на гласную, это означает перемаркировку последнего морфа основы, см. [Там же]), и ударение аориста начинает выравниваться, а к XVI в. в глаголах а. п. *с*, как правило, во всех формах аориста ударение приходится на первую гласную, следующую после корня (если она есть): в 4-м классе — это окончание *-e* и соединительная гласная *-o-* или последняя гласная корня (в подклассах 4v, h), а в других классах — тематическая гласная (в 1-м классе — *и*, во 2-м — *ѣ*, в 3-м — *а*, в 5-м — *у*).

Описанная перестройка ударения развивалась постепенно. Во втором классе ударение падало на тематическую гласную *ѣ* и в раннедревнерусском, т. к. *ѣ* был «плюсовым». Глаголы а. п. *с* всех остальных классов, за исключением 4с и 4h, во всех формах аориста, кроме 2-3Sg, также уже в раннедревнерусском имели ударение на тематической гласной (в классе 4v — на последней гласной корня), а не собственно на «плюсовых» окончаниях, в силу праславянской перемаркировки этих форм по тому же правилу, которое имеет место в инфинитиве (*дѣишя*, *просѣишя* < **dašę*, **prostišę* как *dāmi*, *prostmīmu* < **datī*, **prostitī* — так называемый закон Хирта). К тому же в 3-м и 5-м классах глаголов а. п. *с* почти не было, поэтому практически во всех глаголах этих классов ударение в аористе было колонное — на корень при а. п. *а* или справа от корня, на тематические *а* или *у* — при а. п. *б* или *с*.

Соответственно, следующим шагом стало установление колонного ударения в субпарадигме аориста всех классов с тематической гласной, т. е.

уподобление формы 2-3Sg прочим формам у глаголов старой а. п. с. Наконец последними колонное ударение на посткорневой гласной (окончании 2-3Sg *-e* или соединительном *-o-*) получают глаголы 4-го класса, имевшие ранее в аористе подвижное ударение. Как пишет А. А. Зализняк, «эта перестройка произошла рано: уже в XIV в. от прежней системы сохраняются лишь ничтожные следы» [Зализняк 1985: 144, § 2.20].

Перестройка ударения в аористе от раннедревнерусского к системе XVI в. представлена в Таблице 6.

Таблица 6

Перестройка ударения в аористе

		1Sg Aor	2-3Sg Aor		3Pl Aor	
класс	а. п.	было = стало	было	стало	было	стало
1	a	мúчихъ	мúчи		мúчиша	
	b	любíхъ	любí		любíша	
	c	творíхъ	твори	твори́	твори́ша	
2 ¹⁵	a	вídѣхъ	вídѣ		вídѣша	
	c	кричáхъ	кричá		кричáша	
3	a	плáкахъ	плáка		плáкаша	
	b	писáхъ	писá		писáша	
	c	позьвáхъ	пóзъва	позьвá	позьвáша	
4	a	лѣзохъ	лѣзе		лѣзоша	
	b	могóхъ	може́		могóша	
	c	несóхъ	не́се	несé	несошá	несóша
5	a	вísнухъ	вísну		вísнуша	
	b	косnúхъ	косnú		косnúша	
	c	помяnúхъ	пóмяну	помяnú	помяnúша	

У писца Барсовского хронографа окончание *-e*, судя по всему, еще не стало самоударным, доказательством чему служат словоформы с начальным ударением. Между тем нельзя сказать, что здесь сохраняется древнее ударение, т. к. в Барсовском хронографе словоформы 2-3Sg Aor а. п. с представлены с разнообразным ударением: и с флексийным, и с начальным, и с серединным корневым.

Приведу все акцентуированные неодносложные словоформы 2-3Sg Aor глаголов 4-го класса а. п. с¹⁶. Всего таких форм в Барсовском хроно-

¹⁵ Второй класс не содержит глаголов акцентной парадигмы *b*.

¹⁶ Формы 2-3SgAor на *-тъ* и *-сть* типа *начáтъ*, *прѣбýтъ* здесь не рассматриваются и в подсчеты не включаются — все такие формы (этимологически бывшие

графе — 123. Начальное ударение имеют 24 словоформы¹⁷: **О́брѣте**, **пѣ́жи**, **и́знесе**, **и́з'сѣче**, а также **о́умре** (12×), **рѣче** (3×), **срѣ́те** (5×); срединное корневое — 15: **ѡ́брѣте** (6×), **ѡ́брѣ́те** (2×), **ѡ́брѣ́те** (2×), **приѡ́брѣ́те**, **и́з'сѣче**, **и́з'сѣ́че**, **и́з'сѣ́че**, **посѣ́че**, а флексивное (для форм с нулевой флексией — корневое) — 84: **соблюде́**, **прободѣ́ ма**, **в'веде́**, **приведе́**, **переве́зеса**, **ѡ́блече́**, **ѡ́блече́са** (7×), **поживе́ же** (2×), **и́зомре́**, **о́умре же** (3×), **о́умре́** (8×), **понесе́**, **принесе́** (2×), **впаде́са**, **паде́** (2×), **паде́са** (5×), **спаде́ же**, **и́спи приплете́са**, **при|плете́са**, **рече́са** (2×), **рече́ же** (5×), **рече́ ми**, **рече́** (13×), **наре́чеса**, **наре́че и**, **ѡ́рече́жеса**, **ѡ́брѣ́теса** (4×), **простре́са**, **пресе́чеса**, **о́утече́**, **потра́сеса**, **нача́ же**, **нача́** (9×). Заметим, что в этом перечне половина словоформ с флексивным ударением имеют энклитики.

Кроме этого, в рукописи представлено около 600 словоформ 2-3Sg Aor глаголов 4-го класса а. п. с, в которых ударение не проставлено; приведу некоторые из них: **принесе́** (25×), **паде́** (9×), **нача́** (21×), **вза́** (21×) (ср. **вза́** (8×)). Заметим при этом, что ударение не проставлено лишь в шести словоформах с энклитикой: **ѡ́блече́са** (2×), **наре́чеса** (4×). Таким образом, складывается впечатление, что писец Барсовского хронографа избегает конечного ударения в 2-3Sg Aor у глаголов а. п. с 4-го класса.

Перенос ударения с гласной, завершающей словоформу, на предконечную называется дефинализацией. Возможно, что именно с этим эффектом мы имеем дело в Барсовском хронографе. Как замечает А. А. Зализняк [1985: 182, § 3.9], дефинализация отмечена в основном в рукописях западной зоны.

В Барсовском хронографе корневое ударение в словоформах аориста 2-3Sg глаголов 4-го класса представлено не только в глаголах а. п. с, но и в глаголах а. п. б. Глаголы а. п. б 4-го класса (фактически это только глаголы с корнями *-ид-* и *-мож-*) в словоформе аориста 2-3Sg или представлены без ударения, или имеют корневое ударение, например: **вни́де**, **и́зы́де**, **возмо́же**, **не во́змо́же**, **и́зне|мо́же**, **мо́же**, **помо́же**. Корневое ударение в этих формах подтверждает предположение о возможном действии дефинализации в Барсовском хронографе, однако не исключено, что такое ударение в этих глаголах было повсеместным, ср.: *иде́*, *пріде́*, но чаще *пріде*

энклитоменами) в Барсовском хронографе, как это и обычно в древнерусских памятниках, имеют корневое ударение, свидетельствующее о перемаркировке окончаний по образцу прочих окончаний аориста и установлении колонного ударения по субпарадигме: **нача́хъ**, **нача́тъ**, **нача́хомъ**, **нача́ша** и т. д.

¹⁷ Форма 2-3SgAor **о́успѣ** (267b) от глагола 5-го класса *успнѣти*, образованная по модели 4-го класса, с написанием **ѣ** вместо **е**, для нашего разбора непоказательна, поскольку место ударения, вероятнее всего, объясняется здесь книжным характером формы (см. [Зализняк 1985: 197]). Все прочие глаголы 5-го класса, показывающие в Барсовском хронографе акцентуированные формы 2-3SgAor без суффикса *-ну-* (типа **подви́же са**), относятся к а. п. а и, соответственно, имеют корневое ударение.

(Чуд.); *иде, поиде, прїиде, наиде, взыде*, но также *иде, поиде, прїиде, вниде, изыде* (Ник.); *не може* (Чуд.)¹⁸.

Можно предполагать, что морфологизованная дефинализация¹⁹ распространена и в других глагольных субпарадигмах Барсовского хронографа, так, например, тот же эффект, что и в аористе, по-видимому, показывают и словоформы инфинитива глаголов 4-го класса. Всего инфинитивов 4-го класса а. п. с в Барсовском хронографе представлено 186. В 118 словоформах ударение не проставлено (например, *сожеци* (7×), *оумрѣти* (12×), *реци* (11×), *ѡбрѣсти* (3×), *сѣци* (2×), *посѣци* (3×), *взатиса*). Акцентуированные словоформы, которых насчитывается 68, делятся на две группы: с корневым ударением (60×, например: *пáстиса* (6×), *рáсти*, *посѣци* (3×), *взáти* (5×), *прїáти* (16×)) и с ударением на *-ти* (8×, вот их полный список²⁰: *йзвести ма, погрестиса, кла|тиса, пециса, сплестиса, рециса, ѡбрѣстиса, ѡбрѣ|стиса*). Важно отметить, что все словоформы с ударением на *-ти* — это словоформы глаголов с частицей *са* или другой энклитикой, а следовательно они не являются конечноударными.

Показательно, что всего в Барсовском хронографе форм инфинитива а. п. с 4-го класса с энклитикой — 15, из них, как указано, 8 — с предконечным флексийным ударением, в одной форме ударение не проставлено (*взатиса*), остальные же 6 приходятся на лексему *пáсти* (*пáстиса* (6×))²¹.

Отметим, что близкий к представленному в нашем памятнике «особый тип перестройки ударения инфинитивов — строго по принципу дефинализации» [Зализняк 1985: 354] наблюдается еще в нескольких изученных памятниках XVI в.: псковском — Пск.²², новгородском — Пат.²³ и архангельском — Клон.²⁴ (см. [Зализняк 1985: 352, § 3.71; 2019: 112, карта 18]).

Другие глагольные формы, для которых ожидается ударение на конечной гласной (*ит*-причастия N Sg m, 1 Sg Prae, 2 Sg Imv глаголов а. п. с и b), представлены в Барсовском хронографе преимущественно без ударения, изредка — с закономерным конечным ударением; достоверных случаев дефинализации ударения в этих формах обнаружить не удалось. Отметим,

¹⁸ Примеры из Чудовского Нового Завета и Никоновской летописи взяты из книги «Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь» [Зализняк 2019: 333, 406].

¹⁹ Дефинализация может быть морфологизованной, когда проявляется в конкретных субпарадигмах, или лексикализованной, когда наблюдается у конкретных лексем [Зализняк 1985: 184, § 3.9].

²⁰ Отметим также единичную форму *поврециса* от глагола а. п. а.

²¹ Это инфинитив глагола *пасту* (пасу). Вот все его словоформы, представленные в Барсовском хронографе: *пáстиса* (395b₅, 396b₂, 459b₃, 460b₈, 647b₃, 804b₁₃), *пасоуцихъ* (772a₅).

²² Житие и творения Феодора Студита. Псков, 1590 г. РГБ, ф. 242, № 134.

²³ Скитский патерик. Новгород, 1553 г. ГИМ, Синод. 216.

²⁴ Сборник житий, кон. XVI в. РГБ, ф. 209, № 271.

что в таких же формах от глаголов а. п. *a* знаки ударения проставлены с обычной регулярностью.

В таком же положении находятся и формы 2-3Sg Aor всех глагольных классов, кроме обсуждавшегося выше класса 4. Внимательное рассмотрение словоформ аориста а. п. *b* и *c* других классов показывает следующее: словоформы 2-3Sg либо имеют ударение на последней гласной, либо представлены вовсе без ударения, причем словоформы с непоставленным ударением существенно преобладают. Так, например, форма 2-3Sg Aor от глагола *возложити* (1-й класс) встречается один раз с конечным ударением **возложѣ** и восемь раз — без ударения; форма 2-3Sg Aor от глагола *возлюбити* (1-й класс) ни разу не встретилась с ударением и шесть раз встретилась без ударения (**возлюбѣ**); форма 2-3Sg Aor от глагола *возвратити(ся)* (1-й класс) встречается 28 раз с ударением на *-и-*, но только перед частицей *-ся*: **возвратѣса**, все словоформы без частицы *-ся* представлены только без ударения (**возврати**); форма 2-3Sg Aor от глагола *явити(ся)* (1-й класс) представлена 44 раза с ударением на тематической *-и-*, и всё это словоформы с частицей *-ся* (**явѣса**), кроме этого, шесть раз представлена словоформа **объавѣ** без поставленного ударения; форма 2-3Sg Aor от глагола *повелѣти* (2-й класс) представлена в Барсовском хронографе 169 раз, из них шесть раз с конечным ударением (**повелѣ** (6×)) и 163 раза — без ударения; форма 2-3Sg Aor от глагола *написати* (3-й класс) встречается два раза с конечным ударением (**написѣ**), один раз — с ударением на *-а-* перед энклитикой (**написѣ же**) и 19 раз — без ударения (**написа**); форма 2-3Sg Aor от глагола *показати(ся)* (3-й класс) встречается 5 раз с ударением на *-а-*, но только перед частицей *-ся*: **показѣса**, все словоформы без частицы *-ся* представлены только без ударения (**показа**); форма Aor 2-3Sg от глагола *даровати(ся)* (6-й класс) встречается один раз с ударением **дароваѣса** перед частицей *-ся* и шесть раз — без ударения: **дарова**; форма 2-3Sg Aor от глагола *разумѣти* (7-й класс) встречается один раз с флексийным ударением **разумѣ же** и семь раз — без ударения и т. д. Можно предположить, что писец не хотел ставить ударение на конечную гласную и оставлял словоформу без ударения.

Наконец, возвращаясь к рассмотрению форм аориста глаголов 4-го класса, показывающих следы энклитического ударения, можно заметить следующее: фиксируемое в рукописи флексийное ударение словоформ 2-3Sg Aor от глаголов а. п. *c* с энклитикой (типа **прободѣ ма, наречѣса**) нельзя уверенно определить как переход к новому состоянию. В праславянском эти словоформы имели ударение на энклитику, т. е. энклитики, в частности *же, мя* и *ся*, были самоударными («плюсовыми»), однако уже тогда ударение с энклитик могло перемещаться на предконечный слог. Таким образом, картина, наблюдаемая в Барсовском хронографе, может свидетельствовать как о новом флексийном ударении аориста, подвергавшемся дефинализации в словоформах без энклитики, так и о сохранении (по крайней мере, для форм с энклитиками) древнего состояния.

Подведем некоторые итоги. Всего в Барсовском хронографе в аористе 2-3Sg глаголов 4-го класса насчитывается 24 словоформы с начальным ударением, из которых 4 (О́брѣте, по́жи, ѿнесе, ѿзсѣче) представляют свидетельства сохранения статуса энклиноменов, а прочие 20 (оўмре (12×), рече (3×) и срѣте (5×)) могут отражать как сохранение старой энклиномичности, так и дефинализацию; 57 словоформ — с заведомо новым ударением: это и словоформы с конечным ударением типа соблюде̑ (42), и словоформы с корневым ударением типа посьче (15); наконец — 42 словоформ с флексийным ударением перед энклитикой, про ударение которых нельзя сказать уверенно, новшество это или сохранение старого.

Таким образом, в Барсовском хронографе в целом наблюдается весьма нетривиальная картина акцентуации 2-3Sg аориста: здесь представлены и четыре формы с архаичным ударением, и сдвиги ударения внутри словоформы в зависимости от наличия/отсутствия энклитики, при этом обращает на себя внимание чрезвычайно низкий процент акцентуированных форм 2-3Sg Aor глаголов а. п. *b* и *c* во всех глагольных классах. Интересно отметить и еще одну особенность в субпарадигме аориста 4-го класса: все словоформы с соединительной гласной *-o-* потеряли различие акцентных парадигм и акцентуируются на этой соединительной гласной. Ср., например: ѿверго́ша а. п. *a*, возмо́гоша а. п. *b*, ѿведе́оша а. п. *c*.

4. Заключение

Подводя итоги рассмотрения энклиноменов Барсовского хронографа, следует выделить три обстоятельства.

Во-первых, как это и характерно для памятников XVI в., феномен энклиномии весьма широко представлен в существительных — ударение на первом слоге тактовой группы, этимологически соответствующее «фонологической безударности», сохраняется у всех субстантивных словоформ-энклиноменов, практически в максимально возможном для древнерусских систем объеме. В то же время в глаголе во многом уже прошли процессы унификации ударения в отдельных субпарадигмах и категориальных группах субпарадигм; в количественном отношении старое ударение удерживается лишь приблизительно в 20 % акцентуированных глагольных словоформ — наследников старых энклиноменов.

Однако — что представляется вторым важным выводом проведенного исследования, — несмотря на малочисленность и относительную редкость глагольных энклиноменов, их состав не вполне обычен и побуждает к дальнейшему пристальному рассмотрению системы глагольной акцентуации изучаемого памятника. Дело в том, что следы энклиноменного ударения представлены в Барсовском хронографе в формах аориста, что само по себе неожиданно даже для значительно более ранних памятников. Полноценная интерпретация этого феномена в свете данных как рассматриваемо-

го памятника, так и других, в разных отношениях сходных с ним, древнерусских акцентных микросистем предстоит на следующем этапе работы. В настоящий момент можно, с моей точки зрения, достаточно уверенно утверждать, что эти формы не случайны, а являются свидетельством некоторой нетривиальной акцентной эволюции, ставшей, по-видимому, результатом своеобразного взаимопереплетения и дальнейшего переосмысления нескольких разных линий акцентного поведения глагольных словоформ и тактовых групп: древней энклиномии, морфологизованной дефинализации ударения, модификаций акцента при взаимодействии с клитиками и, возможно, ряда других. В рамках этой же эволюции следует, как представляется, рассматривать и тенденцию к так называемой «категоризации ударения» (т. е. неразличению акцентных классов лексем, см. [Дыбо 2000: 7–10]) в субпарадигме аориста в целом, и, возможно, распространение такой же тенденции на формы инфинитива, по крайней мере для некоторых морфологических классов (ср., в частности, акцентное поведение в аористе и других формах системы инфинитива глаголов (об)°рѣсти и °врѣци, имеющих исторически самоударные корни и сохраняющие в Барсовском хронографе соответствующую этимологии а. п. *a* в формах презенса).

Наконец, в-третьих, рассмотрение энклиноменов дает весьма ценную информацию о локализации Барсовского хронографа. Субстантивные словоформы-энклиномены в целом говорят о западной локализации (показателем западной зоны служит начальное ударение в формах NA Pl *n* *o*-скл. и L Sg *i*-скл.). При этом начальное ударение в форме L Pl *o*-скл. подтверждает то, что рукопись написана не москвичом. Колеблущееся ударение в форме D Pl *o*-скл. указывает на пограничную зону между западной и восточной, а наличие колебаний также в форме D Pl **людемъ** — на северную половину этой зоны. Акцентовка глаголов Барсовского хронографа, с одной стороны, обнаруживает черты западной зоны — морфологизованную дефинализацию, а с другой стороны, характер энклиноменного ударения в *л*-причастиях говорит о северо-восточной или пограничной локализации.

Таким образом, наиболее вероятной оказывается локализация диалекта писца Барсовского хронографа на ближнем северо-западе, заведомо севернее предлагаемой А. А. Зализняком локализации Егоровского хронографа, первой части двухтомного Егоровско-Барсовского хронографа [Зализняк 2019: 80–81, 87–88]. При этом, исходя из внелингвистических соображений, можно думать, что писалась наша рукопись, как и Егоровский хронограф, в Москве.

Следует отметить, что именно поведение этимологических энклиноменов позволяет указать наиболее конкретную область возможной локализации памятника — поскольку значимых свидетельств тех или иных фонетических или морфологических диалектных особенностей в изучаемом тексте, по всей видимости, нет, а ряд собственно акцентологических диалектизмов, не связанных с ударением энклиноменов, не дает столь точных рамок локализации.

Приложение

В приложении в алфавитном порядке корней перечислены глагольные словоформы, упоминаемые в статье, с адресами всех их вхождений.

СОБЛЮДѢ (1317_{а7}), **ПРОБЮДѢ МА** (1070_{а11}), **ИЗ'БРАНЪ** (654_{б6}), **ИЗ'БРАВЪ** (201_{а7}, 625_{б7}, 1089_{б9}), **СОБРА** (865_{б13}), **СОБРАВЪ** (258_{а8}, 419_{а1}, 450_{а6}, 467_{б13}, 511_{а4}, 987_{а6}, 1305_{а7}), **СОБРАВЪ** (1045_{б4}), **СОБРАВ** (444_{а2}), **БЫВЪ** (260_{б10}, 312_{б6}, 338_{а3}, 433_{б2}, 436_{а8}, 451_{б10}, 592_{а12}, 605_{а1}, 617_{а4}, 617_{а8}, 617_{а16}, 706_{а5}, 737_{б2}, 737_{б5}, 745_{б10}, 748_{б4}, 753_{а2}, 804_{а12}, 812_{а4}, 813_{а11}, 824_{б8}, 837_{а7}, 839_{а7}, 841_{а7}, 844_{а3}, 864_{а9}, 950_{б3}, 951_{а4}, 971_{б14}, 993_{б10}, 1015_{а11}, 1035_{б3}, 1040_{а5}, 1062_{б4}, 1082_{а1}, 1084_{б8}, 1088_{а4}, 1095_{а1}, 1224_{б10}, 1274_{б15}), **ПОБЪДИЛЪ** (328_{а7-8}, 328_{а8-9}), **ПОБЪДИЛЪ** (691_{а2}, 694_{а7}, 708_{а5}), **БЫЛЪ** (697_{а3}, 699_{а10}, 699_{б4}, 700_{а8}, 794_{а3}, 807_{а13}, 1020_{а11}, 1020_{б8}, 1201_{а10}, 1206_{а11}, 1245_{а13}, 1261_{б7}, 1280_{а5}, 1302_{б9}, 1307_{б4}), **БЫЛА** (1044_{а2}), **БЫЛО** (1025_{б15}, 1186_{а9}, 1215_{б8}, 1290_{б3}), **БЫЛИ** (1285_{б8}, 1308_{б2}), **НѢ БЫЛО** (1246_{а11}), **ПРЕБЫВЪ** (287_{а5}, 564_{а1}, 737_{б4}, 772_{б4}), **ПРЕБЫВЪ** (240_{б6-7}), **В'ВЕДѢ** (806_{а10}), **ПРИВЕДѢ** (525_{а2}), **ПЕРЕВЕЗѢСА** (1205_{а6}), **ПОВЕЛѢ** (198_{а7}, 209_{б5}, 210_{а2}, 215_{а9}, 216_{б7}, 217_{а8}, 218_{а5}, 219_{а10}, 229_{б3}, 230_{а3}, 230_{а5}, 230_{а9}, 242_{б3}, 250_{а4}, 256_{б2}, 261_{а8}, 274_{б3}, 287_{а3}, 287_{б1}, 288_{а9}, 290_{б2}, 296_{б2}, 310_{а1}, 319_{б4}, 320_{а2}, 320_{б4}, 320_{б7}, 320_{б9}, 321_{а10}, 323_{б2}, 326_{б10}, 326_{б11}, 327_{а3}, 329_{б4}, 332_{б2}, 335_{а8}, 336_{б1}, 337_{б10}, 338_{а7}, 339_{а4}, 339_{б6}, 342_{а8}, 342_{б2}, 343_{б5}, 344_{б5}, 355_{а3}, 355_{а6}, 359_{а5}, 365_{б6}, 367_{а3}, 367_{а7}, 372_{а3}, 372_{а3}, 372_{б10}, 373_{а3}, 407_{а7}, 407_{б6}, 418_{а3}, 422_{б3}, 448_{а6}, 458_{б9}, 469_{а3}, 469_{б1}, 474_{а1}, 474_{а5}, 478_{б7}, 481_{б1}, 487_{б1}, 501_{б15}, 504_{б7}, 506_{б9}, 508_{б1}, 511_{а7}, 511_{б1}, 521_{а1}, 541_{а4}, 573_{б4}, 587_{б2}, 635_{б3}, 636_{б3}, 639_{а7}, 644_{а6}, 649_{а1}, 649_{б7}, 677_{а3}, 682_{б7}, 691_{б6}, 699_{б10}, 718_{б7}, 728_{а14}, 745_{а2}, 745_{а6}, 747_{а9}, 747_{а15}, 747_{б2}, 767_{а2}, 767_{а6}, 775_{б10}, 807_{а7}, 807_{б4}, 833_{б1}, 887_{б7}, 812_{б1}, 817_{б13}, 835_{а2}, 839_{а8}, 839_{б5}, 839_{б10}, 846_{а8}, 846_{б1}, 854_{б2}, 856_{а1}, 856_{б1}, 878_{б2}, 857_{б5}, 881_{а2}, 881_{б4}, 881_{б6}, 882_{а10}, 882_{б6}, 884_{а9}, 884_{а12}, 884_{б3}, 905_{а13}, 905_{б14}, 906_{а2}, 923_{б5}, 924_{а7}, 943_{б14}, 945_{б4}, 946_{а8}, 948_{б6}, 950_{а1}, 950_{а10}, 950_{б6}, 951_{а5}, 952_{а9}, 988_{а15}, 1036_{а9}, 1043_{а13}, 1049_{б6}, 1049_{б11}, 1053_{б3}, 1058_{б3}, 1078_{б4}, 1079_{б4}, 1083_{б6}, 1083_{б9}, 1087_{а9}, 1090_{а6}, 1092_{б7}, 1121_{а13}, 1123_{а7}, 1130_{б14}, 1203_{б8}, 1214_{б2}, 1215_{а13}, 1235_{б12}, 1236_{а2}, 1236_{б11}, 1269_{б1}, 1269_{б7}), **ПОВЕЛѢ** (283_{а2}), **ПОВЕЛѢ** (228_{а5}, 448_{а10}, 478_{б3}, 829_{а2}, 1052_{б8}, 1209_{а3}), **ИЗВЕСТИ МА** (556_{б7}), **ШБЛЕЧѢ** (520_{а6}), **ШБЛЕЧЕСА** (251_{а6}, 509_{а5}, 644_{а9}, 712_{б1}, 1221_{б4}, 1223_{а10}), **ШБЛЕЧЕ|СА** (688_{а7-8}), **ШБЛЕЧЕСА** (509_{а9-10}, 645_{а2}), **ШБЛЕЧЕ** (200_{а6}, 571_{б7}, 615_{а2}, 778_{б14}, 1079_{б1}), **ВОЗ'ВРАТИСА** (579_{а1}, 709_{а9}, 723_{а5}, 727_{а10}, 806_{б2}, 885_{а1}, 893_{а5}, 893_{б1}, 906_{б10}, 972_{а10}, 1062_{а6}, 1240_{б7}), **ВОЗ'ВРАТИСА** (534_{а5-6}), **ВОЗВРТИСА** (1241_{а10-11}), **ВОЗ-ВРАТИСА** (471_{а2-3}), **ВОЗ'ВРАТИСА** (839_{б14-15}, 841_{а1-2}), **ВОЗВРАТИСА** (215_{а8}, 609_{б5}, 888_{б5}), **ВОВРАТИСА** (1118_{б3}), **ВОЗ'ВРАТИСА** (878_{а6-7}, 1041_{б16} — 1042_{а1}, 1226_{б10-11}), **ВОЗ'ВРАТИСА** (884_{а15-16}, 1302₁₂₋₁₃), **ВОЗ'ВРАТИ|СА** (1059_{б3-4}, 1257_{б5-6}), **ВОЗВРАТИ** (471_{а10}, 540_{б1}, 594_{б8}, 840_{б14}), **ПОГРЕСТИСА** (1062_{б5}), **НѢ ДЛИ** (1213_{б8-9}), **ДАВЪ** (256_{а2}, 355_{б10}, 841_{б4}, 1069_{б4}, 1265_{а9}), **ДАНЪ БЫСТЬ** (299_{б4}), **ВДАВЪ** (930_{б5}, 956_{а15}, 1205_{б9}), **ПРЕДАВЪ** (891_{б8}, 1028_{а7}), **ПРЕДАВШЕ** (1108_{б2}), **ПРЕДАНЪ** (650_{б9}), **ДАРОВА** (216_{а9}, 359_{б8}, 401_{а1}, 706_{б10}, 1059_{а9}),

дарова́|са (1028b₃₋₄), сожеци (321a₂, 326b₁₁, 639b₄, 722b₁, 747a₁₃, 747b₃, 882b), жи́вь (255b₃, 293b₁₀, 328a₁₁, 342a₆, 406a₁₀, 435a₆, 650b₈, 857b₈, 1200a₈, 1225b₂), жи́вь боуде́тъ (237a₅), жы́вь (386a₁₂), поживь (491b₄, 1069a₁₄, 1078b₁₁), по́жи^ѣ (1073'a₁), поживе́ же (550a₁, 1273b₄), призва́нь (976b₆), ^при́зван'же (1048'a₁), при́званá (385b₂), прозва́нь (1030a₁₃), созва́вь (1089b₇), вни́де (307a₅, 509b₁, 520a₃, 543b₆, 706b₆, 774b₅, 789a₁₀, 790b₉, 871a₇, 901a₉, 1058b₃), вни́де (614b₆₋₇), йзы́де (201b₁, 232a₈, 250a₁, 288a₁₂, 398b₅, 459b₄, 497a₂, 553a₆, 572a₅, 630b₆, 647b₅, 652b₆, 716a₉, 737b₉, 805b₁, 828b₁, 843b₁₅, 959a₃, 1077b₅, 1087a₆, 1129a₇, 1266b₅, 1274a₄), йзы́|де (619b₁₀₋₁₁), йзы́де (201a₉₋₁₀, 218b₁₁₋₁₂), пока́за (209a₄, 402a₃, 634b₁₅, 641b₁₂, 776a₂, 776a₈, 802a₇, 1002a₁₀, 1002b₁₂, 1002'b₃, 1029b₁₂, 1034a₁₄), пока́за́са (642a₅, 892b₂, 895a₅₋₆, 976b₈, 994b₁₆), пока́за́ (371a₁₅, 546a₁), кла́тиса_{Inf} (296b₂₋₃), проклати (641a₇), про́кля (425a₈), возложи (221b₁₀, 224a₃, 808a₁, 929a₄, 936a₁, 937a₈, 961b₅, 994b₁₅, 1221a₁₀), возложи́ (520a₇, 911a₁₀), возлю́би (198b₅, 220b₃, 484a₂, 794b₃, 926b₃, 948a₄₋₅), не | возмо́же (991b₇₋₈), возмо́же (420a₄, 990a₇, 1070'a₂), во́мо|же (674a₇₋₈), воз'мо́же (748a₁₀–748b₁), нево́зможе (367a₄₋₅, 510b₂₋₃), йзне|мо́же (423b₄₋₅), мо́же (775b₄), помо́же (961b₂, 1096b₃, 1308b₁₁), по|мо́же (1062'b₂₋₃, 1063'a₁₋₂, 1288a₅₋₆), оу́морилъ (749a₁₂), йзомре́ (1241a₄), по́мерли (1259b₄), оу́мерети (340a₃, 354b₆, 435a₅, 477a₃, 857b₁₋₂, 886a₅, 1113b₇, 1118b₈₋₉, 1125b₇, 1222a₉, 1229b₄, 1233b₂), оу́мре́ же (385a₆, 1273a₈, 1223b₆), оу́мре́ (420b₃, 522b₇, 816a₄, 816b₆, 877a₇, 1198a₁₅, 1236b₁₃), оу́|мре́ (1206a₁₄₋₁₅), оу́мре (631b₁₀, 650b₆, 817a₂, 817a₆, 848a₆, 857b₆, 858a₉, 858b₅, 862a₂, 1063a₁₁, 1210b₆, 1222a₇), ѡ́бнажи́ль (835a₄), йзнесе (405a₃), понесе́ (765a₈), принесе (217b₃₋₄, 218a₇, 223a₄, 263b₁, 264a₅, 332b₂, 418b₄, 621b₁₂, 728a₁₃₋₁₄, 740b₁₋₂, 741a₉, 899a₁, 1060a₇, 1060b₈, 1064a₁, 1069b₉, 1086a₂, 1086b₁, 1086b₉, 1092a₃, 1092b₃, 1115b₆, 1195a₁₂₋₁₃, 1239b₆₋₇, 1295b₃), принесе́ (741a₇, 292a₁₀), сноси́ль (1296b₇), паде́ (1247b₁₄, 1259b₁), паде́са (440b₅, 441b₃, 465b₈, 591a₆, 1121b₅), впаде́са (211b₅), спаде́ же (803b₁), паде́ (347a₅, 347a₈, 418a₇, 428b₃, 646a₇, 1078a₅, 1101a₁₆, 1205b₆, 1259a₁₆), па́стиса (395b₅, 396b₂, 459b₃, 460b₈, 647b₃, 804b₁₃), пасоу́цихъ (772a₅), пе́щиса_{Inf} (484a₅), не́^ѣспилъ (1294a₁₆), йспилъ (515b₈), йспи́ (474b₅), написа (264b₁, 404a₁₅, 425b₁, 455a_{16-455b}, 455b₄, 540b₄, 617a₁₆, 679a₁₀, 678b₈, 680b₁₅, 684a₉, 697b₄, 697a₉, 697b₁₀, 702a₅, 727b₁₃, 759b₂₋₃, 1036b₉, 1239b₂), написа́ (506a₁, 679b₈), написа́же (332a₁), приплетёса (1001a₈), при|плетёса (1001b₆₋₇), сплестиса_I (1130b₆), попра́нь (1315b₁₅) не́ поустилъ (1257b₄), ра́сти (1318b₁₂), реши (234b₉, 771b₈, 779b₅, 837a₁₀, 857b₂₋₃, 907a₄, 971a₁₂, 995b₅, 1029a₁, 1064a₁₃, 1100a₄), ѡ́рече́жеса (1272a₁₁), рече́ (542b₆, 570b₆, 622a₁₄), рече́са (862b₄, 874a₇), рече́ же (274b₄, 371a₁₄, 382a₅, 1233b₂), рече́ ми (768b₁), рече́ (886b₂, 1088a₉), рече́ (235b₄, 296a₄, 520b₄, 548a₅, 632b₁, 693b₆, 719a₁₄, 765a₁₃, 900b₂, 1026b₇, 1233a₁₆, 1293b₁₅, 1294a₈), наре́чеса (1226b₁₀), наре́чеса (776a₉, 577a₆, 577b₅, 617b₈₋₉, 901a₇), наре́че (263a₃, 273b₉, 292a₁₁, 388b₇, 583b₇, 635b₇, 717a₇, 799a₁₀, 800a₈, 874a₇, 1059b₂, 1128a₁₂), ре́щиса_{Inf} (501b₅), ѡ́брѣ́те (288b₃), ѡ́брѣ́те (272a₅, 449b₂, 1079a₆, 1115a₅, 1115b₅, 1269b₅), ѡ́брѣ́|те (710a₆₋₇,

1262b₁₆–1263a₁), ѡ|брѣте (232a₃₋₄, 304b₂₋₃), ѡбрѣтеса (723a₁₆, 834a₄, 1031b₆, 1218b₁₄), ѡбрѣсти (358b₁₀, 842a₁₆–842b₁, 1027b₁₀₋₁₁), ѡ|брѣстиса_{Inf} (1314a₁₀₋₁₁), ѡбрѣ|стиса_{Inf} (346b₇₋₈), срѣте (1041' b₄, 1191a₉, 1194a₆, 1248b₁₆–1249a₁, 1256b₁₄), приѡ|брѣте (1073' a₁₄₋₁₅), свобо|диль (694a₈₋₉), простреса (489a₆), стѣци (884a₁₂, 1199b₂), пресѣнеса (1081b₂), ѡз'сѣне (251b₃); ѡз'сѣне (691b₁), ѡз'сѣне (1122a₅), ѡз'сѣ|не (1255a₁₂₋₁₃), посѣне (602b₄), посѣци (256b₅, 367a₃, 481a₄), посѣци (474a₂, 474a₅, 514a₅), затвориль есть (467a₈), сотвориль (368a₁₀, 371b₉, 806b₅), оутече (1213a₇), потрасеса (1099b₁₃), разоумѣ (358b₁, 365a₆, 449a₆, 649b₁, 664b₅, 745a₁, 774a₈), разоумѣ (774b₂), оухватиль (386a₈), нѣхота (689a₇), ѡсцѣлиль (371b₁), оучиль (790b₂), нача (449b₆, 718b₁₁, 809a₄, 809b₉, 810a₂, 847a₄, 871a₁, 872a₂, 879b₂, 897a₃, 920b₄, 938b₇, 957b₆, 966a₁₁, 1020b₃, 1041b₆, 1066a₅, 1123a₄, 1236b₉, 1275a₁₂, 1293b₅), нача же (580b₁), нача (1052b₅, 1210b₁₋₂, 1212b₄, 1212b₈, 1230a₅, 1242a₁, 1287b₁₂, 1294b₁₃, 1309b₁₅, 1310b₁₋₂), поучаль (1293a₃), ѡбъави (262b₆, 287b₈), ѡбъави (702a₈, 902a₆, 1051' a₃, 1053a₇₋₈), ѡвѣса (209a₃, 209b₂, 315b₈ 322b₄, 347a₁, 448b₁₀, 463a₂, 446a₆, 480b₂, 506b₃, 506b₁₁, 507b₈, 508a₉, 542b₅, 543a₂, 546b₂, 704b₆, 731a₅, 761b₈, 769a₈, 823a₂₋₃, 825b₇, 828b₅, 867a₁₄₋₁₅, 869a₅, 977b₆, 989a₃₋₄, 1065b₁₁, 1066' a₁₀, 1046' a₇, 1050' b₇, 1051a₇, 1065' b₁, 1068a₆, 1071b₂, 1092b₅, 1208b₁₂, 1209a₁, 1251a₂, 1279b₄), ѡвѣ (449a₉), ѡвѣса (257a₅, 416b₅, 417a₃) вѣати (776a₁), вѣатиса (1300a₁₀), вѣати (548a₅, 550b₅, 813a₁₆, 885b₈, 1122a₇), вѣа (280b₄, 408a₇, 897b₇, 939b₂, 961b₃, 987b₅, 1026b₁₃, 1107b₇, 1111b₄, 1119b₃, 1127b₃, 1183a₅, 1185a₂, 1191b₅, 1121b₁, 1210a₁₄, 1214b₂, 1239a, 1252b₂, 1256a₁₃, 1266a₁), вѣа (913b₃, 1196a₇, 1212a₆, 1238b₈, 1245a₈, 1245b₂, 1255a₁₀, 1299b₁), нѣ вѣаль (1292b₂), нѣ вѣали (1070' a₂, 1193b₃), вѣаль (963a₈, 1214a₁₆, 1217b₉, 1281b₁, 1286b₁₀ 1293b₁₂, 1303b₅), ѡ вѣаль (1281a₁₆), вѣали (1037' a₁, 1136b₁₄), вѣа|ли (1200a₄₋₅), воспрѣатъ (977b₁₄), ѡбъвѣатъ (242a₂, 664b₆), ѡбъвѣатъ (241b₆, 435a₄), прѣати (222a₉, 258a₇, 305b₁₂, 361a₁₃, 575a₈, 689a₃, 724b₈, 799a₈, 814' b₈, 823b₅, 1000b₆, 1005b₁₅, 1217a₅, 1233a₅, 1273b₁₀, 1276b₇), прѣаль (794a₈), ѡтъ (650b₃, 652a₁₁, 1060b' 7, 1061a' 3).

Источники

Барсовский хронограф — Хронограф, конец XVI в. (ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 1695), бумага, 1°, 1368 л.

Литература

Булатова 1989 — Р. В. Булатова. Акцентуация непроезводных существительных ѡ-основ мужского рода в старосербском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М.: Наука, 1989. С. 201–224.

Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология. М.: Наука, 1981.

Дыбо 2000 — В. А. Дыбо. Морфологизованные парадигматические акцентные системы. М.: Языки русской культуры, 2000.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Зализняк 2002 (1967) — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение // А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 1–367.

Зализняк 2010 (1981) — А. А. Зализняк. Глагольная акцентуация в «Космографии» Мартина Бельского // А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 709–796.

Зализняк 2010 (1978) — А. А. Зализняк. Противопоставление букв *o* и *ω* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 560–588.

Зализняк 2010a — А. А. Зализняк. Акцентуация существительных в «Космографии» Мартина Бельского // А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 797–803.

Зализняк 2010b — А. А. Зализняк. Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 804–816.

Зализняк 2019 — А. А. Зализняк. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Николаев 2014 — С. Л. Николаев. История штокавской акцентуации *i*-глаголов в свете данных старосербской рукописи XV в. «Апостол» (НБКМ № 889) // IWoBA VIII. Реферати VIII међународног скупа о балтословенској акцентологији. Нови Сад: Филозофски факултет у Новом Саду, 2014. (Славистички зборник. Нова серија. Књ. I.) С. 269–283.

Поливанова, Анастасия К. 2018 — Анастасия К. Поливанова. Акцентуация *i*-глаголов в хронографе XVI в. из собрания Е. В. Барсова // Slověne = Словѣне. 2018. Vol. 7, № 2. С. 47–61.

Поливанова, Анастасия К. 2020 — Анастасия К. Поливанова. Писцы и филигрانی Егоровско-Барсовского хронографа конца XVI в. // Славянский альманах. 2020. Вып. 3–4. М.: Индрик, 2020. С. 150–175.

Поливанова, Анна К. 2013 — Анна К. Поливанова. Старославянский язык: Грамматика. Словари. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013.

Статья получена 01.04.20

Anastasia K. Polivanova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

nastiapo@yandex.ru

ENCLINOMENA IN THE BARSOV CHRONOGRAPH

The article studies accentuation in a late 16th century manuscript, the Barsov Chronograph (State Historical Museum, Bars., № 1695). The author focuses on nominal and verbal word

forms that can be traced back to early Old Russian unaccented word forms known as enclinema. Other word forms with enclinal accentuation are also included in the study.

In the introduction, the author gives a general description of the manuscript and introduces the relevant terms, giving special attention to the concept of etymological enclinema. The introduction is followed by a series of case studies of verbal and nominal enclinema from the Barsov Chronograph. Each case study compares the way a word form was accented according to the early Old Russian accentuation system to its accentuation in the studied manuscript. Special attention is given to the accentuation of verbs in the aorist and the conclusions that can be drawn from retention or loss of enclinal accent. Concurrently, the author registers dialectal variants found in the manuscript which are relevant to its geographical attribution.

One of the main findings is that accentuation in the Barsov Chronograph conforms to other 16th century manuscripts, demonstrating high frequency of nominal enclinema and low frequency of verbal ones. In declension, old enclinal accents are almost universally retained. In conjugation, where accent has undergone levelling within subparadigms, the old enclinal accent is retained in no more than 20% of the verbal etymological enclinema. However, in spite of the low count and relative rarity of such enclinema in the Barsov Chronograph, they do not fully conform to the usual list of verbal enclinema found in other 16th century manuscripts, and invite further study. For example, the fact that verbs in the Barsov Chronograph demonstrate traces of enclinal accentuation in the aorist is a highly unusual archaic feature, rarely seen even in much earlier manuscripts.

Lastly, the study of enclinema has helped to define the geographic origins of the manuscript. The scribe of the Barsov Chronograph probably was a native of the near North-West, possibly Novgorod or its vicinity. It is to be noted that unlike other, more general dialectal features, the status of etymological enclinema points to a more precise geographical area.

Keywords: Old Russian, accentuation, enclinema, Barsov Chronograph

References

Bulatova, R. V. (1989). Aktsentuatsiia neproizvodnykh sushchestvitel'nykh *ǰ*-osnov muzhskogo roda v staroserbskom. In R. V. Bulatova, & A. V. Dybo (Eds.), *Istoricheskaia aktsentologija i sravnitel'no-istoricheskii metod* (pp. 201–224). Moscow: Nauka.

Dybo, V. A. (1981). *Slavianskaia aktsentologija*. Moscow: Nauka.

Dybo, V. A. (2000). *Morfologizovannye paradigmaticheskie aktsentnye sistemy*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Nikolaev, S. L. (2014). Istoriia shtokavskoi aktsentuatsii *i*-glagolov v svete dannykh staroserbskoi rukopisi XV v. «Apostol» (NBKM № 889). In R. Marojević (Ed.), *IWoBA VIII. Referati VIII medjunarodnog skupa o baltoslovenskoj aktsentologiji* (pp. 269–283). Novi Sad: Filozofski fakultet u Novom Sadu.

Polivanova, Anastasiya K. (2018). Aktsentuatsiia *i*-glagolov v khronografe XVI v. iz sobraniia E. V. Barsova. *Slověne*, 7(2), 47–61.

Polivanova, Anastasiya K. (2020). Pistry i filigrani Egorovsko-Barsovskogo khronografa kontsa XVI v. *Slavianskii al'manakh*, 3–4, 150–175.

Polivanova, Anna K. (2013). *Staroslavianskii yazyk: Grammatika. Sloviri*. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo.

Zaliznyak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (2002). *Russkoe imennoe slovoizmenenie s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, A. A. (2010). *Trudy po aktsentologii* (Vol. 1). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Zaliznyak, A. A. (2019). *Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniia i slovar'*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Received on April 1, 2020

Адреса университетов и институтов
Addresses of universities and institutes

Гейдельбергский университет
Грабенгассе, 1, 69117 Гейдельберг, Германия
Heidelberg University
Grabengasse 1, 69117 Heidelberg, Germany

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Институт славяноведения РАН
Москва, 119991, Ленинский проспект 32-А
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia

Институт языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский переулок 1/12
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/12 Bolshoy Kislovskiy Lane, Moscow 125009, Russia

Монреальский университет
2900, бул. Эдуарда Монпети, Монреаль (Квебек) Н3Т 1J4, Канада
Université de Montréal
2900, boul. Édouard-Montpetit, Montréal (Québec) Н3Т 1J4, Canada

Московский педагогический государственный университет
119991, Москва, улица Малая Пироговская, 1/1
Moscow State University of Education
1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russia

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Пермь, ул. Букирева, 15
Perm State University
15 Bukirev str., Perm 614068, Russia

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48
Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Emb., 191186 St. Petersburg, Russia

Университет Венеции Ка' Фоскари
Дорсодуро 3246, 30123 Венеция, Италия
Ca' Foscari University of Venice
Dorsoduro 3246, 30123 Venice, Italy

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51
Ural Federal University
51 Lenin ave., Ekaterinburg, 620000, Russia

Школа № 1514 г. Москвы
119311, Москва, ул. Крупской, 12
School 1514, Moscow
12 Krupskoy str., Moscow 119311, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры оттисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Научный журнал

Русский язык в научном освещении

№ 1. 2021

Основан в январе 2001 года

Выходит два раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».
Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail: russyaz@yandex.ru

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редактор номера *Е. И. Державина*

Корректор *М. Л. Максимова*

Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 07.07.2021. Формат 70×100 ¹/₁₆

Бумага офсетная № 1, печать офсетная

Усл. п. л. 25,5. Заказ №2517

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82